

Дж. Р. Р. Толкин

ДВЕ КРЕПОСТИ

Вторая часть
«Властелина Колец»

Иллюстрации Дениса Гордеева

Две крепости
Джон Роналд Руэл Толкин

Аннотация
Джон Толкин. Властелин Колец. Вторая часть.
Две крепости
Книга III
  Глава I. Смерть Боромира
  Глава II. Всадники Рохана
  Глава III. Урук-Хайи
  Глава IV. Фангорн
  Глава V. Белый всадник
  Глава VI. Теоден
  Глава VII. Хельмова падь
  Глава VIII. На Изенгард
  Глава IX. На руинах
  Глава X. ГОЛОС САРУМАНА
  Глава XI. Палантир
Книга IV
  Глава I. Укрощение Смеагорла
  Глава II. ЧЕРЕЗ БОЛОТА
  Глава III. Закрытые ворота
  Глава IV. О ТРАВАХ И КРОЛИКАХ
  Глава V. ОКНО ЗАКАТА
  Глава VI. Заповедное озеро

Глава VII. Перекресток
Глава VIII. ПО ЛЕСТНИЦАМ В СКАЛАХ
Глава IX. В логове Шелоб
Глава X. СЭМ НА РАСПУТЬЕ

Аннотация

Трилогия «Властелин Колец» — одна из тех великих книг, встреча с которыми становится Событием. Эпическая красота повествования, вечная тема борьбы Добра и Зла, большой, подвиг маленького героя и, самое главное, — тот фантастический, и вместе с тем удивительно реальный мир, в котором хочется остаться навсегда.

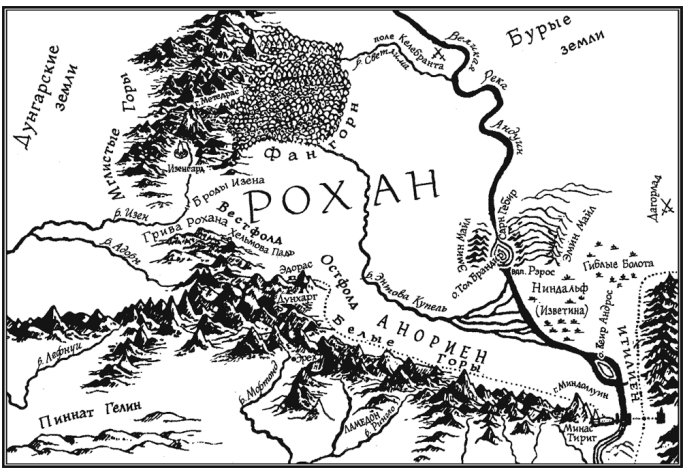
Издание, которое вы держите в руках, выполненное в переводе Владимира Грушецкого и Наталии Григорьевой и оформленное знаменитым художником Денисом Гордеевым, — не просто книга на все времена, не просто культовое фэнтези от одного из самых известных писателей, но произведение искусства, сочетающее в себе волшебство слова и рисунка.

Джон Толкин
Властелин Колец. Вторая часть. Две крепости

© The Trustees of The J.R.R. Tolkien, 1967 Settlement 1954, 1966
© Перевод: Н. Григорьева, В. Грушецкий
© Перевод стихов: И. Гриншпун
© Иллюстрации: Д. Гордеев
© ООО «Издательство „АСТ“», 2015

* * *

Книга III


Дунгарские земли
Мглистые Горы
Бурые земли
Фан Горн
РОХАН
Бродны Изена
Грива рохана
Хелмова Падь
Вестфолд
Остфолд
Эдрас
Лунхарг
Белые горы
АНОРИЕН
Пиннат Гелин
Ламедон
Ламедон
Поле Кормаллена
Река Андуин
Гибельные Болота
Ниндальф
(Изветина)
Минас Тирит
Минхирият
Эмин Муил
Эмин Муил
Амон Дин
Амон Гвар
Амон Лхау
Тол Брандир
Эред Нимрайс
Эред Нимрайс
Эред Нимрайс

Глава I
Смерть Боромира

Арагорн бежал вверх по склону, часто наклоняясь и внимательно осматривая землю. Шаг у хоббитов легкий, почти как у эльфов, и даже Следопыту нелегко было разглядеть их следы. Невдалеке от вершины тропу пересекал ручей, и на влажной земле Арагорн наконец заметил то, что искал.

— Я был прав, — сказал он себе. — Фродо поднимался на холм. Поднялся, что-то увидел и спустился почти тем же путем.

Он постоял в нерешительности: идти вверх к дозорной беседке или спускаться. Время подгоняло, и он устремился вперед, достиг вершины, сел в караульное кресло и огляделся вокруг. Но мир предстал перед ним не ясным и безграничным, а туманным и серым. Солнце словно потускнело. Арагорн внимательно осмотрел горизонт, но ничто не привлекло его внимания. Лишь очень далеко на севере медленными кругами парила большая птица, похожая на орла.

В этот миг чуткое ухо Следопыта уловило неяс-

ные крики внизу, на западном берегу Реки. К своему ужасу, он различил среди них хриплые голоса орков. Затем все покрыл громоподобный зов большого рога, эхом раскатившийся по окрестным холмам, перекрывший даже рокот водопада.

— Рог Боромира! — вскричал Арагорн и огромными прыжками помчался вниз с холма. «Что за несчастный день сегодня, — думал он на бегу, — что я ни делаю, все не так! Однако куда же подевался Сэм?»

Крики были слышны все громче, а рог, наоборот, все слабее и отчаяннее. Вопли орков перешли в яростный визг, звук рога вдруг оборвался. Сразу вслед за этим смолкли и голоса. Выхватив меч, Арагорн еще быстрее помчался сквозь лесную чащу.

Боромира он нашел почти в миле от Порт Галена, на поляне, недалеко от берега. Он сидел, прислонившись к дереву, и, казалось, отдыхал. Но увидев сломанный меч, разрубленный рог, множество черных стрел в теле гондорца и трупы орков вокруг, Арагорн все понял. Когда он опустился на колени подле воина, Боромир открыл глаза и с трудом проговорил:

— Я хотел отнять Кольцо у Фродо. Я раскаива-

юсь. Это — расплата, — он словно пересчитал глазами трупы врагов. Их было не меньше двадцати. — Полуросликов нет. Орки схватили их, связали, но не убили. — Он устало прикрыл глаза и через минуту продолжал: — Прощай, Арагорн. Иди в Минас Тирит, защищай мой народ. Я побежден.

— Нет, — горячо ответил Следопыт, взяв воина за руки и поцеловав его в лоб, — ты победил. Немногим выпадала на долю такая победа. Будь спокоен. Минас Тирит не покорится врагу.

Тень улыбки промелькнула на бледном, без кровинки, лице Боромира.

— Куда ушли орки? Фродо с ними? — допытывался Арагорн, но Боромир не отвечал больше. Плечи Следопыта поникли. — Наследник Денетора умер, — произнес он, и странно прозвучал в тишине его голос. — Нет больше Стража Белой Башни. И нет нашего отряда. Это моя вина. Напрасно, Гэндальф, ты понадеялся на меня. Куда теперь идти? В Минас Тирит, как завещал этот воин и как говорит мое сердце? Но как же Кольцо и Хранитель? Как найти, как спасти его?

Таким, на коленях, склонившимся в слезах над Боромиром, застали его Леголас и Гимли. Они бесшумно спустились с западного склона горы. Гном сжимал топор, а эльф вытащил кинжал — стрел у него больше не было. На поляне они остановились в изумлении и скорби: обоим было ясно, что произошло.

Леголас подошел к Арагорну, опасаясь самого худшего.

— Мы гнали их по лесу и многих убили. Почему нас не было здесь?! — воскликнул он. — Рог позвал нас, но поздно. Вы ранены, друг мой?

— Боромир убит, — глухо ответил Арагорн, — а я не ранен, он принял бой один. Я был наверху, а

он пал, защищая наших друзей.

— Где же хоббиты? Где Фродо? — спросил Гимли.

— Не знаю. Боромир, умирая, сказал, что орки схватили их, но не убили. Я послал его охранять Мерри и Пиппина, а о Фродо он уже ничего не успел сказать. Что бы я ни делал сегодня, все не так! — в сердцах воскликнул Следопыт, — а как поступать теперь, и вовсе не знаю.

— Сначала похороним павшего, — ответил Леголас. — Нельзя оставлять его рядом с гнусными орками.

— Нужно спешить, — добавил Гимли. — Если хоббиты живы, надо догнать орков и отбить наших друзей.

— Но мы не знаем, что с Фродо. Какой трудный выбор нам предстоит! Искать его или спешить на помощь Мерри и Пиппину?

— Сначала — самое главное, — ответил эльф. — Надо сделать хотя бы холм из камней над могилой храброго воина.

— Нет, — решительно возразил Арагорн, — здесь нет камней, и мы поступим иначе. Вверим тело Андуину. Великая Река сама позаботится о нем, и ни одна гнусная тварь не осквернит его праха.

Втроем они собрали мечи орков, разбитые шлемы и щиты. Получилась большая груда.

— Смотрите! — вскрикнул вдруг Арагорн и поднял с земли два коротких меча с красной и золотой насечкой, а потом еще черные, в мелких яхонтах, ножны. — Это оружие наших хоббитов. Орки не посмели тронуть нуменорские клинки — на них гибельные для Мордора чары. Значит, если хоббиты живы, то безоружны. Я возьму все это с собой и постараюсь вернуть владельцам.

— Мне нужны стрелы, — сказал Леголас, — у меня нет ни единой, а здесь их предостаточно.

Но первая же стрела, которую он поднял, заставила его задуматься, потому что обычно стрелы орков были короче и сделаны иначе.

Арагорн, приглядевшись к убитым, заметил:

— А ведь здесь не только воины Мордора. Насколько я знаю орков, эти пришли с севера, от Мглистых Гор, а вот эти до сих пор мне не попадались. И оружие у них совсем иное.

Среди убитых было четверо воинов, обличьем совсем не схожих с орками: высокие, с крупными чертами лица и раскосыми глазами. Мечи их были широкими и прямыми, тогда как орки признавали только кривые ятаганы. Самшитовые луки были такими же, как у людей. На щитах

странный герб — белая рука на черном поле, а на шлемах — руническое «С» из белого металла.

— Что бы это могло значить? — пробормотал Арагорн. — Я никогда не видел таких знаков…

— Все понятно, «С» — это Саурон, — объяснил Гимли.

— Но Саурон не пользуется эльфийскими рунами, — возразил Леголас.

— Как и своим именем, — добавил Арагорн. — И он не терпит белого цвета. Орки Барад Дура носят знак Багрового Ока. — Он задумался. — «С» — это Саруман! Значит, Изенгард охвачен тьмой, и Западу грозит опасность. Этого и боялся Гэндальф. Значит, Саруман знает о нашем походе, а может, и о гибели Гэндальфа Саруману служат даже птицы, ему многое ведомо. А морийские орки, видно, обогнули Лориен и все время шли за нами, пока не повстречались с изенгардскими.

— Нам некогда разгадывать загадки, — прервал его Гимли. — Давайте отнесем Боромира.

— Если мы хотим сделать правильный выбор, то подумать над загадками все-таки придется.

— Может быть, правильного выбора и вовсе нет, — с горечью произнес гном.

Они срубили несколько жердей, связали их тетивами, сверху набросили плащи. Уложили на

носилки тело Боромира и отнесли на берег Реки. Сюда же принесли принадлежащие ему трофеи. Арагорн остался у воды, а Леголас и Гимли поспешили к Порт Галену, где остались лодки, и спустя некоторое время подогнали их к стоянке.

— Чудеса какие-то! — еще с реки крикнул Леголас. — Третьей лодки нет.

— Орки там побывали?

— Да непохоже. Если бы они нашли лодки, то уничтожили бы и вещи.

— Надо будет внимательно все осмотреть, когда вернемся туда, — сказал Арагорн.

Они грудой свалили на дно лодки мечи и шлемы врагов и уложили Боромира на это боевое ложе, подложив ему под голову свернутый плащ. В ногах положили разрубленный рог и сломанный меч. Потом, ведя погребальную лодку на буксире, поплыли вдоль берега, пока не миновали зеленый луг Порт Галена, после чего перерезали веревку, связывавшую обе лодки.

С рассыпанными по плечам темными кудрями, сверкая золотым лориенским поясом, Боромир лежал спокойный и светлый, и Андуин уносил его, пока они удерживали свою лодку против течения. Отвесные скалы Тол Брандира сверкали в лучах полуденного солнца. Неумолчно шумел

Рэрос. Золотая дымка водяных брызг стояла над ним. Лодка Боромира темной точкой мелькнула в этом сиянии и исчезла.

Река унесла сына Денетора, правителя Гондора, и больше уже никто и никогда не видел его стоящим на вершине Белой Башни. Но и много лет спустя в Гондоре рассказывали, как эльфийская лодка с телом Боромира спустилась по водопаду, миновала Осгилиат и мосты на Реке и ушла в Великое Море.

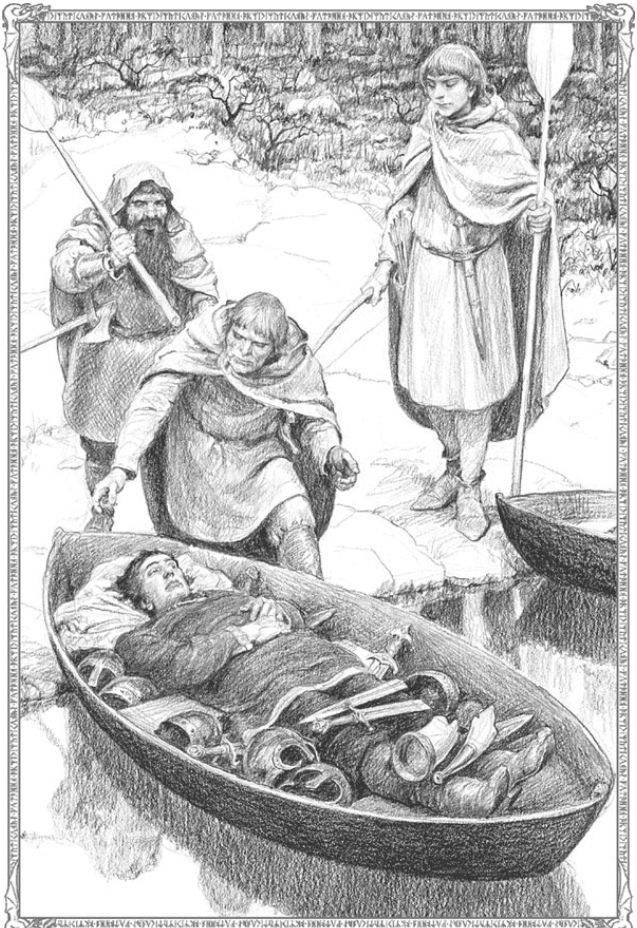
Все трое долго смотрели ей вслед. Первым нарушил молчание Арагорн:

— Стражи Белой Башни будут ждать его, но он не вернется ни с гор, ни с моря.

Он помолчал с минуту и негромко запел:

Из дальних пределов, с бескрайних равнин,
с бездонных слепых болот
Приносится Западный Ветер, кружа,
и в древние стены бьет.
О ветер бродячий! Какая весть летит
на твоих крылах?
Где странствует ныне герой Боромир?
в каких безвестных краях?

— Я видел: скакал он чрез семь стремнин
бурлящей седой воды.
Я видел: в сыпучих песках пустынь
остались его следы.
Он скрылся на север, и с этих пор
я видеть его не мог.
Но Северный Ветер, быть может,
слыхал героя стозвонный рог?
О Боромир! С высокой стены я взор
устремляю вдаль.
Но ты не вернулся с пустынных земель,
и в сердце моем печаль.



Следопыта сменил высокий и чистый голос эльфа:

С горячих и вспененных губ морских,
от дюн, чей песок палящ,
Приносится Южный Ветер, и в нем —
тоскующих чаек плач.
О стонущий ветер! Какая весть сегодня
пришла с тобой?
Где странствует ныне герой Боромир?
Вершит ли жестокий бой?
— Увы, мне неведом героя путь.
Но горы недвижных тел
На белых и черных морских берегах я видел,
пока летел:
Их много легло по пути на юг —
искателей светлых вод…
Но Северный Ветер, быть может,
тебе счастливую весть несет?
О Боромир! К дороге на юг я взором
своим приник,

Но слышу лишь шелест печальных волн
и чаек тревожный крик.

И снова пел Арагорн:

Из северных стран, где Врата Королей,
где в бездне шумит поток,
Приносится Северный Ветер, трубя в холодный
и чистый рог.
О ветер могучий!
Какую весть сегодня принес ты мне?
Где странствует ныне герой Боромир?
Быть может, в твоей стране?
— Я видел, как вел он неравный бой,
я слышал призывный клич.
Я видел, как злая рука врага сумела его настичь…
И тело его приняла вода, умчав похоронный челн…
Героя укрыл Золотой Водопад в дыханье
летящих волн.
О Боромир! Я смотрю туда, где ты по-

грузился
в сон.
Я там, где поет Золотой Водопад —
с тобой до конца времен…

Песня кончилась. Друзья повернули лодку против течения и вернулись к Порт Галену.

— Восточный ветер вы оставили мне, — нарушил молчание Гимли, — но что о нем скажешь?

— Все свершилось как должно, — ответил Арагорн. — В Минас Тирите терпят ветер с Востока, но о вестях не спрашивают. Что ж… путь Боромира завершен, а наш еще даже не выбран…

Выйдя на берег, Арагорн тщательно осмотрел зеленый луг.

— Орков здесь не было, — уверенно заявил он. — Много наших следов, но возвращался ли кто-нибудь из хоббитов, я не знаю.

Однако у самого берега, там, где в Андуин впадал ручеек, он оживился.

— Вот здесь один из наших друзей входил в воду, а потом вышел, вот только когда? — Он вернулся к стоянке и внимательно осмотрел поклажу.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Гимли.

— Двух сумок нет. Одна, побольше и потяжелее,

Сэмова. Вот и ответ. Фродо ушел на лодке вместе с Сэмом. Думаю, что Фродо вернулся, когда никого из нас не было. Я велел Сэму идти за мной, но он, видно, не послушался, потому что догадался о намерениях Фродо. Да, от Сэма так просто не отделаешься.

— Но почему же он уплыл, не сказав ни слова? — недоумевал Гимли. — Это странный поступок!

— И очень отважный, — сказал Арагорн. — Фродо не захотел вести друзей на гибель, и Сэм это понял. Но самому ему нужно было идти. Видно, что-то заставило его преодолеть сомнения и страхи.

— Не орки ли? — предположил Леголас.

— Едва ли, — задумчиво ответил Арагорн. Он решил не говорить о последних словах Боромира, понимая, что именно они испугали Фродо и заставили уйти одного.

— Во всяком случае, Фродо больше нет на этом берегу, — подвел итог эльф. — Только он мог взять лодку. А свою сумку мог взять только Сэм, значит, они ушли вместе.

— Так не будем терять времени! — воскликнул Гимли. — Или надо плыть вдогонку за Фродо, или — в погоню за орками!

— Дайте мне подумать, — попросил Арагорн, —

и принять, наконец, правильное решение.

Он молчал несколько минут, полностью уйдя в себя, после чего объявил:

— В погоню за орками! Если мы будем искать Фродо неизвестно где, то пленников ждет мучительная смерть. Мое сердце ясно говорит, что судьба Хранителя больше не зависит от нас. Отряд сделал для него все, что мог. Но пока у нас есть силы, мы не бросим друзей в беде. Мы пойдем налегке и будем спешить.

Прежде чем покинуть Порт Гален, они вытащили из воды последнюю лодку и отнесли к деревьям, сложив под ней ненужные теперь вещи.

Вечерело, но отыскать след не составляло труда.

— Эти твари всегда так, — с отвращением заметил Леголас, разглядывая широкую вытоптанную тропу. — Трава здесь долго не поднимется, а сколько веток и кустов сломано без нужды…

— Но бегут быстро, — сказал Арагорн. — На камнях будет не так просто идти по следу.

— Ладно, — проворчал Гимли, — гномы тоже не ползают, да и в выносливости оркам до сих пор не уступали. Погоня будет долгой, а мы уже потеряли много времени.

— Выносливость понадобится нам всем, — отозвался Арагорн, — потому что по следу мы пойдем до конца, каким бы он ни был. И — горе врагам, если мы их настигнем! Пусть три народа — Эльфы, Гномы и Люди — сочтут наш поход подвигом. Вперед!

Три серые тени почти сразу затерялись в сумерках.

Глава II
Всадники Рохана

Быстро смеркалось. Вскоре и лес, и Андуин скрылись в тумане. Только скалы впереди отбрасывали четкие черные тени в причудливом лунном свете. Нагорье Эмин Майл тянулось с севера на юг двумя хребтами, западные склоны которых были заметно круче восточных. Всю ночь друзья карабкались вверх по скалам, спускались в ущелья первого хребта, с трудом отыскивая следы меж голых камней. В тихий, холодный предрассветный час отдохнули немного, а с первыми проблесками зари снова были на ногах. Внезапно Арагорн остановился в замешательстве. Орочья тропа спускалась в долину между хребтами и там терялась.

— Куда они направляются? — спросил подошедший Леголас. — На север, к Изенгарду мимо леса Фангорна, или на юг, через Энтову Купель?

— К реке они не пойдут, — ответил Арагорн. — Что бы ни происходило в Рохане, степи они наверняка постараются пройти напрямик. Идем на север.

Однако примерно с милю они прошли на север без видимых успехов. Справа высилась отвесная скалистая стена, слева более полого поднимались серые сумрачные склоны. Арагорн тщетно пытался отыскать след. Леголас шел чуть впереди.

— Смотрите! — вдруг закричал он. — Кое-кого мы уже настигли.

То, что они поначалу приняли за груду камней, оказалось жестоко изуродованными, обезглавленными трупами орков. Земля вокруг пропиталась темной кровью.

— Опять загадка! — заворчал гном. — Может, днем мы бы и разобрались, но не ждать же…

— Я бы сказал: враги орков — нам друзья, — заметил эльф. — Здесь кто-нибудь живет?

— Нет, — ответил Арагорн. — Всадники бывают здесь редко, до Минас Тирита отсюда далеко. Разве что случайные охотники… Только, по-моему, все гораздо проще.

— Как? — оживился гном.

— Орки передрались между собой. Все убитые — гоблины-северяне. Среди них нет больших орков с гербами Сарумана, из тех, которых мы видели у реки… Должно быть, о дороге поспорили.

— Или о пленниках, — в тон ему вставил Гимли. — Не хочется думать, что они погибли здесь.

Арагорн тщательно осмотрел все вокруг, но ничего интересного не обнаружил. Они снова двинулись в путь.

Гасли ночные звезды, небо начинало светлеть. Глубокий узкий ручей прорезал долину. Берег порос травой и редким кустарником. Вверх по ручью вел четкий орочий след. Забыв про усталость, друзья, перепрыгивая с камня на камень, карабкались по уступам и наконец оказались на гребне горы. Холодный ветер обдал им лица.

Позади, за Рекой, над дальними холмами появилась красная полоска рассвета. Начинался день. Перед ними, на Западе, земли лежали еще сонные, серые, неясные; там постепенно таяли ночные тени, возвращая краски пробуждающейся равнине. Малахитовой зеленью наливались просторы Рохана; мерцали туманами речные поймы; а слева, лигах в тридцати, темно-синие и пурпурные, вставали Белые Горы. Пики заснеженных вершин горели теплым розовым светом.

— Гондор! — взволнованно заговорил Арагорн. — Я так надеялся на встречу! А пока — не судьба мне повидать твои сверкающие реки…

О Гондор, Гондор, мой светлый край!
От гор до прибрежных скал

Здесь Запада ветер веял в степях
и Белое Древо ласкал;
Ложился в сады Былых королей
серебряный свет росой…
О гордые башни! Крылатый венец!
Священный престол золотой!
О Гондор, Гондор! Ужель навек
твой светоч померк, увял?
Повеет ли Западный ветер вновь
от гор до прибрежных скал?

Он с трудом отвел взор, пора было возвращаться к насущным делам и заботам.

Гребень нагорья, на котором они стояли, резко уходил вниз. Фатомах в двадцати виднелась широкая неровная полка, обрывающаяся почти отвесной скалой. Эту часть Эмин Майл называли Восточной Стеной Рохана. За ней, насколько хватало глаз, тянулись зеленые равнины рохирримов.

— Взгляните! — Леголас указывал в бледное небо. — Снова орел. Похоже, возвращается на север. Как высоко он летит!

— Это не для моих глаз, — устало сощурился

Арагорн. — Но если это та самая птица, хотел бы я знать, кто и зачем послал ее? Посмотри-ка лучше вон туда, добрый эльф, что там за движение на равнине?

— Э-э, да там большой отряд! — отвечал Леголас. — Не поручусь, что это орки, но идут пешком, и до них лиг двенадцать. Правда, на ровном месте расстояние скрадывается…

— Вот и славно, — сказал Гимли, — Теперь бы побыстрее найти тропу и спуститься…

— Вряд ли орки выберут длинную дорогу, — заметил Арагорн, — лучше все-таки идти по их следу.

Тропа шла на север вдоль гребня, потом спускалась в расщелину, промытую горным ручьем, и крутыми ступенями выходила на равнину. По следам было видно, как торопятся орки. Иногда попадался изодранный черный плащ или разбитый на камнях сапог. Ущелье кончилось неожиданно.

Перед ними расстилались необозримые луга Рохана — волнующееся море густой высокой травы. Воздух был чистым и ароматным, словно в преддверии весны. Леголас вздохнул полной грудью, лицо его стало светлым и лучистым.

— Пахнет зеленью, — потеплевшим голосом

произнес он. — Это лучше всякого отдыха. Я устал на камнях, но здесь силы снова возвращаются ко мне. Поспешим же!

Они мчались, словно гончие псы по горячему следу. И здесь к ним дошла первая весточка от пропавших друзей. В сторону от вытоптанной орками тропы отходил след маленьких босых ног, перекрытый тяжелыми отпечатками сапог погнавшегося за беглецом орка Там, где первые следы исчезали, Арагорн поднял из травы зеленую с серебром пряжку в виде букового листа.

— Пряжка из Лориена! — одновременно воскликнули Леголас и Гимли.

— Да, — подтвердил Арагорн. — Не напрасно падают листья в Лориене. Это не потеря, это — знак для нас. Кто-то из хоббитов специально отбежал в сторону, чтобы оставить его. Наверное, Пиппин.

— Значит, он по крайней мере жив и способен шевелить ногами и головой, — заключил Гимли. — Это обнадеживает. По крайней мере, мы на верном пути.

— Будем надеяться, что он не слишком дорого заплатил за свою выдумку, — подал голос эльф. — Поспешим, друзья!

Солнце перевалило за полдень и медленно

ползло к закату. С юга набежали легкие облачка, но ближе к вечеру от них не осталось и следа. Солнце село. Закатные тени протянули к друзьям длинные черные руки. Двенадцать лиг отделяли их от Восточной Стены, но теперь орков на плоской как стол равнине не видел даже зоркий эльф.

Когда темнота окончательно сомкнулась над ними, Арагорн остановился.

— Что будем делать? — обратился он к Леголасу и Гимли. — Будем продолжать погоню в темноте, пока с ног не свалимся, или все же отдохнем ночью?

— Если орки не станут останавливаться, то вряд ли мы их догоним после ночевки, — сказал Леголас.

— Оркам тоже, поди, нужен отдых, — заметил Гимли.

— Орки избегают солнца, а тут они мчались под ним целый день, — возразил Леголас. — Так что ночью они вряд ли устроят привал.

— В темноте мы и следов-то не найдем, — бессонная ночь гному явно не улыбалась.

— Насколько хватает моих глаз, тропа прямая, и захочешь — не собьешься, — упорствовал эльф.

— Может, мне и удастся выдержать направле-

ние в темноте, — заметил Арагорн, — но если мы собьемся или орки свернут, то утром мы можем потерять много времени и сил, пока не найдем тропу снова.

— И вот еще что, — добавил Гимли, — без света мы не увидим, не отходят ли где-нибудь следы в сторону. Вдруг кому-то из пленников удастся сбежать, или вдруг его поволокут — ну, скажем, на восток, к Великой Реке, — а мы проскочим след и не заметим.

— Возможно, — кивнул Арагорн. — Но по всем признакам выходит, что орки Белой Руки пока в большинстве, и вся стая направляется в Изенгард.

— С этими орками всего можно ожидать, — упорствовал Гимли. — А в темноте мы никаких знаков не найдем. Застежки, например, точно бы не нашли.

— Пленники с той поры устали еще сильнее, а орки стали еще бдительнее, — вздохнул Леголас. — Без нашей помощи из плена им не вырваться, а для этого нам надо хотя бы нагнать их.

— Но даже я, не самый слабый и привыкший к путешествиям гном, не в силах проделать весь путь до Изенгарда без единой остановки, — сказал Гимли. — Сердце торопит меня, и я хочу

продолжать погоню — только отдохну немного, чтобы потом бежать быстрее. А если уж отдыхать, так лучше всего в слепую ночь.

— Так на чем порешим? — спросил Арагорн.

— Ты нас ведешь, тебе и решать, — заявил гном.

— Надо, не мешкая, идти дальше, — сказал эльф, — но и разлучаться нам никак нельзя. Пусть будет по-твоему.

— Плохого вы выбрали советчика, — вздохнул Арагорн. — После Аргоната я только и делал, что ошибался.

Он надолго умолк, словно пытаясь высмотреть в темноте что-то сначала на севере, потом на западе, и наконец объявил свое решение.

— Будем отдыхать. В таком мраке мне никаких следов не разобрать. Луна молодая, света от нее никакого, да и садится рано.

— И все время норовит спрятаться за тучу, — пробормотал Гимли. — Жаль, что Владычица не дала нам такой же светильник, как Фродо.

— Он там, где нужнее, — негромко сказал ему Арагорн. — Там, где решаются судьбы мира. А наша погоня — только незначительный, а то и бессмысленный, эпизод, и решения мои на самом деле ничего не решают.

Арагорн заснул, едва успев лечь: он не спал с самой высадки в Порт Галене. Гимли тоже уснул, где сел. Только Леголас провел ночь без сна, глядя на звезды. Запахи трав и звездный свет были для эльфа лучшим отдыхом.

— Они уже далеко, — грустно сказал он утром Арагорну, — теперь разве что орел их догонит.

— Все равно надо идти, — ответил Арагорн и наклонился к гному. — Гимли, вставай, след простынет.

— Еще темно, — сонно запротестовал тот. — Пока солнце не встанет, даже Леголас их не увидит.

— Боюсь, мне уже не увидеть их ни при солнце, ни при луне, ни с холма, ни на равнине, — отвечал эльф.

— Где глаз не увидит, ухо поможет. — Арагорн припал к земле и долго слушал, а когда поднялся, вид у него был осунувшийся и встревоженный. — Орки далеко, их едва слышно. Куда громче топот копыт. Он чудился мне всю ночь, но тогда кони скакали на запад, а теперь повернули к северу. Там что-то случилось. Надо спешить.

Так начался третий день погони. Погода менялась; тучи то затягивали небо, то уступали неуверенному зимнему солнцу. Теперь Арагорн, Леголас и Гимли двигались цепью поодаль друг

от друга. Эльфийские плащи потускнели, приняв цвет серо-зеленой травы, и даже в бесстрастном полуденном свете скрывали путников от любопытных глаз. Они бежали молча, не замечая усталости, не останавливаясь даже для еды, и благодарили в душе Владычицу Лориена за щедрый дар. Лембас прибавлял сил, и его можно было есть на бегу.

В конце дня далеко впереди показались невысокие холмы. Орочья тропа начала забирать к северу; на твердой, с редкой короткой травой земле следы читались уже не так отчетливо. Слева в отдалении серебряной нитью по изумрудной канве вилась Энтова Купель. И нигде — ни звука, ни шороха, ни живой души. Рохирримы жили дальше к югу, у лесистых отрогов Белых гор, а здесь, на восточных пастбищах, даже зимой со стадами и табунами кочевали пастухи. Странное запустение все больше беспокоило Арагорна.

К вечеру за спиной осталось около двадцати четырех лиг, и нагорье Эмин Майл скрылось из глаз. Небо затягивалось, и сам воздух вокруг помрачнел. Тонкий серп месяца пробивался сквозь легкую дымку, мерцали звезды.

— Эх, сколько времени мы потеряли зря, — с досадой сказал Леголас. — Орки бегут так, словно

Саурон гонит их плетью. Боюсь, они уже в лесу.

Гимли скрипнул зубами.

— Горький конец всем трудам и надеждам, — сказал он.

— Труды не окончены, даже если надежда погасла, — проговорил Арагорн, прислушиваясь к чему-то. — Неладно в этом краю. Меня тишина тревожит. Я не доверяю даже этой блеклой луне и тусклым звездам. И я очень устал, хотя путь ясен, а других причин для беспокойства у Следопыта и быть не может, а вот поди ж ты… Видно, и вправду чья-то воля подгоняет наших врагов, а перед нами создает незримую преграду. Я чувствую это по тому, что усталость — не в теле, а давит на сердце.

— Так и есть, — подтвердил Леголас. — Я понял это, как только мы спустились с нагорья. Зло — оттуда, — и он махнул рукой на север.

— Саруман, — резко произнес Арагорн. — Но он не заставит нас отступить! Хотя остановиться все-таки придется. Вон, даже месяц скрылся. Утром двинемся на север.

На этот раз поспать удалось совсем немного. Их разбудил Леголас.

— Вставайте! Вставайте! — повторял он встревоженно. — Рассвет красен, что-то происходит на

опушке леса. Нас зовут туда.

Они достигли холмов за час до полудня. Зеленые склоны постепенно превращались в скалистый гребень, уходивший почти точно на север. Левее, ближе к реке, миль на десять тянулись болота. Среди них, в зарослях тростника и рогозы, текла Энтова Купель. У южного склона холма обнаружился круг плотно утоптанной земли. Орочья тропа выходила из круга и вела на север, вдоль склона. Арагорн сосредоточенно вглядывался в следы.

— Орки побывали здесь позавчера, — сказал он наконец. — Если ничего не помешало им, то вчера вечером они должны были добраться до леса Фангорна.

— Я не вижу никакого леса, а только травы до самого горизонта, что на севере, что на западе. Может, забраться на холм? — предложил Гимли.

— Отсюда до леса неблизко, — пояснил Арагорн. — Холмы тянутся к северу лиг на восемь, а от них до леса Фангорна еще лиг пятнадцать вдоль Энтовой Купели.

— Ну, идти-то все равно надо, — заключил Гимли. — Эх, будь на сердце полегче, глядишь, и ноги шагали бы веселее.

К закату холмы почти остались позади. Теперь они двигались медленно. Надежда таяла, а вместе с ней таяли и силы Гимли. Арагорн шагал рядом с ним, мрачный и молчаливый. Он то и дело наклонялся и рассматривал следы, тщетно надеясь на удачу. Только поступь эльфа была по-прежнему легка.

— Давайте-ка поднимемся на этот зеленый склон! — предложил он, и усталые друзья последовали за ним. Невысокий зеленый холм стоял на особицу, поодаль от основной гряды. Солнце село, и вечерние тени словно задернули все вокруг серыми занавесями. Мир разом утратил краски и четкость очертаний. Только на северо-западе мрак казался гуще: там, у подножия Мглистых гор, лежал лес Фангорна.

— Тьма такая, что шагу не ступить, — сказал Гимли. — Придется опять останавливаться и перетерпеть эту ночь. Холодает-то как!

— Ветер с севера, со снежных вершин, — пожал плечами Арагорн.

— К утру он сменится на восточный, — обнадежил эльф. — Отдохните пока. Не зря говорят: утро вечера мудренее.

— Мы уже три утра так встретили, а мудрости что-то не прибавилось, — вздохнул Гимли.

Ночь выдалась холодной. Человек и гном спали беспокойно, а эльф так и не прилег, пребывая в светлой грезе наяву, ведомой только этим чудесным существам. Иногда он принимался тихонько петь, и тогда в небе проглядывали звезды. Под утро восточный ветер разогнал туман и, когда рассвело, с макушки невысокого холма преследователи увидели все те же необъятные луга, темный лес лигах в десяти к северо-востоку, а далеко на севере — пики Мглистых Гор над серыми тучами. Из леса вытекала река. Следы сворачивали к ее обрывистому берегу.

От зорких глаз Арагорна не укрылось какое-то движение вдали, на фоне зелени, между рекой и лесом. Леголас, стоявший рядом с ним, прикрывая глаза красивой рукой с длинными тонкими пальцами, разглядел гораздо больше.

Арагорн припал к земле.

— Всадники! Много! Очень быстрые кони.

— Да, — подтвердил Леголас. — Сто пять человек. Вооружены копьями. Светловолосые. Тот, кто ведет их, очень высокий. Лигах в пяти от нас.

— Пять лиг или одна, — сказал Гимли, — нам все равно негде укрыться на этой равнине. Будем ждать их или пойдем своей дорогой?

— Подождем, — ответил Арагорн. — Я устал, а

конца нашей погоне не видно. Нас опередили. Всадники, мне кажется, возвращаются по следу орков. Может быть, мы услышим от них что-нибудь новое.

— А может быть, познакомимся с их копьями, — в тон ему добавил Гимли.

— Три коня, похоже, потеряли своих наездников, — проговорил Леголас. — А хоббитов я так и не вижу.

— Я не говорил, что новости будут хорошими, — вздохнул Арагорн.

Они спустились с вершины невысокого холма и сели на траву, закутавшись в плащи.

Чувствуя тревогу гнома, незнакомого с людьми Рохана, Арагорн коротко рассказал ему о здешнем народе. По его словам, Всадники хотя и отличаются вспыльчивым нравом, но великодушны и отважны, горды, но не жестоки, умны, и если не знают письменности, то помнят былины и слагают песни, как велось по всему Среднеземью до начала Темных Лет. Они в дружбе с Гондором и, уж во всяком случае, не любят орков. Говорили, что они платят дань Мордору, но Арагорн этому не верил.

Между тем всадники были уже совсем близко. Тропа, петлявшая вдоль берега реки, в этом

месте резко сворачивала к холмам. Всадники вырвались из-за поворота с лязгом и грохотом и помчались вдоль западных склонов к югу. Они ехали стройными рядами по двое на красивых сильных конях. Короткая серая шерсть благородных животных блестела, хвосты развевались по ветру, заплетенные гривы подрагивали. Наездники были им под стать. Рослые, стройные, светловолосые воины в блестящих кольчугах держали длинные ясеневые копья, за спиной у них были расписные щиты, у пояса — длинные мечи. Они ехали мимо, не замечая путников. Отряд почти миновал их, когда вдруг Арагорн встал во весь рост и громко окликнул воинов:

— Что нового на Севере, Всадники Рохана?

Отряд мгновенно, без команды, развернулся в кольцо, сомкнувшееся вокруг троих друзей. Острия копий были направлены на них. Предводитель отряда приблизился к Арагорну и на Всеобщем языке потребовал назваться.

— Меня называют Колобродом, — с легкой усмешкой ответил Арагорн. — Я с Севера. Охочусь на орков.

Всадник соскочил с коня, передал копье подъехавшему товарищу и, положив руку на рукоять меча, стоял теперь лицом к лицу с Арагорном, с

удивлением разглядывая его.

— Я чуть было вас самих за орков не принял, — признался он. — Да вижу — ошибся. Но кто же так охотится на орков? Доведись вам повстречать их, сами станете добычей. Однако в вас есть что-то загадочное… Почему мы вас не заметили? Вы эльфы?

— Нет, — спокойно ответил Арагорн. — Среди нас только один эльф, но мы прошли через Лотлориен, и с нами — дары и благословение его Владычицы.

Изумление Всадника возросло, но и взгляд заметно потяжелел.

— Так в Золотом Лесу и впрямь есть Владычица, — не то с опаской, не то с угрозой проговорил он. — В старых сказках говорится, как трудно избежать ее сетей. Вот странные дни! Но если вы в дружбе с ней, значит, и сами колдуны и волшебники! — Он недобро глянул на Леголаса и Гимли и резко спросил: — Вы почему не отвечаете?

Гимли так и вскинулся, схватившись за топор. Темные глаза его сверкали.

— Сначала назови себя, коневод, в ответ получишь мое имя и кое-что в придачу! — дерзко крикнул он.

Всадник помедлил с ответом, внимательно разглядывая гнома.

— На землях Рохана вопросы задаю я. Но для тебя, пришелец, пожалуй, сделаю исключение. Я — Йомер, сын Йомунда, правитель Остфолда. А теперь жду, что скажешь ты!

— Слушай же, Йомер, сын Йомунда! Я — гном Гимли, сын Глоина, и я запрещаю тебе непочти-

тельно отзываться о правительнице Лориена. Только невежество может извинить тебя!

Взгляд Йомера грозно сверкнул.

— Будь ты повыше ростом, почтенный гном, я отрубил бы тебе голову вместе с бородой.

— Он не один, — вмешался Леголас, мгновенно натягивая лук, — ты умрешь раньше, чем возьмешься за меч!

Йомер все же потянулся к мечу, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Арагорн не встал между ними.

— Постой, Йомер! — воскликнул он. — Мы не хотим зла ни Рохану, ни его народу, ни людям, ни коням. Выслушай нас, прежде чем браться за меч. Может быть, тогда тебе станет понятен гнев моих спутников.

Помедлив, Йомер снял руку с клинка.

— Хорошо. Но чужеземцам стоило бы поумерить свой пыл в эти смутные дни. Для начала скажи свое настоящее имя.

— Только после того, как узнаю, кому вы служите, — отрезал Арагорн.

— Королю Рохана, Теодену, сыну Тенгеля, — был ответ. — Темный Владыка нам не указ, если ты это имеешь в виду. Но между нами нет и войны. Мы — свободный народ, всегда жили свободно

и хотим сохранить свободу, а не прислуживать хозяевам, будь они злыми или добрыми. Но сейчас границы наши в опасности, и чужеземцам закрыт путь в пределы страны. А теперь я хочу знать, кто вы? — вновь спросил Йомер. — Кому служите? И по какому праву оказались на земле Рохана?

— Я никому не служу, — ответил Арагорн, — но слуг Врага преследую повсюду, где бы ни свела меня с ними судьба. Орки — мои враги. Я знаю о них куда больше многих, а сейчас преследую их отряд, захвативший двух наших друзей. У нас нет коней, в погоне мы полагаемся лишь на свои ноги, а в подобных случаях надо ли спрашивать о праве? Врагов я считаю только мечом. Как видишь, я не безоружен.

Он откинул плащ и вынул из ножен Андрил, сверкнувший на солнце, как белое пламя.

— Ты хочешь знать, кто я? Перед тобой Арагорн, сын Арахорна, Элессар Эльфинит, наследник Исилдура, сына Элендила, Короля Гондора! Вот возрожденный меч Исилдура. Теперь ты знаешь, кто я, а я хочу знать, помощи или помехи ждать мне от вас? Решай быстро!

Леголас и Гимли в огромном изумлении смотрели на своего товарища. Они никогда не видели

его таким. Следопыт словно вырос. В его властных чертах появился отблеск невиданной силы и величия, напомнивший о каменных королях Аргоната. Эльфу показалось, что над головой Арагорна сверкнул венец, о котором когда-то рассказывал Гэндальф.

Йомер невольно отступил на шаг.

— Воистину, странные времена настали, — пробормотал он. — Древние легенды вырастают прямо из травы. Но какие же заботы привели вас сюда с Севера? — от недавней гордости предводителя рохирримов и следа не осталось.

— Бремя выбора, — ответил Арагорн. — Передай Теодену, сыну Тенгеля: его ждет война. Либо он выступит на стороне Сарумана, либо против него. Отныне никто не сможет жить так, как жил, и вряд ли кто сохранит то, что считал своим… Но об этом позже. Скажи мне, что стало с орками?

— Они уничтожены, — последовал ответ.

— А наши друзья? Они совсем маленькие, для вас — как дети.

— Там не было ни детей, ни гномов. Мы сочли и обыскали убитых, потом сложили трупы и сожгли их, как велит обычай. Кострище еще дымится.

— Да при чем тут гномы! — не выдержал Гим-

ли. — Речь о хоббитах.

— Хоббиты? — переспросил Йомер. — Впервые слышу это название.

— Согласен, прозвание странное, а вот народец весьма приятный, — разговорился Гимли. — Вы в своем Рохане наверняка слышали о пророческих словах, встревоживших Минас Тирит. В них говорилось о полурослике. Наши хоббиты — те самые полурослики и есть.

Ближайший к Йомеру всадник расхохотался.

— Да ведь полурослики бывают только в детских сказках! А мы-то здесь, при свете дня, на зеленой земле.

— Можно быть и там, и здесь, — отвечал Арагорн. — Не нам, а тем, кто придет потом, складывать предания о нашем времени. Из зеленой земли родились все легенды, хоть ты и топчешь ее при свете дня…

— Надо спешить, повелитель, — не дослушав Арагорна, обратился всадник к Йомеру. — Отпустим чужеземцев или возьмем с собой?

— Уймись, Йотэйн, — Йомер перешел на родной язык. — Оставьте нас одних. Собери *йоред* у тропы, скоро выступаем.

— Как ни странно то, что вы говорите, — обратился Йомер к Арагорну, — но это правда. Люди

Рохана не лгут, поэтому их трудно обмануть. Но ведь вы сказали далеко не все. Мне нужно принять решение, а я знаю пока очень мало.

— Несколько недель назад я вышел из Имладриса, о котором говорилось в пророчестве, вместе с Боромиром, сыном Денетора, — ответил Арагорн. — Я шел помочь Минас Тириту в войне с Сауроном. У моих товарищей была другая задача. Сейчас говорить о ней ни к чему. А возглавлял отряд Гэндальф Серый.

Услышав это имя, Йомер помрачнел.

— Гэндальфа Серого знают у нас, — сказал он, — но наш правитель Теоден не хочет больше о нем слышать. Каждый раз вслед за его появлением происходили странные события. Кое-кто говорит, что Гэндальф — недобрый вестник. Да и то сказать: в прошлый раз после его прихода все пошло не так. До тех пор мы считали Сарумана другом, а Гэндальф предупредил, что в Изенгарде готовятся к войне. Он говорил, что сам еле спасся из Ортханка, и просил о помощи. Но Теоден не внял ему, только разрешил взять коня, и старик ушел. Король в гневе: Гэндальф выбрал самого лучшего коня во всей стране, это был наш драгоценный Сполох… Семь ночей назад конь вернулся, да только теперь он не признает ничьей руки.

— Значит, он нашел дорогу с Севера, — сказал Арагорн. — Там они расстались с Гэндальфом, и

там вскоре Гэндальф погиб во мраке Мории.

— Это тяжелая утрата и для меня, и для многих других, — вздохнув, произнес Йомер. — Не для всех, правда…

— Боюсь, никому из вас не понять, что именно мы потеряли с его гибелью, — сказал Арагорн. — Но когда гибнут великие, малые приходят на их место. Я вел отряд через Лориен вниз по Великой Реке до водопадов Рэроса. Там пал Боромир. Убивших его орков уничтожили вы.

— Горестные вести! — воскликнул Йомер. — Великая потеря для Минас Тирита, да и для нас тоже. Достойный человек и отважный воин! Когда же это случилось?

— Сегодня четвертый день, как его нет, — ответил Арагорн.

— И вы с того самого дня преследуете орков пешком?

— Как видите, — ответил Арагорн.

— Вам больше подошло бы имя Странствующего Орла, — сказал Йомер. — Четвертый день еще не кончился, а вы уже прошли сорок пять лиг. Однако как же мне быть теперь? — помолчав, продолжал он. — Действительно, мы не воюем с Черной Страной, правда и то, что король внимает дурным советам; так что война не за горами.

Мы не нарушим союза с Гондором. Под моей рукой — Восточные пределы Рохана, и я говорю за весь Остфолд. Мои люди и кони ушли за реку, здесь остались лишь дозоры.

— Так вы не платите дань Саурону? — подозрительно спросил Гимли.

— Нет, и никогда не бывать этому! — отвечал Йомер, гневно сверкнув глазами. — Я знаю об этих наветах. Темный Владыка как-то пытался купить у нас коней, но мы ему отказали. Тогда его орки стали красть лошадей, и всегда только черных, сегодня в табунах они редкость. С орками мы рассчитаемся, но сейчас главная опасность — Саруман. Он хочет поработить мою страну; ему служат и орки, и оборотни, и даже дикари. Его отряды перекрыли Гриву Рохана, мы окружены с востока и с запада. К тому же Саруман — могучий маг, он принимает любые обличья. Последнее время его видят то там, то здесь в образе старика в плаще с капюшоном. Боюсь, у него есть сообщники не только в Изенгарде. Впрочем, сами увидите, когда придете в королевские палаты. Провидение послало вас мне в час нужды и сомнений.

— Я приду, как только смогу, — пообещал Арагорн.

— Прямо сейчас! Сыновья Йорла почтут за честь

сражаться рядом с Наследником Элендила. Наши западные границы в огне, там война, я боюсь, что для нас она кончится плохо.

Я ушел в поход без ведома короля. Без моей дружины Эдорас не выстоит, но три ночи назад мне сообщили об отряде орков, спустившемся с нагорья. Там видели много щитов со знаком Сарумана. Я заподозрил самое плохое — союз Ортханка с Темной Крепостью, и сразу повел *йоред,* мою дружину. Два дня назад мы перехватили орков на подступах к Лесу Фангорна. Мы потеряли пятнадцать всадников и двенадцать коней — врагов оказалось куда больше, чем мы думали. К ним подошел на помощь отряд с востока — их тропа проходит чуть севернее, — а в лесу их ждали здоровенные орки со знаком Белой Руки. Мы сделали свое дело, но слишком задержались. Надо немедленно возвращаться… — Йомер помолчал и неуверенно добавил: — Идите с нами прямо сейчас. У меня есть свободные кони. Возрожденному мечу, эльфийскому луку и гномьему топору будет работа. Надеюсь, эльф и гном простят меня за необдуманные слова о Владычице Золотого Леса. Я ведь только повторил то, что говорят у нас…

— Спасибо на добром слове, — сказал Арагорн. — Я пошел бы с тобой, но обязан спасти

друзей, пока еще есть надежда.

— На севере Рохана твоих друзей нет, — вздохнул Йомер.

— Их нет и на юге, — возразил Арагорн. — Недалеко от Стены Рохана один из них оставил нам знак, но до самых холмов ни один след не уходил от орочьей тропы. Я боялся, что их убили и сожгли вместе с орками; ты уверил меня, что это невозможно. Быть может, их утащили в лес еще до сражения, пока вы не успели окружить врагов. Такое возможно?

— Разве что эльфийские чары помогли им скрыться, — с сомнением проговорил Йомер. — Впрочем, в чем можно быть уверенным среди стольких чудес! Весь мир меняется. Эльф бродит под руку с гномом, люди гостят у Владычицы Золотого Леса и остаются в живых, а меч, сломанный в прадедовские времена, снова в бою! Как быть теперь человеку? Как поступать?

— Как и всегда, — твердо ответил Арагорн. — Добро и Зло все те же. И эльфы, и гномы судят о них одинаково. В Золотом Лесу человек различает их так же, как в отчем доме.

— Истинно так, — кивнул Йомер. — Я верю вам и верю своему сердцу. Но как я могу следовать ему? Наш закон не позволяет чужеземцам бро-

дить по стране без разрешения Короля, а в такое тревожное время он должен выполняться неукоснительно. Я просил вас отправиться со мной, вы отказались. Не сражаться же нам всем *йоредом* против троих!

— Вряд ли твой закон применим в нашем случае, — спокойно возразил Арагорн. — Да и я — не чужой здесь. Я бывал в Рохане, и не однажды, только звали меня иначе и выглядел я… получше. С тобой мы не встречались, но я знал твоего отца, Йомунда, знаю и Теодена, сына Тенгеля. В те дни мне не стали бы мешать спасать друзей. Я должен идти за ними. Решай же, Йомер, поможешь ты нам или поступишь по законам твоей страны?

Йомер задумался.

— Вы свободны, — произнес он наконец. — И вам, и нам надо спешить, поэтому я дам вам коней, но прошу потом вернуть их в Эдорас, Королю Теодену. Это докажет, что я не ошибся в вас. Честь и жизнь моя в ваших руках, — добавил он.

— Тебе не придется жалеть об этом, — ответил Арагорн. — Нам предстоит еще не раз биться бок о бок, я надеюсь не остаться в долгу.

Среди всадников поднялся ропот недовольства, когда Йомер приказал дать чужеземцам свободных коней. Йотэйн, оруженосец, высказал общее

настроение:

— Ладно бы еще князю, он родня гондорцам, — проговорил он, — но кто слышал, чтобы роханский конь слушался гнома?

— Никто не слышал и не услышит, — отрезал гном. — Лучше пешком идти, чем лезть на спину к такому зверю!

— Ты сядешь со мной, друг Гимли, — успокоил его Леголас. — Избавим от мучений и тебя, и коня.

Йомер быстро восстановил порядок. Арагорну подвели рослого темно-серого коня. Со своего — легконогого и ретивого — Леголас попросил снять седло и уздечку. Мгновение спустя он был уже верхом и, к удивлению Всадников, строптивый конь под ним не шелохнулся. Гимли уцепился за товарища так же, как недавно цеплялся Сэм за борта лодки.

Они расстались друзьями. Прощаясь, Гимли не преминул напомнить Йомеру, что спор о прекрасной Владычице Лориена еще не закончен.

— Вы должны научиться говорить о ней подобающим образом, — заявил гном, — а я готов помочь вам в этом.

— Там видно будет, — с улыбкой махнул рукой Йомер.

Роханские кони недаром славились быстротой. Когда Гимли спустя несколько минут оглянулся, дружины Йомера уже не было видно. Арагорн, припав к шее коня, всматривался в траву. Вскоре они достигли места, о котором упоминал Йомер, — к основной тропе вела тропка с востока. Арагорн спешился и тщательно осмотрел все вокруг.

— Интересного мало, — сообщил он. — Всадники возвращались по орочьей тропе, и следы орков перекрыты копытами коней. Зато следы с востока просматриваются отчетливо, и ни один след не отходит назад, к Андуину. Вот здесь орки заметили Всадников. Они могли попытаться увести хоббитов прежде, чем их перехватят. Теперь придется ехать медленнее. Я хочу убедиться, что никто не сворачивал с основной тропы.

Новых троп действительно не было, но чем дальше, тем чаще то слева, то справа встречались цепочки следов, в конце каждой непременно лежал пронзенный серой стрелой орк.

Уже в сумерках на краю Леса Фангорна друзья нашли место, где закончилось сражение. Кострище еще дымилось. Рядом грудой лежали изрубленные шлемы, щиты и копья. Посредине на колу торчала голова огромного орка с белым

знаком на помятом шлеме… Дальше, там, где из леса вытекала река, высился свежий курган. Из зеленого дерна в небо смотрели пятнадцать копий. В сгущающейся тьме друзья обошли поле битвы. Ни единого следа хоббитов не было видно.

— Вот и все, — понурившись, сказал Гимли. — Бесполезно искать кости наших друзей среди костей орков. Пожалуй, прав был Элронд, когда не хотел их отпускать.

— Но Гэндальф, помнится, был другого мнения, — возразил Леголас.

— Ну, здесь дар предвидения изменил ему. Он сам же первый и погиб.

— Гэндальф решил так не потому, что предвидел или не предвидел события, — сказал Арагорн. — Есть вещи, которые приходится делать, даже если знаешь, к чему это приведет. Я хочу осмотреться здесь при полном свете. Дождемся утра.

Они устроились подальше от кострища, под раскидистым деревом, похожим на каштан. Бурые прошлогодние листья напоминали высохшие старческие ладони с длинными ревматическими пальцами. Они жалобно шуршали от ночного ветра.

Гимли продрог под единственным на всех одеялом.

— Разведем костер! — взмолился он. — Мне уже не до опасностей. Пусть хоть все орки слетятся сюда, как мотыльки на свет!

— Если хоббиты уцелели и заблудились в лесу, они могут выйти на огонь, — поддержал его эльф.

— Огонь может приманить не только хоббитов или орков, — сказал Арагорн. — Отсюда уже недалеко до владений Сарумана, но они там, дальше, а Лес Фангорна — вот он, рядом. Здесь нельзя трогать деревья.

— А как же Всадники? — спросил Гимли.

— Их много, и они редко бывают здесь. Что им до гнева Фангорна! А нам, похоже, предстоит идти туда. Ладно, рискнем. Только не трогайте живые деревья.

— А зачем? — беспечно заметил Гимли. — Валежника достаточно.

Он занялся костром. Арагорн сидел, прислонившись спиной к дереву, погруженный в свои мысли. Леголас стоял чуть поодаль, вслушиваясь в невнятные лесные звуки. Пламя костра бросало отблески на ближние ветви. Эльф обернулся.

— Смотрите, — сказал он вдруг. — Дерево слов-

но радо огню. — Может, это была лишь игра теней, но друзьям показалось, что ветви потянулись к огню, а бурые листья расправились и затихли. Леголас и Арагорн придвинулись к костру. Все смолкло. Огромный лес у них за спиной, темный и неведомый, казалось, жил своей тайной жизнью.

— Помните, Келеберн предостерегал нас против чащоб Фангорна, — нарушил молчание эльф. — Почему? И Боромир слышал, что об этих лесах ходит дурная молва…

— Я и сам слышал немало всякого, — отозвался Арагорн, — и, пожалуй, счел бы все это россказнями, если бы не слова Келеберна. Но если уж Народ Сумеречья ничего не знает, что с человека спрашивать?

— Мой народ помнит песни об Онодримах. Люди зовут их энтами, — молвил Леголас. — Они жили здесь давно, даже по нашему счету.

— Элронд говорил, что этот Лес из Древнейших Времен. Он был, когда Люди еще не пробудились, а здесь бродили лишь Перворожденные. Но о тайнах Фангорна мало кто ведает.

— А я о них и знать не хочу, — подытожил Гимли. — Кто бы там ни жил, обо мне пусть не беспокоится.

Распределили дежурства, первое досталось Гимли. Арагорн заснул сразу же, едва успев невнятно пробормотать:

— Гимли, запомни! В лесу Фангорна не поднимай топор на живое дерево. И за валежником далеко не ходи. Пусть лучше костер погаснет. Буди, если что.

Леголас по обыкновению пребывал в грезах между сном и явью. Гимли долго сидел у костра, задумчиво трогая пальцем лезвие топора. Тихонько шелестело дерево.

Внезапно что-то заставило гнома поднять голову. У самого края светового круга кто-то стоял. Прикрыв глаза от пламени костра, Гимли присмотрелся и увидел старика, закутанного в плащ и с посохом в руке. Слова Йомера о Сарумане молниеносно промелькнули в памяти гнома. Гимли вскрикнул и вскочил. Следопыт и эльф в то же мгновение оказались рядом. Старик не шевельнулся и не произнес ни слова.

— Тебе нужна помощь? — Арагорн шагнул к незнакомцу. — Садись, погрейся у нашего костра!

Но старик исчез, не оставив следов, как будто его и не было. Леголас горестно ахнул: кони пропали. Издали едва слышно донеслось их звонкое

ржание.

Удрученные этим новым несчастьем, все трое молчали. Одни, в колдовском Лесу Фангорна, без Всадников, единственных союзников в этой стране, а теперь и без лошадей — было от чего прийти в отчаяние.

— Что же, — вздохнул Арагорн, — коней нам не найти. Придется обойтись без них. Пешими отправились мы на поиски, пешими и будем их продолжать.

— Пешком! — фыркнул Гимли. — Недалеко мы уйдем на пустой желудок!

— Совсем недавно ты и подойти-то к коню боялся, — расхохотался Леголас. — Так, глядишь, заправским наездником станешь.

— Теперь едва ли случай представится, — съязвил Гимли. Он долго молчал, прежде чем заговорить о том, что мучило всех троих. — Это был Саруман. Больше некому. Именно так описал его Йомер. Это он увел наших коней. Дальше будет хуже, попомните мои слова!

— Запомним, — пообещал Арагорн. — А еще я запомнил, что старик был в шляпе, а Йомер говорил о капюшоне. Как бы там ни было, опасность, видно, близка. — Он помолчал. — Утро вечера мудренее. Ложись спать, Гимли. Мне нужно по-

думать, я посижу у костра.

Ночь была долгой. Арагорна сменил Леголас, под утро снова дежурил Гимли. Но больше ничего не произошло. Старик не появлялся. Не вернулись и кони.

Глава III
Урук-Хайи

Пиппин забылся тревожным сном. Во сне он отчаянно звал Фродо, но слабый голос терялся в черных переходах. Внезапно сотни оскаленных морд появились из темноты, сотни мерзких лап вцепились в него. Куда же делся Мерри?..

Холодный ветер дохнул в лицо, и Пиппин очнулся. Он лежал на спине. Смеркалось, небо над головой постепенно темнело. Он попробовал повернуться и понял, что действительность не лучше мучившего его кошмара. Ноги и руки были стянуты ремнями, все болело. Мерри лежал рядом, бледный, с головой, обмотанной грязной тряпкой. Вокруг расположилась большая стая орков.

Память постепенно возвращалась, отделяясь от видений. Пиппин вспомнил, как они с Мерри сломя голову бросились в лес. Что на них нашло? Почему они не послушались Арагорна? Они мчались куда-то и звали Фродо — и вдруг оказались посреди орочьей стаи. С деревьев на них посыпались десятки гоблинов. Хоббиты вы-

хватили мечи, но орки старались лишь схватить их и избегали драки, даже когда Мерри отрубил несколько хищных лап. Добрый старый Мерри!

Боромир пробился к ним на выручку. Теперь-то оркам пришлось отступить! Но вернуться хоббиты не успели. Орки напали снова, теперь их было не меньше сотни. Град стрел обрушился на Боромира. Воин протрубил в рог, и лес загудел в ответ. Орки в ужасе подались было назад, но лишь эхо ответило рогу, и они атаковали снова, еще яростнее… Больше Пиппин ничего не помнил. Последнее, что он видел, — прислонившегося к дереву Боромира, вырывающего стрелу из плеча. Затем свет померк.

«Похоже, схлопотал по макушке, — сказал себе Пиппин. — Интересно, как там с головой у Мерри? И что сталось с Боромиром? Почему орки нас до сих пор не прикончили? А еще любопытно бы узнать, где мы оказались, и куда нас тащат?» Ответов не было. Он замерз и устал.

«Пожалуй, не стоило Гэндальфу так усердно уговаривать Элронда отпустить нас, — пришла следующая мысль. — Проку от меня — как от мешка с костями. Теперь мешок украли и тащат орки. Одна надежда: придет Колоброд и спасет нас. Вдруг у него других дел не окажется…

Как же все-таки выпутаться?»

Он немного повозился, — путы держали крепко. Орк, сидевший поблизости, ткнул в его сторону пальцем и с хохотом объяснил что-то приятелю на орочьем наречии.

— Отдыхай, пока можешь, дурачок! — бросил он Пиппину на Всеобщем языке, звучавшем у него не лучше орочьего. — Отлеживайся! Уж мы найдем занятие для твоих лап. Еще пожалеешь, что они у тебя есть, пока доберемся домой!

— Жаль, не вышло по-моему, — вставил другой. — Ты бы попищал у меня, крысеныш! — Он наклонился над хоббитом, приблизив желтые клыки к самому его лицу. В руке тускло блеснул длинный зазубренный черный нож. — Лежи тихо, а то я пощекочу тебя вот этим! — прошипел он. — Проклятые Саруманов прихвостни*! Углук а багрон ша пушдаг Саруман-глоб бабхош скэй…* — ругань гоблина сменилась бессильным ворчанием. Пиппин, испуганный, ненадолго затих. Запястья и лодыжки болели все сильнее, а острые камни врезались в спину. Постаравшись забыть про них, он стал прислушиваться, пытаясь понять, что происходит.

В стае явно назревала ссора. Голоса звучали все злее. Пиппин с удивлением обнаружил, что

орки перешли на Всеобщий язык. Видимо, здесь собрались разные племена, которые с трудом понимали наречие соседа. Орки ссорились, решая, что делать с пленниками.

— Не убивать же их в такой спешке, — говорил один. — Ни развлечься тебе, ни побаловаться.

— Чего тянуть-то? — отвечал другой. — Прикончим их поскорее, прямо тут, и все дела.

— Приказ, — донесся третий голос, низкий и рокочущий. — У меня приказ. *Убивать всех, КРОМЕ полурослико́в, они должны быть доставлены ЖИВЫМИ, чем быстрее, тем лучше.*

— Еще чего, — заговорили несколько голосов разом, — почему живыми? Они там сами, что ли, решили развлечься?

— Нет! Я слышал, у одного из них что-то есть, какая-то эльфийская штучка, для Войны. Их всех будут допрашивать.

— Немного же ты знаешь! Может, обыщем их? Нам эта штучка тоже сгодится.

— Интересная мысль, — тихо и зловеще сказал новый голос, — я доложу о ней. НЕ обыскивать и НЕ грабить. *Мне* было так приказано.

— Мне тоже, — сказал низкий голос. — *Заживо и как есть; руки не распускать.*

— Мы шли от самых пещер, чтобы отомстить за

своих, — послышался один из первых голосов, — мы убьем их и уйдем назад, на север.

— Еще чего, — рявкнул прежний голос. — Я Углук. Приказываю здесь я. Мы возвращаемся прямо в Изенгард.

— Давно ли Саруман начал распоряжаться? Может, он у нас — Багровое Око? — прошелестел зловещий голос. — Нам надо в Мордор. В Лагбур.

— А как переправляться через реку? Нас слишком мало, чтобы прорваться через мосты.

— Я же прошел, — сказал все тот же голос. — Крылатый назгул ждет нас на том берегу.

— Ах, вот, значит, как! Вы улизнете с нашими пленниками, получите в Мордоре плату и почести, а нам тащиться через этот лошадиный край? Нет уж, надо держаться вместе.

— Вместе, вместе! — заворчал Углук. — Не верю я твоим свиньям. Для хорошей драки у вас кишка тонка! Без нас вы давно бы удрали. Мы — бойцы Урук-хайи! Мы сразили великого воина. Мы захватили пленников. Мы — слуги Сарумана Мудрого, Белой Руки. Эта Рука кормит нас человечиной. Мы пришли из Изенгарда и туда же вернемся. Мы привели вас сюда и поведем дальше. Я, Углук, так сказал.

— Не слишком ли ты разболтался, Углук? —

вкрадчиво проговорил мордорский предводитель. — В Лагбуре это может не понравиться. Там могут решить, что твоей шее пора отдохнуть от болтливой головы. А может, захотят выяснить, где ты такого набрался. Не у Сарумана ли? Кем он себя считает и с какой стати раздает кое-кому свои белые бляхи? Я, Гришнак, скажу и за себя, и за тех, кто послал меня сюда: Саруман — глупец и грязный предатель. Но ему не скрыться от Багрового Ока. И мусорщики этого дрянного колдуна обзывают нас свиньями! Да он их орочьим мясом кормит, попомните мои слова!

Ответом ему были яростные вопли и лязг оружия. Пиппин осторожно повернулся, чтобы лучше видеть происходящее. Его стражи в ожидании потасовки присоединились к толпе. В сумерках он заметил огромного черного орка — наверное, это был Углук, — стоящего лицом к лицу с Гришнаком — приземистым, кривоногим, с руками почти до земли. Вокруг столпились гоблины поменьше — наверное, северяне. Они вытащили мечи и ножи, но нападать пока не решались.

Углук крикнул, и орки его стаи бросились к нему. Гришнак отступил назад и исчез в темноте. Подняв меч, Углук внезапно прыгнул вперед.

Двое северян упали обезглавленные, остальные в страхе отпрянули. Один из них споткнулся о неподвижное тело Мерри, грязно выругался и упал, — это спасло ему жизнь. Преследователи, перескочив через него, прикончили другого. Убитый — охранник с желтыми клыками — рухнул подле Пиппина. Свой зазубренный нож он так и не выпустил.

— Убрать оружие! — крикнул Углук. — Хватит дурить! Идем на запад — до холмов, вдоль реки, потом к лесу — днем и ночью. Ясно?

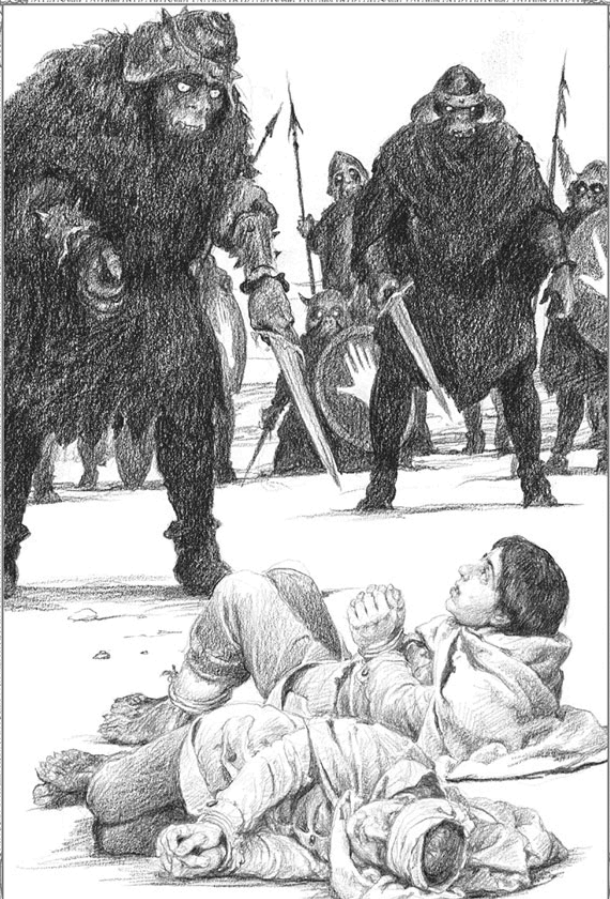
«Так, — подумал Пиппин, — пока этот злыдень будет унимать своих головорезов, кое-что я могу успеть». Появилась слабая надежда. Лезвие ножа касалось его связанных рук. По ладоням стекала кровь убитого гоблина. Орки Углука разбирались с северянами, и хоббиты оказались без присмотра. Ремни крепко стягивали ноги Пиппина, но руки были связаны только в запястьях, к тому же спереди. Он придвинулся ближе и, почти не дыша, поднес связанные руки к лезвию ножа. Через несколько мгновений узел был перерезан. Пиппин снова накинул веревку на руки и затих.

— Возьмите-ка пленников! — крикнул Углук. — И без шуток! Если они не дотянут до конца, кое-кто отправится вслед за ними.

Один из орков взвалил Пиппина на спину и попрыгал, пристраивая груз поудобнее. Другой проделал то же самое с Мерри. Когтистые лапы сжали Пиппина как клещи, в глазах у хоббита помутилось, сознание покинуло его…

Очнулся он от удара о землю. Ночь только начиналась, но месяц уже клонился к западу. Они стояли на каменистом гребне, как на острове в море тумана. Неподалеку шумела вода.

— Разведчики вернулись, — донесся орочий голос, — все спокойно. Был один Всадник, и тот ускакал на запад.



— Пока спокойно, — буркнул Углук, — да надолго ли? Дурачье! Не могли пристрелить? Теперь коневоды узнают о нас к утру. Прибавим ходу.

Тень наклонилась над Пиппином. Это был Углук.

— Сядь! — сказал он. — Мои парни устали тащить тебя. Впереди спуск, и ты пойдешь сам. Не поднимай шума и не пытайся удрать. Будет больно.

Он разрезал веревки и, взяв Пиппина за волосы, поставил. Хоббит упал, и Углук поднял его снова. Орки загоготали. Углук сунул хоббиту фляжку в зубы и влил в рот какую-то гадость. Пиппина обожгло, как огнем, но дрожь в ногах пропала. Он мог стоять.

— Теперь другой! — Углук подошел к Мерри и пнул его. Мерри застонал. Углук придал хоббиту сидячее положение, размотал тряпку на голове и намазал рану темной мазью из деревянной коробочки. Мерри кричал и отчаянно отбивался. Орки ржали от восторга.

— Не нравится лекарство! Не понимает своей же пользы. Эй! Давай дальше!

Углук не обращал на них внимания. Нужно спешить, вот он и лечил хоббита по-своему, и лечение пошло впрок. Углук дал хлебнуть из

фляжки и ему, разрезал веревки и вздернул на ноги. Мерри, немного бледный, но вполне живой, оглядывался сердито и вызывающе. Рана затянулась, остался лишь коричневый рубец, который ему предстояло носить до конца дней.

— Привет, Пиппин! — сказал он. — Так ты тоже путешествуешь с нами? А где же постель и завтрак?

— Заткнитесь! — гаркнул Углук. — Не разговаривать! Обо всем будет доложено Хозяину, он сам с вами разберется. Получите и постель, и завтрак — больше, чем в вас влезет.

Орки бежали по узкому оврагу, впадавшему в туманную низину. Мерри и Пиппин, разделенные не меньше чем дюжиной урук-хайев, спускались с ними. Внизу виднелась трава, и хоббиты воспряли духом.

— Теперь прямо! — крикнул Углук. — На запад, чуть севернее.

— А что мы будем делать, когда рассветет? — спросил один из северян.

— Драпать, — ответил Углук, — а вы хотели посидеть на травке и поболтать с белокожими?

— Мы не побежим при солнце.

— Я подгоню, — с ухмылкой пообещал Углук. — Двигайте ногами, авось еще раз увидите свои

ненаглядные норы. Вперед, за Белую Руку! Никакого проку от этих недоделанных пещерных козявок. Вперед, проклятые! Вперед, пока еще темно!

Орки не придерживались никакого порядка, толкались, переругивались, но бежали быстро. Пиппин уже не выдерживал темпа и отставал: он с утра ничего не ел. Правда, орочье питье пока согревало его, и голова была ясной. Снова и снова вставало перед ним лицо Колоброда, вглядывавшегося в темную тропу. Но даже Следопыт не нашел бы здесь ничего. Слабые следы хоббитов тут же затаптывались подбитыми железом башмаками.

Примерно через милю они оказались в широкой мелкой лощине. Почва под ногами стала сырой и мягкой. Туман слабо мерцал в последних лучах луны. Темные силуэты орков расплылись и исчезли в нем.

Внезапная мысль осенила Пиппина. Он круто бросился вправо, проскользнул мимо своего охранника, нырнул в туман — и тут споткнулся и растянулся на траве.

— Стой! — заревел Углук.

Пиппин вскочил и побежал. Несколько орков кинулись за ним.

«Не убежать, — понял Пиппин. — Остается только оставить знак и надеяться, что его не затопчут». Связанными руками он сорвал с плаща застежку и в тот момент, когда его уже схватили когтистые лапы, разжал пальцы.

«Тут она и останется, — мрачно подумал он, — сам не знаю, зачем я это сделал. Если остальные спаслись, они, наверное, ушли с Фродо».

Его ударили бичом по ногам, и он с трудом подавил крик.

— Хватит! — крикнул Углук. — Ему еще долго бежать. Но это только задаток, — рявкнул он на Пиппина, — остальное получишь потом. Вперед!

Пиппин и Мерри плохо помнили дальнейшее. Сон и явь слились в бесконечную череду кошмаров, а надежда гасла с каждым шагом. Они все бежали и бежали, стараясь держать темп, заданный орками; снова и снова их обжигали хлесткие удары бича, направляемые меткой рукой. Если они спотыкались или останавливались, орки подхватывали их и какое-то время тащили.

Действие питья давно прекратилось. Пиппин совсем обессилел. Он упал лицом вниз на землю, и крепкие руки с острыми когтями снова тащили его, как тюфяк. Свет померк: может, ночь настала,

а может, потемнело в глазах — он не знал.

Смутно различались голоса. Похоже, орки требовали остановиться. Углук что-то кричал. Пиппина бросили на землю, и он тут же провалился в черное беспамятство. Безжалостные лапы немедленно вцепились в него и принялись трясти. Тьма отступила, он пришел в себя. Было утро.

Пиппин боролся с отчаянием. Голова кружилась, но он согрелся — похоже, ему опять давали глотнуть из фляги. Орк наклонился над ним, протянул хлеб и полоску сушеного мяса. Пиппин жадно сжевал твердый серый хлеб, но к мясу не притронулся. Он был страшно голоден, но даже думать о происхождении этой пищи было противно.

Пиппин сел и осмотрелся. Мерри был неподалеку. Орки остановились на берегу узкой быстрой речки; впереди виднелись горы, лучи солнца уже коснулись далеких вершин. На склонах темнел лес.

Орки снова спорили, куда идти. Одни с тревогой показывали на юг, другие — на восток, каждый старался перекричать соседа.

— Так вы спасаете свои шкуры от белокожих и бросаете добычу псу под хвост! — говорил

Углук. — Отлично! Я ее подберу. Урук-хайи обойдутся без вас. Проваливайте! Туда, в лес! Убирайтесь, быстро, а то снесу пару голов, чтобы добавить ума остальным.

Огрызаясь и отбиваясь, северяне побежали вдоль реки к горам. Хоббиты остались с изенгардскими орками. Их было не меньше восьмидесяти — дикая орда смуглых косоглазых громил с огромными луками и широкими короткими мечами.

— Теперь разберемся с Гришнаком, — сказал Углук. Но тут даже его стая стала с тревогой поглядывать на юг. — Знаю, — проворчал он. — Этим коневодам достанется от нас только ветер. Все из-за тебя, Снага. Уши вам пооборвать, разведчики… Но мы бойцы, и мы еще полакомимся кониной, а может, и чем-нибудь повкуснее!

Наконец Пиппин понял, почему часть орков показывала на восток. Оттуда доносились пронзительные вопли. Гришнак снова появился, ведя за собой десятка четыре длиннооруких кривоногих гоблинов со знаком Багрового Ока на щитах.

Углук выступил вперед:

— Вернулся все же? Пораскинул мозгами, а?

— Я пришел проверить, хорошо ли выполняется приказ и не случилось ли чего с пленниками, — небрежно бросил Гришнак.

— Да что ты! Напрасно беспокоился. Я уж сам прослежу за своими приказами. Ну, что тебе еще? Ты так торопился уйти, может, забыл чего?

— Забыл, что доверил дело дураку, — проворчал Гришнак. — Оставил тут кое-что ценное, оно не должно пропасть.

— Превосходно, — захохотал Углук. — Только ты не с того начал. Приближаются белокожие. Где твой хваленый назгул? Под ним снова убили лошадь? Позвал бы хоть его, если у твоих хозяев нет ничего получше.

— Потише про назгулов, — заметно вздрогнув, проговорил Гришнак. — Тебе такое и в самом страшном сне не привидится. Скоро пожалеешь, что болтал о том, чего не понимаешь. Их питает Великое Око, но оно пока не позволяет им показываться за Рекой.

— Ты много знаешь, — сказал Углук, — пожалуй, чересчур много. В Мордоре наверняка полюбопытствуют, откуда. Не распускай нюни! Урук-хайи сделают всю грязную работу. Собери своих и веди к лесу, а то можете и не вернуться к Реке живыми. Мы пойдем следом.

Саруманов орки снова тащили Мерри и Пиппина на себе. Проходили часы, а они все бежали, останавливаясь лишь затем, чтобы перегрузить

хоббитов на новых носильщиков. Может, они были сильнее, а может, Гришнак что-то задумал, но мордорские орки пропустили изенгардских вперед и сомкнулись позади. Первыми мчались северяне. Лес медленно приближался.

Пиппин был весь в синяках и ссадинах. Перед глазами мелькали лишь согнутые спины и мощные ноги, двигавшиеся вверх и вниз, безостановочно, словно задавая ритм нескончаемого кошмара.

В полдень они догнали северян, обессилевших от бледного света зимнего солнца. Их головы поникли, языки болтались.

— Козявки! — ржали изенгардские. — Вы зажаритесь, а белокожие сожрут вас. Они уже близко!

Но вскоре стало не до шуток. Стремительные Всадники настигали орков, как мощный поток настигает путников, завязших в зыбком песке.

Саруманов орки рванулись вперед. Солнце опускалось за Мглистые Горы, тени увеличивались. Мордорцы встряхнулись и тоже прибавили шагу. Лес темнел совсем рядом. То тут, то там виднелись деревья. Начинался подъем, но орки не замедляли бега. Оба — Углук и Гришнак — криками подстегивали отставших на последний рывок.

«Еще могут уйти», — подумал Пиппин. Он с трудом оглянулся. На востоке скачущие по равнине Всадники уже поравнялись с орками. Солнце отражалось от копий и шлемов, золотило развевающиеся волосы. Они окружали орков и, не давая разбежаться, прижимали к реке. Пиппин не представлял, что это за народ. Как он жалел, что в доме Элронда пренебрегал книгами и картами! Но тогда казалось, что план путешествия в надежных руках, и он не мог бы представить себя без Гэндальфа и Колоброда, тем более — без Фродо. Пиппин вспомнил только, что Сполох, конь Гэндальфа, отсюда родом. Это немного обнадеживало.

«Интересно, знают ли всадники о хоббитах? — подумал вдруг Пиппин. — А то убьют нас, как орков, и даже не поймут, что ошиблись. Я, конечно, рад, что этим зверям приходит конец, но я не собираюсь сгинуть вместе с ними!»

Среди Всадников оказались искусные лучники. Они приближались на расстояние выстрела, на полном скаку стреляли по отставшим оркам и быстро уходили из-под ответных стрел. Орки, боясь остановиться, почти не поднимали луков.

До вечера Всадники так и не начали боя. Много орков погибло от стрел, но и осталось еще не

менее сотни. В сумерках добрались до бугра Последние полмили казались непреодолимыми. Всадники взяли их в кольцо. Группа орков, не послушав Углука, попыталась пробиться к лесу; вернулись лишь трое.

— Ну, вот и пришли, — усмехнулся Гришнак. — Надеюсь, Великий Углук выведет нас отсюда?

— Отпустите пленников! — приказал Углук, не обращая внимания на Гришнака. — Лугдуш, возьмешь еще двоих и будешь охранять их. Не убивать, пока белокожие не прорвутся. Покуда я жив, они мне нужны. Ясно? Но чтоб не орали и не сбежали! Свяжите им ноги!

Последнее было выполнено быстро и безжалостно. Правда, хоббитов уложили рядом. Пока орки кричали, шумели и бряцали оружием, им удалось немного пошептаться.

— Я уже не думаю об этом, — говорил Мерри. — Мне не уйти далеко даже без веревок!

— *Лембас!* — шепнул Пиппин. — У меня немного есть. А у тебя? По-моему, у нас отобрали только мечи.

— Пакет был в кармане, — ответил Мерри, — но там, наверно, одни крошки остались. Да я все равно не смогу есть из кармана.

— Зато я… — сильный удар напомнил Пиппину,

что охрана начеку.

Ночь выдалась тихой и холодной. На выстрел от холма со всех сторон зажглись сторожевые костры. Всадники не показывались у огня, и орки извели впустую немало стрел, пока Углук не остановил их. От костров не доносилось ни звука. Позднее, когда взошла луна, туманные силуэты Всадников стали изредка мелькать в ее бледном свете.

— Они будут ждать солнца! — проворчал один из стражей. — Может, прорвемся сейчас? О чем только думает этот Углук?

— Может, скажешь, что он совсем не думает, а? — хмыкнул Углук, выступив из темноты. — Что он, стало быть, глупее мордорских обезьян и пещерных козявок? У коневодов хватит сил, чтобы смести нас на равнине. К тому же, как мне известно, они видят в темноте лучше других. И не забывайте об их конях! Эти видят даже ночной ветер. Одного только никто из вас не знает — Мэйхур с парнями уже в лесу и может появиться в любую минуту.

Речь Углука, похоже, успокоила изенгардских орков, но остальные приуныли, а кое-кто начал ворчать… Назначили дозорных, но большинство из них легли отдохнуть в приятной темноте.

Луна как раз зашла за тучу, и тьма стояла такая, что Пиппин в нескольких шагах ничего не видел. Свет костров не достигал холма. Всадники, однако, не собирались позволить врагам отдыхать до рассвета. Небольшой отряд прокрался к лагерю с восточной стороны и, перебив немало орков, исчез. Углук бросился туда навести порядок.

Пиппин и Мерри сели: их стражи, изенгардские орки, отправились с Углуком. Мысль о бегстве мелькнула, но тут же растаяла Две длинные волосатые руки обхватили их за шеи. Уродливая морда Гришнака просунулась между ними, зловонное дыхание обдало лица Орк начал их обыскивать. Пиппин вздрогнул, когда крепкие холодные пальцы забегали у него по спине.

— Как отдыхается, мои крошки? — шепотом произнес Гришнак, — приятно? Или не очень? Не повезло вам: тут — мечи и кнуты, там — безжалостные копья! Маленькому народу не надо лезть в дела, которые для него слишком велики.

В глазах орка горел алчный огонь. Пиппин, словно прочитав мысли врага, внезапно понял, *что* тот ищет. Холодный страх пробрал хоббита. Гришнак знает о Кольце! Гришнак хочет завладеть им, пока нет Углука. Этим надо воспользоваться, вот только как?

— Так ты его вряд ли найдешь, — шепнул он.

— *Найдешь?* — пальцы Гришнака впились Пиппину в плечо. — Что найдешь? Ты о чем, малыш?

Мгновенье тот молчал, потом тихонько заворчал в темноте:

— *Горлум, горлум,* — и добавил: — Ни о чем, моя прелесть.

Гришнак сжимал хоббита все сильнее.

— Ой-хой, — зашипел он, — вот мы о чем! Ой-хой! Это очень, оч-чень опасно, крошки!

— Возможно, — Мерри начал подыгрывать. — Но не только для нас. Да ты и сам все знаешь. Так нужно оно тебе или нет? Сколько дашь?

— Нужно? — переспросил, словно в замешательстве, Гришнак; его руки тряслись. — Сколько дам? Ты о чем?

— О том, — сказал Пиппин, осторожно подбирая слова, — что неприятно возиться в темноте. Развяжи нам ноги, тогда и поговорим.

— Мои маленькие дурачки, — прошипел Гришнак. — Все, что вы знаете, и все, что у вас есть, вы выложите в свое время. Все! Еще и пожалеете, что не можете сказать больше. Так что спешить нам некуда. Подумайте-ка, почему вы до сих пор живы? Орки сжалились? Или Углук ошибся?

— Уже подумал, — отозвался Мерри. — И как

ты собираешься тащить добычу домой? Если мы окажемся в Изенгарде, Великий Гришнак останется с носом. Саруман своего не упустит. Если ты что-то хочешь для себя, сейчас самое время этим заняться.

Гришнак начал терять терпение. Имя Сарумана, казалось, особенно взбесило его. Время шло, паника улеглась. Углук и изенгардцы могли вернуться в любой момент.

— Есть оно у вас? — оскалился он.

— Горлум, горлум! — произнес Пиппин.

— Разрежь веревки! — потребовал Мерри. У орка тряслись руки.

— Проклятые крысята! — зашипел он. — Разрезать веревки? Да я вам все жилы перережу, до костей разделаю! Изрежу на куски! А унести вас отсюда я смогу и один.

Орк схватил хоббитов, и они ужаснулись силе его рук. Каждого хоббита он сунул под мышку и прижал к бокам. Две крепкие ладони зажали им рты. Пригнувшись, Гришнак бросился вперед, быстро и бесшумно добрался до края холма, тенью проскользнул мимо дозорных и заспешил вниз по западному склону к реке, вытекавшей из леса. На широкой равнине перед ним горел всего лишь один костер.

Пройдя десяток шагов, он остановился и прислушался. Все было спокойно, и орк двинулся дальше, пригибаясь к земле. Присел, снова прислушался. Затем, словно решившись на отчаянный рывок, выпрямился. В этот момент перед ним возникла темная фигура всадника. Конь всхрапнул и заржал. Человек крикнул. Гришнак бросился на землю, подминая под себя хоббитов и вытаскивая меч. Меч звякнул, отсвет далекого костра блеснул на нем. Из темноты просвистела стрела — то ли искусство воина направило ее, то ли провидение — и угодила в правую руку орка. Он выронил меч и вскрикнул. Послышался быстрый топот копыт, и в тот миг, когда Гришнак вскочил, пытаясь бежать, его настигло копье. С гортанным воплем он рухнул на землю и затих.

Второй всадник мчался на помощь товарищу. Конь легко перескочил через хоббитов, а наездник не заметил их, одетых в эльфийские плащи и не смевших шелохнуться.

Мерри зашевелился первым и прошептал:

— Пока неплохо. Как это мы уцелели?

Ответ последовал немедленно. Крик Гришнака слышали не только всадники. По воплям на холме хоббиты поняли, что Углук вернулся и их исчезновение обнаружено. Неожиданно ответ-

ные крики орков раздались со стороны леса, за кольцом огней. Похоже, появился Мэйхур. Часть Всадников теснее сомкнула кольцо вокруг холма, подставив себя под орочьи стрелы и не давая стаям соединиться, пока остальные расправлялись с пришельцами. Пиппин и Мерри обнаружили, что оказались за кольцом окружения.

— Если бы не веревки, мы могли бы спастись, но эти узлы мне не по зубам, — заявил Мерри.

— Обойдемся и так, — Пиппин вытащил руки из веревочной петли и достал пакет. — Сначала подкрепись.

Лепешки, обернутые листьями, помялись, но и только. Хоббиты съели по два куска. Вкус *лембас* напомнил о друзьях, веселых вечеринках, песнях и смехе. Они задумчиво жевали, прислушиваясь к крикам и близкому шуму битвы. Пиппин первый вернулся к действительности.

— Пора удирать, — решил он. — Ну-ка, минутку!

Меч Гришнака валялся рядом, но был слишком громоздким для хоббита. Пиппин подполз к орку и вытащил из ножен длинный острый нож. Им они и перерезали путы.

— Теперь туда! — Пиппин махнул рукой в сторону берега. — Когда согреемся, наверное,

сможем идти. Но пока лучше ползти.

И они поползли. Почва была мягкой, но способ передвижения не отличался быстротой. Хоббиты обогнули костер и добрались до реки, журчавшей в тени высокого берега Только тогда они оглянулись. Похоже, с Мэйхуром и его «парнями» было покончено. Всадники продолжали молчаливый зловещий дозор. Ночь близилась к концу. Небо на востоке начинало светлеть.

— Надо спрятаться, — заявил Пиппин, — а то нас могут увидеть. Мало радости, если Всадники сначала убьют нас, а потом обнаружат, что ошиблись.

Он поднялся на ноги.

— Похоже, согреваются. Я могу идти. А ты как?

Мерри встал.

— Да, — удивился он, — и я тоже. Лембас согревает сердце! И на вкус поприятнее, чем орочье питье. Из чего только его делают? Впрочем, лучше не знать. Выпьем водички, смоем мысли об этой дряни!

— Здесь слишком круто, — сказал Пиппин, — пойдем дальше.

Они неторопливо пошли рядом вдоль реки. Небо впереди светлело. Они болтали, как умеют одни лишь хоббиты, обо всем, что с ними

приключилось. Ни один невольный слушатель не поверил бы, что эти двое только что чудом избежали пыток и мучительной смерти; и даже сейчас, как они хорошо понимали, им вряд ли удастся встретить друзей или избежать новых опасностей.

— Вы неплохо держались, доблестный Тук, — говорил Мерри, — вам отведут целую главу в книге Бильбо, если когда-нибудь мне доведется ему обо всем рассказать. Здорово ты обставил этого волосатого Гришнака, да еще в игру, которую он сам и затеял… Однако я не уверен, что кто-нибудь пойдет по той тропе и наткнется на твою застежку. Я бы ни за что не расстался со своей, но твоя, кажется, пропала навсегда Ладно, вот причешу пятки и сравняюсь с тобой, любезный Перегрин. Ручаюсь, ты плохо представляешь, где мы оказались. А я в Дольне даром времени не терял. Так вот: мы идем на запад, вдоль реки Энтов, а впереди — отроги Мглистых Гор и Лес Фангорна.

Лес темнел прямо перед ними. Казалось, ночь уползала в него от надвигающегося рассвета.

— Ведите, уважаемый Мериадок! — согласился Пиппин. — Туда… или обратно. Нас предупреждали насчет Фангорна. Но столь сведущий

проводник, конечно, и сам помнит об этом.

— Я помню, — кивнул Мерри, — но в лесу, по-моему, лучше, чем на поле боя.

Хоббиты вошли в лес. Деревья вокруг казались очень древними. Мох покрывал огромные ветви и свисал клочьями, шевелясь от ветра. В тусклом свете утренних сумерек карабкающиеся по склону хоббиты походили на эльфийских детей из давно ушедших времен, встречающих на краю девственного леса свой первый рассвет.

Вдали, за Великой Рекой и Бурыми Землями, разгоралась заря, алая, как пламя. Приветствуя ее, запели боевые рога Всадников, и их звуки далеко разнеслись в чистом холодном воздухе. Пиппин и Мерри слышали ржание коней, перекличку рогов, а потом неожиданно — пение воинов. Огненный диск солнца показался из-за края земли. Тогда с грозным кличем Всадники ударили с востока. Красными искрами вспыхивали их кольчуги и копья. Орки с визгом выпускали по ним оставшиеся стрелы. Хоббиты видели, как упали несколько Всадников, но сомкнутый строй их прошел по вершине холма, обогнул ее и атаковал орков снова. Чудом уцелевшие враги бросились врассыпную, но смерть настигала их одного за другим. Лишь одна свора, сбившись

черным клином, отчаянно пробивалась к лесу. Они бежали прямо на хоббитов и, казалось, могли пробиться — трех Всадников, преграждавших им путь, они просто смели.

— Мы слишком засмотрелись, — сказал Мерри, — это Углук! Я вовсе не хочу снова встретиться с ним.

Хоббиты повернулись и бросились в глубь леса.

Так случилось, что они не видели конца сражения. Углука настигли у самой опушки. Сам Йомер, спешившись, сразил его мечом. А на широкой равнине остроглазые Всадники уничтожили остальных.

С погребальными песнями воины возвели курган над павшими товарищами; затем, разложив огромный костер, развеяли по ветру пепел своих врагов.

Так кончился набег, слух о котором не достиг ни Изенгарда, ни Мордора. Но дым пожарища еще долго поднимался к небесам, и его видели многие внимательные глаза…

Глава IV
Фангорн

Пиппин и Мерри пробирались невесть куда сквозь чащобу. Берег ручья вел их на запад, вверх по горным склонам, все дальше в Лес Фангорна. Постепенно страх перед орками отступил, они пошли медленнее и тут обратили внимание на странное удушье. Воздух как будто растаял и перестал питать легкие. Мерри остановился.

— Больше не могу, — пропыхтел он. — Я совсем задыхаюсь.

— Давай хотя бы попьем, — сказал Пиппин. — У меня во рту все пересохло.

Он вскарабкался на огромный древесный корень, спускавшийся в воду и, нагнувшись, зачерпнул сложенными ладонями. Вода была холодной и чистой, и он пил долго. Мерри последовал его примеру. Вода освежила их и, казалось, вселила бодрость в сердца. Хоббиты с удобством расположились на берегу ручья, опустив израненные ноги в поток и разглядывая деревья, сплошной стеной обступившие их со всех сторон. Между стволами стоял серый полумрак.

— Как ты думаешь, мы не заблудились? — спросил Пиппин, устраиваясь поудобнее у подножия огромного древесного ствола. — Я думаю, надо идти вдоль ручья, тогда хоть назад можно будет вернуться.

— Пойти-то можно, вот только ноги не идут, — вздохнул Мерри. — Ты чувствуешь, какой здесь воздух?

— Душно очень, и туман какой-то… — отозвался Пиппин. — Мне вспомнилась старая комната в Большой Усадьбе Туков: огромная, знаешь, такая усадьба, мебель там не меняли и не двигали много поколений. Говорят, Старый Тук жил очень долго, а комната старела и дряхлела вместе с ним. Потом он помер, лет сто назад, но там все равно ничего не изменилось. Ну, так это пустяки по сравнению с древностью этого леса Посмотри, как ветки обросли лишайником! А на деревьях полно старой листвы, похоже, она никогда и не опадает. Странно. Не могу представить, как здесь будет весной — если она когда-нибудь сюда придет.

— Но солнце-то должно иногда появляться, — сказал Мерри. — Я помню, как у Бильбо описано Сумеречье. Там была сплошная темень, скрывавшая страшные вещи. А здесь просто душно. Деревья, что ли, очень густо растут? По-моему,

здесь никакой зверь долго не выживет.

— Да и хоббит, пожалуй, тоже, — проворчал Пиппин. — Как подумаю, что придется тащиться через этот лес, так тошно становится. К тому же едой здесь и не пахнет. Сколько у нас припасов?

— Маловато.

Они посмотрели, что осталось от эльфийских лепешек: раскрошенные кусочки, которых хватит не больше чем на четыре-пять полуголодных дней, вот и все.

— И у нас нет ни одного одеяла, — сказал Мерри. — Куда бы мы ни пошли, ночью все одно замерзнем.

— Насчет дороги лучше решать сейчас, — подумав, произнес Пиппин. — Должно быть, наступает утро.

В этот миг они заметили слабый желтоватый свет, проглядывающий сквозь деревья; казалось, солнечные стрелы там внезапно пробили крышу леса.

— Привет! — воскликнул Мерри. — Похоже, пока мы сидели здесь, солнце забежало за тучку, а теперь опять выбежало, а может, просто поднялось повыше, чтобы выглянуть сквозь какой-нибудь просвет. Он, должно быть, недалеко. Пойдем посмотрим.

Оказалось, это дальше, чем они предполагали. Местность постепенно поднималась и становилась более каменистой. Свет разливался все шире, и скоро они оказались у скальной стены: не то перед склоном холма, не то перед отрогом дальнего хребта. Здесь не росло ни одного деревца, и солнце ярко освещало вершину. Насколько запущенным и серым выглядело все раньше, настолько теперь лес светился коричневыми и темно-серыми оттенками коры, гладкой, как полированная кожа. Ветви подернулись зеленоватой дымкой — первый признак весны.

На крутом каменистом склоне обнаружилось нечто похожее на лестницу. Ее грубые и неровные ступени проточили, скорее всего, вода и ветер. Высоко, почти вровень с вершинами деревьев, виднелся уступ, над ним нависала отвесная стена. Уступ порос травой, его украшал огромный корявый пень с двумя изогнутыми ветвями; в неверном утреннем свете он напоминал фигуру какого-то старика.

— Айда наверх! — радостно воскликнул Мерри. — Подышим вволю и осмотримся!

Они полезли вверх. Если лестницу и делал кто-то, то явно рассчитывая на ноги побольше и подлиннее, чем у хоббитов. Они были слишком

возбуждены, чтобы заметить и удивиться, как необыкновенно быстро зажили рубцы и язвы, оставшиеся после плена, как быстро вернулись силы. Они забрались на край уступа, почти у подножия старого пня; став спиной к холму и глубоко дыша, посмотрели на восток. Оказалось, что в глубь леса они прошли всего три-четыре лиги. Вершины деревьев спускались по склонам к долине. Там, у самого края леса, очень далеко, поднимались клубящиеся столбы черного дыма, волнами плывшего по направлению к ним.

— Ветер меняется, — сказал Мерри, — и опять с востока… Чувствуешь, как холодает?

— Да. Боюсь, что солнце проглянуло ненадолго и скоро все опять затянет тучами. Как жаль! Этот старый запущенный лес при солнечном свете совсем другой. Я почти полюбил его!

— Почти полюбил лес! Вот это славно! Очень любезно с вашей стороны, — произнес странный голос. — Повернитесь-ка, дайте взглянуть на ваши лица. Похоже, вы мне не очень-то нравитесь, однако не будем спешить. Повернитесь!

Большие узловатые ладони легли на их плечи, и их повернули, мягко, но настойчиво; затем две огромные руки подняли их.

Перед хоббитами было совершенно необычное

существо. Оно походило не то на человека, не то на тролля, футов четырнадцати ростом, с длинной головой и почти без шеи. Гладкая коричневая кожа рук мало походила на грубую серо-зеленую кору, покрывавшую остальное тело. На огромных ногах было по семь пальцев. Нижняя часть длинного лица заросла широкой седой бородой, кустистой, у основания напоминавшей тонкие прутья, а на концах похожей на мох. Но в первый момент хоббиты не заметили ничего, кроме глаз. Эти глубокие глаза теперь разглядывали их, сосредоточенно, очень проницательно. Они были коричневыми, в их глубине то и дело вспыхивал зеленый огонек. Потом Пиппин часто пытался рассказать о своем первом впечатлении от этих удивительных глаз. Казалось, их наполняет вековая память и долгие, медленные, размеренные размышления, а поверхность искрится настоящим: так бывает, когда солнце играет в кроне гигантского дерева или на волнах очень глубокого озера. «Не знаю, но мне почудилось, — говорил он, — будто что-то, что росло в земле — сонное вроде как — вдруг пробудилось и изучает нас так же медленно, как жило на протяжении бесконечных лет».

— *Грумм, хумм,* — пробормотал голос, низкий,

как у какого-нибудь деревянного духового инструмента. — Очень странно! Не спешить — вот мое правило! Если бы я увидел вас прежде, чем услышал голоса, — а мне они понравились, приятные голоски, они напомнили мне что-то, но что, я не могу вспомнить, — если бы я увидел вас прежде, чем услышал, я бы попросту раздавил вас, приняв за маленьких орков, и лишь потом обнаружил бы ошибку. Очень вы странные, в самом деле. Корни и ветви! Очень странные!

Пиппин хотя и не оправился от удивления, но больше не боялся. Под взглядом этих глаз он чувствовал скорее любопытство, чем страх.

— Простите, — осведомился он, — вы кто? Или… что?

Подозрительность и настороженность промелькнула в старых глазах; глубина их как-то изменилась.

— Грумм… — ответил голос. — Ну, я — энт. Во всяком случае, так меня называют. Да, энт, вот это самое слово. Некоторые называют меня Фангорн, другие — Древобород. Пусть будет Фангорн.

— *Энт?* — переспросил Мерри. — Я такого и не слыхал. А вы-то сами как себя зовете? Как ваше настоящее имя?

— Ух! — вздохнул Фангорн. — Ух! Не надо спе-

шить. Я и сам собираюсь задавать вопросы. Вы в моей стране. Кто вы такие, вот что интересно знать. Я не могу найти вам места. Похоже, вас нет в старых списках, которые я учил в молодости. Правда, это было так давно… Могли появиться новые списки. Посмотрим, посмотрим! Как это там…

Помни о всех обитателях мира!
Знай: есть четыре свободных народа:
Эльфы, пришедшие в древнее время;
Гномы, живущие в темных пещерах;
Энты, рожденные дикой землею;
Люди — им гордые кони послушны…

Хм, хм, хм…

Мощные лоси, коварные лисы,
Пчелы звенящие, совы ночные,
Зайцы пугливые, злобные волки…

Хм, хм…

Буйволы в поле, орлы в поднебесье,
Быстрые ястребы, юркие белки,
Белые чайки, холодные змеи…

Хум, хм, хум, хм, как там дальше? Трам-пам-

пам, там-там, тарам-пам-пам, там-там… Длинный этот список. Но как бы там ни было, вы, похоже, в него все равно не вмещаетесь!

— Ох! Мы всегда не вмещаемся в старые списки и в старые истории, — вздохнул Мерри, — хотя и существуем уже довольно давно. Мы — хоббиты.

— Почему бы не придумать новую строку? — предложил Пиппин.

Хоббиты малые в норках уютных…

Помести нас среди тех четырех, следом за людьми — мы зовем их Верзилами, — и все будет в порядке.

— Хм! Неплохо, неплохо, — задумчиво произнес Фангорн, — сойдет. Так вы живете в норках, а? Звучит вполне правдоподобно. Кто же это вас так называет: «хоббиты»? На эльфийский непохоже. Все старые слова ведь эльфы придумали; с них все началось.

— Никто больше нас так не называет. Мы сами так себя зовем, — сказал Пиппин.

— Хум, хмм… Не торопиться! Никакой спешки! Вы, стало быть, называете себя хоббитами? Но об этом не стоит говорить каждому встречному. Так, чего доброго, свое настоящее имя выболтаешь, если вовремя не спохватишься.

— А чего спохватываться? — удивился Мер-

ри. — Вот я, например, Брендискок, Мериадок Брендискок, хотя многие зовут меня просто Мерри.

— А я — Тук, Перегрин Тук, хотя вообще-то меня называют Пиппин.

— Хм. Ну, вы все-таки торопливый народ, как я погляжу, — сказал Фангорн. — Я польщен вашим доверием, но, пожалуй, не стоит предоставлять вам слишком много свободы сразу. Знаете ли, есть энты и есть энты; иными словами, есть энты, а есть кое-что похожее на энтов, как вы могли бы сказать. Я буду звать вас Мерри и Пиппин, если вы не возражаете, — славные имена. А я пока подожду говорить вам свое имя, да, пока подожду. — Странный, сочувственный и насмешливый огонек засветился в его глазах. — Да, ни в коем случае! Во-первых, это заняло бы слишком много времени: мое имя ведь росло вместе со мной, а я жил долго, очень долго; так что мое имя — это, считай, история. Настоящие имена рассказывают историю вещей, которым принадлежат, — так это в моем языке, старом энтском, как вы бы сказали. Это замечательный язык, но нужно очень много времени, чтобы сказать на нем что-нибудь. Поэтому мы не говорим на нем ничего, кроме достойных долгих речей для

долгого слушания. А теперь, — и глаза стали яркими, «сегодняшними», казалось, они даже уменьшились и заострились, — расскажите-ка мне, что происходит? Что вы здесь делаете? Я многое вижу и чую с этого… с этого… с *этого а-лалла-лалла-румба-каманда-линд-ор-араме.* Да, вы уж извините меня, я не знаю нужного слова на внешних языках: знаете, та вещь, на которой мы находимся, где я стою, любуясь прекрасным утром, думаю о солнце, о лесной траве, о лошадях, облаках, о цветении мира… Да, что происходит? Что там замышляет Гэндальф? И эти — *бара-рум,* — он издал рокочущий звук, как большой расстроенный орган, — эти орки; и молодой Саруман в своем Изенгарде? Я люблю новости. Только помедленнее.

— Многое происходит, — сказал Мерри, — даже если быстро рассказывать — это надолго. Но вы велите не спешить. Может, тогда лучше ничего не рассказывать? Вам не покажется невежливым с нашей стороны, если мы спросим, что вы собираетесь с нами делать? На чьей вы стороне? И откуда знаете Гэндальфа?

— Да вот уж знаю. Он единственный мудрец, который заботится о деревьях, — ответил старый энт. — А вы его тоже знаете?

— Да, — печально произнес Пиппин. — Он был нашим самым большим другом и предводителем.

— О, тогда я могу ответить на ваши вопросы. Я ничего не собираюсь делать с вами. Но мы могли бы кое-что сделать вместе. Я ничего не знаю и знать не хочу ни о каких сторонах. Я иду своей дорогой и думаю, что ваш путь на некоторое время может совпасть с ней. Но вы говорите о Гэндальфе так, будто его история подошла к концу?

— Да, — вздохнул Пиппин. — История-то продолжается, а вот Гэндальфа в ней уже не будет.

Фангорн долго молчал, внимательно глядя на хоббитов.

— Хумм, о, не знаю, что и сказать, — молвил он наконец. — Продолжайте.

— Если вы хотите знать больше, — проникновенно сказал Мерри, — мы расскажем. Но это займет некоторое время. Вы не опустите нас? Мы бы посидели тут вместе на солнышке, пока оно еще есть… Вы, должно быть, устали держать нас на весу?..

— Хм, устал? Нет, я не устал. Я так быстро не

устаю. И не сажусь. Я не очень, хм, гибкий. Но солнце уходит. Давайте уйдем с этого… как, вы сказали, оно называется?

— Холм? — предположил Мерри. — Уступ, ступенька?

Энт тщательно повторил слова, словно попробовал их на вкус.

— Холм. Да, это так. Но это слишком поспешное слово для вещи, которая стоит здесь с тех пор, как эта часть мира обрела свой вид. Ну, ничего. Пойдемте отсюда.

— А куда? — спросил Мерри.

— В мой дом, или в один из моих домов, — степенно ответил Фангорн.

— Это далеко?

— Не знаю. Может — далеко, может — нет. Какая разница?

— Да в общем-то никакой. Но, понимаете, у нас почти ничего не осталось, мы все потеряли, — сказал Мерри. — И у нас очень мало еды.

— О! Хм! Об этом не надо беспокоиться. Я дам вам питья, от которого вы долго-долго будете зелеными и растущими. Но если вы решите отпочковаться, я могу высадить вас где угодно. Вперед!

Осторожно, но уверенно держа хоббитов на

сгибах рук, Фангорн поднял одну большую ногу, затем другую и направился к краю уступа. Корнеподобные пальцы ног вцепились в скалы. Он торжественно спустился по ступеням и вошел в лес.

Там он сразу направился сквозь заросли, все глубже и глубже, не удаляясь от ручья и все время поднимаясь по горному склону. Многие деревья, казалось, спали или обращали на Фангорна не больше внимания, чем на любого другого случайного прохожего; иные вздрагивали, а некоторые поднимали ветви над его головой. Он шел и разговаривал сам с собой — как будто бежал долгий поток мелодичных низких звуков.

Некоторое время хоббиты молчали. Как ни странно, они чувствовали себя уютно и в безопасности, и у них было о чем подумать и чему поудивляться. Наконец Пиппин решился снова заговорить.

— Извините, пожалуйста, — сказал он, — могу я спросить вас кое о чем? Почему Келеберн предупреждал нас против вашего леса? Он уговаривал нас не рисковать и говорил, что здесь кроется западня.

— Хм, он так и сказал? — пророкотал Фангорн. — И я мог бы сказать то же самое, если бы

вы шли другим путем. Бойся попасть в западню в лесах *Лаурелиндоренана!* Так обычно его называли эльфы, но теперь они нашли более короткое имя: Лотлориен. Возможно, они правы: может быть, он увядает, а не растет. Земля долины Поющего Золота — вот что там было в древние времена. Теперь это Цветок Грез. О, это странное место, и не всякий рискнет появиться там. Я поражен, что вам удалось самим выбраться оттуда. Но меня еще больше удивляет, как вы туда попали. Путников там не бывало уже много лет. Да, странное место… Место печали и скорби. *Ааурелиндоренан линделорендор малинорнелион орнемалин,* — медленным речитативом проговорил он. — Только за пределами Лаурелиндоренана, по-моему, листья падают чаще… И эта страна, и все прочие, кроме Золотого Леса, стали иными с тех пор, когда Келеберн был молодым. Только… хум, хм, *Таурелиломеа-тумбалеморна Тумбалетауреа Аомеанор,* так они говорили. Конечно, многое изменилось, но не везде же, так что это верно.

— Что верно? — поинтересовался обескураженный Пиппин.

— Да про деревья и про энтов. Я не все понимаю из того, что происходит, так что не могу

объяснить. Некоторые из нас все еще настоящие энты, но вот многие засыпают, деревенеют, как вы бы сказали. Большинство деревьев — деревья и есть, но некоторые наполовину пробудились, а некоторые пробудились уже совсем… а кое-кто становится энтами. Так всегда было.

Когда это случается с деревьями, оказывается, что у некоторых плохие сердца. Сердцевина здесь ни при чем, я не это имею в виду. О, я знавал несколько славных старых ив в нижнем течении Энтовой Купели; они были сплошь в дуплах, разваливались на куски, но были тихи и ласковы, как юный лист. А есть деревья в долинах, у подножия гор, они громогласны, как колокол, но насквозь испорчены. Такое теперь все чаще случается. Здесь появилось много опасных мест. Есть совсем черные пятна…

— Как Сумеречье на севере? — спросил Мерри.

— Вот, вот, что-то вроде этого, но гораздо хуже. Я знаю, что север затемнен, а на этой земле есть такие глубокие долины, где тьма никогда и не поднималась и где деревья еще старше меня. Мы делаем что можем, не пускаем безрассудных путников, воспитываем, учим, расчищаем.

Мы, старые энты, — пастыри деревьев. Нас теперь немного осталось. Говорят, что со временем

овцы становятся похожи на пастухов, а пастухи — на овец. Это, конечно, не сразу, а потом, овцы — они недолговечны. У деревьев и у энтов все быстрее и ближе, они вместе идут сквозь века. Энты кое в чем похожи на эльфов: они меньше заняты собой, чем люди, лучше вникают в суть вещей. В то же время энты похожи и на людей: быстрее меняются, чем эльфы, и быстрее приспосабливаются, можно сказать. Энты лучше, чем те и другие, потому что они последовательны и дольше размышляют над тем, что происходит.

Кое-кто из моей семьи теперь совсем одеревенел и едва шепчет. Нужно что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы пробудить их. Зато некоторые из моих деревьев очень подвижны, многие могут говорить со мной. Конечно, начали все эльфы. Это они пробуждали деревья, учили их разговаривать и слушали их. Первые эльфы всегда хотели со всеми разговаривать. А потом наступила Великая Тьма, и они уплыли за море, разлетелись по дальним долинам и сложили песни о днях, которые никогда не вернутся. Никогда… Эх, эх, эх, в былое время отсюда и до Синих Гор тянулся один лес, и все это называлось Восточным Краем. То были просторные дни! Бывало, я мог идти и петь весь день, и не слышать ничего, кроме эха

в холмистых ущельях. Здешние леса были похожи на леса Лотлориена, только гуще, сильнее, моложе. А какой аромат! Бывало, я целые недели дышал и больше ничего не делал.

Фангорн умолк, бесшумно шагая на своих огромных ногах. Затем он опять захмыкал, хмыканье перешло в бормотанье. Хоббиты не сразу поняли, что старый энт поет какую-то древнюю песню…

К ивовым кущам Тазаринана я приходил по весне.

О краски, о ароматы весны в Нан-Тазарионе!

— Здесь хорошо! — говорил я.

У вязов Оссириандa скитался я летом.

О свет, о мелодии лета у Семиречья Оссира!

— Здесь лучше, — думалось мне.

По осени буки Нэлдорета принимали меня.

О алое золото, о шепоты осени в Таурна-Нэлдор!

— Здесь лучше всего, — я думал.

К соснам в нагорьях Дортониона я при-

ходил зимой.

О, белые ветры меж черных ветвей в Ород-на-Тоне!

И мой голос летел в небеса.

Ныне земли эти укрыты волнами,

А со мною остались — Амбарона, Тауреморна,

Альдаломэ,

Да моя земля, лес мой Фангорн,

Чьи корни ушли в глубины земли,

А лет миновало гуще, чем опало листвы

В Тауреморналомэ.

Потом их спутник замолчал и шествовал дальше в полной тишине. Во всем лесу не было ни звука.

День шел на убыль, и сумерки окутывали стволы деревьев. Наконец хоббиты увидели вздымающиеся перед ними неясные темные тени; они пришли к подножию гор. Навстречу, со склонов холма, каскадами сбегал поток — юная Энтова Купель. На правом берегу виднелся длинный склон, одетый травой, в сумерках казавшейся

серой. Деревья там не росли, склон был открыт небу; звезды сияли в небесных озерах, окруженных берегами облаков.

Тем же размеренным шагом Фангорн направился вверх по склону. Внезапно хоббиты увидели впереди широкий вход. Два больших дерева стояли по сторонам, как живые столбы ворот, и переплетенные ветви поднялись при их приближении. То были вечнозеленые деревья, их гладкие и темные листья таинственно мерцали в полумраке. За ними открывалось широкое ровное пространство, как будто в склоне холма вырезали большой грот. По обе стороны на высоту более пятидесяти футов вздымались стены; вдоль каждой стены стояли деревья, и чем глубже, тем выше. Дальний конец грота замыкала отвесная скала, но у подножия была неглубокая ниша со сводчатым потолком — единственная крыша этого удивительного жилища, если не считать ветвей, заплетавших грот снизу доверху, оставляя лишь широкий проход в середине. Маленький поток падал сверху и, звеня, разбивался на серебряные брызги, образуя возле ниши подобие чудесного занавеса. Вода собиралась в каменный бассейн между деревьями и бежала оттуда вдоль тропы, чтобы присоединиться к Эн-

товой Купели в ее странствиях по лесу.

— Хм! Вот мы и тут! — сказал Фангорн, нарушая долгое молчание. — Мы прошли примерно семьдесят тысяч энтовых шагов, а сколько это по-вашему — не знаю. Как бы то ни было, мы теперь у подножия Последней Горы. Мне здесь нравится. Заночуем здесь.

Он опустил их на траву между деревьями, и они пошли за ним к большой арке. Хоббиты заметили теперь, что колени энта не сгибались при ходьбе, но ноги ступали широко, причем прежде всего в землю впивались пальцы ног, очень большие и широкие.

Минуту Фангорн потоптался под водопадом, сделал глубокий вдох, засмеялся и прошел внутрь. Там стоял большой каменный стол, но не видно было ни одного сиденья. В глубине ниши было уже темно. Энт поднял два больших сосуда и поставил их на стол. Казалось, что в них простая вода, однако он подержал над ними руки, и кувшины начали разгораться: первый — золотым, второй — ярко-зеленым светом. Будто летнее солнце пробилось сквозь покров молодой листвы, освещая нишу. Обернувшись, хоббиты увидели, что деревья тоже засветились, сперва робко, а затем все ярче, пока каждый лист не оказался в

кайме света, зеленого, золотого или красного, как медь; древесные стволы походили на колонны, выточенные из самоцветного камня.

— Ну вот, теперь можно и поговорить, — сказал Фангорн. — Полагаю, вы хотите пить, да и устали, наверное. Глотните-ка вот этого.

Он направился к задней стене ниши, где хоббиты увидели несколько высоких каменных кувшинов с тяжелыми крышками. Он сдвинул одну из них, зачерпнул из кувшина большим ковшом и наполнил три кубка — один очень большой и два поменьше.

— Это дом энтов, — объяснил он. — Здесь не на чем сидеть, но вы можете сесть на стол.

Он поднял хоббитов и посадил на огромную каменную плиту, на шесть футов возвышавшуюся над землей. Там они и сидели, болтая ногами и потягивая из кубков.

Питье было похоже на воду, по вкусу очень напоминавшую ту, что они пили из Энтовой Купели у опушки леса, однако имело какой-то привкус, которого они не могли описать; он был неотчетлив, но напоминал запах дальнего леса, который приносит прохладный ночной ветер. Действие напитка сказалось сначала в кончиках пальцев ног, потом постепенно поднялось до

корней волос, наливая тело силой и бодростью. Хоббиты почувствовали, как волосы у них на головах встали дыбом, начали виться, волнообразно шевелиться и расти. Фангорн, опустив ноги в бассейн, осушил свой кубок одним глотком — одним длинным медленным глотком. Хоббиты думали, что он никогда не остановится.

Наконец он отставил кубок.

— Ах-ха, хум, хм, теперь легче будет разговаривать. Сидите, где сидите, а я лягу, тогда питье не ударит в голову, и я не усну.

С правой стороны ниши находилась большая кровать на низких ножках, густо покрытая травой и папоротником. Фангорн медленно на нее опустился — лишь с намеком на изгиб посередине — и вытянулся во весь рост, положив руки за голову, глядя в потолок, на котором мелькали отблески, как листья, играющие в солнечном свете. Мерри и Пиппин сели рядом на подушки из травы.

— Теперь рассказывайте вашу сказку, да только не торопясь! — попросил энт.

Хоббиты поведали о своих приключениях с того момента, как покинули Шир. Они говорили довольно беспорядочно, то и дело перебивая друг друга, и Фангорн часто останавливал их,

возвращал к более раннему моменту или начинал расспрашивать о событиях более поздних. Они ничего не сказали о Кольце и не объяснили, почему отправились в путь и куда шли, а сам он не спрашивал.

Энта интересовало все: Черные Всадники, Элронд, Древлепуща, Том Бомбадил, пещеры Мории, Лотлориен, Галадриэль. Он заставил их снова и снова описывать Шир. Потом подумал и спросил странно:

— Вы там, в окрестностях, никогда, хм, не видели жен энтов?

— Жен энтов? — опешил Пиппин. — А какие они с виду? Такие же, как вы?

— Да, хм, а может, и нет, я уж теперь и не знаю… — задумчиво произнес Фангорн. — Но им бы понравилась ваша страна, вот я и спросил.

Энт дотошно расспрашивал о Гэндальфе, но более всего его встревожили действия Сарумана. Хоббиты знали немного: рассказ Гэндальфа на Совете в изложении Сэма, да еще то, что Углук, взявший их в плен, был из Изенгарда и хозяином своим называл Сарумана.

— Хм, хум! — произнес Фангорн, когда их история наконец добралась до схватки между орками

и Всадниками. — Ну и ну! Вы рассказали мне массу новостей и, насколько я могу судить, не сделали ни единой ошибки. Конечно, вы рассказали не все, но я не сомневаюсь, что вы действуете так, как хотел бы Гэндальф. Я чувствую, происходит нечто большое, и когда-нибудь, наверное, узнаю, что именно. Корни и ветви! Вот странное дело! Появляется маленький народец, которого нет в старинных списках, и — обратите внимание! — Девять Забытых возрождаются, чтобы охотиться за ними, и Гэндальф берет их в большое путешествие, и Галадриэль дает им приют, и орки преследуют их в дикой земле… Похоже, они попали в ураган! Надеюсь, они его выдержат!

— Ну а вы? — осторожно спросил Мерри.

— Хум, хм, меня не заботят Большие Войны, — сказал Фангорн. — Они касаются эльфов и людей. Пусть этим занимаются мудрецы: они думают о будущем. Чего мне лезть в это дело? Я не придерживаюсь никакой стороны, потому что никто не придерживается моей, если вы меня понимаете: никто не заботится о лесах так, как я, даже эльфы теперь… Хотя к эльфам я отношусь лучше, чем ко всем прочим: эльфы излечили нас от немоты в давние времена, а это дар, о котором нельзя забыть, хотя с тех пор наши пути и разошлись. Но

зато есть кое-что, с чем я решительно не согласен, я целиком против этого. Это — *барарум,* — он издал глубокий рокот отвращения, — это орки и их хозяева.

Я тревожился, когда тень накрыла Сумеречье, но перестал беспокоиться, когда она переместилась в Мордор — Мордор далеко. А теперь, кажется, ветер начинает дуть с востока, и он несет старость и увядание всем лесам. Старый энт не в силах сдержать эту бурю: он либо устоит, либо сломается.

Но вот Саруман! Саруман — сосед, я не имею права проглядеть его. Полагаю, я должен что-то сделать. Я часто размышлял, что мне делать с ним.

— А кто он такой? — спросил Пиппин. — Вы что-нибудь знаете о нем?

— Саруман — маг, мудрец, — ответил Фангорн. — Больше, пожалуй, и не скажешь. Я не знаю истории магов. Они появились после того, как из-за Моря пришли Большие Корабли; вот только не знаю, пришли маги с ними или нет. Саруман считался среди них самым сведущим. Некоторое время назад — очень долгое время на ваш счет — он бродил по земле и вмешивался в дела людей и эльфов, а потом осел в Ангреносте,

или в Изенгарде, как его называют люди из Рохана. Он начинал незаметно, но слава его быстро росла. Говорят, он был избран главою Белого Совета, но добра это не принесло. Я теперь думаю, что Саруман уже тогда обратился ко злу. Но как бы там ни было, своим соседям он беспокойства не причинял. Мы часто с ним разговаривали. Было время, когда он постоянно бродил по моим лесам. Тогда он был вежлив, всегда спрашивал моего разрешения, по крайней мере при встречах со мной, и очень любил слушать. Я рассказал ему многое из того, чего он сам вовек не узнал бы, но он никогда не платил мне тем же. Я вообще не могу вспомнить, чтобы он мне что-нибудь рассказывал. И чем дальше, тем больше. Его лицо, насколько я помню, — я давно его не видел, — стало похоже на окно в каменной стене со ставнями изнутри.

Думаю, теперь я понимаю, чего он хочет. Он хочет власти. У него на уме металл и колеса, и он не заботится о том, что растет, — если только оно не нужно ему для чего-нибудь. Теперь ясно, что он — черный изменник. Он сошелся с дурным народом — орками. Брм, хум! Хуже того, он сделал с ними что-то опасное. Эти, из Изенгарда, больше похожи на плохих людей. Обычно все злое,

пришедшее с Великой Тьмой, не выносит солнца, а вот орки Сарумана как-то притерпелись. Интересно, что он такое сделал? Может быть, они — разрушенные люди, или он скрестил орков и людей? Это было бы черное дело!

Некоторое время назад я заинтересовался, как это орки могут так свободно разгуливать у меня в лесу. И только недавно я понял, что в ответе за это Саруман, и что много лет назад он только и делал, что выведывал тайные тропы и другие секреты. Теперь он и его злой народ творят здесь беззакония. На границах они валят деревья — хорошие деревья. Некоторые они срубают и оставляют гнить, но большинство уносят с собой и сжигают в кострах. И день за днем над Изенгардом поднимается дым.

Проклятье на них, корни и ветви! Многие деревья были моими друзьями, я знал их, когда они были еще орешками и желудями; у многих был свой собственный голос, который теперь смолк навсегда. Там, где когда-то пели леса, теперь пустоши с пнями и ежевикой. Я был ленив. Я пустил все на произвол судьбы. Это пора прекратить!

Фангорн поднялся с кровати и хватил рукой по столу. Светящиеся сосуды подпрыгнули и выбросили два языка пламени. В глазах энта

трепетал зеленый огонь, борода взъерошилась, как огромная метла.

— Я прекращу это! — прогремел он. — И вы пойдете со мной. Возможно, вы сумеете мне помочь. Тем самым вы поможете и своим друзьям, потому что, если Саруману дать волю, Рохан и Гондор окажутся в кольце врагов. Наши дороги сошлись не случайно, и теперь нам по пути — на Изенгард!

— Мы пойдем с вами, — сказал Мерри, — и сделаем все, что можем.

— Хорошо! — одобрил энт. — Но я поторопился. Я слишком разгорячился. Мне надо остыть и подумать, потому что проще крикнуть: «Прекратить!», чем сделать это.

Некоторое время он постоял под водопадом, затем засмеялся и встряхнулся, и всюду, где на землю падали капли воды, они вспыхивали красными и зелеными искрами. Потом он вновь улегся на кровать и затих.

Через некоторое время хоббиты опять услышали его бормотанье. Казалось, он считал по пальцам.

— Фангорн, Финглас, Фладриф, эх, эх, — вздохнул он. — Беда в том, что нас мало осталось, — и, обернувшись к хоббитам, пояснил: — Только

трое из первых энтов, пришедших до Темноты, только я, Финглас и Фладриф — если называть их эльфийскими именами. Из нас троих от них меньше всего пользы. Финглас совсем сонный, одеревеневший, как вы бы сказали. А Фладриф жил к западу от Изенгарда, где случилось худшее из наших несчастий. Он сам был сильно ранен, а многие из его древесных стад убиты. И сделали это орки. Он ушел высоко в горы и не спускается оттуда. Впрочем, я могу собрать неплохую компанию молодых, если сумею объяснить им, что нужно, если смогу пробудить их: мы ведь неторопливый народ. Как жаль, что нас так мало!

— А почему вас так мало, если вы так давно здесь живете? — полюбопытствовал Пиппин. — У вас многие умерли?

— О, нет! Никто не умер сам по себе, как вы могли бы сказать. Конечно, некоторых сгубили годы, а больше одеревенело. Нас никогда не было много, а хуже то, что нас не становилось больше. Уже много лет у нас не было детей. Знаете, мы потеряли наших жен.

— Как это печально! — воскликнул Пиппин. — Как случилось, что они все умерли?

— Они не умерли! — терпеливо объяснил Фангорн. — Я не говорил «умерли». Мы потеряли их и

не можем найти, — он опять вздохнул. — Я думал, большинство народов знает об этом. Песни о нас пели эльфы и люди от Сумеречья до Гондора. Не может быть, чтобы их совсем забыли!

— Наверное, до нас они все-таки не дошли, — посетовал Мерри. — Может, вы расскажете или споете какую-нибудь из этих песен?

— Пожалуй, — произнес Фангорн, казалось, растроганный просьбой. — Но я буду краток: завтра мы должны собрать совет и, быть может, отправимся в путь.

— Это довольно странная и грустная история, — продолжал он после паузы. — Когда мир был молод, а леса просторны и дики, энты и жены энтов жили вместе. Ах, как прекрасна была легконогая Фимбретиль, подруга моей юности! Но сердца наши стремились к разному: энты любили большие деревья, дикие леса и склоны высоких холмов, они пили из горных потоков и ели лишь те плоды, которым деревья позволяли падать на тропу, и они знались с эльфами и разговаривали с деревьями. А жены энтов любили маленькие деревья и залитые солнцем луга у края лесов, и они видели ягоды в зарослях, и дикую яблоню и вишню, расцветающие по весне, и зеленые травы пойменных лугов летом, и колосящиеся травы в

осенних полях. Они не желали разговаривать с тем, что росло, но хотели, чтобы все слушалось их и подчинялось им. Жены энтов приказывали растениям расти так, как они того хотели, и приносить плоды и листья по их желанию, потому что жены энтов хотели порядка и изобилия; они считали, что все в мире должно находиться на своем месте, а место это будут определять они. И вот они начали создавать сады и жить там. Мы же продолжали бродяжничать, а в сады заходили лишь изредка. Когда на север пришла Тьма, жены энтов пересекли Великую Реку, разбили там новые сады и взрастили новые поля. Мы виделись все реже. После победы над Тьмой сады наших жен богато расцвели, и поля были полны зерна. Многие люди тогда познали искусство жен энтов и глубоко чтили их, а мы оставались для людей только легендой, тайной в сердце леса. И вот мы эдесь, а сады наших жен разорены: люди называют их теперь Бурыми Землями.

Помню, давным-давно, еще во время войны Саурона с Людьми из-за Моря, я захотел повидать свою возлюбленную. Она была так прекрасна, когда я в последний раз видел ее, хотя и мало похожа на девушек-энтов прежних времен. Ибо труд сгибал их фигуры до времени, волосы выго-

рали на солнце до оттенков спелого зерна, а щеки становились похожи на красные яблоки. Только глаза всегда оставались глазами моего народа. Мы перешли через Андуин, но за ним лежала пустыня. Все было сожжено и раскорчевано, потому что здесь прошла война. Жен энтов там больше не было. Мы долго звали их, долго искали, спрашивали все встречные народы, каким путем ушли наши жены. Некоторые говорили, что никогда их не встречали, кое-кто отвечал, что их видели идущими на запад, по словам других — на восток или на юг. Но мы нигде не могли найти их. Велика была наша печаль. Дикий лес звал нас, и мы вернулись к нему. Много лет мы уходили на поиски, далеко ходили, все звали наших жен, выкликая их прекрасные имена. Но время шло, и мы уходили все реже и уже не так далеко. А теперь жены энтов — только память для нас, и бороды наши длинны и седы. Эльфы сложили множество песен о наших поисках, некоторые из них дошли до людей. Но мы не сочиняли песен, потому что прекрасные имена наших жен звучали в нас, когда мы думали о них. Мы верим, что вновь увидимся с ними и, может быть, нам удастся найти землю, где мы заживем вместе, и все будут довольны. Предсказано, что это слу-

чится только тогда, когда и мы, и они потеряем все, что имеем теперь. Вполне может быть, что это время уже близко. Потому что, если когда-то давно Саурон разрушил сады, то сегодняшний Враг, похоже, изведет и леса.

Об этом была эльфийская песня — по крайней мере, я так ее понимаю. Ее распевали по всей Великой Реке. Она никогда не была песней энтов, заметьте: на нашем языке это была бы очень долгая песня. Но мы знаем ее сердцем и вспоминаем часто. Вот как она поется:

Когда весна придет в леса, зашелестит листвой

И недра сумрачных озер наполнит синевой,

И станет горный воздух чист и сладок, как елей, —

Приди ко мне и пой со мной:

Мой край всего милей!

Когда весна придет в сады, и зашумят поля,

И пряным запахом весны наполнится земля,

Когда раскроются цветы среди густых

ветвей —

Я не приду к тебе, мой друг.

Мой край всего милей!

Когда настанет летний день, и грянет птичий звон,

И оживут лесные сны под сенью ясных крон,

Когда зальет чертог лесной златой полдневный свет —

Приди ко мне и пой со мной:

Прекрасней края нет!

Когда горячий летний день согреет юный плод

И в жарком улье у пчелы созреет светлый мед,

Когда зальет цветущий луг златой полдневный свет —

Я не приду к тебе, мой друг.

Прекрасней края нет!

Когда обрушится зима, и землю скроет тень,

И ночь беззвездная убьет короткий се-

рый день,

И лес умрет в туманной мгле — под снегом и дождем,

Найду тебя, приду к тебе, чтоб быть навек вдвоем.

Когда обрушится зима, и смолкнет птичья трель,

И сад в пустыню превратит свирепая метель —

Найду тебя, приду к тебе, чтоб быть навек вдвоем,

И мы пойдем — рука в руке — под снегом и дождем!

Мерри показалось, что окончание песни пропели два голоса: глубокий и низкий — Фангорна, и светлый и прекрасный — его возлюбленной.

И мы начнем — в руке рука — на Запад долгий путь,

И там, вдали, отыщем край, где можно отдохнуть.

Песня кончилась.

— Вот так, — сказал Фангорн. — Конечно, песня эльфийская — легкая, с быстрыми словами, и

скоро кончается. На мой вкус, она неплоха. Но энты могли бы сказать лучше, если бы у них было время! А теперь я собираюсь встать и поспать немножко. Вы где встанете?

— Мы обычно спим лежа, — смущенно признался Мерри. — Нам хорошо здесь.

— Спать лежа! — удивился Фангорн. — Да, разумеется! Хм, хум… Я забыл. Песня напомнила мне прежние времена, и я говорил с вами, как с молодыми энтами… Что ж, можете лечь на кровать. Я намерен стоять под дождем. Доброй ночи!

Мерри и Пиппин забрались на кровать и укутались мягкой травой и папоротником. Огни погасли, мерцание деревьев поблекло. Снаружи под аркой они видели старого Фангорна, неподвижно стоящего с поднятыми над головой руками. На небе показались яркие звезды, они освещали падающую воду, разбивавшуюся о его пальцы и голову, и рассыпавшуюся у ног сотнями серебряных брызг. Под звон струй хоббиты уснули.

Когда они проснулись, Фангорна уже не было. Пока они плескались в бассейне под аркой, послышалось хмыканье и пение, старый энт показался на тропе меж деревьев.

— Хум, хм! Доброе утро, Мерри и Пиппин! —

прогремел он. — Долго же вы спите. Я был за много сотен шагов отсюда. Теперь мы попьем и пойдем на сбор энтов.

Он подал им два кубка, наполненных из каменного кувшина — на этот раз из другого. И вкус был иным: более земляным, более подкрепляющим и, если так можно сказать, более похожим на пищу.

Когда хоббиты насытились напитком и кусочками эльфийских лепешек, Фангорн поднял их на руки, как накануне. У выхода он повернул направо, перешагнул через поток и направился на юг вдоль разрушенных склонов, поросших скудной растительностью. Вскоре он повернул от холмов и углубился в лес, где деревья были больше, выше и гуще, чем хоббитам когда-либо доводилось видеть. Фангорн шел, что-то задумчиво бормоча про себя, но Мерри с Пиппином не могли разобрать ни одного знакомого слова: нечто вроде *бум, бум, рамбум, бурар, бум, бум, дахрар бум бум, дахрар гум* и так далее, с постоянно меняющимся ритмом. Иногда им казалось, что ему кто-то вторит, какие-то звуки доносились из земли, с ветвей над головами, из древесных стволов, но Фангорн не останавливался и не поворачивал головы.

Они ушли уже далеко — Пиппин пытался

считать «энтовы шаги», но сбился после трехтысячного, когда Фангорн стал замедлять ход. Внезапно он остановился, спустил хоббитов на землю, поднес ко рту сложенные ладони и издал громкий клич, подобный звуку большого рога. Со всех сторон послышались ответные звуки, но это не было эхо.

Фангорн посадил Пиппина и Мерри на плечи и опять зашагал, поминутно издавая клич, и каждый раз ответ раздавался все ближе и громче. Наконец они подошли к необозримой стене из темных вечнозеленых деревьев, которых хоббиты никогда прежде не видели: ветви росли прямо из корней и были густо покрыты темными блестящими листьями. Множество крепких шипов, усеянных большими оливкового цвета почками, торчало во все стороны.

Свернув налево, Фангорн в несколько шагов достиг узкого прохода в этой живой изгороди. Отсюда начиналась тропа, сбегавшая вдоль ступенчатого склона. Хоббиты увидели, что спускаются в большую лощину, круглую, как чаша, широкую, увенчанную по краям высокими вечнозелеными зарослями. Дно лощины заросло ровной высокой травой. Кроме трех очень красивых серебряных берез, других деревьев здесь не

было. Две дороги вели в лощину: одна с запада, другая с востока.

Энты уже собирались. Многие спускались по тропам, некоторые шли следом за Фангорном. Хоббиты смотрели на них во все глаза. Они ожидали увидеть существа, похожие на Фангорна так же, как один хоббит на другого, и были поражены, не обнаружив сходства. Энты отличались друг от друга, как деревья: некоторые — как деревья одной породы, но разного возраста; другие — как одна порода деревьев от другой — береза от бука, например, или дуб от сосны. Там было и несколько старых энтов, заросших бородами и сучковатых, как кряжистые крепкие деревья (хотя старше Фангорна не было никого), были и высокие сильные энты, с чистыми ветвями и гладкой кожей, как зрелые лесные деревья, но не было ни молодых, ни подростков. В лощине их собралось около двух дюжин, и столько же еще подходило.

Вначале хоббиты были ошеломлены разнообразием форм, цвета, высоты, длины конечностей; количество пальцев колебалось от трех до девяти. Некоторые энты казались более или менее сродни Фангорну, они походили на буки или дубы. Некоторые напоминали каштан: корич-

невокожие, с большими руками и неуклюжими пальцами, с короткими толстыми ногами. При виде других вспоминались ясени: высокие, стройные, с многопалыми руками и длинными ногами; были энты, похожие на сосны (они были выше всех), березы, рябины, липы. Но когда все они столпились вокруг Фангорна, слегка покачивая головами и бормоча что-то музыкальными голосами, посматривая на незнакомцев долгими внимательными взглядами, стало ясно, что это — одно племя: у всех были похожие глаза, не такие старые и глубокие, как у Фангорна, но с таким же вдумчивым выражением и с такими же зелеными огоньками.

Наконец все собрались, и началась любопытная и непонятная беседа. Энты медленно бормотали: начинал один, затем вступал другой, пока все не запели вместе в размеренном восходящем и нисходящем ритме. Пиппин, конечно, не различал и не понимал слов, но поначалу песня-беседа ему понравилась. Потом он начал думать, сколько времени на «неторопливом» языке энтов займут приветствия, и сколько дней Фангорн будет выпевать имена собравшихся. А песня тянулась все в том же ритме и все больше казалась нескончаемой. Пиппин зевнул. Фангорн немедленно

прекратил петь и снял хоббитов с плеч.

— Слушать непонятно что — пустое занятие, — сказал он, — тем более для такого нетерпеливого народа, как вы. А слушать незнакомый язык тем более утомительно. Я уже рассказал, как вас зовут, и энты посмотрели на вас, и согласились, что вы — не орки, и что к старым спискам надо добавить еще две строки. Так что здесь вы пока не нужны. Побродите неподалеку. Я найду вас, когда понадобитесь, и сообщу, как идут дела.

Хоббиты поклонились собранию, чем немало удивили и озадачили энтов, и пошли по тропе, ведущей на запад. Со дна лощины поднимались поросшие деревьями склоны, а за ними, над вершинами сосен, вздымался острый и белый горный пик. К югу виднелся лес, постепенно исчезающий в серой дали. Оттуда разливалось бледно-зеленое сияние, и Мерри догадался, что это отблески бескрайних равнин Рохана.

— Интересно, где находится Изенгард? — спросил Пиппин.

— Если бы я точно знал, где мы теперь, — ответил Мерри. — Вот этот пик, по-видимому, Метедрас; насколько я помню, Изенгард лежит в глубокой расселине у края гор. Возможно, он за этим гребнем. Кажется, оттуда поднимается

дымок — вон там, левее пика, да?

— А на что он похож, этот Изенгард? — спросил Пиппин. — Мне интересно, что с ним могут сделать энты?

— Мне тоже. Изенгард — он вообще вроде кольца из скал и холмов с ровной площадкой внутри и не то со скалистым островом, не то с каменной колонной в середине. Это и есть Ортханк, башня Сарумана. В кольце стен есть ворота, и не одни, наверное. Где-то рядом течет Изен. Он берет начало с гор и течет к Гриве Рохана. Вряд ли энтам удастся легко овладеть этой крепостью. Правда, мне думается, эти энты совсем не такие безобидные, как кажется. Они, конечно, медлительны, терпеливы, даже, я бы сказал, печальны, но, по-моему, их можно расшевелить. А если их расшевелить, не хотелось бы мне быть против них.

Они повернули обратно. Энты бормотали по-прежнему. Солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы заглянуть за край лощины; оно сияло на верхушках берез и освещало северную кромку круга прохладным желтоватым светом. Хоббиты разглядели в той стороне небольшой водопад и направились к нему. Под ноги мягко ложилась вечнозеленая трава, впервые за много дней не нужно было никуда спешить. Они

добрались до воды, попили — вода оказалась чистейшей, холодной, обжигающей, — сели на заросший мхом камень и снова стали слушать голоса энтов. Казалось, этому странному месту не было никакого дела до их приключений. Хоббиты вдруг заскучали по друзьям. Им так хотелось увидеть Фродо, Сэма, Колоброда!

В бормотании энтов возникла пауза. К хоббитам вышел Фангорн в сопровождении еще одного энта.

— Хум, хм, вот и я. Пожалуй, вы устали, или сгораете от любопытства? Ну, для нетерпения еще не время. Мы только начали: мне надо все объяснить тем, кто живет далеко и не знает о последних событиях, а уж потом мы решим, что делать дальше. Решиться-то энтам недолго, главное — обсудить все как следует. Не буду скрывать, дня два нам все-таки понадобится… Вот я вам привел товарища. Он живет неподалеку и утверждает, что уже все решил… Хм, хм, все-таки бывают и торопливые энты. Побродите вместе.

Фангорн ушел. Подошедший энт внимательно рассматривал хоббитов, а они пытались понять, в чем проявляется его «торопливость». Энт был молод, высок, с гладкой, глянцевитой кожей и серо-зелеными волосами, гибкий, как стройное

дерево на ветру, а голос его, хоть и глубокий, был выше и звонче, чем у Фангорна.

— Что ж, друзья, прогуляемся. Я — Брегалад, или Скородум, это, конечно, прозвище. Как-то раз я ответил старшему «да» прежде, чем он кончил свой вопрос, вот меня и прозвали Скородумом. Ну, пойдемте. — И он протянул хоббитам тонкие руки с длинными пальцами.

Весь день они бродили по лесам, смеялись и пели. Скородум любил смеяться: то солнцу, выглянувшему из-за тучи, то ручью или роднику, то шелесту деревьев. На ночь он привел их в свое жилище. Рябины окружали его, внутри были заросшие мхом камни и родник, как водится у энтов. Тихим печальным голосом рассказывал Брегалад:

— Рябины росли у меня в доме вместе со мной. Когда-то мы посадили их, чтобы порадовать наших жен. Но те лишь смеялись и говорили, что знают цветы белее, а плоды слаще. А мне они были милее всего. Осенью прилетали птицы и лакомились ягодами, я любил их, хотя они и ссорились иногда. Потом они стали жадничать, обижали деревья, бросали ягоды на землю… А потом… Меня не было дома… пришли орки и срубили мои рябины. Я вернулся, я звал их по

именам, а они даже не шелохнулись, не вздохнули в ответ…

О, Орофарнэ, Лассемисто, Карнимириэ!

Рябина нежная моя, как ясен был твой взор,

И как светлел, прозрачно-бел, весенний твой убор!

Рябина гордая моя, как в кроне золотой

Пылал, играл, бездонно-ал, венец осенний твой!

Моя рябина, ты ушла, а я, осиротев,

Еще живу, и вновь зову, и слышу твой напев…

О, Орофарнэ, Лассемисто, Карнимириэ!

Уже засыпая, хоббиты все еще слышали тихое пение Брегалада. Казалось, он на разных языках оплакивает своих погибших друзей.

Энты совещались два дня. На рассвете третьего их голоса достигли наивысшей силы, а потом разом смолкли. Наступил день, и солнце, уходя на запад, к горам, посылало из-за облаков длинные желтые лучи. Внезапно хоббиты поняли, что

вокруг стоит абсолютная тишина. Лес молчал, напряженно вслушиваясь. Брегалад замер, глядя на север и пытаясь угадать, что решило собрание.

Сразу вслед за тем прокатился великий звучный крик: *ра-гумм-ра!* Деревья задрожали и согнулись, как под порывом ветра. Зазвучал ритм марша, как будто били в твердые и гулкие барабаны.

Идем, идем под бой и гром:
Та-рунда-рунда-рунда-ром!

Энты шли в их сторону; песня звучала все громче.

Под гром и бой спешим на бой —
Та-руна-руна-руна-ром!

Брегалад подхватил хоббитов на руки и поспешил навстречу.

Вскоре хоббиты увидели энтов, широкими шагами направлявшихся к ним. Во главе шел Фангорн. За ним попарно следовало около пятидесяти энтов, ритмично ударяя руками о бока. Когда они подошли, стали видны огненные вспышки в их глазах.

— Хуууум, хом! Мы идем, мы, наконец, идем! — воскликнул Фангорн, завидя хоббитов. — Мы

идем! Мы идем на Изенгард!

— На Изенгард! — закричали энты на множество голосов.

— На Изенгард! — С этим кличем колонна энтов двинулась на юг.

На Изенгард! Его оплот
Могуч и холоден, как смерть!
На Изенгард! Вперед! Вперед!
Разрушим каменную твердь!
Идем, идем, идем на бой
Со злом, укрытым за стеной!
В ветвях клокочет сила сил,
Вскипает лиственный покров!
В сплетениях древесных жил
Пылает пламенная кровь!
На Изенгард! Да сгинет враг!
Мы смерть несем — за шагом шаг!

С сияющими глазами Брегалад встал в строй рядом с Фангорном. Тот опять посадил хоббитов себе на плечи, и теперь они, гордо задрав носы, с колотящими сердцами, возглавляли колонну.

— Быстро энты решились, правда? — спросил Пиппин через некоторое время, когда голоса

смолкли и были слышны лишь удары рук и ног.

— Быстро? — переспросил Фангорн. — Да, пожалуй. Быстрее, чем я ожидал. Я не видел их такими уже много веков. Мы, энты, не любим, когда нас будят, и мы никогда не поднимаемся, если только нашим деревьям и нашей жизни не грозит великая опасность. Такого не случалось в лесу со времен войны Саурона с Людьми из-за Моря.

— Вы действительно хотите сломать ворота Изенгарда? — спросил Мерри.

— Хо! Мы их обязательно сломаем! Вы, должно быть, не знаете, энты очень сильные. Слышали о троллях? Но тролли — лишь подделка под нас, созданная Врагом во время Великой Тьмы, как орки — подделка под эльфов. Мы сильнее, чем тролли. Мы — кости земли! Если наш разум пробужден, мы можем крошить камни, как крошат их древесные корни!

— Но ведь Саруман попытается остановить вас?..

— Хум, хм, а, да, это так. Я долго думал об этом. Но, видите ли, большинство энтов моложе меня на много древесных жизней. Теперь они пробуждены и думают только об одном: как бы разрушить Изенгард. Но они остынут, когда мы примем вечернее питье. А пока — пусть идут и

поют! Перед нами долгий путь, а время для размышлений еще будет.

Фангорн шагал со всеми, и его голос присоединился к поющим. Но скоро он замолк, и Пиппин увидел печальный взгляд, печальный, но отнюдь не несчастный. В нем был свет, как будто зеленое пламя погружалось в глубины мыслей энта.

— Может быть, друзья мои, — медленно произнес он, — мы идем на смерть, быть может, это последний поход энтов, хум, хм. Но если бы мы остались дома и ничего не делали, смерть все равно нашла бы нас рано или поздно. Эта мысль давно зрела в наших сердцах, вот почему мы идем. Теперь хотя бы последний поход энтов будет достоин песни. Я бы хотел, — вздохнул он, — услышать песни о наших женах… Но песни как плоды, они поспевают в свой срок и своим чередом.

Энты шли на юг. Пиппин оглянулся. Ему показалось, что их становится все больше. Там, где должны были лежать пустынные склоны, были деревья — и они двигались! Могло ли быть так, что Лес Фангорна поднимался, шагая через холмы на войну? Пиппин протер глаза, думая, что спит, или игра теней обманула его. Но серые очертания продолжали свое движение. Ветви

шумели, как под ветром.

Пала ночь, и настала тишина, лишь земля шуршала под ногами энтов и шелестела листва. Наконец они остановились на вершине высокого холма и посмотрели вниз, в глубину ущелья: перед ними лежала долина Сарумана.

— Ночь лежит над Изенгардом, — звучно произнес Фангорн.

Глава V
Белый всадник

— Я продрог до костей. — Гимли отчаянно тер руки и топал ногами.

Час перед рассветом оказался особенно холодным. Наконец стало светать. Трое друзей приободрились и готовы были продолжать поиски. Гимли пытался разыскать следы ночного гостя.

— Если он оставляет следы, значит, не привиделся нам, а был на самом деле. Трава, правда, тут высокая, но Следопыту и сломанной травинки хватит, — заявил он. — Только не верю я, что этот старик следы оставлял. Не иначе как Саруман призрака к нам отправил. А теперь следит за нами, поди, прямо из Леса Фангорна.

— Может, и призрак, — ответил Арагорн, — но кони-то наши были настоящие. Как ты думаешь, Леголас, их что-нибудь испугало?

— Я бы так не сказал, — задумчиво произнес эльф. — Ржание, скорее, было радостным, как при встрече с кем-то или чем-то хорошо знакомым.

— Так и мне показалось, — подтвердил Ара-

горн. — Но загадка пока не решается. Светает. Пора поискать следы. Если наши друзья живы, то могут скрываться только в лесу. Если же следов нет, — он помолчал и со вздохом закончил, — придется обыскать поле боя и пожарище. Но тут надежды мало: всадники Рохана сделали свое дело слишком хорошо.

Искать следы начали около собственной стоянки. Ближайшее дерево скорбно опустило ветви, сухие листья поникли под резким восточным ветром. Арагорн постепенно перемещался в сторону ручья, к остаткам сторожевого костра Всадников, потом свернул к месту боя, прошел немного, остановился, нагнулся чуть не до самой земли, потом поднял большой, уже начавший вянуть бледно-золотистый лист *меллорна.*

— Смотрите! — позвал Арагорн. — Лориенский меллорн, на нем и на земле вокруг — крошки лепешек. А вот и перерезанная веревка.

— А перерезали ее вот этим, — добавил Гимли, извлекая из травы втоптанный в землю нож с коротким зазубренным лезвием. Неподалеку лежали сломанные ножны. Гимли с отвращением разглядывал рукоять с изображением косоглазого лица, оскаленного в жуткой ухмылке.

— Теперь совсем ничего не понятно! — вос-

кликнул Леголас. — Пленник ушел и от орков, и от Всадников, и освободился орковым ножом. Это как же? Со связанными ногами ему бы не уйти, со связанными руками — не управиться с ножом. Если у него были свободны руки и ноги, зачем резать веревку? Но пусть он все это проделал. Так вместо того, чтобы удирать во все лопатки, он еще закусывает здесь же! Да не чем-нибудь, а эльфийскими лепешками. Значит, это мог быть только хоббит. А потом он защебетал и улетел, не иначе. Но у нас-то нет крыльев, чтобы искать его в небе.

— Колдовство, как есть колдовство, — твердо стоял на своем Гимли. — Все этот старик! А ты что думаешь, Арагорн? Может, еще что-нибудь найдешь?

— А я уже нашел, — улыбнулся Следопыт. — Здесь есть и другие следы. Леголас прав, конечно, это был хоббит и, как мне думается, руки у него были свободны. Так решение получается проще. Ведь орк *притащил* его сюда. Вот орочья кровь и следы копыт вокруг. Всадники убили орка и отволокли труп в костер. А вот хоббита не заметили, на нем ведь эльфийский плащ, а ночь была темной. Что же до его трапезы, то это понятно. Он просто не в силах был идти, не отдохнув и

не подкрепившись. Хорошо, что у него оставались лепешки. Но я все-таки думаю, что их было двое, хотя и не уверен пока.

— Но почему один был связан, а другой нет? — недоумевал Гимли.

— Вот этого не знаю, не скажу. И зачем орк тащил их сюда, тоже непонятно. Хотя постойте… Боромира орки убили, хоббитов взяли как пленников, а нас не тронули совсем. Так не за ними ли была охота? Следы ведут в Изенгард. Вряд ли Саруман рассказал им о Фродо и о Кольце, не стал бы он так рисковать. Значит, у них был просто приказ: схватить *хоббитов,* причем живыми. Они его выполнили и со всех ног бросились обратно. Когда их перехватили Всадники, кто-то из орков, из тех, кто понимал, как нужны пленники его хозяину, попытался их уберечь, да не сумел. Во всяком случае, теперь можно быть уверенным, что один-то хоббит точно жив. Кроме как в лес ему некуда было деваться. Он не побоялся, не побоимся и мы. Возвращаться в Эдорас рано.

— Да уж не знаю, — покряхтел Гимли, — что хуже: забираться в Лес Фангорна или являться в Эдорас пешком.

— Значит, в Лес, — сказал Арагорн.

Новые следы обнаружились на берегу Энтовой

Купели — слабые на твердой земле, но, несомненно, хоббичьи. Чуть дальше, на самой кромке леса, под огромным деревом, нашлось еще несколько отпечатков легких ног.

— По крайней мере один хоббит стоял здесь и осматривался, а потом направился в лес, — объяснил Арагорн.

— Придется и нам… — вздохнул Гимли. — Ох, как не нравится мне этот Фангорн!

— Мне Лес вовсе не кажется злым, что бы там ни болтали. — Леголас был уже на опушке. Он весь подался вперед, вслушиваясь и всматриваясь в зеленоватый сумрак. — Я слышу только эхо растревоженных чащ. Что-то случилось в глубине Леса или вот-вот случится. Чувствуете, как трудно дышать?

— Воздух густой, — согласился гном. — Как будто слежавшийся.

— Этот Лес так древен, что я чувствую себя молодым в нем. Он полон воспоминаний. Да… — мечтательно проговорил эльф, — здесь я мог бы быть счастлив. Эх, разве вы, дети, можете это понять!

— Вот чудной народ, — фыркнул Гимли. — Ну ладно, идем. С тобой никакой лес не страшен. Только лук держи наготове. Топор у меня все-

гда под рукой. Не для деревьев, — торопливо прибавил он, поглядев на сплетение сучьев над головой. — Вдруг опять тот старик встретится, будет с чего начать разговор.

Дальнейшие поиски еще больше их ободрили. Арагорн старался не забираться в лес, полагая, что хоббиты будут держаться поближе к воде, и оказался прав. Они вышли как раз к тому месту, где останавливались Мерри и Пиппин. На влажной земле возле самого ручья явственно отпечатались две пары маленьких ног.

— Наконец-то! — воскликнул Арагорн. Он внимательно изучил следы. — Это было около двух дней назад. И, похоже, от ручья они углубились в лес.

— Как мы будем искать их? — спросил Гимли. — Еще немного, и самое большее, что мы сможем для них сделать, — это умереть от голода.

— Если ничего другого не останется, — ответил Арагорн, — сделаем это. Пошли дальше.

Друзья долго блуждали по лесу, пока не наткнулись на грубо высеченное подножье лестницы, поднимавшейся на холм. Леголас предложил осмотреться с вершины.

— Я почти убежден, что хоббиты здесь были. — Арагорн шел медленно, тщательно исследуя

ступени. — А вот чьи еще здесь следы — не пойму, хоть убей.

Они поднялись наверх и огляделись. Поверх древесных вершин открывался вид на ту же степь, по которой они недавно бежали.

— Мы сделали круг, — спокойно проговорил Леголас. — Нам бы выйти на берег на второй или третий день плавания, а не плыть до самого Порт Галена, тогда бы мы давно были здесь.

— Но мы сюда и не собирались, — возразил Гимли.

— Не собирались, но попали, и теперь понятно — почему. Это ловушка, — ответил Леголас и показал на что-то рукой. — Посмотрите вон туда…

Сначала они ничего не увидели, но вдруг Гимли приглушенно вскрикнул:

— Вижу! Я же говорил, Арагорн! Это тот же старик. Он в сером, поэтому я сразу не заметил.

Теперь и Арагорн видел старика в сером плаще и широкополой шляпе, неторопливо пробиравшегося по лесу, опираясь на посох. На вершину холма путник не смотрел. Появление человека обрадовало бы их в любое другое время, но сейчас все трое застыли в напряженном ожидании, каждый чувствовал приближение могучей силы, может быть, опасной…

Широко раскрытые глаза гнома неотрывно следили за приближавшейся фигурой. Вдруг он крикнул:

— Это Саруман! Стреляй, Леголас, не давай ему заговорить, он зачарует нас! Стреляй же!

Леголас неохотно поднял лук, медленно достал стрелу, но так и не вложил ее. Что-то мешало. Арагорн не двигался.

— Что же ты медлишь? — прошептал Гимли.

— Леголас прав, — сказал Арагорн, — кто бы это ни был, нельзя стрелять без повода, просто от страха. Подождем!

Тем временем старик добрался до подножия каменных ступеней и глянул вверх. Арагорн уловил блеск в глазах, но тень от полей шляпы скрывала лицо. Виднелись только кончик носа и край бороды.

— Добрая встреча, друзья мои, — услышали они. — Мне нужно поговорить с вами. Вы спуститесь или мне подняться? — и, не дожидаясь ответа, старик стал подниматься по ступеням.

— Да стреляй же, Леголас! — отчаянно крикнул Гимли.

— Разве я не сказал, что хочу говорить с вами? Опусти лук, доблестный эльф, — прозвучал властный голос. Рука Леголаса, державшая оружие,

безвольно опустилась. — И ты, отважный гном, оставь топор. Он не понадобится.

Гимли стоял как статуя, не в силах шелохнуться, и смотрел, как легко перешагивал ступени загадочный старец. На миг ему показалось, что между складками плаща мелькнуло что-то ослепительно белое, но только на миг.

— Добрая встреча, — повторил старик. Теперь он стоял, опираясь на посох, в нескольких шагах перед ними, и глаза его из-под широких полей шляпы цепко всматривались в их лица — Как это вас занесло сюда? Эльф, гном и человек, да еще в эльфийских плащах. В здешнем лесу такое не часто увидишь. За этим наверняка скрывается история, которую стоит послушать.

— Вы, похоже, хорошо знаете Лес Фангорна, — заметил Следопыт.

— Чтобы узнать его, одной жизни мало, — ответил старик. — Я бывал здесь.

— Может, вы все-таки назовете себя и скажете нам то, что собирались? — попросил Арагорн. — Скоро полдень, а нам надо спешить. У нас срочное дело.

— Я ведь уже сказал вам, что хотел: услышать, кто вы и куда так спешите. Что же до моего имени… — тут пришелец негромко рассмеялся.

Арагорн вздрогнул от неожиданности. Он мог бы поклясться, что слышал этот смех раньше. — Имя… — продолжал меж тем старик. — Вам приходилось слышать его и раньше, могли бы и вспомнить. А пока поведайте мне наконец, что привело вас сюда.

Видя, что они молчат, он заговорил снова.

— Похоже, вы сомневаетесь, стоит ли рассказывать каждому встречному-поперечному о поисках двух молодых хоббитов. Хоббитов, — повторил он, — я сказал именно так. Нечего делать вид, будто вы не слыхивали о такой диковинке. Они были здесь позавчера. У них тут произошла одна неожиданная встреча. Ну как? Наверное, хотите знать, где они сейчас? Пожалуй, я и об этом вам расскажу. Только что же мы стоим? Я вижу, вы уже не так спешите. Сядем, а то неудобно стоя разговаривать, — с этими словами он повернулся и сделал шаг к большим камням чуть в стороне. С троих друзей словно спало заклятие. Леголас схватился за лук, Арагорн выхватил меч, а Гимли — топор.

Не обращая на это никакого внимания, старик уселся на большой валун. Плащ слегка распахнулся, из-под него снова плеснулся белый цвет.

— Саруман! — вскричал Гимли, кидаясь к

нему с занесенным топором. — Говори, где наши друзья? Что ты с ними сделал? Говори, не то я продырявлю твою шляпу так, что даже колдун ее не починит!

Старик легко увернулся, вскочил на ноги и одним махом оказался на огромном камне. Он вдруг оказался очень высоким. Серый плащ распахнулся, под ним словно полыхнул белый огонь. Старик поднял посох, и топор, вырвавшись из рук Гимли, со звоном ударился о камни. Андрил в руке Арагорна запылал, как пламя. Стрела Леголаса со звоном рванулась прямо в небо и исчезла в яркой вспышке.

— Митрандир! — ликующе завопил эльф, бросая лук. — Митрандир!

— И в третий раз скажу я, добрая встреча, Леголас, — ответил эльфу глубокий голос. Шляпа старика исчезла, снежно-белые кудри рассыпались по плечам. Плащ лежал у ног, одежда сверкала ослепительным серебром. Из-под мохнатых бровей на онемевших спутников смотрели такие знакомые, пронзительные и мудрые глаза с лукавинкой.

— Гэндальф… — несмело произнес Арагорн. — Гэндальф! Ты вернулся! Как раз тогда, когда мы начали терять последнюю надежду. Гэндальф… —

Следопыт задохнулся от волнения. — Я не верил глазам, но это ты!

Гимли молча опустился на колени и обнял ноги старика.

— Гэндальф, — медленно повторил старик, словно вызывая из памяти давно забытое имя. — Да, меня звали так. Я был Гэндальф. — Он снова завернулся в серый плащ — сияние померкло, словно солнце зашло за тучу. — Что ж, зовите меня по-прежнему, — знакомым голосом сказал маг. — Встань, Гимли, ты ни в чем не виноват. Нет такого оружия, что причинило бы мне вред. Мы снова вместе, друзья! Впереди шторм, но сейчас отлив, надо радоваться. — Он положил руку на голову гнома, и Гимли счастливо рассмеялся.

— Гэндальф! — воскликнул он. — Но ты весь в белом теперь…

— Да, я стал белым, — просто ответил маг. — Таким должен был стать Саруман. Я прошел сквозь мрак, огонь и воды, многое забыл, многому научился заново. Мне ведомо дальнее, а вот ближнее иногда ускользает. Расскажите же, что было с вами.

— С чего начнем? — уточнил Арагорн. — Если с нашего расставания, то, боюсь, рассказ слишком затянется. Может, ты сначала расскажешь нам о

хоббитах? Ты видел их?

— Нет, не видел, — покачал головой Гэндальф. — Над ущельями Эмин Майл висел мрак, так что о похищении я узнал от Повелителя Ветров.

— Точно! — вспомнил Леголас. — Я видел орла над Эмин Майл, как раз три дня назад.

— По моей просьбе он наблюдал за Рекой. Какие-то известия я получал от него, кое-что наблюдал сам. С нездешних высот я видел, что Враг едва не обнаружил Кольцо. Я померился силами с Темной Крепостью и отогнал Тень. Эта схватка оставила меня без сил, я долго восстанавливал их.

— Так ты знаешь, что с Фродо! — обрадовался Гимли.

— Совсем немного. Одной опасности он избежал, но сколько их еще впереди! Он решил идти в Мордор один и ушел. Вот, пожалуй, и все.

— С ним пошел Сэм, — уточнил Леголас, и это известие очень обрадовало Гэндальфа.

Они долго беседовали на вершине холма. Пока Арагорн рассказывал о том, что было с отрядом после Мории, Гэндальф внимательно слушал, прикрыв глаза и сложив руки на коленях, но ни разу не прервал рассказчика ни вопросом, ни замечанием. Только когда речь зашла о смерти Боромира, маг вздохнул.

— Кое о чем ты предпочел умолчать, друг мой, — тихо обратился он к Арагорну. — Бедный Боромир! Как трудно тебе было выдержать испытание: тебе, воину и вождю! Галадриэль говорила мне, что Боромир в опасности. Только благодаря младшим хоббитам он избежал ее. Погодите, наши хоббиты еще себя покажут! Их доставили к Фангорну, и они оказались теми камешками, с которых начинается горная лавина. Я и отсюда слышу, как гудит растревоженная земля. Лучше бы Саруману поостеречься!

— Ты все так же говоришь загадками, милый

друг, — улыбнулся Арагорн.

— Загадками? — Гэндальф недоуменно посмотрел на него. — Я говорил сам с собой. Давняя привычка. Молодым так много нужно объяснять! — он засмеялся. — Так что ты хочешь узнать?

Он помедлил, собираясь с мыслями, и начал долгий рассказ.

— Вот как видится мне происходящее. Враг, конечно, давно знает о нашем отряде, о том, сколько нас и кто мы, знает и о том, что Кольцо у хоббита. А вот намерений наших пока не понимает. Сам он отправился бы в Минас Тирит, поэтому и нас ищет на путях туда. Он не знает, кто из сильных мира сего завладеет Кольцом и захочет занять его место. Ему и в кошмаре не приснится, что мы рискнем уничтожить Кольцо. В этой слепоте — наша удача и наша надежда. Враг ждет войны и поспешит развязать ее первым. Он давно усвоил, что тому, кто наносит первый удар, второй может и не понадобиться — хватило бы мощи. Он боится опоздать, поэтому начал передвижение войск раньше, чем намеревался. Премудрый глупец! Стоило ему бросить все силы на охрану Мордора, а волю — на поиски Кольца, и надеяться нам было бы не на что. А теперь его Око все чаще

обращается к Минас Тириту. Совсем скоро он обрушит на город всю свою мощь. А пока его планы рушатся. До сих пор он не получил ни Кольца, ни заложников-хоббитов, и все благодаря Саруману.

— Так он же предатель! — удивился Гимли.

— Даже дважды предатель, — кивнул Гэндальф. — Странно, не правда ли? Из всех бед эта казалась наихудшей. Но предательство — оружие обоюдоострое. Саруман для своих темных дел тоже решил заполучить Кольцо или хотя бы хоббитов. И вот их совместными с Врагом усилиями хоббиты попадают к Фангорну в самый подходящий момент, а двум злодеям достаются только новые сомнения, расстроившие все планы. Стараниями Всадников некому сообщить Саурону о недавнем сражении. Он знает только, что двух хоббитов, пойманных на Эмин Майл, тащили в Изенгард, а не в Мордор. Теперь Саурон боится Изенгарда не меньше, чем Минас Тирита.

Изенгард может победить Мордор только с помощью Кольца. А уж Кольца-то Саруману теперь точно не видать. Ему грозит опасность, о которой он и не подозревает. Впрочем, он теперь о многом не знает. Ему так хотелось поскорее получить добычу, что он отправился навстречу своим оркам и опоздал — все кончилось и без его

участия. Он пробыл тут недолго. Я заглянул в его мысли, его гложут сомнения. Он сам видел костер на поле битвы. Он только не знает ни о том, что стало с хоббитами, ни о мордорских орках, ни о Крылатом Ужасе.

— Крылатый Ужас! — воскликнул Леголас. — На Сарн Гебире я стрелял в него и заставил убраться. Он источает страх. Что это за новая напасть?

— Эту напасть не сразить стрелой, — усмехнулся Гэндальф. — Ты убил только тварь, которая несла его. Этот Всадник скоро взлетит снова. Он — назгул, один из Девяти. Они теперь пересели на крылатых коней. Их оружие — ужас, и тень этого ужаса вот-вот захлестнет последние армии наших друзей. Правда, крылатые назгулы пока еще не пересекали Реку, и Саруман не знает об их новом обличье. Он может думать только о Кольце. Вдруг оно нашлось? Вдруг досталось Теодену? И он бросает на Рохан новые и новые войска, а вот о настоящей опасности — о Древобороде — забыл.

— А Гэндальф опять забыл о слушателях, — улыбнулся Арагорн. — Я впервые слышу о Древобороде. О двойном предательстве Сарумана я догадывался, но чем нам поможет встреча двух

хоббитов с Фангорном, не понимаю.

— Погодите! — в смятении воскликнул Гимли, — Я вот что никак не пойму: тебя или Сарумана видели мы прошлой ночью?

Гэндальф рассмеялся.

— Не меня — это точно. Значит, Сарумана. Мы так похожи, что не мудрено ошибиться.

— Тогда ладно, — облегченно вздохнул Гимли. — Я рад, что это был не ты.

Гэндальф снова расхохотался.

— Приятно знать, что хоть в чем-то не ошибся. Я и не думал винить тебя за прохладную встречу, ведь это я, помнится, советовал друзьям не доверять никому и ничему, если имеешь дело с Врагом. Ты поступил правильно, Гимли, сын Глоина! Быть может, настанет день, когда ты увидишь нас рядом и сам во всем разберешься.

— А что с хоббитами? — спросил Леголас. — Где они теперь?

— С Древобородом и с энтами, — ответил Гэндальф. Теперь даже Следопыт удивился.

— Так, значит, старые легенды об обитателях дремучих лесов и Пастырях Деревьев говорят правду? Но разве энты еще есть в мире? Я думал, они исчезли в давние времена, если вообще жили не только в песнях Рохана.

— Сумеречные Эльфы до сих пор поют об Онодримах и их печали! — воскликнул Леголас. — Но даже для нас они лишь воспоминание. Как бы я хотел встретить хоть одного и ощутить себя по-настоящему молодым! Но я что-то не понимаю. Древобород — это переложение названия «Фангорн» на Всеобщий язык, однако ты говоришь о нем как о разумном существе. Кто это?

— Вопрос не маленький, — усмехнулся Гэндальф. — Я не много о нем знаю, но и на такой рассказ у нас нет времени. Древобород — это и есть Фангорн, Пастырь Леса. Он — самый старый из энтов, он вообще старше всех в Среднеземье. Думаю, Леголас, ты еще увидишь его. Нашим хоббитам повезло. Они встретились с ним на этом самом месте. Он часто приходит на этот холм, когда у него на душе неспокойно. Четыре дня назад я видел, как он шагал по лесу. Он меня тоже заметил, но я не поздоровался — так устал — и он, не окликнув меня, прошел мимо.

— Наверно, тоже за Сарумана принял, — вставил Гимли. — А почему ты считаешь его другом? Я-то думал, энты опасны.

— Еще бы не опасны! — воскликнул маг. — Как и я, между прочим. Сейчас опаснее меня, пожалуй, только Черный Властелин. Опасны энты,

опасны Арагорн с Леголасом, о тебе уж и говорить не приходится, Гимли сын Глоина. Опасности на каждом шагу. Да возьми хотя бы Лес Фангорна — вот уж опасное место, особенно для тех, кто бродит по нему с топором. Энты опасны, но мудры и добры. Их трудно вывести из себя, но рассказ наших маленьких друзей разгневал их. Я знаю энтов, они медленно закипают, но когда закипят, их никому не удержать. И тогда Саруману не позавидуешь.

— Но что они могут? — недоуменно спросил Леголас.

— Точно не скажу, да они и сами этого пока не знают. — Маг надолго умолк, задумавшись, потом поднял голову. — Солнце уже высоко, нам пора.

— К энтам? — спросил Арагорн.

— Нет. Тебя ждет иной путь. Над нами нависла война, и в этой войне только Кольцо может дать нам уверенность в победе. Скорбь и страх переполняют меня: многое будет разрушено, все может быть потеряно. Я — Гэндальф, названный Белым, но Тот, Черный, пока еще сильнее меня.

Маг прикрыл глаза рукой и долго глядел на восток, словно пытаясь разглядеть что-то за далью.

— Нет, — мягко сказал он. — Кольца нам уже не достать. Хорошо хоть от этого искушения мы

свободны.

Что ж, Арагорн, сын Арахорна! Там, в долине Эмин Майл, ты выбрал верный путь. Мы с тобой встретились вовремя. Ты дал слово и должен прийти в Эдорас, в золотые палаты Теодена. Ты нужен там. В Рохане война, но хуже войны — немощь Теодена. Пусть Андрил покинет ножны и засверкает в битве, которой он так долго ждал.

— А я-то надеялся повидать наших веселых молодых хоббитов, — погрустнел Леголас.

— Потерпи, — сказал Гэндальф. — Делай, что должно, и не теряй надежды! В Эдорас!

— Пешком туда нескоро доберешься, — криво усмехнулся Арагорн.

— Там увидим, — отмахнулся маг. — Так вы идете со мной?

— Конечно, — ответил Арагорн, — с тобой или вслед за тобой, как тебе будет угодно.

Он поднялся и долго не отводил взгляда от лица мага. Леголас и Гимли переглянулись и не посмели нарушить воцарившуюся тишину. Арагорн, сын Арахорна, решительный и твердый, стоял, выпрямившись и положив руку на рукоять меча — словно Король, пришедший из-за Моря и впервые ступивший на земли смертных людей. А перед ним сутулился от тяжести прожитых лет

старик в простых белых одеждах. Вот только лицо у старика сияло, словно освещенное внутренним огнем, а от фигуры исходила сила, несоизмеримая с властью любых королей.

— Я ведь прав, Гэндальф, — тихо проговорил Арагорн. — Любое расстояние для тебя — ничто. У Темного Владыки есть Девять Черных Всадников, у нас — только один Белый, но он стоит девятерых. Мы пойдем за тобой, куда бы ты нас ни повел.

— Конечно, пойдем, — кивнул Леголас, — вот только узнаем, что случилось в Мории. Расскажи нам, Гэндальф…

— Я и так слишком задержался, — сказал маг. — Время не ждет. Будь у нас даже целый год, я все равно не смог бы всего рассказать…

— Ну, хоть немного! — взмолился Гимли. — Что стало с Барлогом?

— Не упоминай его, — сказал Гэндальф, и на мгновение друзьям показалось, что облако боли пробежало по его лицу. Он как-то сразу постарел и осунулся. — Я долго падал, — медленно проговорил он наконец, как бы с трудом возвращаясь мыслью в прошлое. — Долго я падал, и он падал вместе со мной. Его огонь охватил меня, я горел. Затем мы упали в пропасть, заполненную

черной ледяной водой. Смертный холод сковал мое тело, сердце почти замерзло.

— Глубока и никем не измерена пропасть под Мостом Дарина, — сказал Гимли.

— Но там есть дно. О нем никто не ведает, и туда никогда не проникал ни один луч света, — сказал Гэндальф. — Там, на дне, вода погасила багровый огонь, и Барлог стал скользким чешуйчатым гадом, едва не задушившим меня. Мы продолжали сражение там, где время нашего мира еще не родилось. Наконец он вырвался и скрылся в подземных лабиринтах. Нет, Гимли, эти лабиринты не были творением народа Дарина. Там, намного ниже самых глубоких пещер гномов, мир грызут существа, которым нет имени. Даже Саурон не знает про них. Они старше его и старше меня. Я прошел их дорогами, но, чтобы не омрачать света дня, не скажу о них ни слова. Я не знал пути и был в отчаянии; единственной надеждой был мой враг, и я следовал за ним по пятам. Наконец он привел меня на тайную тропу Казад Дума. Мы все время поднимались вверх, пока не оказались у Бесконечной Лестницы.

— Многие считают, что она существует только в легендах, — сказал Гимли. — А другие думают, что она была, но теперь разрушена.

— Она есть и ничуть не разрушена, — промолвил Гэндальф, — из глубочайшего подземелья до высочайшей вершины идет она, свиваясь в спираль длиною во много тысяч шагов, пока не приводит в Башню Дарина, высеченную в живой скале Зиракзигиль. Это и есть Келебдил — самая высокая вершина в Мглистых Горах. Там, над снегами, в скале пробито одинокое окно и под ним — узкая площадка, гнездо на головокружительной высоте над туманами мира. Все внизу было покрыто плотными облаками, а в небе пылало страшное, безжалостное на такой высоте солнце. Там мой враг вспыхнул снова, и пришлось опять биться с ним. Возможно, в грядущих веках сложат песни о нашем сражении… — Гэндальф усмехнулся, — хотя о чем можно поведать в песне?.. Если бы кто-то наблюдал со стороны за этим поединком, он увидел бы молнии, обрушивавшиеся на вершину, огненные сполохи, клубы дыма и пара от таявших снегов. Лед плавился, шел горячий дождь. Полыхало пламя, рушились скалы. Наконец я одолел его и сбросил вниз. Он упал, разрушив горный склон, а я остался на вершине ни жив, ни мертв. Тьма была вокруг, мысли и время перестали существовать, и я бродил по дальним дорогам, о которых ничего не

могу сказать… Но путь мой в этом мире не завершен, я был послан назад… Я лежал на вершине. Башня позади обратилась в прах, окно исчезло, лестница завалена обожженным битым камнем. Я был один, забыт всеми, и не было спасения с каменного рога земли. Я лежал навзничь, звезды катились надо мной, и каждый день был длиннее земной эпохи. Слабо доносились до меня звуки земли: рождение и смерть, песни и стоны, и вечные вздохи камня. А потом прилетел Повелитель Ветров. «Видно, так уж мне на роду написано, — сказал я ему, — быть твоей ношей…»

— Какая ты теперь ноша! — ответила громадная птица. — Сейчас ты не тяжелей лебединого пера. Сквозь тебя просвечивает солнце. Пожалуй, если отпустить тебя, ты и сам полетишь по ветру.

— Нет уж! — запротестовал я, чувствуя, как жизнь возвращается ко мне. — Лучше отнеси меня в Лориен!

— О том же просила меня и Владычица Галадриэль, когда отправляла за тобой, — спокойно ответил орел.

Так Гэндальф попал в Золотые Леса Лориена. Там он возродился телесно и духовно, обрел новые силы и мудрость, и теперь уже Гэндальфом Белым отправился на поиски отряда, но нашел

лишь троих.

— У меня для вас весточки из Лориена, — улыбнулся маг. — Арагорну велено передать:

Элессар, Элессар! Где твой гордый народ
Ныне бремя скитаний и скорби несет?
Близок час, по дорогам копыта гремят —
Это с Севера скачет твой Серый отряд.
К Морю путь вам начертан; он мраком объят;
Там незыблемо Мертвые Стражи стоят.

— А вот это для Леголаса, — голос мага изменился.

Леголас, ты был счастлив в чертогах лесных,
Словно лист меж зеленых собратьев своих…
Но запомни: крик чайки над пенной волной
Позовет за собой и отнимет покой.

Гэндальф умолк, прикрыв глаза. Гимли нахму-

рился.

— А мне, значит, ни слова?

— Темны ее слова, — покачал головой Леголас. — Словно предупреждение о смерти…

— Все лучше, чем ничего, — буркнул гном.

— Прости, Гимли, чуть не забыл! — словно очнулся от дремоты маг. — «Гимли, сыну Глоина, — заговорил он снова нездешним голосом, — привет от его госпожи. Думы мои пребудут с ним. Но пусть остерегается поднимать топор на живое дерево!»

— Эгей! Благословен час, когда ты вернулся к нам, Гэндальф! — вскричал Гимли, вскакивая и размахивая топором. — Вперед! Нечего терять время! Вперед, отыщем для моего топора подходящую голову!

— Думаю, долго искать не придется, — заметил Гэндальф, поднимаясь.

Маг снова накинул старый потрепанный плащ, спустился с холма и берегом реки вышел на опушку. Арагорн, Леголас и Гимли молча шли за ним. На краю леса эльф окинул взглядом равнину.

— Они так и не вернулись, — грустно вздохнул он. — Придется идти пешком.

— Нам некогда, — ответил Гэндальф и переливчато свистнул трижды. Издали, казалось, с

самого края земли, ему ответило конское ржание. Арагорн приник ухом к земле и некоторое время слушал.

— Это не один конь, — сказал он, поднимаясь.

— Одному нас всех не вывезти, — усмехнулся маг.

— Там мой Эрод, — узнал Леголас, — рядом с ним — Хазуфель. Самый первый — просто огромный! Я никогда не видел таких.

— Таких больше и нет, — заметил Гэндальф. — Это Сполох. Все кони Рохана повинуются его зову.

Из леса вынесся статный, белый как серебро конь с развевающейся гривой. Возле мага он круто осадил, громко заржал и остановился, положив голову ему на плечо. Гэндальф оглаживал коня, приговаривая:

— Неблизкий путь пришлось тебе проделать, умный мой, быстрый друг, но в самый нужный час ты примчался ко мне. В этом мире мы не расстанемся с тобой больше!

Снова послышался топот и, к большой радости друзей, из леса появились кони Йомера и почтительно остановились чуть поодаль.

Гэндальф обратился к коням с просьбой помочь как можно быстрее попасть в Эдорас, и животные

кивнули головами, словно соглашаясь.

— Хорошо, что наши кони встретили Сполоха, — Леголас легко вскочил на спину Эрода. — Гэндальф, как ты узнал, что он здесь?

— Позвал, — улыбнулся маг. — Позвал, и он примчался ко мне через весь Рохан.

Гэндальф взял к себе в седло Гимли, Арагорн и Леголас вскочили на коней, и они помчались.

Временами трава доходила всадникам до колен, и тогда казалось, что они плывут по серо-зеленому морю. На пути попадалось много озер и болот, но белый конь уверенно находил дорогу, и остальные не отставали от него. Через несколько часов пути впереди встала скалистая гряда. За ней садилось солнце, и будто от его жара над горами стелился дым.

— Это ущелье — Грива Рохана, — сказал Гэндальф. — За ним Изенгард.

— Но почему дым? — спросил Леголас.

— Война, — коротко ответил Гэндальф. — Скорее!

Глава VI
Теоден

Маленький отряд скакал без остановки до позднего вечера. Когда совсем стемнело, Гэндальф позволил только короткую передышку. Леголас и Гимли заснули, Арагорн лежал без сна и глядел в небо, а сам маг до восхода луны простоял, вглядываясь во мрак. Ветер гнал по небу длинные перистые облака, но ночь оказалась тихой — ни движения, ни шороха на бескрайних равнинах. В холодном лунном свете они продолжали путь. Гимли клевал носом и норовил свалиться с коня, Гэндальф то придерживал его, то принимался трясти.

Сполох ночью скакал так же уверенно, как и днем. Усталым коням Йомера отставать не позволяла только гордость.

Перед рассветом похолодало. Постепенно темнота на востоке таяла, ночной мир обретал формы и краски. Далеко слева над черными стенами Эмин Майл вспыхнули снопы алого света. Утро выдалось свежее и ясное. Ветер трепал склонившееся от росы разнотравье.

Внезапно Сполох остановился, мотнул головой, звонко заржал.

— Взгляните! — обратился Гэндальф к спутникам.

Впереди, на горизонте, вставали горы. Темные скалы тянулись к небу, заснеженные вершины искрились на солнце. Глубокие извилистые долины с нерастаявшей ночной мглой постепенно переходили в равнину, поросшую высокими травами. На вершине ближайшего горного кряжа, опоясанного серебристой лентой реки, глаз уже мог различить золотые блики на крыше королевского замка.

Леголас разглядел защитный вал и ряды крыш внутри него, огромные, сияющие золотом палаты на зеленой вершине и стражников у ворот в ярких кольчугах.

— Это Эдорас, столица Рохана, — пояснил Гэндальф. — А золотые палаты Короля Теодена, сына Тенгеля, здесь называют Медусельд. Еще до полудня мы будем там. Но должен предупредить: здесь война, а рохирримы и в мирное время не отличались добродушием. Не хватайтесь за оружие и придержите языки, по крайней мере пока мы не окажемся у трона Теодена.

Мелкий речной брод обернулся широкой на-

езженной дорогой, по обеим сторонам которой высились курганы. Арагорн насчитал семь с одной стороны и девять — с другой. Склоны казались заснеженными — настолько густо покрывали их маленькие звездочки цветущего симбелина.

— Этот цветок называют Вечной Памятью, — объяснил Гэндальф. — Он цветет круглый год и растет лишь там, где покоится прах погибших.

— Немало правителей сменилось в Золотых Палатах с тех пор, как юный Йорл привел сюда с севера свой народ, — заметил Арагорн.

— С тех пор багряные листья у моего дома осыпались только пятьсот раз, — пожал плечами эльф.

— Но для людей это немало. Они забыли, откуда пришли сюда, да и о самом походе Йорла память осталась только в песнях. Подожди-ка, дай вспомнить… — И Арагорн тихонько запел:

Где ныне всадник, где конь боевой,
где звонкого рога пенье?
Где шлем и копье, меча острие,
волос золотых плетенье?
Где твердость руки, сжимающей сталь,

где алых огней свеченье?

И где по весне над тучной землей

высоких хлебов цветенье?

Исчезли, ушли, как ветер с равнин уходит,

устав скитаться;

На Запад, на Запад уходят дни, чтоб там

навсегда остаться.

Кто властен сдержать бесконечный дым,

летящий над пепелищами?

И годы, спешащие за моря — удержим ли их?

Отыщем ли?

— Много веков назад роханский поэт сложил эти строки, чтобы потомки помнили о Юном Йорле и о крылатом коне Феларофе. — Арагон вздохнул. — И вот имя певца уже забылось, а песня жива.

Дорога миновала курганы, попетляла по зеленому склону и вывела их к городским воротам. Стражи в блестящих кольчугах на языке Роха-

на потребовали назвать себя. Дружелюбия в их взглядах действительно было маловато. Гэндальф ответил им:

— Я понимаю вашу речь, но почему вы не говорите на Всеобщем языке, если хотите получить ответ?

— По воле Теодена, нашего правителя, никто не должен входить в Эдорас, кроме друзей, знающих наш язык, — сказал один из стражей. — Но кто вы такие, что так беспечно мчитесь по нашим лугам? Одежда у вас нездешняя, а кони похожи на наших. Мы ведь давно вас заметили. Должен сказать, впервые вижу таких странных всадников. И такого великолепного коня, — не удержался стражник, посмотрев на Сполоха. — Он, должно быть, *меарас,* если только вы не отводите нам глаза. Вы — колдуны? Или шпионы Сарумана? Отвечайте быстро!

— Мы не шпионы, — ответил Арагорн, — а кони действительно ваши. Думаю, ты узнал Хазуфела и Эрода еще до того, как спросил. Два дня назад мы получили их от Йомера, вашего военачальника, а теперь возвращаем, как обещали. Разве Йомер не вернулся и не предупредил о нашем прибытии?

Страж явно смутился.

— Может быть, ваше прибытие и не совсем неожиданность, — сказал он. — Но как раз позавчера Грима Червослов приказал нам не пускать чужестранцев в город.

— Грима Червослов? — гневно воскликнул Гэндальф. — Но у меня дело не к Гриме Червослову, а к правителю Теодену. Я спешу. Ступай или пошли кого-нибудь доложить о нашем прибытии!

— Хорошо, — согласился страж, все еще пребывая в сомнении. — Я пойду. Как вас представить Теодену? Мне видится, не простые путники стоят у наших ворот.

— Правильно видится, — кивнул маг. — Я — Гэндальф. Я вернулся, как обещал, и вместе со мной вернулся Сполох, краса и гордость Рохана. Со мной мои друзья: Арагорн, сын Арахорна, эльф Леголас из Сумеречья, и гном Гимли, сын Глоина. Передай правителю, что мы хотим говорить с ним.

Страж покачал головой.

— Я передам, но не надейтесь на добрый ответ, слишком тревожное время…

Он быстро ушел, оставив пришельцев под бдительной охраной товарищей, но вскоре вернулся и торжественно возвестил:

— Теоден разрешил вам войти. Следуйте за

мной!

Темные деревянные ворота с лязгом открылись. Путники направились за проводником по длинной, вымощенной камнем дороге. По обеим сторонам тянулись добротные деревянные дома с крепкими воротами. Вдоль дороги в каменном русле журчал ручей. Наконец они оказались на вершине холма. Ручей вытекал из небольшого фонтана, изображавшего конскую голову. Широкая каменная лестница вела на террасу дворца правителя. На самом верху стояла стража в блестящих кольчугах с обнаженными мечами в руках.

Проводник вернулся к воротам, а друзья поднялись по лестнице. Воины наверху учтиво приветствовали их, и один выступил вперед.

— Я хранитель покоев Теодена, — сказал он на Всеобщем языке, — меня зовут Хама. Прошу вас оставить оружие здесь.

Леголас подал ему кинжал с серебряной рукоятью, лук и колчан.

— Сохраните их, — попросил он, — это дар правительницы Лориена, я дорожу им.

Стражи сложили его оружие у стены, обещая, что никто не прикоснется к нему.

Арагорну очень не хотелось отдавать Андрил.

— Не подобает мне снимать этот меч или позволить прикоснуться к нему чужой руке.

— Такова воля Теодена, — напомнил Хама.

— Я не уверен, что Теоден, сын Тенгеля, будь он даже правитель Рохана, может приказывать Арагорну, сыну Арахорна, Наследнику Элендила.

— В этом доме распоряжается Теоден, а не Арагорн, будь он хоть коронованный Король Гондора, — Хама отступил к дверям, мечом преграждая путь.

— Пустые разговоры, — мягко сказал Гэндальф. — Неразумно требование Теодена, еще более неразумно неподчинение ему. Всякий хозяин волен приказывать в своем доме.

— Я подчинился бы даже углежогу в его хижине, будь у меня в руках другой меч, а не этот, — настаивал Арагорн.

— Каким бы он ни был, — возразил Хама, — вы должны отдать его, если не хотите сражаться в одиночку со всеми воинами Эдораса.

— Так уж и в одиночку! — проворчал Гимли, многозначительно пробуя пальцем лезвие своего топора и поглядывая на стража так, словно тот был молодым деревцем, которое надлежало срубить.

— Но, но! — тихонько прикрикнул Гэндальф. —

Все мы здесь друзья или должны быть друзьями, иначе только порадуем Врага. Я отдаю меч, раз таков здешний обычай. Между прочим, его имя — Гламдринг, и делали его эльфы. Отдайте и вы оружие.

Арагорн сам поставил у стены Андрил, запретив прикасаться к нему кому бы то ни было.

— В этих ножнах спит до поры Возрожденный Меч Элендила, сработанный некогда мастером Телкаром, — пояснил он. — Смерть грозит любому, кто прикоснется к нему, если он — не из рода Элендила.

Стражи невольно отступили на шаг.

— Князь, тебя принесли к нам песни из дали времен, — сказал Хама. — Мы не нарушим приказа.

Тогда и Гимли пристроил рядом свой топор.

— Ему не стыдно будет постоять с мечом Исилдура, — сказал он. — Ну, теперь-то мы, наконец, можем пройти к вашему правителю?

Но Хама колебался.

— Ваш посох, — обратился он к Гэндальфу. — Простите, но вы должны оставить здесь и его.

— Глупости, — отрезал Гэндальф. — Осторожность — это одно, а неучтивость — совсем другое. Я старик. Если мне нельзя идти, опираясь на

посох, то я сяду здесь, и пусть Теоден сам придет ко мне.

— Посох в руках мага — это не только опора, — с сомнением сказал Хама. — Но я считаю, что вам и вашим друзьям можно довериться. Войдите.

Стражи подняли тяжелые засовы, медленно, со скрипом приоткрыли створки дверей на огромных петлях. Путники вошли. Просторный зал казался темным. Стены и столбы, поддерживающие крышу, тонули в полумраке. Солнечные лучи едва пробивались сквозь узкие окна под самой крышей. Когда глаза привыкли к скудному освещению, путники заметили, что пол выложен разноцветными плитами. Причудливые руны вились под ногами, складываясь в непонятные девизы. Столбы оказались покрыты богатой резьбой, тускло отсвечивала позолота. По стенам во множестве висели старинные гобелены. Время и сумрак делали рисунки на них едва различимыми, и только одно изображение оказалось ярко освещенным: молодой воин на белом коне. Воин держал рог возле губ, его золотистые волосы разметались по ветру. Конь, стоя по колени в пенистом речном потоке, раздувал чуткие ноздри, предчувствуя близкую битву.

— Это Юный Йорл перед сражением у Келе-

бранта, — негромко сказал Арагорн.

Путники миновали открытый очаг в середине зала и остановились. В дальнем конце на трехступенчатом возвышении сидел в золоченом кресле Теоден — король Рохана. Подле его кресла стояла молодая женщина в белом, золотоволосая, гордая и холодная, а на ступеньках у его ног сидел, полузакрыв глаза, тщедушный бледный человек, одетый в черное.

Теоден показался вошедшим глубоким стариком: седовласый, седобородый и такой сгорбленный, что походил на карлика. Борода снежным комом ложилась ему на колени. Тонкий золотой обруч с единственным крупным бриллиантом охватывал лоб. На лице выделялись неожиданно яркие живые глаза. Когда гости приблизились, старик сжал пальцами подлокотники кресла, но не шевельнулся и не сказал ни слова.

Первым заговорил Гэндальф.

— Привет тебе, Теоден, сын Тенгеля! Я вернулся, как и обещал тебе. Надвигается буря. В такой час друзьям следует держаться вместе, никому не выстоять в одиночку.

Старик медленно встал, тяжело опираясь на посох из черного дерева с белой костяной рукоятью, и пришедшие поняли, что, несмотря на согбен-

ную фигуру, роста король высокого и горделивой осанки с годами не утратил.

— Привет тебе, Гэндальф Серый, — произнес он. — Не могу сказать, что рад твоему приходу. Не скрою, когда Сполох вернулся один, возвращение коня обрадовало меня не меньше, чем отсутствие всадника. И когда Йомер принес весть о твоей гибели, я не стал печалиться. Но ты вновь здесь, значит, пришли еще худшие беды. Нет, Гэндальф Буревестник, я не рад тебе. — Он тяжело сел снова.

— Справедливы твои слова, повелитель, — сказал бесцветный человечек. — Всего пять дней назад пришла горькая весть: сын твой, правая рука твоя, Теодред, погиб у западных рубежей. Йомер не заслуживает доверия. Получи он власть — некому будет охранять город. Только что из Гондора нам сообщили, что Темный Властелин готовится к войне. Вот когда решил вернуться этот бродяга. За что нам привечать тебя, Гэндальф — Вестник Зла? Дурные вести — плохие гости, так у нас говорят.

— Ты достойно и мудро помогаешь своему хозяину, дружище Грима, — мягко произнес Гэндальф. — Только забываешь, что виновен в дурных вестях тот, кто сеет зло, а не тот, кто

пришел предупредить и помочь в трудный час.

— Э-э, — скривился человек. — Слишком много развелось таких, кто питается падалью и наживается на чужой беде. Прошлый раз ты сам искал помощи у нас. Повелитель мой сжалился и позволил тебе взять коня, ты же бесстыдно выбрал самого лучшего и сбежал. Господин мой гневается на тебя. Кое-кто, правда, считает, что конь, пусть и самый лучший, — недорогая плата за твое отсутствие. С чем пожаловал на этот раз? Есть у тебя войско? Кони, мечи, копья? Вот что нам нужно. А я вижу четверых бродяг в лохмотьях, и ты из них самый оборванный.

— Об учтивости начали забывать в твоем доме, Теоден, сын Тенгеля, — сдержанно произнес Гэндальф. — Разве тебе не сообщили имена моих спутников? Редко случалось правителям Рохана принимать таких гостей, и ни один могучий вождь не отказался бы от оружия, оставленного у твоего порога. Одежду свою они получили от лориенских эльфов и в ней прошли через великие опасности, чтобы предстать перед тобой.

— Значит, Йомер сказал правду, и вы в сговоре с Колдуньей из Золотого Леса? — прошипел Червослов. — Тогда неудивительно: там всегда плетутся сети коварства.

Гимли шагнул было вперед, но замер, ощутив на плече неожиданно тяжелую руку Гэндальфа.

— *О Двиморден, о Лориен...* — мягко и полно разнесся по залу голос мага.

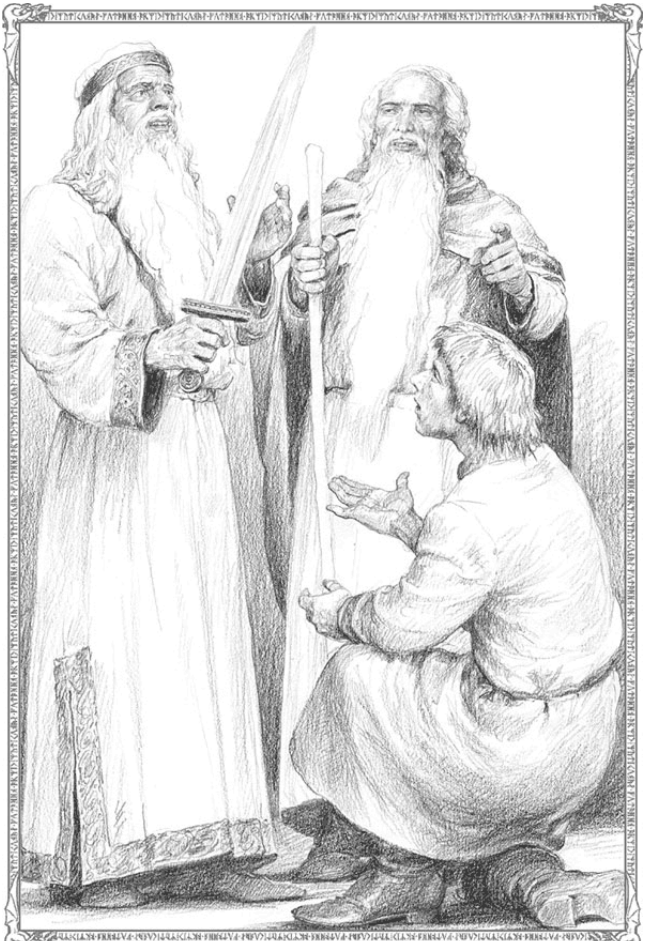
О Двиморден, о Лориен,
Где вечен свет, бессилен тлен!..
Сколь редко видел смертный взгляд
Лесной немеркнущий наряд...
Галадриэль! Галадриэль!
Ясна, чиста твоя купель,
Бела в руке твоей звезда...
Прекрасный край, пребудь всегда,
О Двиморден, о Лориен,
Нездешний сон, желанный плен...

Маг выпрямился, не опираясь больше на свой жезл, серый плащ распахнулся, но теперь голос его прозвучал холодно и резко.

— Разумный говорит только о том, что знает, Грима, сын Гальмода! — сказал он. — А тебе, неразумному червяку, лучше бы держать свой ядовитый язык за зубами! Я не для того прошел сквозь огонь и мрак, чтобы слушать коварные речи раба, разрази его молния!

Он поднял жезл. Небо на востоке вдруг потемне-

ло, раздался раскат грома, и огонь в очаге поник. В полумраке светилась высокая белая фигура мага.



Грима прошипел в темноте:

— Не советовал ли я вам, повелитель, отнять у него жезл? Хама, глупец, предал нас! — Но тут над самой крышей сверкнула такая яркая молния, что он упал ничком.

Гэндальф снова заговорил с Теоденом.

— Будешь ли ты слушать меня, Теоден, сын Тенгеля? Примешь ли мою помощь?

Он поднял посох и указал на одно из окон. Гроза, похоже, рассеялась, высоко над их головами сиял кусочек голубого неба. — Посмотри — не все еще покрыто мраком. Укрепись сердцем — лучшей помощи не будет у того, кто отчаялся. Выйди вместе со мной за порог и оглядись. Ты слишком долго сидел в полутьме, слушая дурные советы и лживые посулы.

Теоден медленно встал. Молодая женщина поддержала его под руку. Он спустился по ступеням, не глядя на неподвижно распростертого Гриму, и прошел через зал. Гэндальф громко ударил в дверь.

— Отворите! — крикнул он. — Правитель идет!

Двери открылись, и в зал со свистом ворвался свежий ветер.

— Отошлите стражей к подножию лестницы, — повелел маг. — И вы, прекрасная дама, оставьте

нас. Я сам позабочусь о правителе.

— Ступай, Йовин, — ласково произнес Теоден. — Время страха миновало.

Молодая женщина неохотно вернулась в зал. У самых дверей она помедлила, обернулась и взглянула на короля с затаенной жалостью. Она была очень хороша собой: высокая, стройная, в белой одежде с серебряным поясом, но казалась холодной и твердой, как сталь. Она перевела взгляд на Арагорна, и он невольно сравнил ее с ранним утром, ясным и льдистым, когда до солнца еще далеко. С минуту она глядела на него, словно зачарованная, потом быстро скрылась в покоях.

Опираясь на свой черный посох, Теоден огляделся. С высокой террасы были видны обширные луга Рохана. Из туч над ними свисал косыми полосами дождь. Ветер сносил его на восток. На западе тучи были черными, и над вершинами далеких холмов сверкали молнии, но гроза уже уходила в сторону. Над Эдорасом проглянуло яркое солнце. Струи дождя сверкали серебром, и река вдали заблестела, как зеркало.

— Здесь светло! — удивленно воскликнул Теоден.

— Да, — ответил Гэндальф, — и годы совсем не так давят тебе на плечи, как кое-кто заставляет

думать. Брось посох!

Черный посох со стуком упал на каменные плиты. Теоден выпрямился, медленно, как человек, долгое время сидевший над неприятной работой, и сразу оказался высоким и статным, а когда он взглянул в небо, глаза у него поголубели.

— Мрачные сны я видел, — тяжело произнес он, — но теперь чувствую, что пробудился. Жаль, что ты не пришел раньше. Сейчас ты увидишь только гибель моего дома. Недолго стоять этим древним стенам: скоро огонь пожрет их. Что мне делать, Гэндальф?

— Многое надо сделать, — ответил маг. — Но прежде всего послать за Йомером. Я уверен, что он схвачен по злому навету. Это Червослов?

— Да, — несколько смущенно ответил Теоден, — Йомер не выполнил моих приказаний и угрожал Гриме смертью у меня на глазах.

— Тем, кто любит тебя, вряд ли придется по нраву Грима со своими советами, — сказал Гэндальф.

— Пожалуй, — согласился Теоден. — И я сделаю так, как ты говоришь. Пусть Хама приведет его. Страж из него ненадежный, проверим, каков посыльный, — голос у правителя был суровый, но, взглянув на Гэндальфа, он улыбнулся, и

в этот миг немало морщин исчезли с его лица бесследно.

Теоден сел в каменное кресло у самой лестницы, а Гэндальф — на верхнюю ступеньку. Они беседовали так тихо, что Арагорн и его друзья, молча стоявшие рядом, ничего не слышали. Теоден слушал мага, глаза у него блестели. Он встал и вместе с Гэндальфом обернулся на восток.

— Именно там, рядом с величайшим страхом, — наша величайшая надежда, — маг говорил теперь в полный голос. — Судьба мира висит на волоске. Нам надо продержаться еще немного.

Друзья взглянули в ту же сторону. Мысли о Хранителе вызвали в их сердцах страх и надежду. Где он? Что с ним? Какие опасности ему угрожают и сможет ли он преодолеть их? Зоркие глаза эльфа уловили далеко за краем земли мелькнувшую белую искру: словно солнце блеснуло на шпиле Белой Башни. А еще дальше, как недремлющая угроза, мигнул крошечный багровый язычок пламени.

Теоден медленно опустился в кресло: усталость побеждала его, несмотря на волю Гэндальфа.

— Увы! — проговорил он. — Злые дни настигли меня на закате жизни, лишили покоя, которого только и жаждет моя душа. Молодые гибнут, а

старики влачат бессильное существование. — Морщинистые руки короля тяжело и праздно легли на колени.

— Пальцы вспомнят былую силу, если возьмутся за рукоять меча, — тихонько подсказал Гэндальф.

Старый правитель поднес руку к бедру, но меча там не было.

— Куда же Грима упрятал его? — пробормотал он растерянно.

— Возьмите мой, повелитель, — раздался вдруг ясный и твердый голос.

На лестнице стоял Йомер. Он был без шлема и кольчуги, а в руке сжимал обнаженный меч и, преклонив колено, протягивал его рукоятью вперед повелителю. Позади стоял Хама.

— Что это значит? — сурово произнес Теоден, поворачиваясь к Йомеру. Немощного старца больше не было. Воины не верили глазам и не могли отвести их от гордого, властного вождя.

— Простите меня, повелитель, если я поступил неправильно, — потупился Хама, — но Йомер — военачальник, и я сам вернул ему меч, думая, что он свободен.

— А я кладу его к вашим ногам, повелитель, — добавил Йомер.

Теоден стоял неподвижно, глядя на него сверху вниз. Потом, по знаку Гэндальфа, медленно протянул руку и, когда его пальцы сомкнулись на рукояти, всем показалось, что прежняя сила вернулась к нему. Он взмахнул сверкнувшим клинком и издал боевой клич Рохана. Воины на лестнице дружно ответили ему.

— Слава Теодену! — вскричал Йомер. — Как радостно видеть, что вы возвращаетесь! Никто не скажет теперь, что Гэндальф приносит только дурные вести.

— Возьми свой меч, Йомер, — произнес старый правитель, — а ты, Хама, принеси мне мой: он должен быть где-то у Гримы. Пусть Грима тоже придет сюда! Ну, Гэндальф, ты обещал добрый совет. Что теперь делать?

— Все, что нужно, уже сделано, — ответил Гэндальф. — Справедливость восстановлена. Но отбросить страх и выйти из тени — это лишь начало.

Он посоветовал Теодену собрать всех, способных носить оружие, и выступить против Сарумана, пока не поздно. Женщины, дети и старики должны укрыться в неприступных горных убежищах, но не брать с собой никакого имущества. Речь идет о спасении жизни.

Теоден предложил гостям отдохнуть, но Арагорн, поблагодарив, отказался. Он попросил Теодена позволить им присоединиться к войскам, потому что обещал Йомеру сражаться рядом с ним.

— Тогда мы обязательно победим! — воскликнул Йомер.

— Да, надежда есть, — сдержал его Гэндальф, — но Изенгард могуч, а есть еще и другие опасности. Не медли, Теоден. Как только мы выступим, уводи народ в горы.

— Нет уж, — возразил тот, — ты исцелил меня. Теперь я сам поведу войска в бой! — и воины вокруг ответили ему громкими ликующими криками.

— Но народ нельзя оставлять без управления, — забеспокоился Гэндальф. — Нужен человек, которому все доверяли бы и соглашались повиноваться.

— Я приму решение до того, как мы выступим, — пообещал король.

Двое воинов ввели Гриму Червослова. Он был очень бледен и щурился от солнечного света. С ним пришел Хама. Преклонив колено, он подал Теодену меч в окованных золотом и отделанных яхонтами ножнах.

— Меч был в сундуке у Червослова, — сказал воин, — он не хотел отдавать нам ключи. Там нашлось много других вещей, которые считались потерянными.

— Лжешь! — прохрипел Грима. — Твой господин сам отдал мне меч на хранение.

— Теперь он требует его обратно, — властно произнес Теоден. — Или тебе это не по нраву?

— Конечно нет, повелитель, — отвечал тот, — я ведь забочусь о вас и вашем благе по мере сил. Не утомляйтесь, прошу вас, и берегите себя. Пусть кто-нибудь еще займется этими докучливыми гостями. Стол накрыт. Прикажете подавать кушанье?

— Да, подавай, — ответил король. — Я приглашаю гостей отобедать со мной. Сегодня мы выступаем. Пошли герольдов. Пусть все способные сражаться, люди и кони, соберутся у ворот к двум часам пополудни, чтобы выступить сегодня же.

— Ох! — вскричал Грима. — Вот чего я боялся! Этот старец околдовал вас! И вы никого не оставляете охранять Золотые Палаты и их сокровища? Никого, чтобы охранять вас?

— Если это колдовство, — возразил Теоден, — то оно мне больше по нраву, чем твои нашептыва-

ния. Еще немного, и я бы встал на четвереньки, как животное. Нет, я не оставлю здесь никого, даже рачительного Гриму. Он тоже идет с войском. Ступай! У тебя есть еще время почистить свой меч от ржавчины.

Грима упал перед ним на колени.

— Сжальтесь, повелитель! — простонал он. — Не отсылайте от себя верного Гриму! Пожалейте того, кто так долго служил вам.

— Могу и пожалеть, — ответил Теоден, — ты останешься со мной. Я сам поведу войско, а ты будешь сопровождать меня и тем докажешь свою верность.

Червослов встал, озираясь, как затравленный зверь.

— Так я и знал, — сказал он. — Если бы они любили вас, то пожалели бы вашу старость. Выслушайте хотя бы мой совет: оставьте в Эдорасе того, кто знает и чтит вашу волю. Назначьте наместником того, кому вы доверяете. Верный Грима сохранит все в целости до вашего возвращения.

Йомер рассмеялся.

— На меньшее ты не согласен, доблестный Грима? Например, нести в горы мешок с провизией, если кто-нибудь доверит его тебе?

— Нет, Йомер, ты еще не понимаешь, что задумал наш благородный Грима, — вмешался Гэндальф, обратив на Червослова пронизывающий взгляд. — Он хитер и дерзок. Даже сейчас он играет с огнем и надеется выиграть. На колени, змей! — прогремел он вдруг. — Признавайся, давно ли Саруман купил тебя и за сколько? И не обещал ли он тебе, что, когда все воины погибнут, сокровища Эдораса достанутся тебе, включая женщину, которой ты домогаешься? Ты ведь давно ее преследуешь!

Йомер схватился за меч.

— Я знал это и раньше! — воскликнул он. — Поэтому и хотел тогда убить негодяя на глазах у правителя… — Он шагнул вперед, но Гэндальф удержал его.

— Подожди, Йовин больше ничто не угрожает. Ты, Червослов, хорошо служил своему настоящему господину и заслужил награду. Но Саруман любит забывать о своих договорах. Советую тебе поскорее вернуться к нему и напомнить условия, а то он забудет и о твоей верной службе.

— Ты лжешь! — став совершенно серым, прошипел Грима.

— Слишком легко и слишком часто ты бросаешься этим обвинением, — спокойно ответил

Гэндальф. — Я никогда не лгу. Ты пригрел змею, Теоден. Брать его с собой — небезопасно, оставлять здесь — тем более. По справедливости его следовало бы убить. Но когда-то он был человеком и, как мог, служил тебе. Дай ему коня, пусть едет, куда хочет, а ты посмотришь, что он выберет.

— Слышишь, Червослов? — сказал Теоден. — Выбор за тобой. Либо докажи в бою свою преданность мне, либо убирайся на все четыре стороны, но тогда уж не рассчитывай больше на мое снисхождение.

Грима с трудом встал на ноги. Во всем его облике была такая злоба, что стоявшие рядом с ним воины невольно отпрянули. Оскалив зубы, он зашипел, как змея, плюнул на ступени и, метнувшись в сторону, сбежал по ступенькам. Теоден приказал проследить, чтобы ему не чинили препятствий и дали коня.

— Если какой-нибудь конь согласится нести его, — добавил Йомер.

Один из стражей сбежал следом за Гримой по ступенькам. Другой спустился к источнику у края террасы, зачерпнул шлемом воды и смыл плевок.

— Я приглашаю вас к столу, — обратился Теоден к гостям. — Вам надо передохнуть и поесть, пока

позволяет время.

Они вернулись в королевские палаты. Внизу, в городе, уже кричали герольды и трубили трубы. Король решил выступить, как только будет готова дружина и подойдет ополчение из окрестностей.

За столом Теоден беседовал с Гэндальфом, остальные ели, почтительно прислушиваясь.

— Кому ведомо, как далеко простирается измена Сарумана? — говорил маг. — Были времена, когда он по праву считался истинным другом Рохана. Но даже когда они прошли, вы все еще были нужны ему. Но и после, когда он думал уже только о погибели Рохана, ты продолжал видеть дружелюбную маску. В те годы Гриме жилось легко, и все твои планы немедленно становились известны в Изенгарде. Земли ваши были открыты, и чужеземцы свободно бродили по ним. А нашептывания Гримы постепенно отравляли твои думы, выстуживали сердце, и в конце концов он настолько завладел твоей волей, что твоим приближенным, с болью смотревшим на все это, до тебя было уже не докричаться.

Когда я вернулся и предупредил тебя, маски были сорваны. Началась отчаянная игра. Теперь Грима пытался не дать тебе собрать силы. Он искусен — умеет играть на людской осторожно-

сти, на страхах. Помнишь, как он убедил всех не отправлять отряды на север, раз основная опасность исходит с запада? Ведь это он вынудил тебя запретить Йомеру преследовать изенгардских орков. Если бы Йомер послушался, сейчас орки уже доставили бы в Изенгард драгоценную добычу. Правда, не совсем ту, которую жаждал заполучить Саруман, но все же двое из моего отряда, знающие о тайной нашей надежде — о ней я даже тебе пока не могу сказать открыто, — это немало. Подумай, что мог бы выпытать у них Саруман!

— Я многим обязан Йомеру, — сказал король. — Я забыл, что верному сердцу далеко не всегда сопутствует учтивая речь.

— Лучше сказать, — усмехнулся Гэндальф, — что кривому глазу и правда кажется кривдой.

— Да, ты прав, — согласился Теоден. — И тебе я обязан больше других. Ты снова приходишь вовремя. Выбери же дар, какой пожелаешь, а мне теперь дорог только мой меч!

— Вовремя или нет — это мы еще увидим, — отвечал Гэндальф, — а от дара я не откажусь. Сейчас нужнее всего быстрота и верность. Подари мне Сполоха! Мы друзья с ним. Серебристым лучом в любой ночи он пойдет со мной сквозь все опасности, но я не могу рисковать тем, что мне

не принадлежит.

— Достойный выбор, — одобрил Теоден, — и дар королевский. В этом прекрасном животном словно возродились могучие кони былых времен. А остальным гостям я предложу выбрать себе что-нибудь из моей оружейной. Там есть шлемы и кольчуги прекрасной гондорской работы. Пусть они послужат вам добром.

Слуги принесли доспехи. Арагорн и Леголас выбрали сияющие кольчуги, шлемы и круглые щиты, украшенные золотом и драгоценными камнями, а Гимли нашел себе необычный остроконечный шлем и небольшой щит с гербом дома Йорлов: белым бегущим конем на зеленом поле.

— Пусть он хранит тебя, — сказал ему Теоден, передавая щит, — я носил его в детстве.

— Это высокая честь, — поклонился Гимли и потряс щитом. — Лучше я буду носить коня, чем он меня. Ногам я как-то больше доверяю. Глядишь, все-таки дойдет дело до рукопашной…

— В бою все может быть, — ответил Теоден и поднялся, а вперед выступила Йовин, неся заздравную чашу.

Король пригубил, и девушка пошла обносить гостей, но задержалась возле Арагорна, остановив на нем сияющий взгляд. Он улыбнулся, прини-

мая чару, и вдруг заметил, как она вздрогнула от случайного прикосновения. Эта незначительная деталь стерла улыбку с лица Арагорна и заставила вглядеться в глаза юной воительницы. Меж тем король говорил:

— Я отправляюсь в свой последний поход. Теодред, мой единственный сын, убит. Значит, наследником быть Йомеру, моему племяннику. Но он будет сопровождать меня. Кому же доверить правление?

Вельможи и военачальники смолкли.

— Йовин из дома Йорла, — раздался голос Хамы в полной тишине. — Она отважна и не знает страха. Все любят ее.

— Да будет так, — согласился Теоден. — Прощай, племянница! Мы расстаемся в недобрый час, но, может, еще вернемся в Золотые Палаты. Веди народ в Дунхарг. Те, кто останется в живых, придут туда.

— Каждый день до вашего возвращения будет казаться мне годом, — отвечала дева и снова взглянула на Арагорна.

— Король вернется, — негромко ответил он ей. — На востоке, а не на западе свершится наша судьба.

Присутствующие шумно вставали, разбирали

оружие и спускались к воротам. Лишь Йовин в мерцающей кольчуге осталась наверху, глядя им вслед, скрестив руки на рукояти меча.

Гимли с топором на плече шагал рядом с Леголасом и бурчал себе под нос:

— Собрались наконец. Людям дай только поговорить, а дело пусть ждет. Топор мой и тот заскучал. Рохирримы эти, похоже, славные воины, да только их война не по мне. Опять трястись, как в сумке, с Гэндальфом. На войну ходят ногами!

— На коне, конечно, безопаснее, — поддразнил эльф. — Не бойся, как дойдет до дела, Гэндальф тебя мигом на землю ссадит. Топор — не оружие для всадника.

— Да и гном — не всадник, — отпарировал Гимли, нежно поглаживая рукоять топора. — На орочьи шеи рассчитано, не на человечьи головы.

Войско было готово к походу. У ворот собралось более тысячи воинов, их копья напоминали густой молодой лес. Они радостными возгласами приветствовали Теодена. Двое воинов подвели королю его коня, Белогривого, и Теоден вскочил в седло. Арагорн и Леголас были уже верхом, но Гимли стоял в нерешительности и хмурился, когда к нему подошел Йомер с конем в поводу.

— Приветствую Гимли, сына Глоина! — сказал он. — Я еще не научился сладким речам, как обещал, но больше не буду отзываться плохо о Волшебнице из Золотого Леса. Не отложить ли нам нашу ссору?

— Я на время позабуду о ней, сын Йомунда, — согласился гном, — но, если вы увидите прекрасную Галадриэль собственными глазами, вам придется признать ее прекраснейшей в мире, или нашей дружбе конец.

— Согласен, — рассмеялся Йомер. — А до тех пор — простите меня и, в знак примирения, не откажитесь ехать со мною.

— Буду рад, — отвечал Гимли, — но с условием, что рядом поедет мой друг, Леголас.

— Леголас слева, Арагорн справа, тогда никто не устоит перед нами!

— А где же Сполох? — полюбопытствовал Гэндальф.

— Вон, серая тень за рекой, — показали ему. — Никого к себе не подпустил, умчался.

Гэндальф свистом позвал коня. Сполох издали ответил ему, примчался и положил голову на плечо.

— Дар, похоже, уже вручен, — засмеялся Теоден. — Слушайте, люди и кони! — его зычный

голос легко покрыл шум строящегося войска. — Гэндальф Серый, наш мудрейший советник, странник, которому всегда рады в наших палатах, будет и останется князем и военачальником Йорлингов, пока наш народ живет на земле. В дар от нас он получает Сполоха.

— Благодарю тебя, король Теоден, — маг, сбросив серый плащ и шляпу, вскочил в седло. Ни шлема, ни кольчуги на нем не было; седые кудри и белая одежда ослепительно сверкали на солнце.

— Белый Всадник! — промолвил Арагорн, и все подхватили его слова.

Запели боевые трубы, кони встрепенулись, копья ударили о щиты. Король поднял руку, и всадники вихрем сорвались с места.

А от дверей непривычно тихого, обезлюдевшего дворца долго смотрела им вслед прекрасная Йовин.

Глава VII
Хельмова падь

Солнце начало клониться к закату, когда войска покинули Эдорас и, щурясь от мягкого золотого света, спешным маршем двинулись вдоль отрогов Белых Гор. Зеленые всхолмья перемежались долинами, почти по каждой бежал ручей или речушка. Далеко впереди, справа, медленно росли хребты Мглистых Гор. Там, у Бродов Изена, Всадники из последних сил сдерживали орды Сарумана. Боязнь опоздать придавала сил. От Эдораса до Изена больше сорока лиг. Уже к ночи двадцать из них остались позади. Только тогда, после пяти часов скачки, остановились на ночлег, выставив вокруг стоянки кольцо конных дозоров и разослав разведчиков. Ночь прошла спокойно. На рассвете запели горны, и меньше чем через час войска снова двинулись в путь.

Утро выдалось ясным, но вслед за солнцем с востока начала подниматься какая-то темная завеса. Воздух был неподвижный и душный, как перед грозой. А с северо-запада, от подножий Мглистых Гор, из долины Изена, медленно рас-

ползалась черная мгла.

Гэндальф приблизился к Леголасу, ехавшему рядом с Йомером.

— Нет глаз зорче, чем у эльфов, — сказал он. — Они за целую лигу отличают воробья от зяблика. А ну-ка, скажи, что происходит под Изенгардом?

— Далековато, — прищурился эльф, прикрывая глаза от солнца изящной рукой. — Там — тьма, а по берегу реки движутся какие-то смутные тени… Я не понимаю, что это… Не облако и не туман. Словно сумрак выполз из дремучей чащи и потек с холмов вниз, к реке…

— А позади идет гроза из Мордора, — мрачно закончил Гэндальф. — Черна будет эта ночь.

К вечеру тяжесть в воздухе увеличилась. В сером клубящемся мареве солнце казалось кровавым. Всадники повернули к северу, огибая последний из отрогов Белых Гор, и блестящие наконечники копий вспыхнули пламенем в закатном свете. Наперерез им черной точкой в быстро темнеющей степи мчался всадник. Теоден дал знак остановиться. Наконец изможденный воин в измятом шлеме, с изрубленным щитом подскакал к голове колонны, спешился, с трудом перевел дух и заговорил:

— Йомер с вами? Вы все-таки пришли, но

пришли поздно. После гибели Теодреда нас оттеснили за Изен. Многие не смогли переправиться. А ночью нас атаковали снова. Саруман вооружил и бросил против нас диких дунгарских пастухов и, должно быть, всех своих орков. Они просто смели наш оборонительный вал. Эркенбранд из Вестфолда отступает к Хельмовой Пади, и с ним все, кто остался в живых. Надеяться больше не на что. Где Йомер? Пусть скорее возвращается в Эдорас, надо опередить Саруманових псов…

Теоден, молча слушавший за спинами рослых Всадников, выступил вперед.

— Я веду последнюю дружину Йорлингов, веду сражаться, — сказал он просто. — Возвращаться незачем.

Вестник, смущенный и одновременно обрадованный, преклонил колено.

— Веди нас, повелитель! — вскричал он, вскинув свой зазубренный меч. — И прости меня, я думал…

— Ты думал, что я остался во дворце, согбенный, как старое дерево под тяжестью снега, — молвил Теоден. — Так оно и было, когда вы уходили на битву. Но ветер с запада отряхнул мои ветви. — Он обернулся к своим воинам. — Дайте ему свежего коня, и пусть он ведет нас на помощь

Эркенбранду!

Гэндальф тем временем, чуть отъехав вперед, напряженно всматривался вдаль и, видимо, высмотрел-таки что-то, невидимое для других.

— Веди воинов к Хельмовой Пади, Теоден, — повернулся он к королю. — Не мешкай на равнине. Я вынужден покинуть тебя. До встречи у Ворот Хельма!

Он шепнул что-то коню, тот рванулся вперед и исчез — как стрела, как погасший закатный отблеск, как порыв ветра в поле, как мелькнувшая тень…

— Как это понимать? — ни к кому особо не обращаясь, проговорил воин из королевской свиты.

— Гэндальфу Серому надо спешить, — назидательно произнес Хама. — Он приходит и уходит нежданным, когда сочтет нужным.

— Червослов назвал бы это по-другому, — заметил кто-то.

— Верно, — согласился Хама. — А я предпочту подождать, когда Гэндальф вернется.

— Можешь и не дождаться, — донеслось в ответ.

Хельмовой Падью называлось извилистое скалистое ущелье на северных склонах Белых Гор. Говорили, что еще в дни расцвета Гондора

нуменорцы выстроили здесь башню-крепость. Ее называли Хорне — Башня Поющего Рога. Люди верили, что боевой сигнал Хорне, умноженный горным эхом, способен поднять войско короля Хельма, некогда державшего здесь оборону. От башни через Хельмову Падь тянулась каменная стена двадцати футов высотой. Поверху шла галерея, позволявшая четырем воинам в ряд обходить стену дозором. По ущелью, плавной дугой охватывая Хорне, текла река. Замок этот был надежным оплотом Западных областей Рохана, отсюда Эркенбранд правил Вестфолдом.

Войско Теодена не успело добраться до Хельмовой Пади. Орки встретили их на широкой речной пойме. Внезапно в темноте послышались крики высланных вперед разведчиков, засвистели стрелы.

— Нас опередили, — доложил вернувшийся разведчик. — Орки и дикари верхом на волках уже в долине. Похоже, они преследуют Эркенбранда от самых Бродов Изена. Много погибших, а уцелевших оказалось некому возглавить. Никто не знает, что сталось с Эркенбрандом. Даже если он жив, теперь ему уже не пробиться к Хельмовой Пади.

— Видел ли кто-нибудь Гэндальфа? — тяжело

спросил Теоден.

— Многие видели старика в белом на огромном коне, повелитель. Он промчался по равнине, обгоняя ветер, в сторону Изенгарда. А незадолго до этого люди видели Червослова в компании орков. Он тоже направлялся на север.

— Червослову не поздоровится, если Гэндальф до него доберется, — усмехнулся Теоден. — Выходит, я разом лишился обоих советников, и прежнего, и нового. Выбирать, впрочем, не из чего. Нам надо пробиваться к Хельмовой Пади, есть там Эркенбранд или нет. Много ли орков у нас на хвосте?

— Намного больше, чем нас, повелитель, — сказал разведчик. — Я знаю, у страха глаза велики, но я говорил со старыми воинами. Силы врага в несколько раз превосходят наши.

— Надо успеть пробиться до подхода основных сил, — заметил Йомер. — В Хельмовой Пади есть пещеры, в которых смогут укрыться сотни людей; тайные тропы ведут из них в горы.

— Не доверяйте тайным тропам, — предостерег Теоден. — Саруман давно следит за этим краем. Однако в крепости мы сможем держать оборону. Вперед!

Арагорн и Леголас шли теперь в авангарде

рядом с Йомером. Быстро смеркалось, тропа становилась все круче, все осторожнее приходилось ступать. Поначалу встречавшиеся стаи орков отступали без боя.

— Это везение ненадолго, — заметил Йомер. — Все изменится, как только их военачальники узнают, что здесь — все войско Теодена.

Шум схватки позади постепенно нарастал. Они уже слышали за спиной нестройное пение и поднялись достаточно высоко по ущелью, чтобы охватить взглядом бессчетную вереницу факелов — красными соцветьями там, где дорога пошире, узкой лентой — на крутых подъемах.

Вскоре запылали костры — это Саруманова рать поджигала скирды, загоны для скота и одинокие усадьбы. С болью смотрел Теоден, как гибнет еще вчера изобильный край.

— Мы отступаем, — горько проговорил Арагорн, — а будь сейчас день и будь у нас сил побольше, мы смели бы их, как горный поток солому.

— Отступать уже некуда, — отозвался Йомер. — До вала рукой подать, а от него — два фарлонга до Ворот Хельма.

— У вала нам оборону не удержать, — вздохнул Теоден. — Нас слишком мало, а ущелье там около

мили шириной, и пролом в нем слишком широк.

— Там необходимо оставить заслон, — сказал Йомер.

В кромешной тьме дружина добралась до реки и втянулась внутрь оборонительного вала. Отсюда вдоль берега шла дорога к крепости, и здесь их, наконец, приветствовал крепостной дозор. Гамлинг, начальник стражи, неторопливо изложил королю положение дел.

— В крепости сейчас около тысячи воинов, способных держать оружие, — говорил он, — правда, все больше старики вроде меня или мальчишки, как вот этот мой внук. Что слышно от Эркенбранда? Вчера нам сообщили, что он отступает в Хельмову Падь, но сюда он не возвращался…

— Боюсь, ему уже не пробиться, — вздохнул Йомер. — Враг идет за нами по пятам.

— Остается только пожелать Эркенбранду удачи. Мы должны уйти за крепостные стены, — сказал Теоден. — А вот сколько мы там продержимся? Мы выехали налегке, рассчитывая принять бой, а не держать оборону.

— В пещерах, выше по ущелью, укрылись наши старики, дети и женщины, — объяснил Гамлинг. — Там же — припасы, пожитки, кони. Все, что удалось спасти.

Всадники Теодена миновали крепостной вал, у навесного моста спешились и вошли в крепость Хорне. Здесь их приветствовали с радостью; теперь воинов хватало для охраны и замка, и крепостной стены.

Гарнизон Хорне и королевскую рать Йомер послал в замок, свою дружину отправил на защиту Стены, коней отвели выше по ущелью.

Крепостная стена Хорне имела около двадцати футов в высоту; парапет с бойницами высотой с рослого воина защищал широкий проход по верху стены. Попасть на стену можно было по единственной лестнице, шедшей из замка; три пролета ступеней выводили наружу, вверх по ущелью. Огромные камни стены были пригнаны и обтесаны так, что между ними не осталось ни единой щели, а верхние небольшим козырьком нависали над нижними.

Медленно тянулось время. Медленно тянулись по ущелью цепочки факелов. Леголас сидел на парапете, задумчиво трогая тетиву. Гном стоял рядом, прислонившись к зубцу стены.

— Мне здесь по нраву, — беззаботно говорил он, постукивая ногой о камень. — Добрая порода. Крепкие кости у этой земли. Сюда бы на годик сотню моих родичей…

— Странный вы все же народ, — отозвался Леголас. — Мне здесь неуютно — что днем, что ночью. Но я рад, что твой топор будет рядом. Да, гномов здесь не хватает, но и от сотни эльфийских лучников я бы не отказался. Здешним стрелкам, похоже, можно доверять, только уж очень их мало…

— Темновато для стрельбы, — заметил Гимли. — Самое время вздремнуть. Езда верхом — утомительное занятие! Сейчас бы топором помахать, весь сон как рукой снимет.

Внезапно ущелье со стороны вала взорвалось орочьми воплями, боевыми криками, воем дикарей. Вал и проем в нем заполнили пылающие факелы — и снова стало темно. Отряд Гамлинга, выпустив все стрелы, вынужден был отступить под защиту крепостной стены. Вскоре Гамлинг уже докладывал:

— Орки лезли и лезли, как муравьи. Мы завалили весь проем их трупами, но, боюсь, это ненадолго их остановит. Зато красоваться с факелами мы их отучили.

Полночь миновала. Ущелье окутала тьма, воздух потяжелел. Все замерло, словно предчувствуя грозу. Ослепительно белая вспышка молнии

выхватила кипящее между стеною и валом пространство. Черные тени — иные кряжистые и приземистые, иные высокие, в остроконечных шлемах, с черными щитами — вливались сквозь проем и, как прибой, разбивались о скалы. С первым раскатом грома хлынул ливень. Орки пошли на приступ. Хельмова Падь ответила молчанием… Казалось, безмолвная ярость самих скал и стен остановила нападающих. Все чаще сверкали молнии. Словно очнувшись, орки и дунгарские дикари кинулись к воротам, потрясая копьями и выпустив тучу стрел. На каждом щите, на каждом шлеме нападавших виднелась призрачная длань Изенгарда.

Сверху их встретили камнями и стрелами. Раз за разом орда отступала и вновь бросалась на приступ, каждый раз взбираясь все выше. Они достигли Ворот, и теперь дюжины две дикарей, прикрывшись щитами, пытались наскоро сделанным тараном разбить их.

Арагорн и Йомер заметили опасность одновременно. С десяток воинов ринулись вместе с ними вдоль стены, вверх, во внешнюю галерею, вниз, по внутренним переходам и через боковую дверцу — к Воротам. Стремительный натиск увенчался успехом. Андрил взлетал и падал, сияя

полосой белого пламени. Радостным кличем отозвались со стены и из башни:

— Хей! Сломанный Меч снова в бою!

Дикари пытались обороняться, но вскоре были сметены и отброшены. Орки бежали, беспорядочно отстреливаясь.

Арагорн и Йомер помедлили около ворот. Гром рокотал в отдалении. Зарницы сверкали на юге, над хребтами Белых гор. Резкие порывы северного ветра разметали пелену туч, в разрывах проглядывали звезды; ниже по ущелью, над холмами, желтоватым пятном плыла луна.

— Чуть не опоздали, — заметил Арагорн, озабоченно осматривая поврежденные Ворота. Мощные петли и железные засовы были покорежены или сорваны, деревянные накладки — разбиты.

— Пора уходить, — напомнил ему Йомер. — Взгляни! — показал он в сторону подвесного моста. По ту сторону горного потока орки и дикари готовились к новому штурму.

— Идем! — крикнул Йомер. — Надо завалить ворота!

На мостовую с глухим стуком посыпались стрелы. Они повернули обратно, и в этот миг с десяток орков, затаившихся среди трупов, нава-

лились на Йомера. Но тут из темноты с жутким воплем *«Барук Казад! Казад аи-мену!»* налетел Гимли. Свистнул топор, и сразу два орка рухнули обезглавленными. Остальные бежали. Йомер, пошатываясь, поднялся на ноги.

Боковую дверь в воротах удалось закрыть, сами ворота подперли балками и завалили камнями. Воспользовавшись передышкой, Йомер учтиво обратился к гному:

— Я ваш должник, Гимли, сын Глоина! Недаром говорят: нежданный гость — нечаянная радость. Я и не знал, что вы решили не оставлять нас в одиночестве.

— Встряхнуться захотелось, — улыбнулся Гимли. — Дикари оказались для меня великоваты, и я праздно любовался вашими играми с мечами. Рад был услужить — мой топор с самой Мории не пробовал ничего, кроме дерева.

— Два! — вернувшись на стену и обтирая лезвие топора, объявил Гимли Леголасу.

— Только-то? — отозвался эльф. — У меня не меньше десяти. Жаль, стрел маловато.

Грозовые тучи быстро уходили, заходящая луна светила в полную силу. Вот только надежды Всадникам ее свет не прибавил. Казалось, орда множилась на глазах. Скоро она снова бросилась на Ворота. У стен Хельма, словно штормовое море, ярились Сарумановы полчища. Канаты с крючьями летели на стену, защитники едва успевали перерубать их. Сотни приставных лестниц тянулись вверх, орки висели на них, как обезьяны в южных джунглях. Подобно гальке, остающейся на берегу после шторма, громоздились у стены убитые и покалеченные, жуткий курган все рос,

а враги все прибывали.

Трижды поднимали в бой усталых воинов Йомер и Арагорн; трижды сиял Андрил, трижды отчаянным натиском удавалось отбросить врагов от стен.

Новую опасность первым заметил Гимли. Десятка два орков вплавь по реке подобрались к стене, нашли какую-то щель и теперь намеревались двинуться в глубь ущелья. От пронзительного вопля *«Казад!»* вздрогнули скалы. Гимли скатился со стены в самую гущу врагов.

— Ой-ей, — вопил он, — ой-ей, Леголас! Одному тут не управиться, иди, поделюсь!

Старый Гамлинг с отрядом поспешил на помощь.

— Двадцать один! — крикнул ему Гимли, орудуя топором, как сноровистый дровосек. — Я опередил-таки этого эльфа!

— Прервись ненадолго, мастер гном, — попросил старый воин. — Никто лучше тебя не умеет обращаться с камнем. Помоги нам заделать проем.

Они завалили щель камнями, оставив лишь узкий проход для воды. Река, взбухшая после дождя, с клокотанием протискивалась сквозь него и разливалась у обеих стен.

— Наверху-то посуше будет. Пойдем, Гамлинг, посмотрим, как без нас на стене управляются.

Наверху рядом с Леголасом стояли Арагорн и Йомер.

— Двадцать один! — доложил Гимли.

— Неплохо, — отозвался эльф. — У меня две дюжины. Пришлось поработать кинжалом.

Арагорн устало опирался на меч. Слева снова доносились лязг и грохот — очередной штурм набирал силу. Крепость Хорне казалась островком в бушующем море. Ворота были разбиты, но завал из камней и бревен не одолел еще ни один враг.

Звезды едва начали бледнеть, луна неторопливо продвигалась по предначертанному пути к горизонту.

— Эта ночь длинна, как год, — сказал Арагорн. — Когда же рассвет?

— Скоро, — отозвался Гамлинг. — Да чем он поможет?

— День всегда приносит людям надежду, — ответил Арагорн.

— Приносил, — поправил Гамлинг. — Вот только эти Саруманова твари — не то люди, не то гоблины — тьфу! — не боятся солнца. А уж про дикарей с холмов и говорить нечего. Слышите, как кричат?

— Как птицы или звери, — сказал Йомер.

— Они кричат по-дунгарски, — поправил Гамлинг. — Давным-давно на этом языке говорили и в западных долинах Рохана. Кое-что я могу разобрать. Требуют короля, жаждут смерти белоголовых воров с Севера. Нас, стало быть. Полтыщи лет прошло, а они все не могут забыть, как Йорл стал союзником Гондора и получил в дар эти земли. Саруман только подлил масла в огонь древней вражды, а народ этот свиреп и неукротим. Им все равно: рассвет или сумерки — они будут стоять насмерть.

— И все-таки я верю в день, — Арагорн оставался спокойным. — Говорят, Хорне никогда не уступал силе, если его защищали люди?

— Так поют менестрели, — криво улыбнулся Йомер.

— Значит, остается сражаться и надеяться!

С грохотом рухнула часть стены. Дым, сноп пламени, клубы пара, рев реки — все смешалось. В зияющий пролом хлынули орки.

— Саруманова нечисть! Они принесли ползучий огонь из Ортханка! — крикнул Арагорн и прыгнул в пролом.

В тот же миг не меньше сотни лестниц появилось у стены. Орки обрушились на стену, как

штормовая волна на песчаный замок. Защитников стены теснили в глубь ущелья, к пещерам. Остальные пробивались к крепости. Там, у подножья широкой лестницы, ведущей к цитадели, стоял Арагорн. Казалось, грозное сияние Андрила сдерживало врагов, пока уцелевшие Всадники поднимались к Воротам. На верхней ступеньке, прикрывая Арагорна, застыл эльф с луком наизготовку. Стрела у него на тетиве была последней.

— Все, кто мог, уже здесь, — крикнул он Арагорну. — Поднимайся!

Арагорн повернулся и поспешил наверх, но споткнулся от усталости. Орки, словно очнувшись, бросились к нему, но первый же упал со стрелой в горле, а остальных смел валун, метко сброшенный со Стены. Ворота крепости с лязгом захлопнулись за Арагорном.

— Плохо дело, — проговорил он, вытирая пот со лба.

— Пока ты с нами, можно надеяться, — отозвался Леголас. — А где мой Гимли? У меня уже тридцать девять.

Но гнома в замке не оказалось. Оставалось надеяться, что он сумел добраться до пещер.

— Ну тогда, — устало усмехнулся Арагорн, — он все же опередит тебя. В жизни не встречал столь

свирепого дровосека.

— Тогда я отправляюсь за стрелами, — сказал Леголас. — Когда-нибудь эта ночь все же кончится, и я смогу как следует прицелиться.

В цитадели Арагорн узнал, что Йомер не вернулся.

— Когда его видели последний раз, он с небольшим отрядом пробивался выше по ущелью, — сообщили ему. — С ним были Гамлинг и гном.

Арагорн пересек внутренний двор и по витой лестнице поднялся наверх. Сквозь узкое оконце башни король Теоден смотрел на долину.

— Что нового, Арагорн? — спросил он, не оборачиваясь. — Где Йомер?

— Хельмова Стена пала, повелитель. Те, кто не успел войти в крепость, отошли к пещерам. Говорят, что их вел Йомер.

— Там можно долго держаться, — задумчиво проговорил король.

— Орки раздобыли ползучий огонь и взорвали Стену, а пещеры могут просто замуровать снаружи…

— Мне тошно в этой тюрьме, — вдруг страстно воскликнул Теоден. — Вдохнуть свежий ветер, поднять копье и повести Всадников, снова вкусить радость битвы — так пристало принимать

смерть. Что толку от этих каменных стен? Говорят, Хорне никогда не сдавался врагу… Но времена меняются. Кто или что устоит против такого моря ярости и гнева? Если бы я знал, как силен Изенгард, даже чары Гэндальфа не заставили бы меня выступить. Сейчас его советы уже не кажутся мне такими мудрыми, как утром.

— Не спеши раньше времени судить Гэндальфа и его советы, повелитель, — негромко заметил Арагорн.

— Нам осталось недолго, — возразил Теоден. — Но я не хочу погибать здесь, как старый барсук в ловушке. Мой Белогривый и кони королевской свиты — здесь, на внутреннем дворе. На рассвете подаст голос Рог Хельма, и я приму открытый бой. Ты поддержишь меня, Арагорн, сын Арахорна? Мы прорвемся или погибнем так, что о нас сложат песни — если только будет, кому их петь.

— Я иду с тобой, — просто сказал Арагорн.

Коротко простившись, он вернулся на стены. Вместе с Леголасом они то подбадривали воинов, то помогали отбивать атаки. Снизу рвались языки пламени, дрожали камни, летели на стены крючья и тянулись лестницы. Из последних сил Всадники обороняли крепость.

Арагорн стоял на стене над воротами. В него

стреляли, но словно неведомая сила хранила его. Небо на востоке медленно начало светлеть. Он поднял правую руку с открытой ладонью, показывая, что желает говорить. Орки и дикари бесновались внизу.

— Спускайся, поговорим! — визжали они. — Да прихвати с собой короля. Мы — Урук-хайи, мы все равно выкурим вас отсюда. Что ты там высматриваешь? Смотри не смотри, кроме нашей рати ничего не увидишь! Тащи сюда своего трусоватого вожака!

— Король сам решает, что ему делать, — возразил Арагорн.

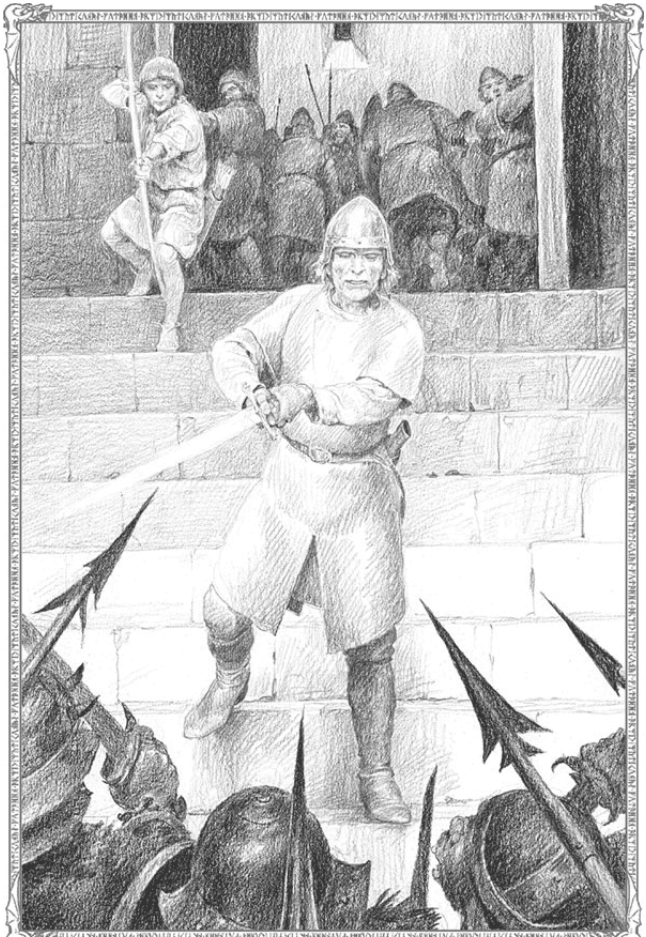
— Тогда зачем ты туда влез? Чего высматриваешь? Нашу непобедимую армию?

— Я жду рассвета, — зычно отвечал Арагорн.

— Что тебе в нем? — кричали снизу. — Мы — Урук-хайи, мы бьем без промаха и днем, и ночью! Убирайся со стены, пока цел! Долой! Тебе нечего сказать нам!

— Нет, есть, — спокойно ответил он. — Слушайте меня! Этот замок никому не взять силой. Если вы не уйдете, с рассветом никого из вас не останется в живых. Некому будет даже сообщить о вашей гибели. Вы еще не поняли, что грозит вам!

Одинокая фигура над разрушенными воротами дышала такой силой и величием, что дикари оробели и начали озираться по сторонам, а иные даже поглядывали в небо, словно высматривая там угрозу, о которой говорил Арагорн. Но орки завизжали и загоготали еще громче. Град стрел взметнулся снизу и снова ни одна из них не попала в цель.



Арагорн вернулся к Теодену. Арка ворот, на которой он только что стоял, рухнула в дыму и пыли. Орки с воем ринулись в пролом. В тот же миг глухой ропот пробежал по рядам Саруманових орд, словно рассветный ветер принес странную тревогу. Наступающие дрогнули, качнулись назад. Это в вышине неожиданно и грозно зазвучал Великий Рог Хельма.

Ущелье откликнулось многозвонным эхом. Звук все набирал силу. Орки в ужасе зажимали лапами уши, бросались ничком наземь, а люди на стенах вслушивались с радостным изумлением. Все ближе и ближе, вольно и яростно пели трубы.

— Хельм! Сам Хельм поднялся! — кричали Всадники. — Вперед, Йорлинги!

Через разрушенные ворота ударила на врагов королевская конница. Это было последнее, что оставалось у защитников. На могучем коне, с вызолоченным щитом и копьем в руках, мчался впереди Теоден. Арагорн прикрывал его справа, князья из рода Йорла — слева. Из пещер ринулись напролом уцелевшие воины. Ни орки, ни дикари не успели организовать сопротивление. И все звонче пели боевые рога и трубы.

Грозным ураганом отряд Теодена пронесся от Ворот Хельма до бывшего оборонительного вала и здесь замер в изумлении. Долина неузнаваемо преобразилась. Там, где вчера зеленели травянистые склоны, теперь темнел могучий лес. Вековые деревья, хмурые, молчаливые, стояли непроходимой чащей; под кронами клубилась мгла. Корни деревьев скрывались в высокой траве. Два фарлонга, не больше, оставалось между валом и этим невесть откуда взявшимся лесом. На небольшом пространстве сгрудилось теперь все воинство Изенгарда. Отступать ему было некуда: на востоке вздымались отвесные склоны ущелья, а на близкой вершине западного гребня появился и замер в молчании величественный всадник в сияющих под утренним солнцем белоснежных одеждах. Из-за его спины выплескивался и переливался через гребень огромный, не меньше тысячи ратников, отряд. Их вел рослый воин с красным щитом. На перевале он поднял черный витой рог и сыграл короткий, переливчатый сигнал.

— Эркенбранд! — прокатилось по рядам Всадников. — Это Эркенбранд!

— Белый Всадник! — вскричал Арагорн. — Гэндальф вернулся!

— Митрандир! — ликующе подхватил эльф. — Это он привел очарованный лес!

Саруманова рати охватила паника. В крепости снова зазвучал рог, и через проем в стене вала ударила королевская конница. С перевала подходил отряд Эркенбранда, правителя Вестфолда. Серебристой молнией промчался по горным кручам Сполох. При появлении Белого Всадника дикарей обуял ужас. Они в страхе бросали оружие и падали ничком. Орки заметались между отрядом Эркенбранда и Всадниками Теодена. Выбрав, как им казалось, наименьшее из зол, они кинулись под своды таинственного леса. Оттуда не вышел ни один…

Глава VIII
На Изенгард

На рассвете на зеленом берегу реки повстречались король Теоден и Гэндальф Белый. Арагорн, Леголас, Эркенбранд, свита Теодена, Всадники, забыв о радости победы, с безмерным удивлением взирали на загадочный лес, выросший в одночасье на склонах.

Тут с шумом и криками со склона спустились воины, которых ночью оттеснили от оборонявших крепость. Вел их Йомер, а рядом с ним широко шагал Гимли. Голову его охватывала окровавленная повязка, но голос был бодр и громок.

— Сорок два, Леголас! — крикнул он еще издали. — Топор вот притупился… А как у тебя?

— На одного меньше, — ответил Леголас, — но какие тут счеты! Главное, ты вернулся, и я счастлив.

— Йомер, дорогой мой племянник! — воскликнул Теоден. — Я рад, что ты невредим.

— Хей, государь! Ночь прошла, день сияет вновь! Ну и диковинные же вести пришли с рас-

светом! — Он обернулся и широко раскрытыми глазами поглядел сначала на лес, потом на Гэндальфа. — Ты снова пришел неожиданно, и снова в самый нужный час.

— Почему неожиданно? — удивился Гэндальф. — Я же обещал вернуться и встретить вас здесь.

— Но ты же не сказал, когда вернешься, а главное, как. Кто бы мог подумать, что с тобой подоспеет такая подмога. Ты великий маг, Гэндальф Белый!

— Не буду спорить, хотя пока и не доказал ничем своего величия. Добрый совет вовремя да скорость Сполоха — вот все мои заслуги. Куда больше сделали ваша доблесть и воины Эркенбранда, шедшие сюда всю ночь.

Все, кто слышал мага, в великом удивлении воззрились на него. Люди переводили взгляд на деревья и терли глаза, словно увидели привидение.

Гэндальф расхохотался и долго не мог успокоиться.

— Да, — проговорил он наконец. — Я тоже вижу этот лес. Только я здесь ни при чем. Это дело мне не по силам. На такое я и надеяться не мог.

— Но если это не ты, — удивленно произнес

Теоден, — то кто же? Ведь не Саруманових же рук это дело! Может быть, в мире объявился могучий кудесник, о котором мы не знаем?

— Нет, магия здесь ни при чем, — Гэндальф, прищурившись, взглянул на темную чащу леса. — Это древнейшая из сил Среднеземья. Она была здесь прежде эльфийских песен и молотов гномов.

— Так что же оно такое? — недоуменно спросил Теоден.

— За ответом нам придется прогуляться в Изенгард, — с недоброй усмешкой отвечал маг.

— В Изенгард?

— Да. Я еду туда и приглашаю вас с собой. Думаю, результаты этой прогулки будут неожиданными.

— Но даже если я соберу всех воинов, здоровых и отдохнувших, нам не хватит сил для штурма твердыни Сарумана. — В голосе короля звучала растерянность.

Гэндальф, казалось, не обратил внимания на его слова.

— Я еду в Изенгард, — повторил он. — Ненадолго. Мне пора на восток. Ждите меня в Эдорасе не позже полнолуния.

— Ну нет! — воскликнул Теоден. — Прости мне

мои сомнения, в них повинны предрассветная мгла и усталость. Я не расстанусь с тобой и последую любому твоему совету.

— Мне нужно срочно поговорить с Саруманом, — молвил Гэндальф, — а поскольку он принес твоим владениям великий вред, я думаю, и тебе хорошо бы повидаться с ним. Когда ты сможешь выступить?

— Мои воины только что из боя. Я и сам много времени провел в седле и мало спал, — устало ответил Теоден. — К сожалению, моя старость не выдумана Гримой, и излечить эту болезнь даже тебе не под силу.

Гэндальф задумался, прикидывая.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Пусть все, кто пойдет со мной, сейчас отдыхают. Мы выступим вечером. Так будет лучше, меньше глаз… Большой отряд не понадобится, нам предстоит не сражение, а переговоры.

Король разослал во все концы страны гонцов с вестью о победе и приказом ополчению прибыть в Эдорас не позже второго дня после полнолуния. Для похода в Изенгард Теоден выбрал Йомера и двадцать Всадников из его отряда. Мага сопровождали Арагорн, Леголас и Гимли.

Пока король отдыхал в Хорне, под стенами

крепости воины были заняты скорбным трудом. Многие пали в битве, и тела их усеивали поле сражения. В живых не осталось ни одного орка, но многие дунгарцы сдались в плен и теперь молили о пощаде. Всадники обезоружили их и приставили к делу.

— Павших в битве по вашей вине не вернуть, — обратился к ним Эркенбранд. — Помогите предать их земле, дайте клятву не переходить больше Изен с оружием в руках и отправляйтесь восвояси. Саруман обманул вас. Для многих наградой за службу стала смерть, но если бы вы и победили, едва ли вас ждала бы лучшая участь.

Воинов с южных равнин поразили его слова. Саруман внушал им, что в обычае Всадников сжигать пленников живьем.

Вскоре посреди поля появились два кургана. Под одним из них погребли Всадников, под другим — воинов Вестфолда. Под стенами крепости с почестями был похоронен начальник стражи Хама, павший у самых ворот. Трупы орков собрали в огромные кучи неподалеку от кромки загадочного леса. Их было столько, что для погребальных костров понадобилось бы слишком много дров. А о том, чтобы подойти с топором к темной стене деревьев, не могло быть и речи. К тому же и Гэн-

дальф запретил трогать лес под страхом смерти. Обратились к магу. Он долго смотрел на горы трупов, а потом сказал:

— Оставьте все как есть. Утро вечера мудренее.

К полудню отряд готов был тронуться в путь. Сам король бросил на могилу Хамы горсть земли.

— Велико горе, причиненное Саруманом нашим землям, — сказал он. — Когда мы встретимся, я об этом не забуду.

Отряд провожало множество воинов. К ним присоединились женщины и дети, скрывавшиеся во время битвы в пещерах Агларонда. Они выходили из-под земли с песней победы, но смолкали в испуге и удивлении при виде дивно поднявшегося на склоне леса.

Возле первых деревьев всадники невольно остановились. И людьми, и конями овладело одинаковое чувство робости. Лес стоял темной угрожающей стеной. Меж деревьями клубился плотный туман. Длинные кривые ветви шарили по земле, корни выступали узловатыми жилами, под ними приоткрывались черные провалы. Но Гэндальф во главе отряда спокойно ехал вперед и, присмотревшись, все увидели под сводами леса словно коридор, в который уходила доро-

га из Хорне. Сполох, не дрогнув, вступил в этот проход. Всадники последовали за ним. К своему удивлению, они обнаружили, что дорога свободно идет по лесу, а вдоль нее струится говорливый ручей. Они ожидали мрака, а над головами раскинулось чистое небо. Но в глубине леса, по обеим сторонам дороги, деревья стояли словно окутанные плотным сумраком, оттуда доносились стоны и скрипы ветвей, шум неясных голосов, зловещий ропот, приглушенные далекие крики. Ни одного живого существа видно не было.

Гимли снова ехал вместе с Леголасом. Рядом был Гэндальф, но гном недоверчиво косился по сторонам. Лес ему не нравился.

— Здесь жарко, — сказал Леголас магу, — все вокруг пропитано гневом. Чувствуешь, как вибрирует воздух?

Гэндальф молча кивнул.

— Что стало с орками? — размышлял вслух эльф.

— Думаю, этого никто никогда не узнает, — промолвил маг.

Некоторое время они ехали молча. Леголасу очень хотелось остановиться, послушать голоса леса, но он жалел Гимли.

— Странные деревья! Самые странные из всех,

виденных мною! — воскликнул эльф. — Я знавал не один дуб от желудевой поры до полного одряхления, но таких не встречал. Будь у меня время, я бы с удовольствием побродил здесь. Деревья разговаривают, думаю, со временем я понял бы их.

— Нет, нет, не надо! — вскричал Гимли. — Поедем поскорее. Знаю я их мысли, и разговоры знаю. Они ненавидят всех двуногих, а говорят только об убийстве.

— Ты не совсем прав, друг Гимли, — возразил Леголас. — Ненавидят они орков. Они нездешние, их родные долины далеко отсюда, и ни с людьми, ни с эльфами они не знакомы. Я думаю, они пришли из Леса Фангорна, из самых чащоб.

— Тогда это вдвойне опасно, — проворчал Гимли. — Конечно, спасибо им, поработали они славно, но я их не люблю. Может, они и чудо, но то чудо, которое видел здесь я, прекраснее любых рощ и полян. Люди — странные существа, Леголас! Здесь у них под боком одно из самых дивных мест Среднеземья, и что же они говорят о нем? Пещеры! Укрытия на время войны! Склады продовольствия! Леголас, милый, ты не представляешь, как прекрасны пещеры Агларонда! Если бы весть о них дошла до гномов, сюда началось бы паломничество. Гномы платили бы золотом

за короткую прогулку по ним!

— А я бы немало заплатил, лишь бы не попадать туда вовсе! — откликнулся Леголас.

— Неразумны твои слова, но это потому, что ты там не был. Тебе ведь нравятся подгорные чертоги твоего владыки в Сумеречье? Их когда-то помогали строить гномы. Так вот, это жалкие лачуги по сравнению со здешними пещерами. До сих пор у меня перед глазами стоят эти громадные залы, полные музыки звенящей воды. Их подземные озера прекрасны, как Келед Зарам под звездами!

Когда вспыхнули факелы и я вступил под гулкие своды, ах, Леголас, тьма ожила, все вокруг заискрилось и замерцало: камни, кристаллы, древние руды, извивы полупрозрачного мрамора… они светятся, как руки Владычицы Благословенного Края. Там, в глубине залов, стоят колонны, розовые, как заря. Они вздымаются из многоцветного каменного пола к сверкающим сводам. А там!.. Занавесы, прекраснее облаков на закате, копья кристаллов, знамена, башни висячих дворцов. Это великолепие отражается в тишайших водах. Мерцающий мир скрыт в их прозрачных глубинах. Такие залы, такие анфилады не снились и Владыке Дарину. Факелы освещают диковинные палаты, свет проходит через них, сияние

меркнет, чтобы вспыхнуть еще большим великолепием в следующем гроте. И так без конца, друг Леголас! Коридоры, штреки, ступени, они уходят в самое сердце гор. Сказочно прекрасны пещеры Агларонда. Я благодарен судьбе, подарившей мне этот дивный сон! Я плакал, когда пришло время уходить.

Леголас давно уже с изумлением глядел на друга. Наконец он тихо и торжественно произнес:

— Да не коснется тебя лихо войны, Гимли. Я желаю тебе снова вернуться сюда. Только не говори о них своему народу. Знаешь, в Рохане есть поговорка: «Семейка гномов с долотом просеет гору решетом».

— Ты плохо знаешь гномов, друг Леголас. Такая красота ни одного из них не оставит равнодушным. Никто из народа Дарина не тронет этих пещер, пусть даже в них найдутся и золото, и алмазы. Ты же не станешь рубить для костра цветущее дерево? Мы заботились бы об этих каменных кущах. Осторожно, легкими резцами, по маленькому участочку в день работали бы мы. Несколько лет — и миру явилось бы новое чудо, доселе невиданное. И свет, Леголас! Здесь нужно установить светильники, которые сияли когда-то в Казад Думе. Мы прогнали бы ночь и

только изредка позволяли бы ей вернуться.

Леголас покачал головой.

— Друг Гимли, я никогда еще не слышал от тебя подобных речей. Пожалуй, действительно жаль, что мне не довелось повидать этих чудес. Ладно, давай договоримся. Если нам не суждено сгинуть в горниле войны, то после пространствуем вместе. Ты навестишь со мной Лес Фангорна, а я буду сопровождать тебя в пещерах Агларонда.

— Решено, — проворчал Гимли, но было видно, что он доволен. — Я вытерплю даже Лес Фангорна, лишь бы ты смог насладиться красотой этих подземных чертогов.

— Договорились, — подытожил Леголас. — Но сейчас мы покидаем и лес, и пещеры. Смотри, деревья кончаются. Далеко ли до Изенгарда, Гэндальф?

— Для воронов Сарумана — пятнадцать лиг полета. Пять до Бродов и еще десять оттуда до Ворот. За ночь не успеем.

— Что нас ждет там? — не утерпел Гимли. — Ты ведь, наверное, догадываешься?

— В общих чертах, — неопределенно ответил маг. — Вчера на закате я был там, но с тех пор многое могло случиться. Не расстраивайся. Хотя пещеры Агларонда и остались позади, наш поход

не будет напрасным.

Отряд вышел из леса. Отсюда одна дорога вела в Эдорас, другая — на север, к Изену. Леголас с сожалением оглянулся и вдруг громко вскрикнул:

— Смотрите! Глаза! Там глаза среди ветвей!

Всадники остановились, удивленные. Эльф повернул коня.

— Ой, только не это! — вскрикнул Гимли. — Сначала спусти меня на землю! Я не хочу к этим глазам!

— Стой, Леголас! — приказал Гэндальф. — Не время тебе возвращаться.

Будто в ответ на его слова из-под полога деревьев выступили три престранные фигуры: высокие, как тролли, сильные, стройные теластволы, не то облегающие накидки, не то гладкая серо-коричневая кожа, на длинных руках множество пальцев, волосы густые и жесткие, как молодые ветви, моховые бороды. Смотрели они не на всадников, их глаза были обращены на север. Внезапно единым движением они поднесли руки ко рту, и по долине раскатился чистый, как звук рога, певучий зов. Через мгновение прозвучал ответ, всадники повернули головы и увидели еще несколько подобных существ. Они быстро приближались с севера, их ноги двигались с пора-

зительной быстротой. Многие воины вскрикнули от изумления и схватились за оружие.

— Не надо оружия! — спокойно и звучно произнес Гэндальф. — Это лесные пастухи. Им до нас нет никакого дела.

Пока он говорил, странные существа поравнялись с отрядом, даже не взглянув на него, вошли под своды леса и исчезли.

— Пастухи? — растерянно переспросил Теоден. — Какое же стадо они пасут? Что они такое, Гэндальф? Я вижу, ты знаком с ними?

— Они — Пастыри Деревьев, — ответил Гэндальф, трогая коня. — Ты забыл сказки, которые в детстве слушал у камина. Дети Рохана узнали бы их. Сейчас ты видел энтов, энтов из Леса Фангорна. Ты думаешь, имя «Фангорн» — позабытая легенда? Ошибаешься, король, все наоборот: это мы для них — мимолетное виденье. Века между Йорлом Юным и Теоденом Старым — мгновение для энтов, а все дела твоей страны — летящий по ветру песок.

Король долго молчал.

— Энты… — промолвил он наконец. — Теперь я и впрямь припоминаю древние сказания. Воистину, я дожил до странных времен. Мы возделывали поля, строили дома, возводили дворцы,

холили коней, сражались, а рядом с нами таилось древнее диво. Мы пели о нем детям и не задумывались, о чем поем. А теперь песни и легенды ожили и разгуливают по лугам и долам.

— Тебя это должно радовать, — заметил Гэндальф. — Сейчас угроза нависла не только над хрупкими человеческими жизнями, но и над этими существами из легенд. У тебя есть могучие союзники, король, а ты даже не знал о них.

— Это скорее грустно, — задумчиво произнес Теоден. — Ты не боишься, что после этой войны все чудесное может навеки покинуть Среднеземье?

— Да, так может случиться, — в тон ему ответил маг. — Зло, причиненное Саруманом, не избыть. Но бояться тут нечего. Что бы ни ждало нас впереди — это наша судьба, и нам от нее не уйти.

Отряд скакал к Изенским Бродам. Леголас ехал позади. Солнце садилось за край мира, и когда всадники вглядывались в сторону Гривы Рохана, то видели пылавшее закатными красками небо. Множество зловещих птиц парило под облаками.

— Стервятники слетаются к полю битвы, — нахмурившись, заметил Йомер.

Они скакали легкой рысью; обгоняя их, ночь накрывала степь. Медленно взошла почти пол-

ная луна. В ее холодном неверном свете степные просторы напоминали волнующуюся морскую гладь. Глубокой ночью отряд достиг Бродов. Здесь их ждала новая неожиданность. Обычно при приближении к Бродам задолго слышался шум и плеск воды на перекатах. Сейчас над Бродами стояла тишина, нарушаемая лишь волчьим воем. Русло реки было сухим.

— Печальным стало это место, — промолвил Йомер. — Неужели Саруман погубил и ключи, питающие Изен?

— Похоже на то, — мрачно отозвался Гэндальф.

— Много доблестных всадников пало здесь, — вздохнул Теоден. — Нам обязательно идти этим путем? — спросил он у мага.

— Да, — коротко произнес Гэндальф. — Едем.

Отряд спустился к руслу реки. При их приближении заунывный вой оборвался, и стая волков метнулась врассыпную. Сиявшие в лунном свете Белый Всадник и белый конь привели их в ужас. Посреди бывшей реки возвышался островок.

— Смотрите, — показал рукой маг, — здесь потрудились друзья.

В центре острова был насыпан свежий курган, огражденный частоколом из копий.

— Здесь покоятся воины, защищавшие Бро-

ды, — торжественно произнес Гэндальф.

— Да будет спокоен их сон! — эхом откликнулся Йомер. — Этот курган охранит Броды Изена, даже когда мечи и копья рассыплются в прах.

— Курган вырос твоими заботами? — спросил Теоден мага. — Много же ты успел совершить за один вечер и ночь.

— Мне помогли Сполох и другие. Я ездил далеко и быстро. Здесь, у кургана, я хочу сказать тебе, король: у Бродов погибли многие, но слухи и страхи без нужды умножили их число. Я собрал здесь большой отряд воинов и направил их к Эркенбранду. Повел их Гримбольт. Те, кто не мог сражаться, остались здесь и насыпали курган. Сейчас Эльфхельм ведет их в Эдорас. Саруман бросил в сражение при Хорне все свои силы, так что огромные пространства можно считать полностью очищенными от орков и волколаков. Поначалу я опасался за Эдорас, но теперь угроза миновала Можешь спокойно возвращаться.

— Я с удовольствием вернусь, но уверен, жить там мне осталось недолго, — кивнул Теоден.

Отряд отсалютовал мечами кургану, пересек сухое русло и поднялся на противоположный берег. На том берегу снова завыли волки.

От Бродов к Изенгарду вел древний тракт. Сна-

чала он следовал за руслом реки, изгибаясь к востоку и к северу, а перед Изенгардом забирал влево, к западному склону ущелья, и выходил точно к Воротам. Всадники держались обочины — твердая ровная земля, покрытая жесткой короткой травой, была приятнее, чем древние камни тракта. К полуночи от Бродов их отделяло около пяти лиг. У подножия Мглистых Гор встали лагерем. Луна скрылась за хребтом Нан Каранира, и долина перед ними тонула во мраке. Над ней висела плотная пелена дыма и пара.

— Что это значит, Гэндальф? — спросил Арагорн.

— Последнее время здесь постоянно висел дым, — сказал Йомер, — но сейчас здесь больше пара. Не иначе, Саруман варит колдовское зелье к нашему приходу. Я не удивлюсь, если это он вскипятил весь Изен.

— Может быть, — согласился Гэндальф. — Завтра узнаем, что он там варит. А сейчас — спать.

Воины устроили ночлег на берегу бывшей реки. Вокруг было тихо и пусто.

В самый черный предрассветный час караульные подняли тревогу. По обоим берегам быстро двигалась на север какая-то неразличимая во тьме грозная черная тень.

— Не шевелиться! — приказал Гэндальф. — Оно нас не тронет.

Мгла сгустилась вокруг. С обеих сторон вздымались стены мрака. Воины оказались как бы в узком коридоре. Воздух наполнился гулом неясных голосов, шепотом, бесконечным шелестящим шорохом. Земля дрожала. Отряд долго напряженно всматривался в темноту, но в конце концов что-то, чем бы оно ни было, прошло и скрылось в тени гор.

Незадолго до этого далеко на юге, под стенами Хорне, люди услышали в полночь великий шум. Земля затряслась. По долине словно пронесся ураган. Страх охватил всех. Однако утром никаких следов стихии не оказалось, если не считать исчезновения таинственного леса. Трупы орков тоже исчезли.

Трава в долине была совершенно вытоптана, а лигой выше крепостного вала над свежевырытой ямой громоздилась гора камней. Позже место это прозвали Мертвым Холмом. Он так и остался голым и безжизненным. Загадочные деревья больше никогда не появлялись в долине. Они вернулись в темные долы Леса Фангорна, отомстив оркам за все прошлые обиды.

Никто в отряде короля не сомкнул глаз до утра. Однако больше ничего тревожного не произошло. Только перед самым рассветом Изен неожиданно вернулся в свое старое русло.

На рассвете отряд был уже в пути. Перед ними лежала Колдовская Долина, со всех сторон окруженная кольцом скал. Только с юга оставался широкий свободный проход. Когда-то долина была зеленой и прекрасной, а полноводный Изен щедро орошал тучные земли. Теперь все изменилось. Под самыми стенами Изенгарда еще зеленели поля, но обширное пространство превратилось в пустыню, поросшую сорняками и колючками. Заросли куманики давали приют каким-то мелким юрким тварям. Не было видно ни одного деревца, зато тут и там чернело множество пней — все, что осталось от знаменитых древних рощ. Печальное это было зрелище. Всадники молча вглядывались в унылый пейзаж.

Еще через несколько миль дорога превратилась в широкую мостовую. Каменные плиты были уложены с величайшим тщанием; ни травинки не пробивалось между ними. По обеим сторонам в каменных желобах журчала вода. Внезапно за поворотом дороги перед ними открылся высокий черный столб. Вершину его венчало изваяние Бе-

лой Руки, указательный перст ее был направлен на север. Всем стало ясно, что до Ворот недалеко. Дорогу впереди скрывали плотные клубы тумана. Многие всадники приближались к логову Сарумана с тяжелым сердцем.

В тени отрога Мглистых Гор, внутри Колдовской Долины издревле стоял город-крепость Изенгард. Когда-то он был воздвигнут людьми с Запада, но Саруман, живший здесь с давних пор, тоже вложил немало труда в укрепление и без того неприступной цитадели.

Высокая стена кругом обегала укрепление, оставляя лишь с юга арку-проход, прорубленную в скалах. Проход закрывали огромные кованые двери. Петли были замурованы глубоко в камень и вывешены так искусно, что створки распахивались от легкого толчка изнутри. За дверьми лежала равнина, прочерченная прекрасными дорогами, вдоль них высились мраморные, гранитные, железные столбы, соединенные тяжелыми цепями. Многочисленные жилища были вырублены в скалах, там жили мастера, слуги, рабы и воины, размещались склады оружия и продовольствия. В глубоких логовах жили и кормились волколаки. Равнина была изрыта шахтами и штольнями. Глубоко под землей та-

ились сокровищница и секретные мастерские Сарумана. Всюду вращались большие колеса, стучали молоты. Ночами султаны пара, подсвеченные багровым или ядовито-зеленым светом, вырывались на поверхность из отдушин.

Дороги в ограждениях из цепей сбегались к центру долины. Там высоко вздымалась удивительная башня. Это было творение древних зодчих: черный, глубокого блеска пик, составленный четырьмя, сведенными наверху в один, многогранными каменными столбами. У вершины они расходились четырьмя клювами с неправдоподобно острыми концами и заточенными гранями. На них опиралась небольшая площадка, исчерченная таинственными письменами. Высота площадки над основанием башни составляла пятьсот футов. Башня была цитаделью Сарумана и называлась Ортханк, что означало на эльфийском языке Горный Клык, а на древнем наречии Рохана, волею случая, — Коварный Разум.

Удивительной крепостью был Изенгард, великие властители жили здесь в древности: западные стражи Гондора и мудрецы, следившие ход звезд. Постепенно Саруман приспособил Изенгард для своих целей. В ослеплении ему

казалось, что он улучшил планировку, на самом же деле все его хитроумные переделки лишь исказили мудрую простоту древних строителей до неузнаваемости, ведь подсказаны они были Мордором. Так что теперь зоркий глаз уловил бы сходство Изенгарда с Барад Дуром, но это было сходство детской модели с грозным Черным Замком, в своей неисчислимой мощи усмехавшимся над таким соперничеством.

Такой была крепость Сарумана, как гласила о ней молва, ибо на памяти людей Рохана никто не входил в ее ворота, кроме таких, как Грима, но они ничего не рассказывали.

Гэндальф миновал столб с Белой Рукой как ни в чем не бывало. В рядах всадников послышался глухой ропот: многие заметили, что Рука вдруг покрылась бурыми пятнами, а ногти на ней словно запятнаны кровью. Но Гэндальф ехал дальше, и люди с опаской последовали за ним. Дорогу, как после наводнения, сплошь покрывали неглубокие лужи и маленькие ручейки, пробиравшиеся среди камней.

Около полудня Гэндальф остановился. Туман у него за спиной рассеялся, сквозь легкую дымку светило неяркое солнце. Они добрались до Ворот Изенгарда.

Собственно, самих Ворот не было. Сорванные с петель, искореженные до неузнаваемости обломки валялись на земле. Каменное крошево покрывало все вокруг. Вместо арки зиял огромный пролом, привратные башни были разбиты вдребезги. Если бы даже Великое Море обрушило на Ворота ярость своих валов, это бы не причинило больших разрушений. Вся равнина впереди была залита водой. Над ней клубился пар. Кое-где вода кипела, в водоворотах крутились обломки балок, бочки, части каких-то сложных механизмов. Там и сям торчали сломанные или согнутые столбы. Цепи были оборваны. Только Ортханк, высокий и темный, нетронутым вздымался над этим хаосом разрушений. У его подножия плескались волны.

Всадники в полном оцепенении созерцали разгром, царящий во владениях Сарумана. Ясно было, что над его властью возобладала какая-то другая, более мощная сила, но какая и как — этого нельзя было представить. В растерянности они перевели взгляд на развалины Ворот и у самой стены обнаружили две маленькие фигурки. В серых плащах, почти незаметные между камней, они вальяжно развалились в тени стен в окружении блюд, бутылок и чаш. Похоже было,

что они только что плотно отобедали и теперь вкушают заслуженный отдых. Одна из фигурок казалась спящей, другая, закинув руки за голову, выпускала изо рта маленькие колечки голубоватого дыма.

Теоден, Йомер и всадники в немом изумлении наблюдали за неведомыми существами. Посреди развалин могучей крепости зрелище было фантастичным. Король привстал на стременах, в это время маленький курильщик заметил их и живо вскочил на ноги. На первый взгляд это был юноша невысокого роста с вьющейся густой каштановой шевелюрой. Теперь, когда он стоял, король и всадники обратили внимание на его плащ: в таких же плащах неуловимо меняющегося цвета прибыли в Эдорас спутники Гэндальфа.

Между тем незнакомец учтиво поклонился королю, приложив руку к груди. Ни на Гэндальфа, ни на его друзей он подчеркнуто не обращал никакого внимания.

— Добро пожаловать в Изенгард, повелитель, — приятным голосом произнес он. — Мы охраняем Ворота. Меня зовут Мериадок Брендискок, а мой товарищ (прошу прощения, он очень устал) — Перегрин Тук. Мы с Севера. К сожалению, многомудрый Саруман с неким Гри-

мой Червословом заняты неотложными делами в Ортханке и не могут покинуть его, а то бы они, конечно, не преминули сами приветствовать столь почетных гостей.

— А как же! — рассмеялся Гэндальф. — Уж не Саруман ли поручил тебе встречать за него гостей?

— Нет, сударь, он был очень занят, — серьезно отвечал Мерри. — В настоящее время Изенгардом управляет Фангорн. Его поручение мы и выполняем. Он дал нам точные инструкции: встретить короля Рохана и приветствовать его подобающим образом. Я сделал все, что мог.

— А я, а Леголас?! — взорвался Гимли. — Мошенники вы, лентяи шерстолапые! Мы носимся сломя голову по полям и лесам, сражаемся и скачем, лишь бы выручить вас из беды, а вы тут пируете себе! А табак?! Где вы взяли табак? Молот и клещи! Я сейчас лопну либо от злости, либо от радости, я сам не знаю, чего во мне больше!

— Ты сказал и за меня, друг Гимли, — усмехнулся Леголас. — Посмотри-ка, у них здесь и вино есть. Где они его нашли?

В этом месте Пиппин приоткрыл один глаз и проворчал:

— Мы много чего нашли. А вот вам бы еще поискать ясности мышления. Любому зрячему

видно, что мы находимся на поле брани среди военных трофеев и, как подобает победителям, заслуженно пользуемся кое-какими из них.

— Заслуженно? — недоверчиво переспросил Гимли. — Не верится что-то.

Всадники, слушая эту перепалку, хохотали до слез.

— Так, — промолвил Теоден. — Я полагаю, твоя пропажа нашлась, Гэндальф? Воистину удивительный сегодня день. С тех пор как я покинул Золотой Дворец, мне повстречалось уже несколько легенд, а теперь вот еще одна… Ведь это полурослики? У нас их когда-то называли холбитлане…

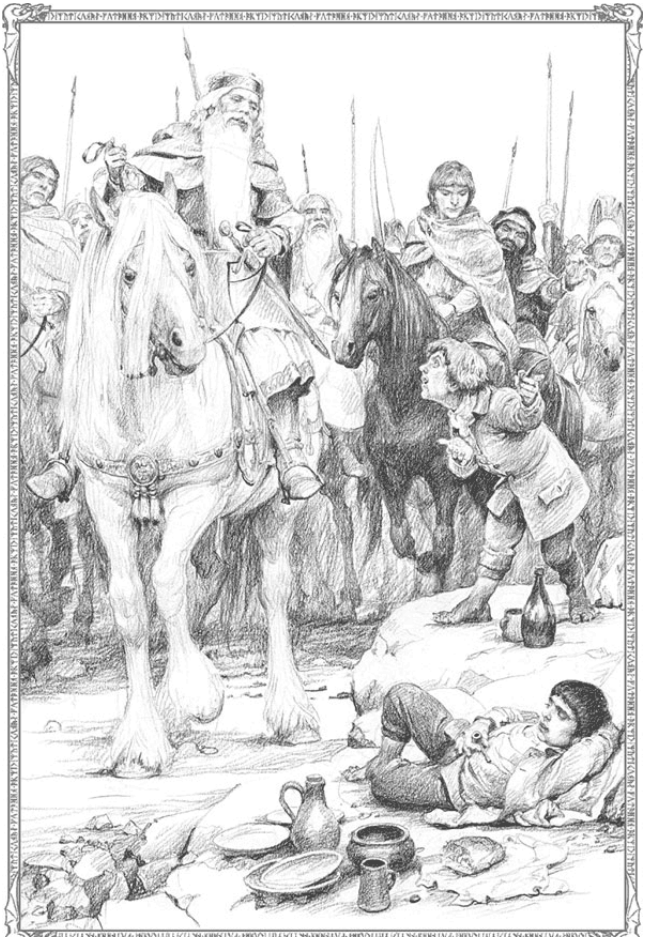
— Хоббиты, с вашего позволения, правитель, — поклонился поднявшийся на ноги Пиппин.

— Хоббиты? — переспросил Теоден. — Язык ваш странно изменился, впрочем, это название ничуть не хуже. Я вижу, наши старые предания не очень-то точно описывали вас.

Мерри и Пиппин разом поклонились.

— Вы очень добры, повелитель, — с достоинством произнес Пиппин. — Но вот уж чудо так чудо! Мне пришлось побывать во многих землях, но я впервые встречаю народ, сохранивший о хоббитах предания.

— Ну, это-то неудивительно, — с улыбкой ответчал Теоден. — Когда-то мой народ пришел с севера. Правда, я неточно выразился. У нас нет преданий о хоббитах. Нам известно лишь, что в древности далеко-далеко отсюда, за горами и реками жил маленький народец, обитавший в норах. Но сказаний об их подвигах нет. Говорят, это потому, что дела их невелики, людей они избегают и могут пропадать из виду прямо на глазах, да еще щебетать, как птицы. Но теперь я вижу, характеристику эту надо бы дополнить.



— Воистину так, государь, — согласился Мерри.

— Вот, например, — Теоден заинтересованно наклонился с седла, — я никогда не слышал об их способности выпускать дым изо рта. Может быть, хоббиты ведут свой род от драконов?

— Вот уж нет! — фыркнул Мерри. — Искусством курения мы владеем не так уж давно. Тобольд Дудкинс из Долгой Долины вырастил первый настоящий табак году эдак в 1070-ом по нашему счету. Вот где старый Тоби взял рассаду…

— Ты не знаешь, что тебе грозит, правитель, — прервал хоббита Гэндальф, пряча улыбку в бороду. — Хоббиты могут запросто, сидя на развалинах завоеванных ими крепостей, рассуждать о маленьких свершениях своих предков до двенадцатого колена включительно, было бы кому слушать. Об истории курения мы поговорим в другой раз… Где Фангорн, Мерри?

— Поищи его с северной стороны, — с едва заметным неудовольствием от того, что его прервали, посоветовал Мерри. — Он пошел попить чистой воды. Другие энты все еще работают, вон там, — Мерри махнул рукой в сторону дымного озера, и все услышали дальний треск и грохот. Ветер донес оттуда торжествующее *хуум-хом.*

— А Ортханк остался без охраны? — быстро спросил Гэндальф.

— Там кругом вода, — беспечно отмахнулся Мерри. — Да ты не беспокойся, Скородум и другие присматривают за ним. Видишь столбы на равнине? Так вот, не все они поставлены Саруманом.

— Да, — подтвердил Леголас, — я вижу. Там стоит высокий энт. Он действительно похож на придорожный столб.

— Ладно. Уже полдень. — Гэндальф взглянул на небо. — Мы последний раз ели перед рассветом… Но мне надо повидать Фангорна. Он ничего не велел передать? — обратился маг к хоббитам. — Или тарелки и бутылки отшибли вам память?

— Скажешь тоже, тарелки… — обиженно засопел Мерри. — Я как раз собирался сказать, да меня отвлекли. Я должен был передать, что Фангорн рад будет приветствовать короля Рохана и Гэндальфа Белого, если они подъедут к северной стене Изенгарда. Там их, кстати, ждет угощение, приготовленное не без помощи ваших покорных слуг, — он поклонился.

Гэндальф рассмеялся.

— Вот это другое дело! — воскликнул он и обернулся к королю. — Ну, Теоден, едем к Фангорну?

Это недалеко. Познакомившись с ним, ты многое поймешь. Фангорн — старейшина и управитель энтов, кроме того, это один из самых древних жителей Среднеземья.

— Конечно, поедем, — кивнул Теоден. — Прощайте, любезные хоббиты. Мы обязательно должны встретиться у меня во дворце. Там нам никто не помешает, и мы славно побеседуем у камина о ваших подвигах и о делах ваших предков. К тому же мне интересно узнать конец истории о Старом Тобольде и его увлечении ботаникой. Прощайте!

Хоббиты низко поклонились.

— Вот он какой, король Рохана! — пробормотал себе под нос Пиппин. — Славный старикан! И такой любезный…

Глава IX
На руинах

Гэндальф и Теоден со свитой направились вдоль разрушенных стен Изенгарда туда, где их ждал старейшина энтов, но Арагорн, Леголас и Гимли остались с хоббитами.

— Ну вот, — сказал Арагорн, — охота кончилась, и мы снова вместе, причем там, где никто из нас и не думал оказаться.

— И пока великие мира сего заняты высокими материями, — добавил Леголас, — охотники наконец смогут получить ответы на маленькие загадки, с которыми они встретились. Мы проследили ваш путь до леса, но многого пока не понимаем.

— Нам тоже интересно, — ворчливо отозвался Мерри. — Фангорн рассказывал кое-что, но мало.

— Всему свое время, — сказал Леголас. — Ведь это мы охотились за вами, вот вы и рассказывайте.

— Нет, сначала мы должны позавтракать, — вмешался Гимли. — У меня рана ноет, да и солнце уже высоко. Ладно, я готов забыть половину на-

ших мытарств из-за вас, если вы, бездельники шерстолапые, добудете и нам чего-нибудь пожевать.

— Что предпочитаете? — тут же откликнулся Пиппин. — Завтрак на травке или под крышей, там поуютнее? Вон под той аркой у Сарумана была привратницкая. Мы-то выбрались сюда, чтобы приглядывать за дорогой.

— Да уж видели мы, как вы приглядывали! — фыркнул Гимли. — Только в орочью нору я не полезу и к орочьей еде не притронусь.

— А никто и не предлагает, — вмешался Мерри. — Хватит с нас орков. Саруман ведь тоже не очень на них полагался. Ворота у него люди охраняли, и кормил он их, между прочим, вполне прилично.

— И трубочным зельем снабжал? — уточнил Гимли.

— Много чести, — засмеялся Мерри. — Трубочным зельем мы после завтрака займемся, тогда и расскажем, что и как.

Хоббиты прошли под аркой, уверенно свернули влево, поднялись по ступенькам и открыли широкую дверь. В главной комнате полуразрушенной привратной башни горел камин, а через проломленную крышу падал свет.

— Это я разжег огонь, — пояснил Пиппин. — Туман тут стоял такой, что все отсырело. Хорошо, что дымоход уцелел, тянет так, что любое сырье разгорается мигом. Сейчас я вам хлеб поджарю, а то он немножко зачерствел.

Пока все рассаживались за длинным столом, хоббиты быстро натаскали множество посуды и всякой снеди.

— Нам повезло, кладовая рядом и ее не залило, — продолжал объяснения Пиппин.

— Ты зря морщишься, Гимли, — сказал Мерри. — Это не орочье хлебово, а «человечья еда», как говорит Фангорн. Вам вина или пива? Рекомендую. И солонина отменная. А хотите, поджарю ветчинки? Вот с зеленью туговато — три дня назад подвоз неожиданно прекратился. На сладкое только масло и мед. Пойдет?

— Вполне, — степенно ответствовал Гимли, и гости приступили к трапезе. Хоббиты присоединились к ним. «За компанию», — сказали они.

— Экие вы сегодня учтивые! — засмеялся Леголас. — Ручаюсь, не появись мы, вы бы опять составили компанию друг другу.

— Почему бы и нет? У орков кормили плохо, а до них — мало, — сказал Пиппин. — Давно не случалось нам душевно подзакусить.

— Ну, на вас плохая кормежка не очень отразилась, — сказал Арагорн. — Вид у вас цветущий.

— Точно, — подтвердил Гимли, разглядывая их поверх кубка. — Волосы закудрявились, и сами вроде бы подросли — это в вашем-то возрасте! Не похоже, чтобы Фангорн морил вас голодом.

— Энты только пьют, — объяснил Мерри, — ничего не скажешь — питательно, но маловато. А потом, даже *лембас* приедается.

— Так вы пили из Реки Энтов? — переспросил Леголас. — Тогда Гимли прав. Много странного поют про питье Фангорна.

— Расскажите же, что вы видели, — попросил Арагорн. — Я никогда не бывал на землях энтов.

— Энты, — с готовностью начал Пиппин, — энты, они… разные. А глаза у них… глаза, как у… — он запнулся, перебирая слова, и умолк. — Да вы их сами видели, — сказал он наконец, — они вас, во всяком случае, видели, они нам и сказали, что вы сюда направляетесь. Вот посмотрите на них вблизи и сами все поймете.

— Нет уж, — запротестовал Гимли, — начни-ка с начала, с того дня, как мы расстались.

— Сначала предлагаю набить трубки, — сказал Мерри, — тогда можно будет представить, что мы опять в Брыле или у Элронда. Мы с Пиппином

славно потрудились с утра.

Столько всякого добра тут плавало! Пиппин добыл два бочонка с трубочным зельем. Из личных запасов Сарумана, не иначе. И ничуть не подмок.

Гимли размял щепоть табака между пальцами.

— Пахнет неплохо и на ощупь приятный.

— Да лучшего и желать нельзя! — ответил хоббит. — Милый Гимли, это же «Лист Долгой Долины»! На бочонках есть личная торговая марка Дудкинса. Вот уж не думал встретить ее так далеко!

— Эх, трубка моя потерялась, — вздохнул гном, — то ли в Мории, то ли еще раньше. Не найдется ли чего среди трофеев?

— Ни единой, — ответил Мерри. — Это удовольствие Саруман приберегал для себя. Я думаю, не стоит сейчас ломиться в Ортханк с такой просьбой. Покурим по очереди, как подобает друзьям.

— Стоп! — сказал Пиппин и вытащил глубоко запрятанный кисет, а из него две трубки. — Вот, хранил как Кольцо, можно сказать. Эта — моя любимая, вересковая, а эту, совсем новую, вишневую, могу тебе предложить. Уладит ли она наши счеты?

— Достойнейший хоббит! — вскричал Гимли. — Да я у тебя в неоплатном долгу!

— Давайте-ка выйдем, поглядим на небо, — предложил Арагорн.

Они выбрались из сторожки и расположились на обломках ворот. Отсюда хорошо просматривалась долина. Ветер потихоньку разгонял густые испарения.

— Приятно беседовать с друзьями на развалинах взятых ими крепостей, как верно заметил наш вечно занятый Гэндальф, — Арагорн завернулся в плащ, вытянул ноги и откинулся на спину, с наслаждением затягиваясь.

— Гляньте-ка! — сказал Пиппин. — Наш Колоброд вернулся.

— А он и не исчезал, — ответил Арагорн. — Я — Колоброд, я же и Дунадан. Я равно принадлежу и Северу, и Гондору.

Они помолчали. Леголас, не мигая, смотрел на солнце и принялся было тихонько напевать что-то, но оборвал себя и воскликнул:

— Да рассказывайте же! Время уходит, туман рассеивается — во всей долине только дым от ваших корешков и остался!

— Рассказ начнется с того, как я проснулся ночью в орочьем лагере, связанный по рукам и

ногам, — начал Пиппин. — Подскажите-ка, какое сегодня число?

— Пятое марта по счету Шира[1], — подсказал Арагорн, и Пиппин начал по пальцам высчитывать, когда они расстались.

— Всего-то девять дней?! А мне казалось — не меньше года. Это было как в кошмаре! Дня три я могу припомнить, а если забуду что-нибудь важное, Мерри поправит. А прочую мерзость и помнить незачем.

И Пиппин стал рассказывать о гибели Боромира, о бегстве с орками и от них, а «охотники» кивали, когда их прежние догадки подтверждались.

— Вот, кстати, ваши сокровища, — Арагорн снял с пояса мечи и протянул хоббитам.

— О! А я уж и не ждал его увидеть, — обрадовался мечу Мерри. — Им-таки пришлось побывать в деле. Углук отнял. Ух, и рассвирепел же он! Я думал — убьет на месте, а он только отшвырнул их прочь, как будто обжегся.

— А вот твоя застежка, Перегрин, — продолжал Арагорн. — Это ценная вещь, не стоит ею бросаться.

---

[1] Сноски: 1

По календарю Шира в каждом месяце 30 дней. *Прим. автора.*

— Знаю, — ответил Пиппин. — Но что оставалось делать?

— Ты молодец, — одобрил Арагорн. — Несвободен тот, кто не может расстаться с сокровищем в час нужды.

— Тебе повезло, что удалось перерезать веревки, а уж свою удачу ты из рук не выпустил, — одобрил Гимли.

— Чем немало меня озадачил, — сказал эльф. — Я думал, у тебя крылья выросли.

— Увы, — вздохнул Пиппин. — Я еще про Гришнака не рассказал…

Он вздрогнул и решительно умолк, предоставив эту часть рассказа Мерри.

— Меня здорово беспокоит то, что вы сказали об орках из Барад Дура, Лагбура, как они его называют, — Колоброд потер лоб. — Темный Владыка и так знает слишком много, а этот Гришнак наверняка сообщил ему о сваре с сарумановыми орками. Значит, теперь Око следит за Изенгардом… А Саруман сидит в клетке, которую сам же себе и выстроил.

— Да, ему не позавидуешь, — сказал Мерри. — С Роханом и энтами ему крупно не повезло.

— Пять дней назад мы встретились с Саруманом на краю леса, — вспомнил Гимли.

— Дайте-ка сообразить, — наморщил лоб Мерри. — Наутро после битвы мы встретили Древобородa и в тот же день ночевали у него. На следующее утро было собрание у энтов — в жизни не видел ничего чуднее! Энты совещались два дня, а мы были со Скородумом. На третий день к вечеру энты выступили. Больше всего это было похоже на грозу.

— Они шли и пели, и если бы Саруман услышал их — удрал бы за сотню миль, даже пешком, — вставил Пиппин.

На Изенгард! Трубят рога! На замок подлого

врага!

Там было еще много, а вместо слов — словно трубы и барабаны. Очень возбуждает. Но я-то думал, пока не попал сюда, что это только песня…

— А потом ночь настала. Мы как раз спустились в Нан Каранир, — продолжал Мерри, — и тут я почувствовал, что за нами Лес идет. Я уж подумал было, что вижу энтийский сон, но тогда и Пиппину снилось то же самое. Мы оба испугались — ведь непонятно же! А это были *хуорны.* Так энты зовут их на «кратком наречии». Древобород о них не очень-то распространялся, но, как я понял, это энты, которые уже почти одеревенели. Знаете, бывают такие могучие деревья на опушке, как часовые… А в чащобах их, должно быть, целые сотни.

В них скрыта великая сила, и они умеют облекаться в сумрак, поэтому трудно увидеть, как они ходят. А если их разозлить, то ходят они быстро. Вы стоите себе, глядите в небо или там слушаете птичек и вдруг оказываетесь в середине дремучего леса! Они еще могут говорить с энтами, но уже здорово одичали и поэтому очень опасны. Не будь рядом настоящих энтов, я не рискнул бы встретиться с ними.

Так вот, мы спустились в Колдовскую Долину

— все энты и хуорны. Луна из-за облаков не показывалась, в темноте только и слышен был шум да скрип, как при сильном ветре в чаще. Вскоре после полуночи вековой лес вырос у северных стен Изенгарда. Удивительно, но орков было не видать. Только высоко в башне светилось окно.

Древобород и еще несколько энтов двинулись на разведку к воротам. Мы сидели у Древоборода на плечах и чувствовали, как он дрожит от возбуждения. Но даже взволнованные энты терпеливы и осторожны. Они могут замирать, как статуи.

И вдруг — переполох! Затрубили трубы, со стен начали трубить в ответ. Мы уж решили, что нас обнаружили и начинается битва. Ничуть не бывало! Просто армия Сарумана двинулась на Рохан. Я не знаю, что там стряслось, он, верно, решил покончить с королем одним махом. Изенгард опустел. Мимо шли и шли просто орки, орки верхом на волках, люди с факелами, все больше высокие, темноволосые, и косоглазые смуглые люди с орочьими мордами. Они напомнили мне того южанина из Брыля, только он все-таки больше походил на человека.

— Я тоже его вспоминал, — задумчиво произнес Арагорн. — Мы насмотрелись на этих полуорков

в Хельмовой Пади. Тот-то, из Брыля, пожалуй, и вправду служил Саруману, но вот ему ли одному — не знаю. Они ведь по натуре предатели…

— Их было тысяч десять, — продолжал Мерри. — Целый час они шли через ворота. Одни направились к Бродам, другие — на восток, через мост. Шумели они ужасно. Я уж решил, что дела Рохана совсем плохи. Но Древобород не шелохнулся, лишь сказал: «Нынче ночью я занимаюсь только камнями и скалами».

Точно не знаю, но, по-моему, хуорны все же пошли вслед за орками. Поутру я видел непроницаемый сумрак внизу, в долине.

Войска ушли, и вот тогда настал наш черед. Фангорн опустил нас на землю, начал стучать в ворота и звать Сарумана Ему ответили залпом стрел. Но стрелы для энта — это комары для нас. Они не вредят, а только раздражают. Фангорн рассердился и начал «поторапливаться», как он говорит. Он протрубил — знаете, так: *«Ху-ум — хум»,* и подозвал нескольких энтов. Друзья мои! Разгневанный энт — это, я вам скажу, что-то ужасное! Я никогда не видел ничего подобного. Руками и ногами он впивается в скалу и раздирает ее, как краюху хлеба. В несколько минут он проделывает то, для чего корням дерева нужны

сотни лет. Они мигом превратили ворота в груду мусора и принялись за стены. Я не знаю, ведал ли Саруман, что происходит, но сделать-то все равно ничего бы не смог. Магия его могла, конечно, и поуменьшиться. Только, я думаю, у него просто не хватит мужества остаться вот так, одному, без рабов, без всяких там устройств, приспособлений и других штуковин. Не то что старина Гэндальф. Может, и вся-то слава Сарумана лишь оттого, что он ухитрился поселиться в Изенгарде.

— Ну, это ты зря, — задумчиво сказал Арагорн. — Когда-то он был велик. Глубочайшие знания, проницательный ум, искуснейшие руки. Он и сейчас еще могуч. Много знает и умеет. У него есть власть над душами. Мудрого он убедит, слабого запугает. Даже теперь, когда он потерпел поражение, едва ли в этом мире кто-нибудь может говорить с ним без опаски. Разве что Гэндальф, Элронд и Галадриэль, других я не знаю.

— С энтами ему не справиться, — пренебрежительно ответил Пиппин. — Однажды ему удалось их обмануть, но больше они не попадутся. Он никогда не понимал их, да и в расчет не принимал, а теперь поздно. Как только энты напали, сарумановы крысы начали удирать из всех щелей. Людей энты допрашивали и отпускали, только с

этой стороны их десятка три набралось. Из орков не ушел никто. Хуорны окружили Изенгард.

Когда энты пообломали южные стены, а слуги предали и удрали, Саруман струхнул.

Он как раз стоял у ворот, должно быть, смотрел, как марширует его изумительная армия. А когда энты быстренько развалили ворота, ему пришлось удирать. Тут проглянули звезды, Скородум углядел его и закричал: «Древоубийца! Древоубийца!» Скородум вообще-то очень чувствительный, но Сарумана ненавидит люто. Его народ жестоко пострадал от орочьих топоров. И, надо сказать, Саруман едва успел захлопнуть за собой двери Ортханка.

Он привел в действие свои подземные машины, у него их тут много, обжег и поранил многих энтов. Это их окончательно разъярило, и они устроили целое землетрясение. Мы с Мерри спрятались, но что толку? Энты обстреливали башню каменными глыбами и обломками столбов, даже сами кидались на нее, только напрасно. Один Древобород не потерял хладнокровия. Он опасался, что энты в ярости поранят себя, и боялся, что Саруман выскользнет через какую-нибудь щель.

Так что Древобород вышел в круг и заговорил,

и его голос легко перекрыл весь шум и грохот. Вдруг стало тихо, только из верхнего окна башни доносился пронзительный смех. Настроение у энтов сразу изменилось. До этого они прямо кипели от гнева, а тут разом смолкли и посуровели. Фангорн о чем-то поговорил с ними — посвятил в свой план, который наверняка придумал заранее — и все исчезли, просто растаяли в предутреннем сумраке.

У башни остались стражи, хоть их и не было видно. Остальные ушли на север, и там весь день шла работа. Мы остались одни, и так страшно было — казалось, окна Ортханка смотрят прямо на нас. А энты и хуорны копали ямы и канавы, строили запруды, ворочали скалы и в конце концов собрали в один поток не только Изен, но и все родники и притоки.

В сумерках вернулся довольный Древобород. «Ух, запыхался, — сказал он. — Сейчас бы глоток воды из Энтовой Купели. Давненько мы так славно не трудились! Ночью придет вода, побережитесь. Поначалу она будет довольно грязной, пока не смоет всю здешнюю мерзость. Тогда Изен опять станет чистым». И он еще немножко поломал стены, так просто, для удовольствия.

Мы уже присматривали спокойное местечко,

где бы поспать, когда случилось самое удивительное. Примчался всадник, весь в белом и на огромном коне, отливающем серебром. Я смотрел и не верил своим глазам, крикнуть не мог, только стоял и шептал. А он? Может, думаете, он сказал: «Привет, Пиппин, вот так приятная встреча»? Ничего подобного! Он крикнул: «Эй, Пиппин, где Фангорн? Он мне срочно нужен!» Фангорн был рядом. Они вовсе и не удивились друг другу — как будто знали, что должны здесь встретиться. Я-то все гадал, почему Фангорн так странно на меня посмотрел, когда мы рассказывали ему про Морию. Энты никогда «не спешат», он и не сказал нам ни словечка. Зато Гэндальф всегда спешит так, что за ним и эльфу не уследить!

«Хуум! Гэндальф! — сказал Древобород. — Я рад, что ты пришел. Камни, вода, колеса, леса — это по моей части. Но здесь нужен маг, чтобы заправлять всем». «Древобород, — сказал тот, — я за помощью к тебе. Вы сделали много, но надо еще больше. Надо управиться с десятком тысяч орков».

Они посовещались в сторонке. Должно быть, Фангорну разговор показался слишком поспешным, и то правда, Гэндальф очень спешил. Они вернулись, и вот тут-то Гэндальф наконец сказал,

что рад нас видеть. «Где же ты был? — сунулся было я. — И где остальные?» «Где был, там меня уже нет, — отвечал он в своей неподражаемой манере. — Кое-кого видел, об остальном — потом, я спешу. Ночь темна, может, к утру просветлеет. Тогда и свидимся. Держитесь подальше от Орт-ханка. Привет!»

Он умчался, а Древобород долго перебирал в уме то, что услышал. «Не такой уж вы торопливый народец, как я погляжу, — сказал он нам. — Вы выложили куда меньше того, что знали, и не больше того, что следовало. Что ж, вязанка вестей и новая забота!»

Он рассказал немножко о битве, которая вот-вот начнется или уже идет, позвал хуорнов и исчез до утра. А мы все думали про вас, и про Фродо с Сэмом, и про Боромира — и опять про вас, и так боялись, что вы не вернетесь из этой битвы.

Была уже глухая ночь. Мы лежали на какой-то груде камней и в двух шагах ничего не видели. То ли тень, то ли туман накрыли все вокруг, как одеялом. Воздух стал горячим и душным. Вокруг был шелест, скрипы, гул голосов. Наверно, другие хуорны тоже отправились сражаться. Потом на юге началась гроза. Молнии сверкали над всем Роханом. Мы даже отсюда видели горные пики

— вспыхнут, белые на черном, и опять исчезнут. А за спиной у нас шумело, как от грома в горах, и гул шел по всему ущелью.

Наверно, после полуночи энты сломали дамбу и впустили всю собранную воду через пролом в северной стене Изенгарда. Хуорны ушли, тьма рассеялась, гром укатился на юг, а на небе даже появилась луна.

Изенгард вдруг стал набухать черными извивающимися ручьями и лужами, блестевшими в лунном свете. Вода находила все новые щели, просачивалась под землю. Шипел пар. Дым поднимался столбами. То и дело что-нибудь взрывалось. Наконец Изенгард стал походить на огромную кастрюлю, в которой все кипело и булькало.

— Прошлой ночью мы видели клубы дыма и пара, — сказал Арагорн, — и решили, что Саруман готовит какую-нибудь новую пакость.

— Куда ему! — махнул рукой Пиппин. — Поди, сидит и трясется. Вчера утром вода залила все дырки. Стоял жуткий туман. Мы заняли было комнату стражи и порядком перепугались, когда вода стала быстро подниматься. К счастью, мы нашли лестницу и выбрались наверх, на арку ворот. Мы сидели там и смотрели, как тонет

Изенгард. Вода прибывала, пока не погас последний огонь. Туман, наверное, в милю толщиной, накрыл крепость, как зонтиком. А какая была радуга на восточных склонах! Потом настала тишина. Только волки выли вдали. А под утро энты вернули Изен в прежнее русло. Это и был конец.

С тех пор вода спадает. Наверное, через пещеры уходит. Нам было жутко, сыро, холодно, одиноко. Казалось, что-то вот-вот случится. Саруман-то все еще в башне. Ночью поднялся шум — будто ветер пробежал по ущелью. Должно быть, энты с хуорнами вернулись. Только куда они все потом подевались, я не знаю. Настало промозглое утро, мы спустились, огляделись — никого нет. Вот, больше и рассказывать нечего. Теперь-то здесь почти уютно. Да и безопасно, раз Гэндальф вернулся. Впору вздремнуть!

Все помолчали. Гимли снова набил трубку, раскурил ее и заговорил:

— Одного я не понимаю. Вы сказали, что здесь был Грима. Это имя нам знакомо. Как он попал сюда?

— Про него-то я и забыл, — повинился Пиппин, — Он прискакал сегодня утром. Мы как раз развели огонь и завтракали, и тут Древобород пришел и позвал нас.

«Зашел проведать, как вы тут, — прогудел он, — а заодно сказать, что все хорошо. Хуорны вернулись, и все идет замечательно! Нет больше орков в Изенгарде, нет больше орочьих топоров! Уже сегодня с юга придут те, кого вы будете рады увидеть».

Он едва успел договорить, как на дороге послышался топот копыт. Мы выскочили за ворота, я во все глаза глядел: думал, Гэндальф или Колоброд к нам торопятся. А из тумана выскочил такой скрюченный человечишка на старой кобыле, посмотрел на весь этот разор, позеленел с лица и рот разинул. Нас он увидел не сразу, а когда заметил, то вскрикнул и кинулся обратно. Но тут Фангорн в два шага догнал его и снял с седла. Лошадь убежала, и он висел, как мышь у кошки в лапах. Фангорн расспросил его, и тот ответил, что его зовут Грима, что он друг и советник Теодена, послан от него к Саруману с важными вестями.

«Никто не рискнул ехать ночью по равнине, кишмя кишащей орками, — заявил он, — пришлось мне. Путь был тяжел и опасен, я устал. Волки всю дорогу преследовали меня».

Я увидел, как он косится на Древобородa, и решил про себя: «врет». А Древобород долго разглядывал его, пока он не растекся по полу, и

наконец сказал: «Давненько я тебя жду, Червослов». Тот аж вздрогнул. «Гэндальф рассказал мне, кто ты и что с тобой делать. Сажай всех крыс в один капкан, так он мне велел. Я теперь хозяин Изенгарда, а Саруман сидит в своей башне, так что отправляйся к нему и передавай свои важные известия».

Грима только глянул за ворота и отскочил, хотел немедленно возвращаться в Эдорас, но Фангорн не пустил. Стой, говорит, со мной, и жди, пока придет Гэндальф или твой хозяин, или иди к башне вброд. Он предпочел второе. Вода доходила ему до ушей, но Фангорн провожал его, пока в башне не открылась дверь и этого Гриму не втащили внутрь.

«Думаю, там ему понравится, — сказал Фангорн, когда вернулся к нам. — А теперь я должен пойти и смыть с себя эту слизь. Если я кому понадоблюсь, пусть ищут с северной стороны. Здесь не осталось чистой воды. Энту ни попить, ни выкупаться. Так что мне вас придется попросить приглядеть пока за воротами. Сам король степей Рохана должен приехать, не кто-нибудь! Его люди только что разбили орков. Поприветствуйте его, как там у вас положено. Много этих королей я видел на зеленых равнинах, да так и не удосужился

узнать их имена и языки. Наверно, им нужна человечья еда. Поищите пока, чем можно покормить короля». Вот теперь действительно все. А кто такой этот Червослов? Неужели такая крыса действительно была советником правителя?

— Да, — ответил Арагорн, — но он был еще слугой и шпионом Сарумана. Он получил по заслугам. Увидеть гибель Изенгарда, который он всегда считал непобедимым, — для него это в самый раз. Но мне сдается, его ждет кое-что похуже.

— Я тоже так думаю, — отозвался Мерри. — Насколько я понял, старик Фангорн отправил его в башню не потому, что пожалел. Очень уж он ехидно посмеивался, когда вернулся. Он ушел купаться и пить воду, а мы все обшарили — и что водой прибило, и две-три кладовки нетронутые нашли. «Нам нужна человечья еда душ на двадцать пять», — сказали нам энты, когда пришли за припасами, так что вас уже успели сосчитать. Энты, правда, думали, что вы отправитесь с великими мира сего, но, — Мерри подмигнул, — вы не прогадали. Здесь ничуть не хуже, чем там, клянусь. Даже лучше, потому что там выпивки нет. «Вода Изена хороша и энтам, и людям», — сказал Фангорн, но мы подумали, что вы сильно

устали и проголодались. А лучший наш трофей — это бочонки из Долгой Долины. Вот так все и складывалось.

— Теперь, наконец, мне все ясно, — сказал Гимли.

— Кроме одного, — заметил Арагорн. — Похоже, Саруман нашел себе прислужников среди хоббитов, иначе откуда бы здесь взяться трубочному зелью? Я слишком хорошо знаю, какие дикие земли лежат между Брылем и Роханом. Какого года бочонки? Позапрошлого? Что ж, будем надеяться, что плохое уже позади. Сделать-то мы все равно пока ничего не можем. Но надо будет сказать Гэндальфу…

— Уже за полдень, а его все нет, — сказал Мерри. — Пойдем поищем его. А ты, Колоброд, поглядишь на Изенгард. Зрелище, правда, не из приятных.

Глава X
ГОЛОС САРУМАНА

Арагорн и его друзья миновали разрушенный туннель и, стоя на груде камней, смотрели на темную башню со множеством окон, возвышавшуюся среди хаоса разрушения. Злоба затаилась в ней. Вода уже почти сошла, лишь кое-где оставались большие мутные лужи, а между ними тянулись обширные пространства, вымощенные осклизлыми каменными плитами и усеянные валявшимися в беспорядке обломками. Сквозь проломы в стенах виднелись свежие отвалы, холмы и канавы, а за чертой разрушений зеленая извилистая долина льнула к протянутым рукам гор. С северной стороны к башне приближались несколько всадников.

— Это Гэндальф и Теоден со своими людьми, — присмотревшись, сказал Леголас. — Пойдемте им навстречу.

— Будьте осторожны, — предупредил Мерри. — Некоторые плиты здесь качаются, можно свалиться в подземелье.

Они медленно двигались по разбитым и скольз-

ким плитам. Всадники, заметив их, остановились. Гэндальф выехал навстречу друзьям.

— Мы славно поговорили с Древобородом и кое-что придумали, — сказал он. — Заодно и отдохнули. Пора выступать. А вы тут как?

— Начали с дыма, им же и кончили, — ответил Мерри. — И даже Саруман уже не кажется таким мерзким.

— Неужто? — отозвался Гэндальф. — Впрочем, это твое дело, а мне надо нанести ему прощальный визит. Это опасно, может быть, бесполезно, но необходимо. Если хотите, можете сопровождать меня. Но будьте начеку. Сейчас не время для шуток.

— Я пойду, — сказал Гимли. — Интересно узнать, правда ли он похож на тебя.

— Это не так просто, — возразил Гэндальф. — Если Саруман сочтет нужным, он будет похожим на меня. Я не очень уверен, хватит ли у тебя мудрости разобраться во всех его личинах. Ну ладно, там видно будет. Может, он еще и не явится, когда увидит, что нас много. Я на всякий случай попросил энтов пока не показываться.

— А что он может нам сделать? — спросил Пиппин. — Обольет из окна жидкой смолой или заколдует издали?

— Скорее последнее, — спокойно ответил Гэндальф. — Особенно если без толку шастать у него под окнами. Знаешь, милый, если зверя загнать в угол, он на все готов. У Сарумана есть способности, о которых ты не подозреваешь. Главное — остерегайтесь его голоса!

Они подошли к подножию Ортханка. Башня была сложена из черного блестящего камня. Все углы и грани были такими четкими, словно только что из-под резца. Ярость энтов не оставила на башне никаких следов, кроме нескольких крошечных сколов у основания.

С восточной стороны между двумя массивными контрфорсами виднелась большая дверь, а над нею — закрытое ставнями окно с решетчатым балконом. Дверь была высоко над землей, и к ней вела лестница из двадцати семи широких ступеней. Это был единственный вход. Множество окон-глаз, упрятанных в глубоких амбразурах, щурились с отвесных стен на пришельцев.

У подножия лестницы Гэндальф и Теоден спешились.

— Я поднимусь, — сказал маг. — Я бывал в Ортханке и знаю, чего нужно опасаться.

— Я пойду с тобой, — ответил Теоден. — Я стар и больше не ведаю страха. Мне хочется поговорить

с врагом, причинившим Рохану столько бед. Со мною будет Йомер; он поддержит меня, если я ослабею.

— Как хотите, — сказал Гэндальф. — Арагорн, мне хотелось, чтобы ты был с нами. Остальные пусть подождут внизу.

— Нет уж, — живо отозвался Гимли, — мы с Леголасом тоже пойдем. Мы здесь единственные представители наших племен и не хотим пропустить самое интересное.

— Ну что ж, идемте, — Гэндальф улыбнулся и вместе с Теоденом начал подниматься по ступеням.

Всадники оставались в седлах и ждали по обеим сторонам лестницы, с тревогой озирая мрачную башню. Мерри и Пиппин сели на нижней ступеньке, чувствуя себя бесполезными и беззащитными.

— До ворот полмили, да еще грязь, — пробормотал Пиппин. — Лучше бы нам туда потихоньку вернуться. И зачем только мы пришли? Кто нас сюда звал?

Гэндальф остановился перед дверью Ортханка и ударил в нее жезлом. Она глухо зазвенела.

— Саруман! Саруман! — громко и повелительно крикнул он. — Выходи, Саруман!

Окно над дверью отворилось, но не сразу. В темном проеме никого не было видно.

— Кто там? — послышался оттуда голос. — Что вам нужно?

Теоден вздрогнул.

— Я знаю этот голос, — сказал он, — и проклинаю день, когда впервые внял ему.

— А ну-ка, Грима, позови своего хозяина! — крикнул Гэндальф. — И не заставляй нас ждать.

Окно захлопнулось. Прошла минута. Вдруг зазвучал другой голос, негромкий и мелодичный. В нем было непередаваемое очарование. Слышавшие этот голос редко потом вспоминали сами слова, а если все же вспоминали, то удивлялись, ибо в словах этих не было никакой силы. Но голос доставлял наслаждение. Все произносимое им казалось мудрым, со всем хотелось согласиться. Любой другой голос по сравнению с этим казался хриплым, всякие другие речи неразумными; а если кто-то осмеливался возражать, в сердцах у зачарованных слушателей вспыхивал гнев. Одного звучания этого голоса было достаточно, чтобы стать его рабом, и это колдовство жило в слушателях, даже когда они были уже далеко. Голос все шептал, приказывал, и они повиновались. Никто не мог слушать его без волнения, никто не мог

противостоять его чарам. Устоять могла только твердейшая воля и устремленная мысль.

— В чем дело? — кротко спросил голос. — Почему вы нарушаете мой покой? Неужели вы не оставите меня ни днем, ни ночью? — В этом тоне был ласковый упрек мягкого сердца, огорченного незаслуженной обидой.

Все в изумлении смотрели наверх. Не слышно было, чтобы кто-нибудь выходил. Но обитатель башни уже стоял на балконе, глядя на них сверху вниз: старик в свободном плаще, цвет которого изменялся при каждом его движении. Лицо продолговатое, лоб высокий, глаза глубокие и темные, совершенно непроницаемые, но взгляд благосклонный и несколько усталый. Волосы и борода седые, с темными прядями на висках.

— Похож-то он похож, — прошептал Гимли, — да все-таки другой.

— Ну подойдите же, — продолжал медоточивый голос. — Гэндальфа я знаю слишком хорошо и не надеюсь, что он пришел за помощью и советом. Но ты, Теоден Могучий, Король Рохана, достойный сын Тенгеля Прославленного! Почему ты не пришел ко мне раньше, почему не пришел как друг? Я хотел видеть тебя, самого могучего из правителей Запада, чтобы предостеречь от чу-

жих советов, злобных и неразумных. Но и сейчас не поздно. Я готов забыть обиды, нанесенные мне воинами Рохана, потому что хочу спасти тебя от гибели на неверном пути, выбранном тобой. Ибо только я могу спасти тебя.

Теоден хотел что-то сказать, но не решался. Он посмотрел на Сарумана, потом на Гэндальфа, было видно, что он колеблется. Но Гэндальф не шевелился, словно ожидая ему одному ведомого знака. Всадники перешептывались, одобряя слова Сарумана, но потом притихли и слушали как зачарованные. Им казалось, что Гэндальф никогда не говорил так хорошо с их правителем, наоборот, он всегда был груб и надменен. В их сердца тенью прокрался великий страх: они словно воочию видели гибель Рохана, к которой Гэндальф толкал их, тогда как Саруман открывал путь к спасению.

Неожиданно Гимли нарушил молчание.

— Этот колдун ставит все вверх тормашками, — проворчал он, положив руку на рукоять топора. — На языке Ортханка помощь — это гибель, а спасение — убийство. Но мы пришли сюда не как просители.

— Тихо! — оборвал его Саруман, в глазах у него мелькнул красный огонь. — Я не с тобой говорю,

Гимли, сын Глоина. Ты нездешний, нечего тебе соваться в дела этой страны! — Голос его опять потеплел. — Но я не стану корить тебя за твои, ра зумеется, весьма доблестные деянья. Только прошу, дай мне договорить с Королем, моим старым соседом и другом… когда-то.

Он снова обратился к Теодену со сладкой речью, предлагая совет и помощь, обещая простить взаимные обиды и рука об руку идти в светлое будущее.

— Скажи, Теоден, разве ты не хочешь мира между нами? — вопрошал он.

Старый правитель молчал. Видно было, как в нем боролись гнев и сомнение. Вместо него заговорил Йомер.

— Послушайте меня, повелитель! — воскликнул он. — Вот опасность, против которой нас предостерегали. Неужели мы одержали победу лишь для того, чтобы нас опутал своими чарами старый лжец, источающий мед змеиным языком? Если бы собаки загнали волка, он именно так говорил бы с ними. О какой помощи идет речь? Злодей стремится уйти от расплаты, вот и все! Но неужели вы вступите в переговоры с этим предателем и убийцей? Неужели забудете Теодреда, свежий курган у Бродов, могилу Хамы

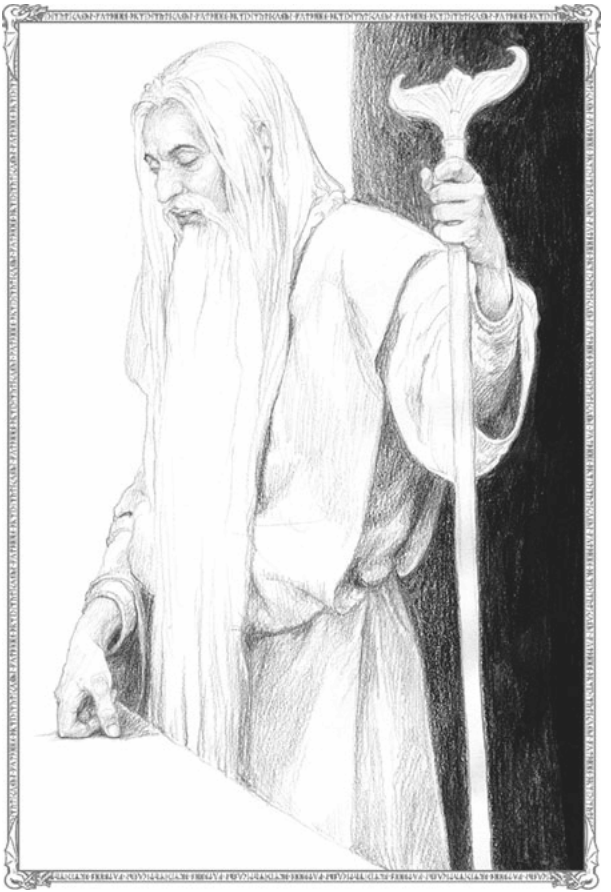
в Хельмовой Пади?

— Если у кого и ядовитый язык, так это у тебя! — произнес Саруман с гневом, который услышали теперь все. — Каждому свое, Йомер, сын Йомунда! Твое дело — отвага в бою. Вот и убивай тех, кого велит твой господин, но не вмешивайся в дела, которые выше твоего разумения. Если когда-нибудь тебе суждено будет стать правителем, ты поймешь, что дружбой Сарумана и силой Ортханка не пренебрегают из-за детских обид. Вы выиграли битву, но не войну, и выиграли ее с помощью, на которую нельзя рассчитывать дважды. В следующий раз Тень Леса может появиться у твоей собственной двери: она капризна, лишена разума и не любит людей.

Я снова обращаюсь к тебе, повелитель Рохана! Подумай, можно ли называть меня убийцей, если отважные воины гибнут в бою? Не я хотел войны. Это вы начали ее. И если я — убийца, то и правители из рода Йорла таковы, ибо много войн они вели и многих врагов побеждали. А потом заключали мир. Подумай, Теоден Могучий, будет ли между нами мир и дружба? Только ты можешь решать это.

— Мы хотим мира, — медленно и хрипло заговорил Теоден после долгого молчания. Всадники

при этих словах радостно вскрикнули. — Да, у нас будет мир, — твердо повторил король, — когда не станет ни тебя, ни твоих дел, ни дел твоего Темного Владыки, которому ты хотел предать нас. Ты — *лжец*, Саруман, *лжец* и совратитель! Ты протягиваешь мне руку, а я вижу на ней холодный и острый коготь Мордора. Будь ты хоть в десять раз мудрее, у тебя нет права вмешиваться в дела Рохана и зариться на его богатства. Ты ведь о них думаешь сейчас! Говоришь, ты не хотел войны? А кто сжигал деревни? Кто убивал детей? Кто глумился над трупами? Когда тебя вздернут на твоем балконе на радость воронам, вот тогда я помирюсь с Ортханком! Не раньше. Я не так велик, как мои предки, но лизать руки никому не стану. Вот тебе мой ответ. Боюсь, твой голос утратил чары.



Всадники смотрели на Теодена, как люди, ко-

торых неожиданно разбудили. Грубым и резким карканьем старого ворона казался голос правителя после речей Сарумана. Но Саруман был вне себя от ярости; перегнувшись через перила балкона, он пожирал Теодена глазами, горящими гневом. Он стал похож на змею, готовую ужалить.

— Виселица и вороны! — зашипел он. И все вздрогнули, услыхав, как внезапно изменился его голос. — Старый глупец! Твой дворец — притон разбойников и пьяниц! Слишком долго они избегали виселицы. Но петля уже близко, неотвратимая и безжалостная. Тебе придется в ней болтаться! — Тут он овладел собой, и голос его вновь переменился. — Не знаю, зачем я говорю с тобой, лошадиный пастух! Мне не нужен ни ты, ни твои всадники, они только удирают проворно. Я предлагал тебе власть, которой ты не заслужил ни доблестью, ни разумом, а ты ответил мне бранью. Пусть будет так! Возвращайся в свою конюшню!

Но ты, Гэндальф! — Голос опять полился сладкой музыкой. — Ты меня огорчаешь. Мне стыдно видеть тебя в таком обществе. Ты так же горд, как и мудр, ты почти всевидящий. Так неужели даже сейчас ты не последуешь моему совету?

Гэндальф шевельнулся и взглянул вверх.

— Тебе есть что добавить к сказанному при нашем последнем свидании? — спросил он. — А может, ты хочешь взять какие-нибудь слова обратно?

Саруман озадаченно помолчал.

— Взять обратно? — повторил он. — Я желал тебе блага, но ты не послушал меня. Да и что тебе чужие советы при твоей мудрости. Может, ты неправильно понял меня в прошлый раз? Может, я немного погорячился? Прости меня, как я прощаю твоих дерзких и неразумных спутников. Мы оба с тобой принадлежим к древнему Ордену, самому высокому в этом мире. Наша дружба нам обоим пойдет только на пользу. Постараемся же понять друг друга и забудем на время об остальных, низкородных. Пусть они подождут наших решений. Давай подумаем вместе о вещах, важных для всех, в том числе и для них. Поднимись ко мне, обсудим все сообща, мы обязательно придем к разумному решению.

Такую силу вложил Саруман в этот последний призыв, что никто из слушателей не мог оставаться безучастным. Теперь впечатление было совершенно иное. Они слышали ласковый упрек кроткого короля, обращенный к заблуждающе-

муся, но любимому вассалу. Однако самих их при этом как бы выставили за дверь, и теперь они лишь подслушивали слова, для них не предназначенные. Словно дурно воспитанные дети или нерадивые слуги, слушали они непонятные речи старших и не знали, как эти слова скажутся на их собственной судьбе. Эти двое были совсем из другой породы — возвышенной и мудрой. Они непременно заключат союз между собой. Сейчас Гэндальф поднимется на башню, дабы обсуждать там дела, недоступные их пониманию. Дверь закроется, и они останутся за порогом, ожидая решения великих. Даже у Теодена мелькнула мысль: «Он изменит нам, он пойдет туда, и тогда мы погибли!»

Но Гэндальф рассмеялся, и морок развеялся без следа.

— Саруман! — воскликнул он. Голос мага не был таким мелодичным, но казалось, заполнил собой всю долину. — Ты выбрал не то поприще! Тебе бы стать придворным шутом и передразнивать сановников. Глядишь, и кинут корку… могут, правда, и плеткой угостить, — обидно засмеялся маг, а потом продолжал уже обычным голосом. — Ты говоришь, нам нужно понять друг друга? Я тебя вполне понимаю, а вот тебе меня

уже не понять. Я ничего не забыл. Когда мы виделись в последний раз, я был твоим пленником, а ты — тюремщиком на службе Мордора и как раз собирался послать меня туда. Нет, я и не подумаю подниматься к тебе: кто убежал через крышу, тот не будет входить в дверь. А теперь послушай меня, Саруман! Послушай в последний раз! Не спустишься ли ты ко мне? Твои надежды на мощь Изенгарда не оправдались. Как бы тебя не постигли и другие разочарования. Так не разумнее ли отказаться от сомнительных упований ради более достойных? Подумай, Саруман!

Тень пробежала по лицу Сарумана. Он побледнел, как мертвец. На мгновение он не совладал с собой, и все увидели, как терзают его сомнения, как он не может решиться: то ли покинуть свое убежище, то ли оставаться в нем и дальше. Саруман колебался, и все затаили дыхание. Потом он заговорил, голос у него был теперь ледяным и резким. Гордость и ненависть взяли в нем верх.

— Сойти? Мне? — насмешливо переспросил он. — Разве сойдет безоружный человек, чтобы говорить с разбойниками у своего порога? Мне и отсюда все хорошо слышно. Я не так глуп, Гэндальф Серый, чтобы доверять тебе. Лесных демонов, правда, не видно, но я знаю, где они

притаились по твоему приказу.

— Предатели всегда недоверчивы, — устало махнул рукой Гэндальф. — Но ты напрасно опасаешься за свою жизнь, тебе ничто не грозит. Пойми, я хочу спасти тебя, и это твоя последняя возможность. Ты можешь свободно покинуть Ортханк, если захочешь.

— Приятно слышать! — насмешливо фыркнул Саруман. — Очень похоже на Гэндальфа Серого: так снисходительно, так великодушно. Не сомневаюсь, что Ортханк нравится тебе и мой уход был бы для тебя желательным. Но зачем мне уходить? Что ты понимаешь под словом «свободно»? У тебя ведь, конечно, есть условия?

— Ну, причин для ухода у тебя немало, — ответил Гэндальф. — Оглядись вокруг. Своих слуг ты не найдешь, они истреблены или рассеяны, своих соседей ты сделал своими врагами, своего нового господина обманул или пытался обмануть. Если его Око обратится сюда, оно будет гневным. Так вот, когда я говорю «свободно», это и означает свободу: свободу идти, куда захочешь, да, Саруман, даже в Мордор, если это тебе по душе. Только сперва придется отдать ключ от Ортханка и жезл. Я обещаю сохранить их и вернуть тебе, когда ты заслужишь их вновь.

Лицо Сарумана исказилось от бешенства, в глазах загорелся красный огонь. Он злобно рассмеялся.

— Да, конечно, ты вернешь их мне! Только ведь сначала тебе понадобятся еще ключи от Барад Дура, короны Семи Королей и жезлы Пяти магов. Ну что ж, ты не так уж много и хочешь и, наверное, управишься без моей помощи. Мне недосуг. Если хочешь договориться со мной, уходи и возвращайся трезвым. И пожалуйста, без этих головорезов и без недомерков, что цепляются за твой подол. Прощай! — Он повернулся и собрался уйти с балкона.

— Вернись, Саруман, — негромко, но повелительно окликнул его Гэндальф.

Ко всеобщему изумлению, Саруман медленно, словно против своей воли, повернулся, прислонившись к ограде балкона. Лицо его осунулось и постарело, а пальцы вцепились в черный жезл, как когти.

— Я еще не отпустил тебя, — сурово продолжал Гэндальф. — Ты поглупел, Саруман, и достоин жалости. Ты еще мог бы отвернуться от зла и безумия, мог бы принести пользу. Но ты упорствуешь. Что ж, твое право. Но предупреждаю тебя: выйти тебе будет нелегко. Ты не выйдешь

до тех пор, пока рука с Востока не протянется и не схватит тебя! — Голос мага, теперь мощный и грозный, гремел. — Саруман! Открой глаза! Я больше не Гэндальф Серый, которого ты предавал. Я — Гэндальф Белый, вернувшийся из Мрака. А ты — ты стал бесцветным, и я своей властью исключаю тебя из Совета и из Ордена!

Он поднял руку и произнес медленно, холодным и отчетливым голосом:

— Саруман, я ломаю твой жезл!

Жезл в руке Сарумана с треском сломался, и обломки упали к ногам Гэндальфа.

— Ступай! — приказал Гэндальф. Саруман со стоном пал на колени и уполз внутрь.

В этот момент что-то тяжелое и блестящее, брошенное с силой, вылетело сверху. Оно отскочило от железной ограды балкона, на которую только что опирался Саруман, и, едва не задев Гэндальфа, упало на ступеньки у его ног. Ограда зазвенела и сломалась, ступенька треснула, и от нее во все стороны брызнули осколки. Но брошенный предмет остался целым и покатился вниз по лестнице. Это был хрустальный шар, темный, но с огнем внутри. Он катился к большой глубокой луже, Пиппин догнал и схватил его.

— Подлый убийца! — вскричал Йомер, но Гэн-

дальф остановил его.

— Нет, это не Саруман, — сказал он. — Это из верхнего окна — прощальный подарок Гримы Червослова, только бросок неважный.

— Это оттого, что он не мог решить, кого ненавидит больше, тебя или Сарумана, — заметил Арагорн.

— Может, и так, — согласился Гэндальф. — Мало им будет радости друг от друга: оба полны яда и злобы. Но это только справедливо. Если Грима выйдет из Ортханка живым, это будет больше, чем он заслуживает. Эй, подожди-ка, милый! — воскликнул он вдруг, обернувшись и увидев Пиппина, который медленно поднимался по лестнице, словно неся тяжелый груз. — Никто не просил тебя его трогать!

С этими словами маг поспешно спустился навстречу хоббиту и, отобрав у него темный шар, завернул в полу своего плаща.

— Я сам позабочусь о нем. Саруман ни за что бы не выбросил такую вещь.

— Но он может бросить что-нибудь другое, — заметил Гимли. — Раз мы уже побеседовали, то, может, нам отойти подальше?

— Да, — ответил Гэндальф, — больше здесь говорить не о чем.

Они спустились с лестницы. Всадники приветствовали их радостными криками. Чары Сарумана исчезли: все видели, что он вернулся, когда ему было приказано, и уполз, когда был отпущен.

— Ну вот и все, — произнес Гэндальф. — Теперь мне нужно только найти старика Фангорна и сказать ему, чем кончилось дело.

— Наверное, он и сам догадался, — предположил Мерри. — Разве могло быть иначе?

— Могло, — устало вздохнул Гэндальф, — потому что висело на волоске. Но у меня были причины рискнуть. Прежде всего, нужно было показать Саруману, что колдовская сила его голоса исчезает. Нельзя быть одновременно и тираном, и мудрецом, а ему казалось, что он сможет совместить несовместимое. Раз замысел созрел, он рано или поздно себя обнаружит. Но он попал в ловушку и заметался. Поэтому-то я и предложил ему честный выбор: порвать с Мордором, забыть о своих кознях и помочь нам. Никто лучше его не знает наших трудностей, и он мог бы оказать нам неоценимую помощь. Но вы видели, что он выбрал. Он хочет не служить, а приказывать. Он живет в страхе перед рукой Мордора и все еще надеется совладать с нею. Жалкий глупец! Он

будет уничтожен, если Темный Владыка дотянется до Изенгарда. Ортханк нам не по зубам, но у Саурона зубы гораздо крепче!

— А когда мы победим, что ты с ним сделаешь? — спросил Пиппин.

— Я? Ничего, — пожал плечами Гэндальф. — Я не стремлюсь к власти. А что будет с ним — не знаю. Жаль, что столько доброй силы обратилось во зло и гниет теперь в стенах башни. Но для нас все сложилось к лучшему. Ненависть часто оборачивается против себя. Думаю, если бы даже нам удалось войти в Ортханк, немного бы в нем нашлось сокровищ более дорогих, чем то, которым швырнул в нас Грима.

В этот момент из окна сверху донесся пронзительный крик, тотчас же оборвавшийся.

— Кажется, Саруман тоже так думает, — заметил Гэндальф. — Пойдемте отсюда.

Они вернулись к развалинам ворот и не успели миновать арку, как из тени вышел Фангорн, а с ним еще несколько энтов. Арагорн, Гимли и Леголас изумленно глядели на них.

— Это мои друзья, Древобород, — сказал Гэндальф. — Я говорил тебе о них, но ты их еще не видел. — И он назвал по именам одного за другим.

Старый энт долго и пытливо разглядывал всех по очереди и каждому сказал несколько слов. Под конец он обратился к Леголасу:

— Так вы пришли из самого Сумеречья, добрый эльф? Когда-то это был очень большой лес.

— Он и сейчас большой, — ответил Леголас, — но, конечно, не такой большой, как прежде. Мне бы очень хотелось побродить по вашему лесу. Я побывал только на опушке и рад был бы вернуться туда.

Глаза у Фангорна заблестели от удовольствия.

— Надеюсь, ваше желание исполнится раньше, чем холмы успеют состариться, — сказал он.

— Я приду, если мне удастся, — ответил Леголас, — и, с вашего разрешения, мы придем вдвоем с другом.

— Я буду рад всякому эльфу, который придет с вами, — сказал Фангорн.

— Это не эльф, — возразил Леголас, — это Гимли, сын Глоина, вот он.

Гимли низко поклонился, топор при этом выскользнул у него из-за пояса и звякнул о камни.

— Гм-гм! Кха! — покашлял Фангорн, мрачно поглядев на него. — Гном, да еще с топором! Я люблю эльфов, но вы хотите от меня слишком многого. Эльф и гном — вот странная дружба!

— Пусть странная! — пылко воскликнул Леголас. — Но пока Гимли жив, я без него не приду. Его топор не для деревьев, а для орков, и в недавнем бою он срубил их с полсотни!

— Вот как? — удивился старый энт. — Ну, это уже лучше. Что ж, пусть все будет как есть. Нам незачем торопиться. Вы придете в мой лес, когда захотите, придете оба. Но теперь пора расставаться. День близится к концу, а Гэндальф говорил, что вам нужно уехать до вечера.

— Да, нам пора двигаться в путь, и немедленно, — кивнул маг. — Боюсь, мне придется забрать и ваших привратников, по-моему, они вам больше не понадобятся.

— Наверное, ты прав, — ответил Фангорн, — но мне без них будет скучно. Мы подружились так быстро, что я, кажется, тоже начинаю спешить, как все в вашем сумасшедшем мире, а может, впадаю в детство. Я очень давно не встречал столь необычных существ, они поразили меня. Впервые за долгие годы под солнцем и луной я встретил то, чего не видел раньше. Я не забуду их. Они теперь в Долгом Свитке… хм-хум…

Энты, рожденные дикой землею,
Ровесники гор, пьющие воду.

И вечно голодные хоббиты-крошки,
Неунывающий малый народец…

Энты будут их помнить. И до тех пор, пока молодые листья не перестанут появляться на ветвях, они — наши друзья. Прощайте! И если в вашем милом краю услышите вдруг что-нибудь о наших женах, дайте мне знать! Возвращайтесь, если сможете!

— Мы вернемся! — ответили в один голос Мерри и Пиппин и поспешно отвернулись, чтобы скрыть волнение.

Фангорн молча глядел на них, покачивая головой, потом обратился к Гэндальфу:

— Так Саруман не захотел выйти? Я так и думал. Сердцевина у него черная, как у хуорна. Но если бы, как он сейчас, я потерял все свои деревья и у меня осталась бы только нора, чтобы спрятаться, я бы тоже не стал из нее вылезать.

— Да, — усмехнулся маг. — Но ты ведь не собирался покрывать всю землю своими деревьями и душить все остальное. Теперь Саруману делать нечего, кроме как ненавидеть нас да строить посильные козни. Правда, Ключ Ортханка остался у него. Так что упускать его нельзя ни в коем случае!

— Еще чего, — пробурчал Древобород. — Энты приглядят за ним. Он и шагу за порог не ступит без моего ведома.

— На это я и надеялся, — ответил Гэндальф. — Вы уж возьмите эту заботу на себя, а я займусь другими делами. Но будьте внимательны! Вода спала, а вокруг башни могут быть тайные ходы. Раз уж взялись за эту работу, так доведите ее до конца: залейте Изенгард снова. Вода затопит подземелья, а вы заделаете все выходы, и здесь будет спокойное озеро. Тогда Саруману останется только сидеть наверху и глядеть в окошко.

— Предоставь это нам, — пророкотал Фангорн. — Мы обыщем долину, заглянем под каждый камешек. Здесь вырастет лес, настоящий дикий лес, и мы назовем его Сторожевым. Не то что Саруман — ни одна белка не прошмыгнет без моего ведома. Пока не пройдет всемеро больше лет, чем он мучил нас, мы не устанем стеречь его!

Глава XI
Палантир

Солнце садилось за длинную цепь холмов на западе, когда Гэндальф, Теоден и их спутники покидали Изенгард. Мерри ехал с Гэндальфом, а Пиппин — с Арагорном. Правитель Рохана выслал вперед дозорных, остальной отряд двигался неспешно.

У ворот молчаливыми изваяниями застыл строй энтов. Фангорн держался чуть поодаль и больше всего напоминал старое дерево с обломанными ветвями. Хоббитам невольно припомнилась их первая встреча на солнечном холме. Небо было еще светлое, но на развалины Изенгарда уже ложились длинные тени.

Когда отряд поравнялся со стелой с изображением Белой Руки, все заметили, что рука сброшена вниз и разбита вдребезги. Один палец валялся посреди дороги, и красный ноготь на нем почернел.

— Энты ничего не упустили, — сказал Гэндальф.

Они миновали столб, торопясь уйти из разгром-

ленной долины до наступления темноты.

Мерри молчал, молчал и наконец не выдержал:

— Мы что, так и будем ехать всю ночь? Я, может, и недомерок, но только и недомеркам изредка нужно прилечь и отдохнуть!

— А, слыхал, значит, как вас величают! — усмехнулся маг. — Не стоит обижаться. Ваше счастье, что он не стал заговаривать вас. Зато смотрел во все глаза. Можешь гордиться, вы с Перегрином интересовали его больше, чем все остальные: кто вы, откуда, зачем прибыли, что знаете, как вам удалось сбежать, если все орки погибли. Вот какими мелкими загадками смущен сейчас великий ум Сарумана. Так что насмешка с его стороны — это честь для тебя, любезный Мериадок.

— Вот уж спасибо, — скептически отозвался Мерри. — Чести хоть отбавляй. Один мудрый обзывается, другой того и гляди всю душу вытряхнет. Только и остается, что во второй раз спросить: долго ли нам еще трястись.

Гэндальф засмеялся.

— Вот прилип! Эти хоббиты любого мага научат не бросаться словами. Ладно, не ворчи. Обо всем я подумал, и об отдыхе тоже. Пересечем долину и устроим привал. Но уж завтра придет-

ся поспешить. По дороге сюда мы думали, что вернемся в Эдорас напрямик, через равнину, но потом посовещались и решили сделать по-другому. В Хельмову Падь уже отправились гонцы, они предупредят, что король прибудет завтра. А оттуда с большим отрядом он пойдет через холмы. Сейчас не стоит рисковать и выходить с дружиной на открытое место.

— У тебя всегда так: или мало, или много. Теперь мне уже не до сна. Где эта Хельмова Падь, что она такое и что вообще все это значит? Я тут ничего не знаю.

— Да узнаешь ты все, узнаешь. Только не сию минуту и не у меня. Мне надо серьезно подумать.

— Ладно, вот остановимся, спрошу у Колоброда, он не такой скрытный. Но мы же победили, чего таиться теперь?

— Победить-то победили, — задумчиво ответил маг, — но это наша первая победа, и опасность меньше не стала. Между Изенгардом и Мордором есть какая-то связь. Как они обменивались вестями, не знаю, но обменивались, это точно. Око Барад Дура сейчас обращено к Изенгарду и к Рохану. Чем меньше оно увидит, тем лучше.

Дорога шла вдоль Изена. Поднявшийся было

ночной туман разогнало холодным ветром. Почти полная луна заливала долину золотистым сиянием. Наконец холмы кончились, перед всадниками открылась обширная серая равнина.

Здесь они остановились, найдя защищенную от ветра лощину, заросшую вереском, густыми кустами терновника и боярышника. Под ними и развели костер.

Выставили двоих дозорных. Остальные, поев, завернулись в плащи и одеяла и уснули. Хоббиты расположились на куче папоротника. Мерри уже засыпал, а у Пиппина сон вдруг как рукой сняло. Он вертелся и ворочался, папоротник под ним шуршал и хрустел.

— Что случилось? — недовольно спросил Мерри. — Ты что, в муравейник угодил?

— Да нет. Неуютно как-то. Интересно, когда мы в последний раз спали в постели?

Мерри зевнул.

— Ну, посчитай по пальцам, когда ушли из Лориена.

— Да нет, — сказал Пиппин, — я про настоящую кровать, в спальне.

— Тогда у Элронда, — отозвался Мерри, — но сегодня я готов уснуть где угодно.

Пиппин помолчал, потом тихо-тихо заговорил:

— Везет тебе, Мерри. Ты ведь с Гэндальфом едешь.

— Ну и что?

— А он рассказывает тебе что-нибудь?

— Чуть больше, чем раньше, — усмехнулся в темноте Мерри. — Да ты ведь и сам все это слышишь, едешь же рядом, а у нас секретов никаких нет. Хочешь, поезжай с ним завтра сам, если он согласится…

— Правда? Вот здорово! Но он ведь все такой же скрытный? Ни чуточки не изменился?

— Еще как изменился! — Мерри наконец стряхнул сон, удивляясь, какая муха укусила его дружка. — Он вырос… или как там говорят… Он стал и мягче, и резче, и веселее, и значительнее. Конечно, изменился! Только мы еще не видели, насколько. Вспомни, что произошло с Саруманом. Ведь раньше он был поважнее Гэндальфа: глава Совета и все такое… Он был Саруман Белый, а Гэндальф сейчас Белый. Он велел — и Саруман вернулся, а ушел, когда ему позволили! А жезл? Помнишь: раз — и на куски!

— А по-моему, — упорствовал Пиппин, — из него теперь вовсе ничего не вытянешь. Взять хоть этот стеклянный шар. Ведь он рад ему. Он знает, что это, или догадывается. А нам ни словечка. А

ведь я же поймал его, спас, можно сказать. А он? «Эй, дружок, дай-ка сюда». И все. Что бы это могло быть? Он такой тяжелый… — хоббит говорил уже совсем тихо, точно сам с собой.

— Вот оно что, — протянул Мерри, — вот что тебе покоя не дает! Ты бы вспомнил присловье Гилдора, то, что Сэм любил повторять: «Не лезь в дела Мудрых, понять — не поймешь, а хлопот не оберешься».

— Но мы в последнее время только этим и занимаемся, — возразил Пиппин. — Я первым увидел этот шарик. Знаешь, как хочется еще раз на него посмотреть!

— Спи лучше, — посоветовал Мерри. — Надо будет — все узнаешь, ну не ко времени ты со своим любопытством.

— А что такое? Я всего лишь сказал, что хочу посмотреть на шарик. Я и сам знаю, что не получится. Гэндальф уселся на нем, как наседка на яйцах!.. А ты мне: «Спи спокойно — все узнаешь»!

— А чего ты ждешь? — сонно спросил Мерри. — Сочувствую, но придется потерпеть до утра. После завтрака я, может, тоже стану любопытным, тут-то мы все и выпытаем. А сейчас спать хочу, если я еще раз зевну, у меня рот лопнет. Доброй

ночи! — и он мгновенно заснул.

Пиппин долго лежал молча. Мысль о шаре не давала ему покоя. Он словно чувствовал в руках его тяжесть, видел в глубине таинственный красный огонь и тщетно пытался заставить себя думать о чем-нибудь другом. Наконец, не в силах больше бороться с собой, он тихонько встал и огляделся. Было холодно. Ярко светила луна, тени были черными как уголь. Кругом все спали; дозорных не было видно: либо они ушли на ту сторону холма, либо затаились среди кустов. Пиппин осторожно подошел к спящему Гэндальфу и пригляделся. Маг лежал спокойно, но Пиппин уловил блеск его глаз из-под неплотно сомкнутых ресниц и поспешно отступил. Гэндальф не шевелился, и хоббит медленно, словно против воли, снова подкрался к нему. Маг лежал на боку, укрывшись плащом, и одной рукой обнимал что-то круглое, завернутое в черную ткань. Другая рука, казалось, только что соскользнула с этого свертка.

Чуть дыша, Пиппин подкрался еще ближе, потом, став на колени, протянул руку, дотронулся до свертка и поднял его. Сверток оказался не таким тяжелым, как он ожидал. «Наверное, это что-то другое», — подумал он со странным чувством

облегчения, но обратно сверток не положил. Оглядевшись, он заметил поблизости круглый булыжник, с трудом дотянулся до него и поднял.

Быстро и осторожно он стянул со свертка темную ткань, завернул в нее булыжник и положил подле спящего. Теперь наконец он мог взглянуть на свою добычу. Вот он, этот шар, тусклый и гладкий, лежал у него на коленях. Пиппин торопливо завернул его в плащ и уже хотел вернуться к своему месту, но тут Гэндальф зашевелился во сне, пробормотал что-то, нащупал камень рядом с собой и, вздохнув, успокоился снова.

— Ох, и дурак же ты, Пиппин, — шепотом обругал себя хоббит. — Тебе что, неприятностей мало? Положи шар обратно! — ноги у него тряслись, и он чувствовал, что не посмеет больше приблизиться к спящему. — Не смогу я положить это обратно и не разбудить его. И что плохого, если я загляну в шар? Только не здесь, — он отполз в сторону и присел на кочку.

Положив шар на колени, хоббит склонился над ним, как ребенок над унесенным в свой уголок лакомством. Потом осторожно приоткрыл полу плаща и взглянул. Сначала шар был черным как смоль, только блики лунного света скользили по его поверхности. Потом внутри что-то засве-

тилось и стало двигаться. Пиппин уже не мог оторваться. Вскоре вся внутренность шара запылала, в нем перемещались какие-то огни. Потом они разом погасли. Пиппин отчаянно пытался отвести взгляд, но вдруг ахнул и начал клониться все ниже и ниже и, наконец, оцепенел. Губы у него беззвучно шевелились. Так прошло несколько минут. Неожиданно хоббит пронзительно вскрикнул и замертво упал на землю. На крик выбежали часовые, спящие проснулись, и всю стоянку охватило смятение.

— Так вот кто оказался вором! — воскликнул Гэндальф, поспешно закрывая шар плащом. — Это плохо!

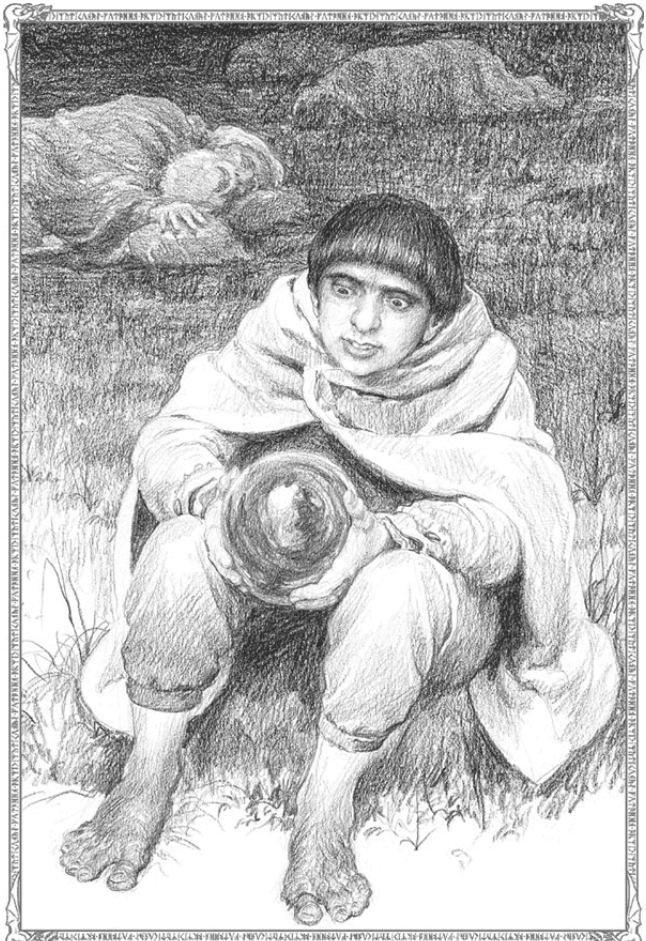
Пиппин лежал навзничь, оцепенев, глядя в небо невидящими глазами.

— Хотел бы я знать, какая беда с ним приключилась и только ли с ним?

Гэндальф был встревожен не на шутку. Он взял руку Пиппина, прислушался к его дыханию, потом приложил ладонь ко лбу. Хоббит затрепетал и закрыл глаза. Потом всхлипнул и сел, заслоняясь от чего-то руками.

— Это не для тебя, Саруман! — закричал он странным голосом, сдавленным и пронзительным, и рванулся прочь от склонившегося над

ним Гэндальфа. — Я пошлю за ним сейчас же. Ты понял? Скажи только это! — он забился, пытаясь вскочить, но Гэндальф крепко и осторожно держал его.



— Перегрин! — властно и мягко позвал он. — Вернись, Перегрин!

Хоббит обмяк и, падая, вцепился в руку мага. Потом открыл глаза. Взгляд у него был измученный и жалкий.

— Гэндальф! — вскрикнул он. — Гэндальф, прости меня!

— Простить? — переспросил маг. — Скажи-ка сначала, что ты наделал?

— Я… я взял шар… и смотрел в него, — жалобно залепетал Пиппин, — там было так страшно! Я хотел уйти, но не мог. А потом пришел Он, и Он спрашивал, и смотрел на меня, и… я больше ничего не помню…

— Этого мало, — сурово произнес Гэндальф. — Что ты видел, что ты сказал Ему?

Пиппин закрыл глаза и не отвечал. Все смотрели на него, только Мерри отвернулся. Лицо Гэндальфа заострилось, стало суровым и властным.

— Говори! — потребовал он.

Пиппин заговорил снова, тихим, дрожащим голосом, но постепенно его речь делалась все яснее и тверже.

— Сначала я видел темное небо и высокие башни, звезды… они были далеко. Потом звезды

начали исчезать и появляться, их заслоняло что-то большое, крылатое. Мне показалось, что вокруг башни вьются летучие мыши. Кажется, их было девять. Одна полетела прямо ко мне. Это был ужасный… нет! Я не могу сказать! Я боялся, что оно вылетит, и хотел все бросить, но оно закрыло весь шар, а потом вдруг исчезло, и появился Он. Он не говорил со мною, только смотрел, а я понимал все. Он спрашивал: «Почему ты не сообщал о себе так долго?» Я промолчал, и тогда Он опять спросил: «Кто ты?» Я опять не ответил, но мне стало очень больно, а Он все спрашивал, и тогда я ответил: «Я — хоббит». Тут он словно увидел меня и засмеялся. О-о! Это был такой страшный смех, словно тебя режут на части. Я хотел вырваться. Но Он сказал: «Погоди. Мы с тобою скоро увидимся. Передай Саруману, что этот орешек не по нему. Я сейчас же пошлю за тобой. Ты понял? Скажи только это!» — он так и впился в меня взглядом. Я чувствовал, что разваливаюсь на части… Нет, нет! Я не сказал больше ничего! Ничего больше не помню!

— Посмотри на меня! — приказал Гэндальф.

Пиппин взглянул ему прямо в глаза. Некоторое время Гэндальф молча пронизывал его взглядом. Потом лицо мага смягчилось, и в глазах появи-

лась тень улыбки. Он ласково потрепал Пиппина по голове.

— Хорошо! С тобой все в порядке. Ты не врешь, а это главное. Он, к счастью, недолго говорил с тобой. Ты дурачок, Перегрин. Будь ты поумнее, все могло бы кончиться куда хуже. Запомни теперь: твоя жизнь и жизнь твоих друзей спасена только благодаря счастливому случаю. Второй раз так не получится. Если бы Он допрашивал тебя подольше, ты выложил бы ему все, что знаешь, на погибель всем нам. Он поторопился. Он решил, что ты в руках Сарумана, и собрался, не торопясь, побеседовать с тобою в Черной Крепости. Нечего вздрагивать! Коли ты ввязался в дела мудрых, привыкай. Ну, хватит. Я прощаю тебя. Успокойся! Все обошлось не так уж плохо. Могло бы быть хуже.

Он осторожно поднял Пиппина и отнес его на ложе. Мерри подошел и сел рядом. Гэндальф постоял над ними, улыбаясь, но когда заговорил, голос у него был серьезным.

— Если у тебя опять станут чесаться руки, ты уж скажи мне сразу. От этого можно вылечить. Только никогда больше не суй мне булыжники под бок. Ну, отдыхайте теперь, если сможете.

Гэндальф вернулся к остальным, в тревоге сто-

явшим вокруг таинственного шара.

— Опасность пришла, откуда не ждали, — ворчливо сказал он. — Мы были на волосок от гибели.

— Что будет с Пиппином? — спросил Арагорн.

— Думаю, все обойдется, — ответил маг. — Его держали недолго, а хоббиты — народ крепкий. Он быстро все позабудет. Пожалуй, даже слишком быстро. Может, ты возьмешь Камень, Арагорн? Это опасное сокровище.

— Опасное, конечно, — промолвил Арагорн. — Но мне думается, я могу его взять по праву. Ведь это — Палантир Ортханка, когда-то хранившийся в Гондоре? Мой срок близок. Я возьму его.

Гэндальф пристально взглянул на Следопыта, взял закутанный шар и почтительно подал ему.

— Возьми, — сказал он, — но позволь дать тебе совет: не пользуйся им пока. Будь осторожен!

— А когда я был неосторожен за эти долгие годы? — горько спросил Арагорн.

— Да, пожалуй, не был. Тем обиднее оступиться в конце пути. Но прошу тебя, — маг положил руку на плечо Следопыту, — сохрани это в тайне. Прошу об этом и остальных. Ни в коем случае не говорите ничего Пиппину, а то он опять не выдержит. Ему нельзя было прикасаться к Кам-

ню даже там, в Изенгарде, или мне нужно было быть попроворнее. Но я был занят Саруманом и не сразу догадался, что это за штука. Зато теперь все прояснилось.

— Да, сомнений больше нет, — кивнул Арагорн. — Теперь мы знаем наконец, какая связь была между Мордором и Изенгардом. Многое стало ясным.

— Странными силами владеют наши враги, и странные слабости им присущи, — заметил Теоден. — Испокон веков говорится: «Зло часто побеждает самое себя».

— Так бывает, — согласился Гэндальф. — На этот раз нам невероятно повезло. Я даже думаю, что хоббит спас меня от страшной ошибки. Я готов был сам заглянуть в Камень, надо же было узнать, как он действует. Если бы я это сделал, я бы открылся Врагу. А я не готов к такому испытанию и не знаю, буду ли готов когда-нибудь. Но если бы даже у меня и хватило сил, в открытую выступать еще рано.

— А может быть, пора? — тихо спросил Арагорн.

— Нет, — так же тихо ответил маг. — У нас есть немного времени, его нельзя упускать. Враг, конечно, думает, что Камень в Ортханке: с чего

бы ему думать иначе? Значит, он считает, что хоббит в плену у Сарумана. Пока еще он поймет, что ошибся… Этим-то временем мы и должны воспользоваться. Мы и так слишком медлили. Окрестности Изенгарда не такое место, чтобы здесь задерживаться. Я сейчас уеду и возьму с собой Перегрина. Это будет для него полезнее, чем воровать волшебные Камни.

— А мы выступим на рассвете, — сказал Теоден.

— Это уж как решите, — ответил Гэндальф. — Только доберитесь до Хельмовой Пади побыстрее.

В этот миг яркий свет луны закрыла огромная тень. Некоторые из Всадников вскрикнули, закрывая головы руками. Слепой ужас и смертельный холод охватили их. Низко над ними промчалась огромная крылатая тень. Она описала широкий круг и быстрее ветра умчалась на север.

Всадники, бледные от ужаса, медленно приходили в себя. Гэндальф погрозил вслед тени кулаком.

— Назгул! — вскричал он. — Посланец Мордора! Они пересекли Реку, значит, буря близка! Советую не медлить и выступать, не дожидаясь

рассвета.

Он подхватил на руки Пиппина и позвал коня. Сполох тотчас примчался. Через секунду маг был уже верхом и кричал Арагорну:

— Прощай! Торопись! Вперед, Сполох!

Конь тряхнул гривой, распустил хвост, заблестевший в лунном свете и, сделав скачок, от которого зазвенела земля, исчез.

— Это надо же, какая спокойная ночь! — ворчал Мерри. Везет же некоторым. То им не спится и они таскают волшебные шары у магов, а те, вместо того чтобы превратить их в пень, берут наглецов с собой в путешествие…

Арагорн осадил его:

— Я не ручаюсь, что было бы лучше, если бы в Камень заглянул доблестный Мериадок. Что теперь говорить! Во всяком случае, если Гэндальф взял с собой Пиппина, тебе придется ехать со мной, и немедленно. Собирайся и захвати его вещи. Да поскорее!

Сполох летел по равнине. Казалось, его копыта совсем не касаются земли. Пиппин постепенно приходил в себя. Ему было тепло, а в лицо дул прохладный свежий ветер. Он был с Гэндальфом. Ужас перед Камнем и тенью, заслонившей луну, постепенно исчезал, таял, как туман или страш-

ный сон. Он застенчиво подергал мага за плащ.

— Я и не знал, что ты ездишь без седла и поводьев, — сказал он.

— Это же не простой конь, — ответил маг. — Не ты едешь на нем, это он решает, везти тебя или нет. И уж если решил везти, так сам присмотрит, чтобы ты не свалился.

— Он быстрый как ветер, да? — спросил Пиппин. — А как легко и мягко стучат копыта!

— Начался подъем, земля неровная. Но видишь, как приблизились Белые Горы? Вон там, у трех черных вершин, лежит ущелье, где позапрошлой ночью был бой, — объяснил маг.

Пиппин притих. Гэндальф что-то мурлыкал себе под нос на разных языках, какие-то короткие рифмованные строчки, а мили незаметно проносились мимо. В шуме ветра Пиппин смог разобрать слова:

Из погибшей земли, через дали морей
Те короли пронесли
Белое Древо, Семь Звезд, Семь Камней…

— Ты о чем? — спросил Пиппин.

— Вспоминаю Скрижали Знания… Хоббиты, поди, давно о них позабыли, если вообще знали…

— Вовсе нет, — ответил Пиппин. — Мы и свои

составляем, хоть кое-кому, может, они и неинтересны. Но о таком я не слышал. Какие Семь Звезд? Какие Семь Камней?

— *Палантиры* королей древности, — ответил маг.

— А что это значит?

Гэндальф ответил не сразу.

— Название это означает «видящий сквозь даль». Камень из Ортханка — один из них.

— Значит, его сделал не… не Враг?

— Нет. Не он. И не Саруман. Им это не по силам. Палантиры появились на Заокраинном Западе, в Эльдамаре, у Нолдоров. Быть может, их сделал сам Феанор, и было это так давно, что не нашими годами мерить. Но Саурон все способен обратить во зло. Один из этих Камней и соблазнил Сарумана. Опасны творения, если сила их создателя больше нашей собственной. Он сам виноват, конечно. Глупец! Он хранил его для себя одного, ни слова не говорил даже на Совете… Мы-то считали, что все Палантиры погибли. А нынешние эльфы и люди даже не знали о таких чудесах. Только среди дунаданов Севера еще помнят древнее знание…

— А что с ними делали в древности? — обрадованный разговорчивостью мага, спросил

Пиппин. Он боялся, что такое настроение долго не продержится.

— Камни Феанора давали возможность устанавливать мысленную связь и видеть через расстояния, — ответил Гэндальф. — Они долго объединяли земли Гондора. Такие Камни были в Минас Аноре, и в Минас Итиле, и в Ортханке. А самый главный из них находился в Звездной Башне в Осгилиате. В доме Элронда говорят, что остальные три были в Ануминосе, на Амон Сул и в Серебристой Гавани. Все Камни были связаны между собой, а тот, что хранился в Осгилиате, был связан со всеми. Выходит, палантир Ортханка уцелел… Вот только один, сам по себе, он показывает или очень дальние, или очень давние дела. Саруман погружал взгляд все дальше и дальше, пока однажды не заглянул в Барад Дур. И тут же был пойман! У Саурона в руках оказался, по-видимому, Камень из Минас Итиля. Жадность Сарумана оказалась очень удобным ушком, Саурон зацепил его, и с тех пор Камень Ортханка был настроен на Барад Дур. Он сразу переносит туда разум и взгляд всякого, кто в него посмотрит, если его воля не тверже алмаза. А как он влечет к себе! Разве я сам не чувствовал этого? Даже сейчас мне хочется испытать на нем волю,

посмотреть, не смогу ли я вырвать его из-под власти Врага и повернуть, куда захочу. Заглянуть через глубины времени и пространства и увидеть чудные руки и несравненный ум Феанора за работой, в те дни, когда Белое и Золотое Деревья стояли в цвету! — он вздохнул и умолк.

— Если бы я знал это раньше, — жалобно протянул Пиппин. — Я ведь понятия не имел о том, что делаю.

— Нет, понятия у тебя хватало, — возразил Гэндальф. — Ты знал, что поступаешь глупо и плохо. Но ты не послушал себя. Ну, что сделано, то сделано. Я и сам восстановил всю картину только сейчас, а расскажи тебе об этом раньше, тебя бы разобрало еще сильнее, и ты бы не устоял. А теперь, обжегшись, будешь умнее.

— Да уж, — содрогнулся Пиппин. — Будь тут все Камни сразу, я бы даже не посмотрел на них.

— Вот и хорошо, — одобрил Гэндальф, — на это я и рассчитывал.

— Но я хотел бы знать… — снова начал Пиппин.

— Пощади! — вскричал маг в притворном ужасе. — Чтобы насытить твое любопытство, мне до конца дней придется только и делать, что отвечать на твои вопросы. Ну ладно, выклады-

вай, — сжалился он, — что там у тебя еще?

— Мне хотелось бы знать имена звезд и всего живого и еще про землю, небо и море! — засмеялся Пиппин. — На меньшее я не согласен. Но так и быть, не обязательно сегодня. А пока скажи мне только, что это за черная тень? Зачем она летела в Изенгард? И почему она тебя так встревожила?

— Это крылатый Черный Всадник, назгул, — ответил маг. — Он собирался отнести тебя в Черную Крепость.

— Но он же не за мной летел? — жалобно пролепетал Пиппин. — То есть он не знал, что я…

— Конечно, нет, — успокоил его Гэндальф. — От Барад Дура до Ортханка двести лиг по прямой, а то и больше. Даже назгулу нужно время, чтобы преодолеть их. Саруман ждал вестей от своего отряда и уж, наверное, смотрел в Камень, а Враг тем временем свободно читал его мысли. Теперь Враг отправил гонца проверить, что делает Саруман. А после сегодняшних событий будет отправлен и другой. Тогда Саруман окончательно попадет в ловушку. У него нет пленника, чтобы отослать в Мордор, у него нет и Камня. Но Саурон решит только, что он держит пленника у себя и не хочет подходить к Камню. Саруману не оправдаться. Хотя Изенгард разрушен, но сам Саруман жив

и Ортханк цел. Значит, Саурон неминуемо определит его в мятежники. Саруман именно этого боялся, потому и отверг наши предложения. Что он будет делать теперь — неизвестно. Пока он сидит в Ортханке, он достаточно силен, чтобы выстоять даже против Девятерых Кольценосцев. Он может попытаться заманить посланца в ловушку или убить его крылатого коня. Хорошо ли это для нас, я тоже не знаю. Может быть, гнев на Сарумана спутает планы Врага. А может, Враг узнает, что я там был, что я стоял на ступенях Ортханка и со мною были хоббиты. Или что Наследник Элендила жив и стоял рядом со мной. Грима мог узнать его и в роханских доспехах. Вот этого я боюсь! И поэтому мы спешим не прочь от опасности, а навстречу ей. Каждый шаг Сполоха приближает нас к Стране Мрака, Перегрин!

Пиппин ничего не сказал, но задрожал так, что вынужден был вцепиться в плащ мага. Серая равнина мелькала под ними.

— Смотри! Показались долины Вестфолда. Вот развилка дорог. Вон то темное ущелье — Хельмова Падь. А там — Агларонд и Сверкающие Чертоги. Но о них ты лучше спроси у Гимли, если вы еще свидитесь. Самому тебе их не увидеть, зато Гимли может кого хочешь заговорить своими

восторгами.

— Я думал, мы остановимся в Пади, — сказал Пиппин. — Куда же мы теперь скачем?

— В Минас Тирит, пока война не захлестнула его.

— Ох! И далеко это?

— В три раза дальше, чем до дворца Теодена, — промолвил Гэндальф, — а по прямой до Эдораса сто миль. Но по прямой летают только посланцы Мордора. Сполоху предстоит более длинный путь. Кто окажется быстрее? На рассвете мы сделаем привал в какой-нибудь долине меж холмами. Надо отдохнуть. Надеюсь, что это будет в Эдорасе. Спи пока. Быть может, ты увидишь, как в первых лучах рассвета сияют золотые палаты Дома Йорла. А еще через два дня под тенью Миндоллуина тебе откроются белые стены Минас Тирита.

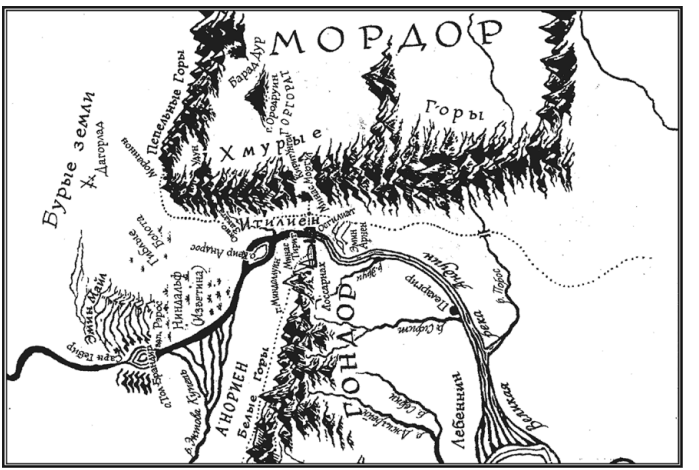
Вперед, Сполох! Лети, мой прекрасный конь, лети, как не летал еще никогда в жизни. Это твоя страна, здесь тебе знаком каждый камень. Лети же! Вся надежда на скорость!

Сполох тряхнул гривой и звонко заржал, словно отвечая призыву боевой трубы. Искры летели у него из-под копыт, а ночь струилась вокруг, как поток.

Пиппин постепенно засыпал, и ему казалось,

что они с Гэндальфом сидят неподвижно на статуе мчащегося коня, а весь мир проносится мимо, и сильный ветер шумит в ушах, как река.

Книга IV


МОРДОР
Горы
Хмурые
Бурые земли
Пепельные Горы
Барад-Дур
Горгорот
Дагорлад
Мертвецов
Удуне
Мертвецов
Удуне
Итилиен
Эмин Арнен
Эмин Муил
Анориен
Белые Горы
Гондор
Лебенин
Пеларгир
Пеларгир
Эйлен-Дайл
Минас-Тирит
Цитадель (Цветница)
Тарлангова Башня
Тарлангова Башня
Тарлангова Башня

Глава I
Укрощение Смеагорла

— Вот мы и в ловушке, — горестно вздохнул Сэм. Понурив голову, он стоял рядом с Фродо, вглядываясь в сгущавшиеся сумерки. Это был, наверное, третий вечер их одинокого пути. Они потеряли счет времени на этих голых каменистых склонах. Приходилось карабкаться, оступаясь и падая, возвращаться назад, снова искать дорогу и опять попадать в те же самые места. Но все-таки, хотя и очень медленно, они продвигались на восток. Временами они видели с отрогов хребта унылую равнину внизу, покрытую гиблыми болотами. Там не было заметно никаких признаков жизни.

Хоббиты стояли на краю высокого мрачного обрыва. Ущелье под ними скрывал туман, вершины утесов за спиной прятались в облаках. С востока налетал порывами холодный ветер. День кончался. Равнину впереди уже затопили густые тени. Островки зелени на ней потускнели и стали бурыми. Далеко справа погасли блики на волнах Андуина. В той стороне был Гондор, там остались друзья, но Фродо и Сэм смотрели

на юго-восток, туда, где на самом краю надвигающейся ночи смутно виднелась неровная стена — то ли неподвижные тучи, то ли далекие горы. Там, на границе земли и неба, мерцали красные сполохи.

— Вот, — сказал Сэм, — единственное место в мире, в которое я совсем не хотел бы попасть, а как раз туда-то нам и надо. Мало того, что нам надо туда, куда не надо, так мы еще никак не можем туда попасть. Мы плутаем и плутаем и никак не спустимся. Да и куда спускаться-то? Видно же, что на равнине сплошное болото. Даже здесь пахнет тиной.

— Да, — коротко ответил Фродо.

Он не шевелился, не в силах отвести глаз от темной стены на горизонте, только прошептал устало:

— Мордор! Если уж суждено попасть туда, то пусть это будет скорее, — он вздрогнул от ледяного ветра, пропитанного гнилостным болотным запахом. — Ладно, не стоять же здесь всю ночь. Поищем укрытие для ночлега, а завтра видно будет.

— А может, послезавтра, или послепослезавтра, — проворчал Сэм, — а может, и никогда. Наверное, мы сбились с пути.

— Это неважно, — странно ответил Фродо. — Я должен попасть в Страну Мрака, значит, и путь должен найтись, только бы не слишком поздно. Нас могла спасти лишь быстрота, а мы все плутаем в горах. Я уж думаю, не ведет ли нас злая воля Минас Моргула? Нужно было раньше расстаться с отрядом, обойти и хребет, и болота и выйти к мордорским перевалам. А теперь поздно. Позади орки, а мы теряем драгоценное время. Я устал, Сэм, и просто не знаю, что делать. Послушай, сколько у нас осталось припасов? — обеспокоено спросил он.

— Только лориенские лепешки, но их достаточно. Вот уж не думал, что эльфийская еда может приесться, но сейчас за кусок простого хлебца, да с кружкой пива, все бы, кажется, отдал. Ну, пусть не кружку, хоть полкружечки! У меня ведь и посуда с собой, да что от нее толку! Ни хвороста, ни дичи.

Быстро темнело. Они устроились во впадине между камнями. Спать было холодно, но камни все же защищали от пронизывающего восточного ветра.

Рано утром они уже сидели, дрожа, и утоляли голод эльфийскими лепешками. Сэм спросил:

— Ну что, появлялись ночью глаза?

— Нет, — ответил Фродо, — уже две ночи как их нет.

— Вот не жалко! От этих глаз у меня мороз по коже. Может, он, наконец, потерял нас, проклятый лиходейщик! Попался бы мне этот Горлум, я бы поговорил с ним по-своему.

— Надеюсь, случая у тебя не будет, — произнес Фродо. — Не знаю, как ему удалось нас выследить, но здесь, на камнях, нет ни следов, ни запаха, так что, может, он и потерял нас. Но я сейчас не о нем думаю, а о том, как бы нам выбраться из этого лабиринта. Хочется закрыться хоть чем-нибудь с востока. Плохо, когда только мертвые равнины отделяют нас от Тени. Она словно смотрит на нас! Идем. Надо искать спуск.

Но день снова прошел в бесконечных блужданиях по краю плоскогорья. Кроме тоненького свиста ветра, тишину здесь не нарушало ничто, но временами им чудились то отзвуки шлепающих шагов, то стук потревоженного камня. Стоило остановиться и прислушаться, как все замолкало.

Они пробирались по внешнему хребту Эмин Майл, вслед за ним забирая все больше к северу. Здесь было много раскрошенных временем каменных глыб, глубоких рытвин и трещин. Обходя

их, путники уклонялись то влево, то вправо и поэтому не сразу заметили, что нагорье медленно, но неуклонно понижается, спускаясь к равнине.

Наконец хребет резко свернул к северу, и глубокий провал преградил им путь. По ту сторону ущелья вздымалась огромная скала — серая, неприступная и ровная, словно обрезанная ножом. Надо было поворачивать: либо на запад, в середину нагорья, либо идти вниз, на восток.

— Придется спускаться в ущелье, — сказал Фродо. — Посмотрим, куда оно нас приведет.

— К обрыву, могу об заклад биться, — буркнул Сэм.

Ущелье вело и вело их по краю, временами на дне виднелись то чахлые березки, то кривые жалкие ели, убитые ледяным ветром. Видно, когда-то давно дно ущелья густо зеленело, но потом пришли стужа и мрак, и теперь лишь пни напоминали о прежнем.

Дойдя почти до конца ущелья, Фродо заглянул вниз и удивленно присвистнул.

— Смотри-ка, Сэм, похоже, мы здорово спустились. Дно-то не глубоко и не так круто, как раньше.

Сэм тоже посмотрел вниз.

— Оно конечно, — проворчал он, — если кто

умеет летать, к примеру, то и правда не глубоко. А если кто только ползает и прыгает — тому достаточно.

Фродо на глаз прикинул расстояние и решительно сказал:

— Все равно. Тут не больше восемнадцати фатомов. Надо попробовать.

— Нам хватит, — мрачно отозвался Сэм. — Я и смотреть-то с такой высоты боюсь, куда уж тут лезть…

— Посмотри, — не обращая на него внимания, говорил Фродо, — здесь не так круто, и склон в трещинах и выступах. Знаешь, если пробовать, то лучше сейчас. Кажется, гроза будет.

Туманную гряду гор на востоке накрыли черные тучи, от них к западу протянулись грязные перья. Поднявшийся ветер донес дальний раскат грома. В тучах сверкнула молния. Тревожно взглянув на небо, Фродо стянул поясом плащ, поправил сумку и направился к краю обрыва.

— Попробую, — сказал он.

— Ладно, — мрачно отозвался Сэм, — только сначала я.

— Почему ты? — удивился Фродо. — Ты ведь не хотел…

— Да я и сейчас не хочу, но лучше все-таки мне.

Ведь если я свалюсь сверху, нам обоим не поздоровится. А вам нельзя… — Сэм не договорил, сел на край обрыва, повернулся и приготовился спускаться. Вряд ли ему раньше доводилось отваживаться на столь отчаянно-безрассудный поступок.

— Стой, Сэм! Вот осел упрямый… — остановил его Фродо. — Ты же наверняка убьешься, даже под ноги не глядишь! — Он подхватил Сэма под мышки и вытащил наверх. — Подожди-ка здесь, потерпи немного.

Фродо растянулся на краю обрыва и, свесив голову, начал высматривать дорогу. Свет быстро мерк, хотя солнце еще не село.

— Рискнем, — наконец произнес он. — Я пройду здесь, да и ты сможешь, если не потеряешь голову.

— Попробуй тут не потерять, — проворчал Сэм. — Дна-то не видно, вон как стемнело. А если там не за что будет зацепиться?..

— Вернусь обратно, — коротко ответил Фродо.

— Легко сказать, — гнул свое Сэм. — Давайте уж до утра подождем.

— Нет! — в голосе Фродо слышалось непонятное упорство. — Мне дорог каждый час, каждая минута. Я попробую спуститься. А ты не ходи за

мной, пока не позову!

Он уцепился за выступ и легко соскользнул вниз, нащупывая ногами опору.

Быстро темнело. Грозовая туча с востока уже накрыла небо.

— Шаг первый, — сказал Фродо, — здесь уступ расширяется вправо. Я уже могу стоять, и я… — Фродо замолчал, и в тот же миг прямо у них над головами небо раскололось и ослепительная прямая молния ударила в камни неподалеку. Вслед за ужасным раскатом грома в мгновенной тишине сверху упал протяжный пронзительный вопль. Если в лесах Шира он заставил хоббитов оцепенеть, то здесь, в этой каменистой пустыне, Сэму показалось, что он сейчас умрет от невыразимого ужаса. Он упал ничком, стараясь закрыться от всего, не видеть и не слышать.

Пытаясь зажать руками уши, Фродо невольно выпустил опору, пошатнулся, вскрикнул и сорвался вниз.

Сэм заставил себя подползти к краю и окликнуть Фродо. Ответа не было. Пересиливая нарастающую дрожь, он с трудом крикнул снова, но порыв ветра затолкал крик обратно в горло.

Фродо не упал в ущелье, а скользнул вдоль стены и угодил на другой карниз пятнадцатью фу-

тами ниже. К счастью, край выступа поднимался, а порыв ветра вжал хоббита в скалу; падение ему не грозило. Он распластался, прижавшись лицом к холодному камню, чувствуя, как колотится сердце, и попытался взять себя в руки. Вокруг был непроницаемый мрак — то ли сгущалась мгла, то ли он ослеп от вспышки. Он услышал, как Сэм зовет его, и слабо ответил:

— Я не могу… Здесь не за что ухватиться… и не видно ничего.

— Как мне вам помочь? — в отчаянии крикнул Сэм, перегнувшись через край и начисто забыв о своей боязни высоты. Почему Фродо ничего не видит? Темно, конечно, но не настолько же… Он-то видит Фродо: вон маленькая серая фигурка прижалась к скале… Но рукой до него не дотянуться…

С новым раскатом грома хлынул ливень. Дождь с градом обрушился слепящей стеной, глухо застучал по камням, обжигая холодом.

— Я спущусь к вам! — крикнул Сэм. Что это даст, он и сам не знал.

— Нет, нет, подожди! — голос Фродо прозвучал тверже и увереннее. — Мне уже лучше. Подожди! Тут нужна веревка…

— Веревка! — радостно завопил Сэм. — Да та-

кого дурака, как я, стоит на ней повесить другим в назидание! Старик мой всегда повторял: «Олух ты, Сэм, и больше никто!» Веревка-то…

— Хватит причитать! — прикрикнул Фродо. Он немного пришел в себя, и вопли Сэма одновременно смешили и раздражали его. — Слышал я про твоего старика! Ты хочешь сказать, что в твоих карманах и веревка завалялась? Так доставай ее!

— Да в сумке она у меня! — никак не мог успокоиться Сэм. — Таскал-таскал и вдруг забыл, надо же!

— Займись делом и дай мне конец!

Сэм торопливо вытряхнул сумку. Веревка лежала на самом дне. Серебристо-серая, мягкая, шелковистая веревка из Лориена! Размотав ее, он бросил конец Фродо.

Фродо заметил тонкую, слово светящуюся нить. Окружавший его мрак поредел. Он задержал взгляд на веревке, и ему стало спокойнее… Дотянувшись до нее, Фродо обвязался и с помощью упиравшегося изо всех сил Сэма вскарабкался наверх.

Гром грохотал в отдалении, а холодный ливень хлестал по-прежнему. Меж валунов вспухли пенистые потоки, а с каменных карнизов лило,

словно с крыш.

Отыскав щель в скале, чтобы хоть как-то укрыться от разбушевавшейся стихии, они сели, прижавшись друг к другу.

— Меня бы сейчас там смыло, — дрожа, проговорил Фродо. — Как здорово, что ты вспомнил о веревке!

— Здорово было бы, если бы я вспомнил о ней пораньше, — виновато вздохнул Сэм. — Я своими глазами видел, как эльфы клали ее в лодку, и взял один моток, уж очень она мне понравилась. Хэлдир еще сказал тогда: «Она на все годится». Вот и пригодилась!

— Надо и мне было взять, — с сожалением произнес Фродо. — Но я слишком торопился уйти от отряда. Интересно, а хватит ли ее, чтобы спуститься?

Сэм измерил веревку на руке.

— Тридцать локтей, — сообщил он. — С виду тонкая, но выдержит много. А мягкая, легкая какая! Одно слово — эльфийская.

— Тридцать локтей, — задумчиво повторил Фродо, — думаю, хватит. Надо попробовать.

— Дождь почти кончился, — ответил Сэм, — но впотьмах лучше не рисковать. Я как вспомню этот вопль… — он содрогнулся. — Вроде как Чер-

ный Всадник, только сверху. Это что же, они уже и летать научились? Лучше дождемся утра.

Фродо поднялся на ноги.

— Знаешь, Сэм, мне больше невмоготу сидеть здесь, на виду у Темной Страны.

Гроза стихала. Небо на востоке расчистилось. Мрачная мысль Саурона ненадолго задержалась на этой местности и сосредоточилась на долине Андуина. Теперь там бушевала настоящая буря, и воды Великой Реки хлестал ливень. Минас Тирит померк под тучами. Гроза накрыла Гондор, дотянулась до границ Рохана, и Всадники, спешившие на запад, видели позади тонущее в мрачных клубах солнце. Но здесь, над каменистой пустыней, над гнилыми болотами, вечернее небо в тишине стало глубоким темно-синим озером, и в нем проглядывали первые бледные звезды.

— Как хорошо опять видеть — сказал Фродо, полной грудью вдыхая посвежевший воздух. — Я ведь думал, что ослеп — от молнии или от чего похуже… Совсем ничего не видел, пока не спустилась эта веревка. Она словно светилась…

— Как серебро в ночи, — подтвердил Сэм. — Раньше я этого не замечал. Правда, и не вспоминал ее с самого Лориена… — Он помолчал, а потом спросил: — А как мы по ней спускаться будем?

Фродо с минуту подумал.

— Вот что, Сэм. Привяжи-ка ее к этому пню. Будь по-твоему, иди первым. Я стану потихоньку отпускать веревку, тебе придется лишь отталкиваться, чтобы не ушибиться о скалу. Правда, если найдешь опору и дашь мне передохнуть, это будет очень кстати. А когда спустишься, пойду я. Со мной уже все в порядке.

Спускаться оказалось вовсе не так трудно, как Сэм думал. С веревкой было не страшно, хотя иногда он все же зажмуривался, чтобы не смотреть вниз. В одном месте скала вдруг стала отвесной, а потом подалась вглубь; несколько раз он срывался и повисал, как паук на паутине, но Фродо наверху страховал его, и Сэм благополучно добрался до подножия обрыва. Веревки хватило с запасом.

— Готово! — крикнул он наверх. Фродо хорошо слышал его голос, но как ни вглядывался — серый плащ Сэма совершенно сливался с камнями внизу.

Самому Фродо спускаться было труднее. Наверху теперь никого не было. Сначала он не очень-то доверял веревке, но, сорвавшись и повиснув дважды, успокоился и так же благополучно оказался на дне.

— Ну вот, — воскликнул он, — вот мы и вырвались! — Но тут же приуныл. — А дальше что? Как бы не пришлось скоро пожалеть, что у нас под ногами не твердый надежный камень.

Не отвечая, Сэм смотрел наверх.

— Вот это да! — сказал он. — Веревка там, а мы здесь. Во-первых, жалко, а во-вторых, мы как будто специально оставили ее для этого поганца Горлума.

— Уж что-нибудь одно, — засмеялся Фродо, — или спускаться, или оставаться с веревкой наверху.

— Жалко, — покачал головой Сэм. — Веревка все-таки не простая, эльфийская. Может быть, сама Владычица своими руками ее свила… Галадриэль! — прошептал он и слегка дернул веревку на прощанье.

К их несказанному удивлению, веревка соскользнула с обрыва и мягкими петлями упала Сэму на голову.

— Так, — Фродо с трудом сдержал улыбку. — А

я-то доверил жизнь твоему умению вязать узлы! Как это она еще раньше не развязалась!

Сэму было не до смеха. Он обиженно ответил:

— Может, я и не мастак лазать по горам, но в узлах разбираюсь. Это у нас в роду, еще от прадедушки. Такой узел никогда сам не развяжется…

— Значит, о камень перетерлась, — предположил Фродо. — Давай посмотрим.

Веревка оказалась совершенно целой. Сэм долго ее осматривал, ощупывал, даже обнюхал, хмурясь и качая головой, а потом сказал:

— Как хотите, сударь, а вязал я ее крепко. Она сама вернулась, когда я вспомнил Владычицу Лориена.

Он свернул веревку и бережно уложил ее в сумку.

— Ладно, главное — она вернулась, — согласился Фродо. — Давай подумаем, что делать дальше. Скоро ночь. Ох, как чудесны звезды!

— Душа радуется, — подтвердил Сэм, глянув вверх. — В них есть что-то эльфийское. А месяц уже подрос, свету прибавилось.

— Все же по болотам лучше идти в полнолуние, — проговорил Фродо.

В наступивших сумерках они продолжали путь. Вскоре место недавнего спуска уже не разглядеть

было на фоне темной скалы.

— Хорошо, что веревку мы прихватили, — сказал Сэм, оглядываясь назад. — Пусть его поломает голову, как мы спустились, пусть пошлепает своими лапами по острым скалам.

Идти было трудно. Во-первых, склон был довольно крут, а во-вторых, полно камней, мокрых и скользких после прошедшего дождя. Уже через несколько минут путь им преградила новая широкая расщелина. Дна не было видно, только слышалось слабое журчание: внизу тек ручей. Нечего было и думать найти обход в темноте.

Как Фродо ни хотелось поскорее выбраться отсюда, пришлось искать место для ночлега. Они долго бродили у подножья утесов, пока не свалились от усталости с подветренной стороны огромного валуна. Луна стояла уже высоко, и застывший каменный мир вокруг был залит неверным серебристо-серым светом.

— Возьми мое одеяло, Сэм, и спи, а я покараулю. Мне плохо спится последние дни. Я… — Фродо замолчал и схватил Сэма за руку. — Смотри! Что это там, наверху?

Сэм взглянул и чуть слышно свистнул сквозь зубы.

— Это Горлум, — сказал он. — Все-таки вы-

следил нас. Ну и мерзкая тварь! Точно паук на стене.

Отвесная каменная стена неподалеку выглядела совершенно гладкой в лунном свете. По ней, растопырив тонкие лапы, медленно спускалось что-то и впрямь похожее на огромного паука. Издали на скале было не различить ни щелей, ни выступов, поэтому казалось, что Горлум ползет, как муха, да еще вниз головой! Голова иногда приподнималась, словно принюхиваясь, тогда в лунном свете поблескивали большие глаза.

— Интересно, видит он нас? — прошептал Сэм.

— Не знаю, — так же тихо ответил Фродо. — Вряд ли. Мы в плащах. Я тебя-то еле вижу. Странно: он же никакого света не любит, ни солнечного, ни лунного. Видеть не видит, а вот услышать или учуять может. И слух, и чутье у него очень хорошие. А мы с тобой недавно такой шум подняли. Да и сейчас разговаривали слишком громко.

— Ну все, — сказал Сэм. — Он мне надоел, и на этот раз я его не упущу. — Надвинув капюшон на лицо, Сэм начал потихоньку красться к подножью скалы.

— Осторожно! — прошептал Фродо, следуя за ним. — Он опаснее, чем кажется.

Горлум был уже футах в пятидесяти от подно-

жия утеса. Хоббиты наблюдали, притаившись за большим камнем. Видно, скалолазу попалось сложное место, некоторое время он принюхивался и сердито шипел. Потом пополз дальше, и Фродо с Сэмом расслышали:

— Ссс! Осторожнее, моя прелесть! Тишше едешь — дальше будешшь. Не сспеши, не сломай себе шшею! — Он поднял голову, взглянул на луну и тут же зажмурился. — Гадкий, гадкий свет! — зашипел он. — Он сследит за нами! У нас болят от него глаза, горлум, горлум!

Продолжая спускаться, Горлум шипел все громче:

— Где наша прелесть? Оно нашше, нашше, мы хотим его! Ссс! Мерзкие воры! Куда они подевали нашу прелесть? Мы иххх ненавидим!

— Что это за «прелесть»? — шепнул Сэм. — Неужели он…

— Тихо! — остановил его Фродо. — Он близко, может услышать.

Горлум и в самом деле остановился и завертел головой, прислушиваясь и прикрыв огромные глаза. Сэм, едва сдерживая себя, с гневом и отвращением рассматривал это странное существо.

Наконец Горлум оказался футах в десяти от земли, прямо у них над головами. Дальше шла со-

вершенно отвесная стена, никакой опоры на ней не было. Горлум попытался развернуться ногами вперед, но не удержался и с визгом рухнул вниз, поджав, как паук, лапы.

Сэм выскочил из-за камня и в два прыжка оказался возле упавшего. Но даже в эту минуту, ошеломленный ударом о землю, Горлум успел схватить и обвить Сэма руками и ногами, как спрут. Липкие пальцы нащупывали Сэмово горло, а в плечо впились острые зубы. Сэм растерялся и боднул Горлума головой в лицо. В ответ раздалось яростное шипение, но хватка не ослабла.

Будь Сэм один, ему пришлось бы туго. Но Фродо с Шершнем в руках схватил Горлума за волосы и запрокинул его голову.

— А ну, отпусти, — сурово приказал он. — Смотри! Ты уже видел Шершень, а теперь можешь попробовать.

Глаза Горлума, еще секунду назад горевшие злобным огнем, погасли, руки разжались, и он упал на землю, как старая тряпка. Сэм вскочил на ноги, держась за плечо, и наверное, пришиб бы Горлума, но его враг, поскуливая, елозил перед ним по камням.

— Не трогай нассс! Не трогай! Они ведь не тронут насс, такие славные хоббиты! Нам так плохо,

горлум! Мы никого не трогали, а они прыгают на насс, как на мышшь… Пусть они нас пожалеют, а мы будем хорошшие, хорошшие…

— Что с ним делать? — свирепо спросил Сэм. — Связать и бросить здесь, чтобы больше не шпионил за нами!

— Не надо! — взмолился Горлум пуще прежнего. — Это ссмерть для нассс! Нельзя нассс связывать, нельзя, горлум, горлум! Мы можем умереть здессь!

Отчаянно рыдая, он подполз к ногам Фродо.

— Нет, убивать его мы не вправе, — неожиданно произнес Фродо. — Этот несчастный… он ничего не сделал нам.

— Не сделал? — Сэм потирал плечо. — Но хотел сделать, да и сейчас хочет. Задушить нас во сне задумал, поганец!

— Может быть, — задумчиво ответил Фродо, — но это другое дело…

Горлум притих и жалобно поглядывал на него, а в памяти Фродо звучали давние слова: «Какая жалость, что Бильбо не убил тогда эту подлую тварь! — Жалость? Именно Жалость и остановила его. Жалость и Милосердие: нельзя убивать без нужды. — Вот уж кого мне ничуть не жаль. Он заслуживает смерти! — Верно. Заслуживает.

И не только он. Многие из живущих заслуживают смерти, а многие из умерших — жизни. Ты можешь вернуть им жизнь? То-то же. Тогда не спеши осуждать и на смерть. Никому, даже мудрейшим из мудрых, не дано видеть все хитросплетения судьбы».

— Да, — сказал Фродо. Сэм с удивлением посмотрел на него. — Вы видите, — продолжал Фродо, глядя на запад. — Я боюсь, но мне жаль его. Он жалкий. Я не хочу убивать.

Горлум поднял голову.

— Да, бедные мы, жжалкие, — проскулил он, — хоббиты хорошшие, они не будут нас убивать.

— Нет, не будем, — произнес Фродо, — но и не отпустим, не надейся. Слишком ты хитер и злобен, поэтому пойдешь с нами, а мы уж за тобой присмотрим. Только услуга за услугу. От тебя потребуется кое-какая помощь.

Горлум опасливо встал на ноги.

— Да, да, мы сссоглассны. Мы пойдем вместе с добрыми хоббитами, найдем для них тропы в темноте, вссе сделаем. Только вот куда они идут в этихх гиблыхх холодных местах, мы хотим знать. — В его бледных часто мигающих глазах промелькнула злобная искорка.

Сэм хотел было ответить, но сдержался. По тону

Фродо он понял, что происходит нечто важное, и решил не вмешиваться. И все-таки слова Фродо поразили его.

Глядя прямо в бегающие глаза Горлума, Фродо раздельно произнес:

— Ты уже догадался, Смеагорл, куда мы идем. И ты знаешь туда дорогу. Мы идем в Мордор.

При этих страшных словах Горлум рухнул как подкошенный, зажимая уши руками.

Сэм с трудом разобрал его шипение.

— Ссс! Да, догадались, мы догадались, — шептал он. — Не надо, не надо ходить туда! Там только пепел, пепел и жажда, там ямы, сстрашные орки, тысячи орчищев! Не надо ходить туда, добрые хоббиты не пойдут, нет, они пожалеют бедных нассс!

— Значит, ты был там? — сурово спросил Фродо. — И тебя опять тянет туда?

— Нет! — вскричал Горлум и сник. — Да, был, один раз, только один раз, случайно, разве не так? Но мы не хотим, мы не вернемся туда больше, нет, нет!

Вдруг голос у него изменился, и Сэм с Фродо не сразу поняли, что он, жалобно всхлипывая, разговаривает не с ними, а с кем-то другим.

— Отпустите, отпустите меня, горлум! Мне

больно, не надо так больно! О, мои бедные руки! Я не хочу, мы не хотим. Я устал. Его нигде нет, нигде, горлум, горлум! О-о, они там не спят, гномы, и люди, и страшные эльфы с такими яркими глазами! Я не могу…

Он вскочил, сжал длинные костлявые пальцы в кулак и погрозил востоку.

— Мы не хотим! — крикнул он. Лицо его исказила судорога. — Мы не можем дать тебе… — И снова, упав на колени, взмолился: — Не смотри на нас, горлум, горлум, не ссмотри так, не надо! Уйди, закрой глаза, усни!

— Нет, Смеагорл, — прервал его Фродо, — тебе не уговорить его уйти, и не заснет он, как бы ты ни просил. Но если хочешь избавиться от него навсегда, помоги мне, покажи дорогу в его страну. Обещаю, что не поведу тебя дальше.

Горлум сел, исподлобья оглядел хоббитов и прохрипел:

— Дорогу? Он там, он всегда там. Спросите у орков, они знают, они покажут вам дорогу, а Смеагорла не просите. Бедного Смеагорла нет, он давно ушел, пропал. У него отняли сокровище, и он пропал.

— Но если ты пойдешь с нами, мы найдем его, — сказал Фродо.

— Нет, никогда! Он потерял сокровище, — стонал Горлум.

— Встань! — резко приказал Фродо. Сэм снова удивленно взглянул на него.

Горлум встал и попятился, пока не уперся спиной в скалу.

— Вот так лучше, — сказал Фродо. — Ты понял? Мы договорились. Когда тебе лучше идти, днем или ночью? Хоть мы и устали, но, если тебе удобней ночью, мы отправимся сейчас же.

— От света у нас болят глаза, — проскулил Горлум, — не надо идти под Белым Ликом, не надо. Пусть он опустится за холмы. Пусть добрые хоббиты пока отдохнут.

— Тогда садись, — приказал Фродо, — сиди и не двигайся.

Сами хоббиты сели по обе стороны от Горлума, опершись спиной о камни и вытянув усталые ноги. И не говоря друг другу ни слова, оба знали, что спать не придется.

Луна медленно клонилась к закату. Потемнело. В небе разгорелись звезды. Текли минуты, никто из троих не шевелился. Горлум сидел в странной позе: подбородок на согнутых коленях, руки расслабленно распластаны по земле. Но по напряженной спине видно было, что он не спит.

Из-под полуприкрытых век Фродо взглянул на Сэма. Сэм понял его. Они поудобней облокотились на камни и закрыли глаза, вернее, притворились, что закрыли. Вскоре послышалось их ровное дыхание. Через несколько минут руки Горлума слегка пошевелились, голова чуть заметно повернулась вправо, потом влево, приоткрылся один глаз, за ним — другой. Хоббиты будто ничего не замечали.

Внезапно Горлум, как кузнечик, прыгнул вперед. Именно этого от него и ждали. Не успел он сделать и шагу после прыжка, как Сэм бросился ему на плечи, а Фродо дернул за ноги.

— Давай веревку, Сэм!

Сэм достал веревку и ехидно осведомился:

— Куда это вы собрались, дражайший Горлум, в этих гиблых, холодных местах? Мы хотим знать, да! Уж не к приятелям ли оркам? У-у, гнусная тварь! — замахнулся он на Горлума. — Сейчас вот надену веревку на твою тощую шею, да затяну покрепче, поди, перестанешь прыгать!

Горлум даже не пытался вырваться. Он только метнул на Сэма быстрый злобный взгляд.

— Постой, Сэм, — остановил друга Фродо. — Не надо его вязать. Ему же придется идти. Привяжи его за ногу, чтобы не мог сбежать, и все.

Он не сводил глаз с Горлума, пока Сэм затягивал хитрый узел на тощей, но жилистой ноге пленника. Но ни он, ни Сэм не могли представить, к чему это приведет. Едва лишь узел охватил лодыжку, как Горлум пронзительно и противно заверещал, а потом начал корчиться, пытаясь достать веревку зубами. И визжал при этом не умолкая.

Приглядевшись, Фродо понял, что ему действительно больно. Но узел не мог быть причиной. Веревка охватывала ногу совсем слабо. Сэм только грозился затянуть ее покрепче.

— А ну, замолчи! — прикрикнул Фродо. — Никто тебе больно не делал. Если бы ты не думал удирать, не надо было бы и привязывать тебя.

Горлум, не слушая его, верещал пуще преж-

него.

— Жжется, кусается! — вопил он. — Это эльфы, это они ее сделали, погибель на них! Злые хоббиты, они знаются с эльфами, эльфы страшные, страшные! Снимите, снимите ее! — он совсем зашелся от крика.

— Ах, вот оно что, — понял Фродо и призадумался. — Ладно, мы ее снимем. Но ты пообещаешь — и пообещаешь так, что я поверю тебе…

— Обещаю! Все, что хотите! — заорал Горлум. — Все обещаю! Больно!

— Простого обещания мало, поклянись, — приказал Фродо.

Горлум разом смолк. Его широко раскрытые глаза вспыхнули и остановились на Фродо.

— Смеагорл, — вдруг отчетливо произнес он, — Смеагорл поклянется на Сокровище.

Фродо резко выпрямился, и Сэма снова поразил его строгий властный тон.

— Ты осмеливаешься клясться на Сокровище? Подумай! «…И единою черною волей сковать…» Этим ты клянешься? Оно извратит твою клятву и вовек не отпустит тебя. Остерегись!

Горлум припал к земле.

— На Сокровище, на Сокровище, — твердил он.

— Ну и в чем ты клянешься? — спросил Фродо.

— Быть очень-очень хорошим, — быстро проговорил Горлум. Он проворно подполз и обнял ноги Фродо. Его трясло от собственных слов, когда он говорил:

— Смеагорл клянется, что никогда-никогда не отдаст Сокровище Тому, который там… — В глазах его снова плеснулся ужас. — Смеагорл убережет Сокровище. Но пусть ему покажут Сокровище, он будет клясться.

— Нет, — сурово произнес Фродо, глядя на него сверху вниз. Но в голосе его звучало и сострадание. — Ты хочешь увидеть свою Прелесть, хочешь прикоснуться к ней, но ты же знаешь, — Оно отнимет у тебя разум, Оно подчинит тебя своей воле. Нет, ты не будешь клясться на Нем. Ты ведь знаешь, где Оно? Знаешь, Смеагорл. Так вот, поклянись Им, Оно здесь, перед тобой!

На миг Сэму почудилось, что Горлум съежился, а его друг, наоборот, вырос и принял облик могучего Владыки, укрывшегося серым облаком, чтобы скрыть свое величие. Возле его ног повизгивал маленький щенок. Но тем не менее что-то сближало их.

Горлум приподнялся и начал ластиться к Фродо, поглаживая его колени.

— Довольно! — раздался властный голос, и Сэм

уже не удивился. — Клянись!

— Мы клянемся, — униженно забормотал Горлум, — нет, я, я клянусь служить хозяину Сокровища. Добрый хозяин, добрый Смеагорл, — тут он заплакал и снова начал хвататься за лодыжку.

— Сними веревку, Сэм, — распорядился Фродо.

Сэм неохотно повиновался. Тотчас же Горлум вскочил и начал носиться кругами, как собачонка, которую наказали, а потом опять погладили. Теперь он почти не шипел, не скулил и обращался уже не к себе, а к своим спутникам. Когда они приближались, он еще вздрагивал, съеживался и всячески старался не касаться эльфийских плащей, но казался дружелюбным и даже трогательным в попытках понравиться. Он хрипло хохотал, подпрыгивал при всякой шутке и просто ласковом слове Фродо и плакал, если Фродо отталкивал его. Однако Сэм по-прежнему был настороже. Этот новый Горлум-Смеагорл нравился ему еще меньше.

— Ладно, Горлум, или как тебя там, — проворчал он, — хватит! Луна зашла, ночь проходит. Пора идти.

Горлум с восторгом увивался вокруг.

— Идемте, идемте, — приговаривал он. — Я знаю, знаю дорогу. Орки там не ходят, орки

не знают, они не любят болот, они обходят их. А мы пойдем там, там хорошо, я знаю. Идите за Смеагорлом. — Он припустился вперед, встал, оглянулся, как пес, приглашающий на прогулку.

— Стой, погоди! — крикнул Сэм. — Не так быстро. Я пойду сзади, и веревка будет у меня наготове.

— Нет, — неожиданно серьезно и даже чуть торжественно ответил Горлум, — Смеагорл обещал.

Некоторое время они шли на север, потом круто повернули вслед за Горлумом и начали спускаться прочь от обрывов и круч к болотам внизу. Через несколько минут все трое растаяли в темноте.

На обширной пустынной местности, простирающейся до самых Ворот Мордора, лежало черное безмолвие.

Глава II
ЧЕРЕЗ БОЛОТА

Горлум двигался полусогнувшись, вытянув шею и то и дело опускаясь на четвереньки — но двигался быстро. Хоббиты не могли за ним угнаться, но, похоже, он больше не помышлял о бегстве. Когда Фродо с Сэмом отставали, он останавливался и поджидал их. Довольно скоро путь опять преградила та самая расщелина, с которой они сражались накануне, только теперь они были заметно ниже.

— Вот, — сказал Горлум, — здесь мы спустимся. И пойдем все дальше, дальше, — туда, — он махнул рукой в сторону болот на юго-востоке. Болотный запах, дурманящий и тяжелый даже в холодном ночном воздухе, тут же с новой силой напомнил о себе.

Горлум порыскал вдоль края расщелины, остановился и подозвал хоббитов.

— Нам сюда! Смеагорл уже ходил здесь, я ходил здесь, я прятался от орков.

Один за другим — Горлум впереди — они спустились на дно. Это было не трудно — глубина не

превышала пятнадцати футов. Внизу струился ручеек. Множество таких маленьких потоков бежало с нагорья и терялось в стоячих озерцах и болотах внизу. Горлум свернул вправо — теперь они шли на юг — и с удовольствием зашлепал по воде. Он даже принялся напевать что-то, хихикал и подмигивал, толкуя о «сладких рыбках».

Каменюки и колючки
Так кусают наши ручки
И терзают ножки,
Скалы дыбятся, как гвозди,
Как обглоданные кости,
Где мясца ни крошки.
Но бежит ручей прохладный,
Нашим ноженькам приятный…
Что бы мы хотели?

— Что бы мы хотели? — И он бросил на хоббитов долгий взгляд. — Сейчас скажем. Тот-то, прежний, давно догадался… — В глазах Горлума вспыхнул огонек, очень не понравившийся Сэму.

В промозглой тьме живет она,
Как смерть, скользка и холодна,

Одета в панцирь из монет,
Но если тронешь — звона нет,
Она всегда в воде живет,
Но в рот ни капли не берет.
Ты так прохладна, так нежна!
Ты так приятна, так нужна!
И встреча будет так сладка,
Когда кусну тебя слегка!
Чудесно думать о еде!
Рыбешка! Рыбонька! Ты где?

Последние слова лишь усилили тревогу Сэма. С того момента, как он понял, что Фродо собирается взять Горлума в проводники, его мучил вопрос: как некоторые из них будут питаться? Может, Фродо думать об этом и ни к чему, но Горлум-то должен был добывать себе пропитание, иначе как бы он вынес свое одинокое путешествие? «Впрочем, плохо вынес, — решил Сэм. — Вон ведь: кожа да кости. И не привереда — не откажется закусить хоббитом, если рыбки не будет. Ну, хоббит ведь не рыбка, его так просто не словишь. Уж Сэма-то ему во всяком случае не достать».

Они ковыляли по извилистой расщелине очень

долго, а может, так казалось усталым ногам хоббитов. Горлум, наоборот, не выказывал признаков усталости, но, как только небо посветлело, остановился и сел.

— День близко, — прошептал он так, словно день сидел за соседним камнем и мог подслушать его. — Смеагорл подождет… я подожду здесь, здесь можно укрыться от страшного Желтого Лика.

— Я бы не прочь увидеть солнце, — признался Фродо, — но мы будем ждать вместе с тобой. Я так устал, что все равно не могу идти.

— Нет, нет, не надо Желтого Лика, — всполошился Горлум. — Он покажет нас оркам. Их много кругом, они далеко видят. Славные хоббиты спрячутся вместе с нами, а потом, когда не будет Желтого Лика, мы пойдем дальше.

Они долго сидели на камнях, разбросанных по берегу ручья. Горлум бродил по воде, плескался и фыркал.

— Надо поесть, — сказал Фродо, — а то так мы недалеко уйдем. Эй, Смеагорл! — позвал он. — Иди сюда, поешь с нами.

При упоминании о еде в глазах Горлума зажегся яркий зеленый огонь. Он мгновенно вернулся к прежней Горлумовой манере.

— Да, мы совсем отощали, наша прелесть, — за-

вел он. — А что они будут кушать? Рыбешку? — Он облизнулся. Бесцветные губы приоткрылись, обнажив острые желтые зубы.

— У нас есть только вот это, — Фродо вынул эльфийскую лепешку, — да вода, если здешнюю можно пить.

— Ссславная водичка, — ответил Горлум, — пейте, пейте, пока можно. А что там такое, хрустящее, сладкое?

Фродо отломил кусок и протянул ему вместе с листьями. Горлум обнюхал обертку.

— Смеагорл чует! — прошипел он с отвращением и злобой. — Вонючие эльфийские листья, да! Он лазил по этим деревьям, а потом славные мои ладошки нельзя было отмыть от проклятого запаха!

Он отшвырнул листья, откусил кусок *лембас*, закашлялся и стал плеваться.

— Нет, — хрипел он с натугой, — пыль, пепел! Они нас задушат! Бедный Смеагорл может умереть.

Понемногу он затих и только жалобно причитал:

— Не надо такую еду. Хоббиты хорошие, но еда у них плохая, злая. Смеагорл не сердится. Он обещал и лучше умрет от голода. Бедный голодный

Смеагорл!

— Жаль, — сказал Фродо, — ничего другого у нас нет. Если бы ты попробовал, может, эта еда и помогла бы тебе, но, видно, ты даже попытаться не способен. Может быть, потом…

Пока они ели, Горлум голодными глазами провожал каждый кусок лепешки. Убедившись, что никакой другой пищи не будет, он отошел в сторону и уселся с мрачным видом, что-то бормоча под нос. Сэм подозрительно посмотрел на него и шепнул Фродо:

— Нам обоим надо бы поспать, но я не доверяю этой голодной бестии. По мне, что Горлум, что Смеагорл — все одно, не может он сразу стать другим. Я посторожу пока, а когда уж невмоготу будет, разбужу вас, сударь.

— Хорошо, — отозвался Фродо в полный голос. — Он и правда стал другим, вот только каким именно и насколько другим — пока не ясно. Бояться-то нечего, по крайней мере сейчас, но посторожи, если хочешь, я посплю часа два, мне хватит, — и уснул, едва успев договорить.

Горлум свернулся клубком и тоже заснул. Сэм сидел, прислонившись к камню, слушал их ровное дыхание и чувствовал, что засыпает. Он встал и тихонько тронул Горлума. Тот, не просыпаясь,

разжал кулак и опять свернулся в клубок. Сэм шепнул ему прямо в ухо: «Рыбка!», но веки Горлума не дрогнули и дыхание не изменилось.

Сэм почесал в затылке. «Может, и вправду спит. Будь он на моем месте — не раздумывал бы». Сэм отогнал мелькнувшую было мысль о мече и веревке и опять устроился рядом с Фродо.

Проснулся он как от толчка. Вокруг было совсем темно. Сэм вскочил, чувствуя себя отдохнувшим и голодным, и понял, что проспал весь день, а сейчас уже наступила ночь. Фродо еще спал, а Горлума нигде не было видно. Сэм горестно ахнул, но тут же сообразил, что раз они живы, значит, ничего страшного не произошло.

— Где же этот… несчастный? — спросил он сам у себя.

— Рядышшком! — прошипел голос сверху, и на фоне сумеречного неба Сэм увидел уродливую голову с оттопыренными ушами.

— Эй, ты куда? — встревожился Сэм. Все его страхи разом вернулись.

— Смеагорл голоден, — был ответ, — скоро вернется.

— А ну, вернись сейчас же! — Но Горлум уже исчез. Проснулся Фродо. Он сел, протирая глаза и сонно оглядываясь.

— Который час, Сэм?

— Не знаю. Солнце уже зашло, а Горлум удрал. Сказал, что проголодался.

— Вернется, никуда не денется. Клятва удержит его, он не захочет расставаться с Сокровищем.

Фродо легко, даже легкомысленно отнесся к тому, что они столько часов проспали рядом с Горлумом — с очень голодным Горлумом.

— Да перестань ты казниться, — сказал он Сэму. — Устал, вот и заснул, оно и к лучшему, зато отдохнули. Путь нам предстоит нелегкий. Впереди самое трудное.

— Да я больше насчет еды, — признался Сэм. — Когда мы еще покончим с нашим делом! А потом как? Мы ведь волочим ноги только благодаря лепешкам, но они в сумках-то не растут. Хватит их, я думаю, недели на три, а потом туго придется. Может, нам нужно быть поэкономнее?

— Сэм, милый мой! — проникновенно начал Фродо. — Драгоценный мой хоббит, лучший мой друг! Не стоит ломать голову над тем, что будет дальше. Самое большее, на что мы можем надеяться, — это сделать свое дело. Никто тебе не скажет, что будет потом. Когда Единственное упадет в огонь, что станет с нами? Мы ведь будем совсем рядом. Думаю, еда нам тогда не пона-

добится. Нам бы только суметь дотащить себя до Огненной Горы. Но я даже не знаю, дойдем ли мы. Ородруин далеко, а силы мои на исходе.

Сэм хотел сказать что-то, но только порывисто схватил Фродо за руку и склонил голову. Фродо почувствовал на руке горячую слезу. Впрочем, Сэм тут же выпрямился, отвернувшись, и пробормотал:

— Ну где носит этого проклятого лиходейщика!

Горлум появился через несколько минут. Лицо и руки у него были в грязи, он что-то жевал, поминутно облизываясь. Друзья даже не решились спрашивать, чем ему удалось разжиться. Горлум шумно напился из ручья, смыл с себя грязь и только потом подошел к ним.

— Сславные хоббиты! — довольно прошипел он. — Так хорошо спали! Верят они Смеагорлу теперь? Вот и хорошо.

Всю следующую ночь они шли по ущелью, склоны которого становились все ниже, а под ногами все чаще вместо твердого камня попадалась мягкая земля. Небо, укрытое облаками, начало светлеть, обещая утро, когда ручей разлился, начал петлять в торфяниках, между поросшими мхом невысокими берегами, потом с плеском пе-

релился через последний каменистый порожек в бочажок с бурой водой — и пропал. Высохшие камыши странно шелестели в неподвижном воздухе.

Вокруг, насколько хватало глаз, раскинулись темные бездонные провалы, заполненные угольно-черной водой. Над болотами висели клочья серого, с неприятным запахом тумана. Временами в тишине что-то громко булькало, и запах усиливался. У южного края равнины черным рифом над морем тумана вздымались стены Мордора.

Теперь путники полностью зависели от своего проводника. Без него они не смогли бы сделать в этих гиблых топях ни шагу.

Хоббиты не знали, а в тусклом свете и предположить не могли, что находятся у самого северного края болот, протянувшихся далеко на юг. Знай они местность, можно было бы попробовать обогнуть болота с севера, по каменистой пустыне Дагорлад. Впрочем, особой надежды на этом пути не было. Даже эльфийские плащи не укрыли бы их на голых равнинах от орков и прочих вражьих воинств, марширующих по дорогам.

— Мы что же, так и пойдем прямо через болото,

Смеагорл? — спросил Фродо.

— Через болото, через болото, — бормотал Горлум. — Может, хоббиты хотят поскорее увидеться с Ним? Тогда вон там, — он махнул рукой на северо-восток, — есть хорошие твердые дороги. Они ведут прямо к Нему. На дорогах много Его слуг, они помогут, отведут прямо к Нему. Там Он и поймал Смеагорла. — Горлум содрогнулся. — С тех пор Смеагорл осторожный. Он знает другие пути, не такие хорошие и твердые, но подальше от Него. Это пути через болота, да! Над ними такие сславные, такие густые туманы! Надо идти осторожно, тогда мы уйдем далеко и будем идти еще долго-долго, пока Он не схватит вас…

Рассвело, но в таком густом тумане Горлум мог идти и при свете. Очень скоро хоббитам стало казаться, что они навсегда затерялись в мглистом липком безмолвии. Не было уже ни холмов позади, ни гор впереди, только болота. Фродо, похоже, уставал сильнее всех. Как ни медленно они шли, он отставал все чаще.

Вблизи болота оказались бесконечным лабиринтом лужиц, топей, извилистых ручейков. Даже Горлум с трудом находил здесь дорогу. Его огромная голова на длинной шее поворачивалась, вытягивалась, принюхивалась, бормотала

что-то себе под нос. Иногда Горлум поднимал руку, и хоббиты останавливались, а он, согнувшись, пробирался вперед, трогал почву или слушал что-то, опустившись к самой воде. Настроение у путников упало. Холод, пронизывающая сырость, зеленая пузырящаяся поверхность мутной воды с редкими купами гниющих камышей навевали уныние.

Когда к середине дня туман чуть поднялся и стало проглядывать солнце, Горлум решительно остановился. Все трое притаились, как кролики, у края сухих бурых зарослей осоки. Тишину нарушал только чуть слышный заунывный посвист ветра в сухих стеблях.

— Даже птиц нету, — взгрустнул Сэм.

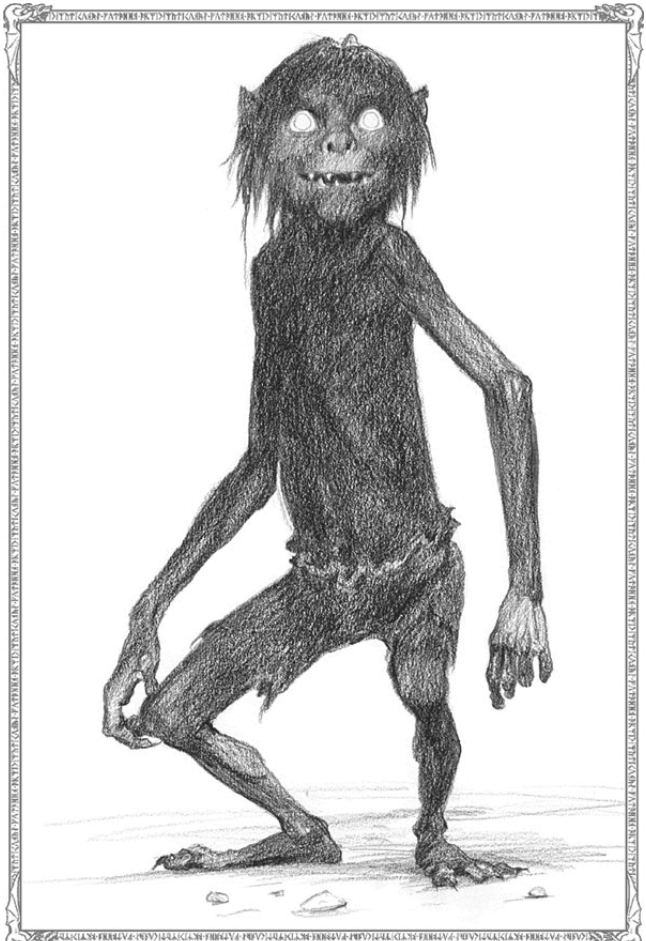
— Нету, — с готовностью подтвердил Горлум. — Сславные птицы! — Он плотоядно облизнулся. — Змеи есть, черви, гады всякие, много, а птиц нету, — добавил он с сожалением.

Сэма передернуло, но он промолчал.

На третий день идти стало еще труднее. Теперь они часто останавливались, поджидая Горлума, который то и дело уходил вперед, иногда надолго. Они были в самом сердце Гиблых Болот. В плотном тумане сумерки наступили рано.

Горлум тщательно выбирал, куда поставить

ногу, и Сэм с Фродо старались ступать за ним след в след. Бочажки слились в широкие озера без берегов. Твердой земли оставалось все меньше, ноги то и дело уходили в липкую грязь. О расплате за малейшую неосторожность хоббиты старались не думать.



Скоро совсем стемнело, казалось, самый воздух почернел и потяжелел. Сэм начал тереть глаза: во мраке замелькали светлые пятнышки. Свет становился ярче, и вдруг то там, то здесь над болотами стали загораться трепетные огоньки, словно незримые руки зажигали свечу за свечой. Они двигались, перепархивая с места на место.

Сэм, забыв о своей неприязни, схватил Горлума за руку.

— Что это, Горлум? — шепотом воскликнул он. — Что это за огоньки? Смотри, они окружают нас!

— Да, да, — свистящим шепотом ответил Горлум, останавливаясь. — Призрачные огни, огни мертвецов. Не смотреть на них, не ходить за ними! Где хозяин?

Сэм обернулся и понял, что Фродо опять отстал. Темнота вокруг казалась еще чернее. Сэм наугад шагнул обратно, боясь подать голос, и наткнулся на Фродо. Он стоял, заглядевшись на пляску бледных огней, бессильно опустив руки, с которых капала болотная жижа.

— Идемте скорей! — одними губами торопливо заговорил Сэм. — Горлум говорит, нельзя на это смотреть. Только бы выбраться нам из этого проклятого места.

— Хорошо, — словно очнувшись от сна, выговорил Фродо. — Иди вперед.

Сэм повернулся и поспешил обратно, но на втором же шаге поскользнулся и упал. Руки его по локоть ушли в трясину, и темная поверхность гнилой воды оказалась прямо перед глазами. Послышалось слабое шипение, зловоние ударило в ноздри, огоньки замерцали и закружились в причудливом танце. Сэму почудилось, что он смотрит сквозь грязное стекло. Он громко вскрикнул и судорожно начал выдираться из болота.

— Там! — кричал он, измазанными в тине руками показывая вниз. — Там лица! Мертвые!

Горлум хрипло рассмеялся.

— Это Гиблые Болота. Нельзя смотреть в воду, когда пляшут огоньки.

— Я тоже видел, — тихо, словно во сне, произнес Фродо, подходя к ним. — В озерках, когда засветились огоньки… В каждом, в каждом бочажке — бледные лица, глубоко-глубоко под темной водой. Гордые лица и злобные, мрачные и печальные. Но все тронуты тлением, все давно мертвы, и на всех застыла ярость… — Фродо закрыл лицо ладонями. — Не знаю, кто они. Мне виделись люди и эльфы, и орки рядом с ними.

— Да, — спокойно отозвался Горлум, — все

мертвые, все подпорченные. Люди, эльфы и орки. Это — Гиблые Болота, — повторил он. — Давно, очень давно, еще когда Смеагорл был молодым, я слышал — здесь была большая битва, очень большая. Рослые Люди с длинными мечами, грозные Эльфы и визжащие орки… Недели и месяцы бились они у Черных Ворот. Потом стало болото и теперь все растет и растет…

— Так это ж когда было, — с сомнением проговорил Сэм. — От мертвых ничего бы уже не осталось. Это что — колдовство Темной Страны?

— Откуда мне знать! — огрызнулся Горлум. — До них не достать, не дотронуться. Мы хотели разочек, но нельзя, никак не достать.

Сэм вздрогнул, догадавшись, зачем Горлуму понадобилось доставать лица мертвецов.

— Век бы их не видать! — в сердцах сказал он. — Ну, идем, что ли?

— Потихонечку, полегонечку, — подхватил Горлум. — А то и хоббиты булькнут к Мертвым и засветят по огоньку. Держитесь за Смеагорлом и не смотрите по сторонам.

Горлум начал забирать вправо, выискивая путь в обход трясины. Часто останавливаясь, иногда на четвереньках, они продолжали идти. Теперь и Фродо и Сэм мало чем отличались от Горлума,

такие же перемазанные липкой, жутко пахнущей болотной грязью.

Наконец, глубокой ночью, они поняли, что миновали сердце болот. Все чаще попадались островки твердой земли, и Горлум прибавил шагу. Видно было, что он узнает дорогу и идет уверенно.

— Вот и выбрались! — объявил он. — Славные хоббиты! Храбрые хоббиты! Очень-очень усталые хоббиты, да, моя прелесть, мы все очень-очень устали. Только хозяина мы должны увести подальше от гадких огоньков, да, должны.

Он припустил чуть не трусцой по еле заметной тропке. Высокие камыши с шелестом выпрямлялись у него за спиной. Внезапно он остановился и стал беспокойно принюхиваться, вытянув шею и вертя большой головой.

— Чем ты опять недоволен? — буркнул Сэм. — Воняет от нас, это верно; и от тебя, и от Фродо, и от всего этого проклятого места.

— И от Сэма не меньше, — подтвердил Горлум. — Смеагорлу другое не нравится. Воздух шевелится. Смеагорл чует, что-то происходит. Ему непонятно. Ему неуютно.

Тревога Горлума, казалось, росла с каждым шагом. Он все чаще выпрямлялся в полный рост,

вытягивая шею, ловил ветер с юго-востока. Хоббиты долго не ощущали ничего необычного, и вдруг застыли на месте одновременно с Горлумом. Издалека донесся пронзительный, долгий, свирепый вопль. Пахнуло холодом, туман заколыхался, и разом погасли болотные огни.

Горлум дрожал, бормоча что-то невнятное. Послышался странный мертвящий свист, и над болотами промчался порыв ледяного ветра. Он мгновенно сдернул туманный покров. Над головами хоббитов в разрывах клубящихся туч выглянула яркая луна. Сэм вскрикнул было от радости, но Горлум рухнул ничком, посылая проклятья Белому Лику. В тот же миг Фродо заметил, что со стороны Мордора по небу несется темное облачко. Не успел он удивиться, как оно разрослось в черную тень, крылатую и зловещую. На миг закрыв луну, тень с воплем промчалась на запад. Хоббиты тоже упали, пытаясь врасти, вжаться в холодную землю. Страшная тень сделала круг, вернулась и снова пронеслась у них над головами так низко, что всколыхнула камыши. Вслед за ней, уже в обратном направлении, рванул порыв ветра, окончательно разгоняя туман над равниной. Теперь все необъятное пространство Гиблых Болот было залито ярким лунным

светом.

Фродо и Сэм встали, а Горлум не шевелился. Им с трудом удалось поднять его, но он снова упал, закрывая голову руками.

— Призраки! — скулил он. — Это крылатые призраки! Они служат Сокровищу. Они все видят, от них не спрячешься.

Они расскажут Ему, и Он увидит, узнает… — Дальше все потонуло в рыданиях и сплошных «горлум, горлум, горлум». Только на заходе луны он успокоился и двинулся вперед.

С той минуты Сэму начало казаться, что Горлум снова переменился. Он стал еще льстивее и подобострастнее прежнего, но в глазах все чаще появлялся странный блеск, особенно когда он глядел на Фродо, и возвращалась прежняя манера говорить.

Были у Сэма и другие тревоги. Фродо все сильнее уставал. Он не жаловался, он вообще теперь почти не говорил, но вид у него был такой, словно он нес на плечах тяжесть, возрастающую с каждым шагом. Он двигался так медленно, что Сэму часто приходилось останавливать Горлума, поджидая друга…

С каждым шагом, приближавшим его к Воротам Мордора, Фродо чувствовал, как Кольцо у

него на шее становится все тяжелее и тянет вниз. Но еще мучительнее было Око — нарастающее ощущение злобной воли, стремящейся заглянуть ему прямо в душу и овладеть ей. Фродо ясно чувствовал, где средоточие этой воли: так человек даже с закрытыми глазами знает, с какой стороны светит солнце. Он шел навстречу этой силе, и она ослепляла его.

Горлум тоже испытывал нечто похожее, но что творилось в его жалкой душонке, где сталкивалась воля Темного Владыки, желание вернуть Кольцо и власть клятвы, вырванной у него под угрозой, — этого хоббиты даже не пытались представить. Каждому хватало своих мрачных мыслей. Теперь Сэм шел последним, следя за каждым движением Фродо, готовый в любой миг подхватить и поддержать друга.

Рассвело, и хоббиты с удивлением увидели, как приблизились зловещие горы. Воздух стал холоднее и прозрачнее; стены Мордора уже не казались далекой туманной угрозой. Они вздымались черными башнями над мрачной пустыней. Болота кончились безжизненными торфяниками и растрескавшимся высохшим илом. Дальше, до самых Сауроновых ворот, лежала голая каменистая пустошь.

Хоббиты скорчились под большим камнем, пережидая серый дневной свет и крылатый ужас. Дальнейший путь запомнился плохо — растущий страх застил память. Еще две ночи пробирались они по этим землям. Воздух стал горьким, от него, как от дыма, першило в горле и перехватывало дыхание.

Занимался пятый день с тех пор, как они повстречались с Горлумом. Прямо перед ними встала черная гора. Вершина ее, окутанная клубами дыма, достигала низких туч. До ближайшего гребня оставалось миль двенадцать, не больше. Фродо озирался в тревоге. Даже на Гиблых Болотах была какая-то зелень, чувствовалась болезненная тень весны; здесь не росло ничего — ни лишайников, ни плесени. Воронки и впадины были заполнены лишь пеплом да зыбучими песками. Тут и там высились груды шлака и камней, опаленных огнем и покрытых ядовитыми пятнами. Они походили на какие-то отвратительные надгробья, на вечный памятник мрачным трудам рабов Мордора. Эта осквернённая, изуродованная земля никогда не залечит раны — разве что Великое Море омоет ее живой водой.

— Мне плохо, — пожаловался Сэм. Фродо не шевельнулся. Происходящее походило на

кошмарный сон, из которого никак не удается выбраться.

Утренний свет все шире разливался по зловещей пустыне, а они все не могли набраться храбрости пересечь ее. Даже свет казался враждебным, он открывал их глазам Мордора, словно подчеркивая полную беспомощность.

Не в силах двинуться дальше, все трое спустились в большую яму с покатыми склонами и какой-то маслянистой радужной лужей на дне. Они решили переждать здесь до сумерек, надеясь только, что яма защитит их от взгляда Врага.

Медленно проходил день. Мучила жажда. Пришлось сделать по глотку из фляжек, наполненных в последний раз еще в расщелине. Какой же мирной и уютной казалась она отсюда!

Хоббиты решили дежурить по очереди. Но усталость была так велика, что сон не шел. Лишь к вечеру Сэм задремал.

Смеагорл уснул сразу же. Фродо не смыкал глаз. Тяжесть давила по-прежнему. Безуспешно пытаясь облегчить ее, он лег навзничь и долго смотрел в небо. Струи дыма складывались в видения темных мчащихся фигур и лиц из прошлого. Скоро он потерял счет времени в своих блужданиях между сном и явью и наконец забылся.

Вдруг проснулся Сэм. Ему показалось, что кто-то зовет его. Был вечер. Фродо спал, скатившись почти на дно ямы. Горлум сидел над ним на корточках и разговаривал сам с собою, вернее, в нем спорили вслух Смеагорл и Горлум. Голос у него был то внятный, то шипел, и глаза вспыхивали то бледным, то ярко-зеленым блеском.

Сэм прислушался, глядя из-под полуопущенных век. Шипящий голос — Горлум — требовал отнять Сокровище у спящего, голос Смеагорла возражал ему, но с каждым разом слабее.

— Смеагорл обещал, — говорил он.

— Да, моя прелесть, — шипел Горлум, — мы обещали. Мы обещали, что спасем Сокровище, что Он не тронет его никогда. Но оно все ближе к Нему, с каждым шагом, да. Интересно, что сделают хоббиты с Сокровищем, да, да, интересно.

— Я не знаю. Это не мое дело. Смеагорл обещал служить хозяину.

— Да, служить хозяину, Хозяину Сокровища! Возьмем его и будем служить сами себе!

— Но Смеагорл обещал! Славный хоббит, он снял с меня злую веревку, он говорил со мной ласково. Смеагорл будет хорошим.

— Будет хорошим? Ну и пусть будет. Мы же не собираемся трогать славного хоббита.

— Но мы поклялись хозяину Сокровищем, — возражал Смеагорл.

— Так возьмем Сокровище, — настаивал, шипя, Горлум, — и будем хозяином сами, горлум! Вот тогда тот, другой хоббит, очень недоверчивый хоббит, поползает перед нами, горлум!

— Но мы не тронем хорошего хоббита?

— Не тронем, пока не захотим. Он тоже Сумникс, моя прелесть, да, Сумникс. Сумникс отнял у нас Сокровище, мы ненавидим Сумниксов!

— Но не этого!

— Нет, и этого! Всех, кто прячет наше Сокровище. Мы возьмем Сокровище себе!

— Но Он увидит, Он отнимет его!

— Он видит. Он знает. Он слышал, как мы глупо клялись — против Его приказа, да. Надо отнять Сокровище! Призраки уже ищут. Надо скорее отнять!

— Не для Него?

— Нет, мой сладкий. Сам посуди, моя прелесть. Мы скроемся, если Оно будет у нас, скроемся от Него, а? Может, мы станем сильными, сильнее Призраков? Властелин Смеагорл? Или лучше — Великий Горлум. Будем есть свежую сладкую рыбу трижды в день! Драгоценнейший Горлум! Мы жаждем его, жаждем его, жаждем!

— Но их двое, — с отчаянием возразил Смеагорл. — Он проснется и убьет нас. Не надо сейчас.

— Не сейчас? — Горлум помолчал, словно раздумывая. — Хорошо, не сейчас. Она поможет нам. Да, она поможет!

— Нет, нет, не надо! — простонал Смеагорл.

— Надо! Мы хотим его!

Длинные руки несчастного то тянулись к Фродо, когда говорил Горлум, то отдергивались, когда вступал Смеагорл. Наконец оба замолчали, и рука с шевелящимися пальцами потянулась к горлу Фродо.

В простоте душевной Сэм больше всего опасался, как бы вечно голодный Горлум не сожрал их, но теперь он понял, что Горлума влечет Кольцо. «Он» — это, конечно, Владыка Мордора, но кто такая «Она»? Впрочем, Сэм не стал долго раздумывать над этим. Сам не зная почему, он решил не подавать вида, что все слышал. Он медленно сел, широко зевнул и потянулся.

— Который час? — спросил он заспанным голосом. Горлум замер на месте, потом вдруг упал на четвереньки и пополз вверх по склону.

— Сславные хоббиты, — шипел он, — хороший Сэм! Спали долго, оставили Смеагорла сторожить.

Уже вечер. Темно. Пора идти.

«И пора бы с тобой расстаться, — подумал Сэм. — А лучше всего было бы прогнать тебя с самого начала, а не тащить с собой». И тут же сообразил, что Горлум, болтающийся на глазах, не так опасен, как Горлум, предоставленный сам себе. «Вот проклятущее создание», — ругнулся Сэм, спускаясь на дно ямы, чтобы разбудить Фродо. Как ни странно, Фродо чувствовал себя гораздо лучше. Ему снилось что-то прекрасное и сияющее, что именно, он не помнил, но оно придало ему сил. Он встал. Горлум кинулся к нему, как обрадованная собака, ластясь и увиваясь у ног. Фродо улыбнулся ему.

— Ну вот, — сказал он. — Ты хорошо вел нас и был нам верен. Приведи нас к Воротам, и я больше ничего не потребую от тебя. Приведи нас к Воротам, а тогда иди, куда хочешь, лишь бы не к врагам.

— К Воротам? — испуганно повторил Горлум. — Хозяин сказал — к Воротам? Да, да, так. Добрый Смеагорл сделает все, как велит хозяин. Но когда мы придем… там посмотрим. Там будет нехорошо, да, да.

— Идем, — нетерпеливо позвал Сэм, — хватит тебе причитать.

Едва успев отойти от ямы, они ощутили вдруг волну ужаса, такую же, как на Болотах при появлении крылатой тени. Они пали на пересохшую землю, но в небе ничего не увидели. Когда угроза миновала, двинулись снова Около полуночи ужас опять охватил их, на этот раз — слабее, и скоро все прошло. Горлум очень напугался. Он так трясся и скулил, что не мог идти.

— Третий раз! — подвывал он. — Трижды — быть беде. Они чуют нас, чуют Сокровище. Мы не пройдем здесь, нет, нет. Все напрасно, все попусту…

Уговоры не помогали. Только когда Фродо гневно прикрикнул на него и схватился за меч, Горлум с ворчанием поднялся и побрел впереди, как побитый пес.

Глава III
Закрытые ворота

Еще до рассвета следующего дня они достигли Мордора. Пустошь и топи остались позади. Прямо перед ними, на фоне бледного неба, зловеще темнела громада гор.

С запада Мордор ограждали Хмурые Горы, а с севера высились серые иззубренные и обломанные пики Пепельных Гор. Горные цепи гигантской стеной окружали безотрадное плоскогорье Горгорат с огромным тусклым, безжизненным глазом моря Нурнон посредине. За ним хребты, смыкаясь, образовывали глубокую теснину Кирит Горгор, Теснину Духов на Всеобщем языке, — вход в страну Врага, а по обе стороны на скалистых вершинах громоздились две мрачные черные башни — Зубы Мордора. Когда-то, после бегства Саурона, их выстроили гондорцы, чтобы закрыть Врагу дорогу назад, в свои прежние владения. Но мощь Гондора таяла, заставы слабели, а потом башни и вовсе опустели на долгие годы. Тогда-то Саурон и вернулся. С тех пор в башнях помещалась зоркая, бессонная стража, и они смотрели

на север, восток и запад множеством неутомимых глаз.

Поперек теснины от утеса к утесу тянулась каменная стена, понизу изрытая сотнями ходов, нор, укрывищ; там размещались войска орков, готовые по первому сигналу своего Владыки двинуться в бой. В стене были только одни ворота, всегда запертые, всегда охраняемые сотнями воинов; открывались они лишь для тех, кого призывал к себе Саурон или кто знал пароль. Ворота назывались Моранноп.

Хоббиты в отчаянии взирали на эту жуткую преграду. Даже издали видны были воины на стенах и стражи у ворот. Путники притаились в каменной ложбинке, скрытой в тени северного отрога Хмурых Гор. Отсюда до ближайшей башни оставалось меньше фарлонга.

Настал день, и бледное солнце поднялось над голыми скалами Пепельных Гор. Вдруг раздался звук медных труб: начавшись на сторожевых башнях, он был подхвачен множеством других труб и рожков, и наконец издали мощно откликнулись трубы и барабаны в самом Барад Дуре, Черной Крепости. Для Мордора начался еще один день страха и тяжкого труда; дневная стража, сверкая оружием, сменила ночную, скрывшуюся

в своих подземельях.

— Ну вот, — сказал Сэм, налюбовавшись этой картиной. — Вот Ворота, вот мы, но, по-моему, все так и останется, помяните мое слово. Ох, видел бы меня сейчас мой старик! Сколько раз он мне выговаривал: «Смотри, Сэм, куда идешь, не то плохо кончишь». Эх, увидать бы его еще хоть разок! Я уж готов до самой смерти выслушивать его «эх, Сэм, сколько тебе твердить»... Только сперва умыться надо, а то он меня и не признает. А насчет «куда дальше?» можно не спрашивать — дальше, по-моему, некуда. Разве что орки пригласят нас войти.

— Нет, нет, нет, — всполошился Горлум. — Не надо. Мы не можем идти дальше. Смеагорл знал это, он так и говорил хоббитам: «Дойдем до Ворот — там поглядим». Он знал, что им не войти, да, да!

— Так что ж ты, на погибель нас притащил сюда? — закричал Сэм, совершенно упустив из виду, что именно этого они и требовали от своего проводника.

— Хозяин велел, — оправдывался Горлум. — Хозяин сказал: привести к Воротам. Добрый Смеагорл привел. Хозяин велел так, умный хозяин!

— Да, я велел, — произнес Фродо. Он был весь в грязи, осунулся от усталости, но взгляд был решителен и ясен. Он не прятался больше. — Я велел так, ибо я намерен войти в Мордор. Другого пути я не знаю, так что войду вот этим. Я не зову с собой никого из вас.

— Нет, нет, хозяин! — застонал Горлум, цепляясь за него в отчаянии. — Не надо так! Не надо. Не бери Сокровище к Нему! Он съест нас, если получит его, съест весь мир! Сохрани Сокровище, добрый хозяин, не обижай Смеагорла Не отдавай Ему! Или уходи обратно, вернись в хорошие места, а Сокровище отдай Смеагорлу. Да, да, хозяин, отдай! Смеагорл сбережет его, он сделает много добра всем, особенно славным хоббитам. Пусть они идут себе домой! Только не надо в Ворота!

— Я должен войти в Мордор, и я войду, — ответил Фродо. — Если это единственный путь, я пойду здесь, и будь что будет!

Сэм молчал. Ему довольно было одного взгляда на своего друга, чтобы понять всю бесполезность возражений. Правда, он с самого начала не очень-то верил в успех предприятия, но, как всякий хоббит, не задумывался, как оно там сложится, пока не было нужды. Однако конец рано или поздно должен был наступить. Фродо собирается

в Мордор, Сэм отнюдь не собирается отпускать его одного. Там-то они во всяком случае отделаются от Горлума. Но, как выяснилось, Горлум вовсе не рвался от них избавиться. Он упал к ногам Фродо, ломая свои тощие руки и стеная.

— Не сюда, не сюда, хозяин! — умолял он. — Есть другой путь. О да, есть! Другой, темный, скрытый, потайной. Но Смеагорл знает, Смеагорл покажет.

— Другой путь? — переспросил Фродо, испытующе глядя на него.

— Да. Другой путь. Есть. Или был. Смеагорл нашел его. Пойдем и посмотрим, есть ли он там.

— До сих пор ты не говорил о нем.

— Нет. Хозяин не спрашивал. Хозяин не говорил, чего он хочет. Он не сказал бедному Смеагорлу. Он сказал — Смеагорл, приведи нас к Воротам, а тогда — прощай! Смеагорл может уйти, он хороший. А теперь он говорит — я хочу войти в Мордор, прямо здесь. И Смеагорл очень боится, он не хочет терять доброго хозяина, он обещал сберечь Сокровище. Но если хозяин войдет здесь, то оно попадет прямо в Черную Руку. Смеагорл спасет всех. Он помнит другой путь. Славный хозяин! Смеагорл всегда помогает, Смеагорл хороший.

Сэм хмуро разглядывал Горлума. Его грызли со-

мнения. Похоже, что Горлум действительно был в отчаянии и в самом деле хотел помочь Фродо. Но, вспоминая подслушанный спор, Сэм никак не мог поверить в победу Смеагорла над Горлумом: он помнил, за кем осталось последнее слово. Сэму казалось, что обе половины — Смеагорл и Горлум (мысленно он называл их — Липучка и Вонючка) — помирились только временно, чтобы спасти Кольцо и Хранителя от рук Врага, а потом, улучив момент, овладеть Сокровищем.

«Хорошо еще, что ни тот, ни другой не знают, как Фродо намерен поступить с Кольцом, — размышлял он. — Судя по всему, Вонючка боится Врага настолько, что сразу выдаст нас, если попадется. Фродо надо быть с ним поосторожнее. Он, конечно, умный, умнее любого другого, только слишком мягок, вот в чем беда».

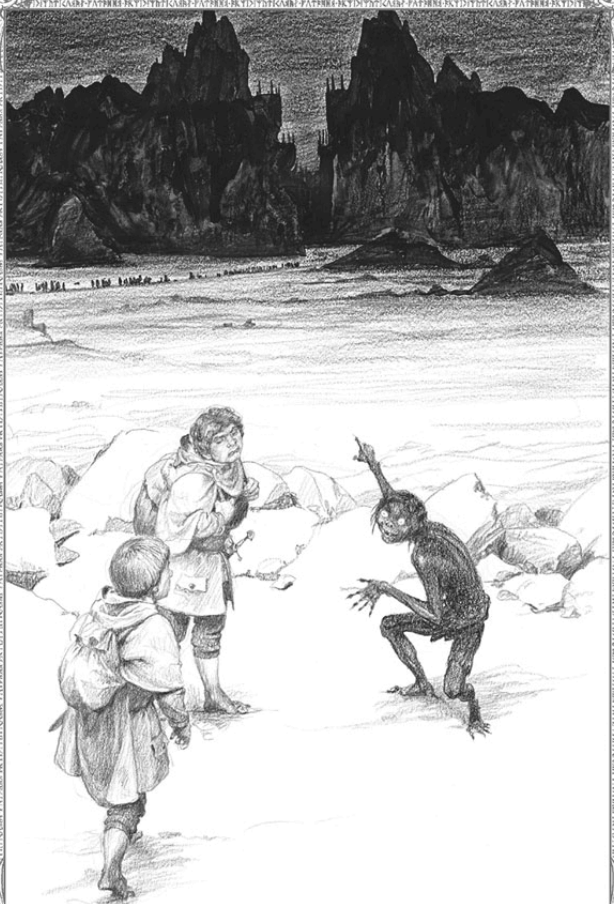
Фродо ответил Горлуму не сразу. Он долго глядел на темные утесы Теснины Духов. Лощина, в которой они укрывались, находилась на склоне холма, немного выше равнины: между нею и верхними бастионами Моранноном шла узкая, глубокая впадина. В утреннем свете были ясно видны сходившиеся у Ворот Мордора дороги. Одна — с запада, другая — с востока, третья шла с юга между мордорскими нагорьями и Великой

Рекой и сворачивала в долину у самого холма, где притаились хоббиты. На равнине заметно было движение, словно там шли большие войска; в дыму и тумане блестели копья и шлемы, по дороге скакали всадники. Это напомнило Фродо картину, виденную несколько дней назад — или несколько лет? — с вершины Амон Хена. На мгновение сердце у него дрогнуло от безумной надежды, но она тут же развеялась: не армии Гондора шли против Врага, а отряды вастаков стекались под знамя своего владыки. Внезапно осознав опасность своего положения: днем, на свету, так близко от неприятеля, Фродо поспешно надвинул серый капюшон на голову и спустился ниже в лощину. Потом подошел к Горлуму.

— Слушай, Смеагорл, — сказал он. — Я поверю тебе еще раз. Мне кажется, так уж суждено: тебе — помогать мне, когда, казалось бы, помощи ждать неоткуда, а мне — пользоваться твоей помощью. До сих пор ты оправдывал мое доверие и не нарушил клятву. Я говорю это от сердца, — тут он бросил на Сэма быстрый взгляд. — Дважды мы были в твоей власти, и ты не воспользовался ею, не пытался отнять у меня то, что искал так долго. Надеюсь, так будет и впредь. Но предупреждаю, Смеагорл, ты в опасности!

— Да, да, — проскулил Горлум, — в великой опасности! Смеагорл весь дрожит при одной мысли о ней, но не убежит. Он поможет доброму хозяину!

— Я не о том, — возразил Фродо. — Опасность грозит тебе одному. Ты поклялся Сокровищем. Помни это! Оно может извратить твою клятву тебе на погибель. Оно уже извратило ее. Ты только что проговорился. «Отдай его Смеагорлу», ты сказал, не говори так больше, не давай этой мысли укрепиться в тебе. Ты никогда не получишь его, но даже стремление к нему может погубить тебя. В крайнем случае, Смеагорл, я надену его, понимаешь? Надену — и ты, раб Сокровища, выполнишь любое мое приказание, хоть бы я велел тебе броситься в огонь.



Сэм глядел на друга одобрительно, но и слегка удивленно, не узнавая ни лица, ни голоса. Он всегда считал Фродо самым мудрым на свете, ну, разве кроме Бильбо и Гэндальфа, но, как это ни странно, расценивал его всегдашнюю мягкость как своего рода слепоту. Горлум, верно, тоже принимал кротость за глупость, но ему это было простительно, он недавно познакомился с Фродо, и эта суровая речь совершенно сокрушила его. Он упал ничком, и от него уже ничего нельзя было добиться, кроме «добрый хозяин» и «бедный Смеагорл».

Фродо подождал немного, потом заговорил уже мягче:

— Ну, Горлум, или Смеагорл, расскажи-ка мне о другом пути. Стоит ли мне ради него сворачивать с прямой дороги? Я тороплюсь.

Но Горлум был так потрясен угрозой, что только скулил и бормотал, умоляя всех сжалиться «над бедным маленьким Смеагорлом». Постепенно он успокоился, и Фродо узнал, что дорога вдоль хребта ведет к Перекрестку, обсаженному большими деревьями. Оттуда правая дорога уходит к Осгилиату и к мостам на Андуине, а средняя — на юг, все дальше и дальше, до самых Великих, вечно беспокойных Вод. «Там уйма рыбы, и большие

птицы едят ее… Сславные птицы… но мы никогда не бывали там, нет, никогда не приходилось. А дальше, говорят, лежат другие земли, и Желтый Лик там жжется, и небо всегда ясное, а Люди свирепые и смуглые. Мы не хотим туда…»

— Мы тоже, — оборвал Фродо. — Ну, а левая дорога?

— Да, да, левая, — поспешно ответил Горлум, — она ведет наверх, все выше и выше, прямо в Тень. Потом, за черным утесом, вы увидите… увидите эту… это… вы увидите, и вам захочется спрятаться…

— Что увидим?

— Старую крепость, очень старую, очень страшную. Мы слышали рассказы о ней, давно-давно, когда Смеагорл был молод. Да, мы рассказывали много сказок вечерами, под ветлами, на берегу Великой Реки, она тоже тогда была молодая, горлум, горлум! — он заплакал, бормоча и причитая. Хоббиты терпеливо ждали. — Сказки приходили с юга, — продолжал Горлум, немного успокоившись, — в них говорилось о могучих ясноглазых Людях, об их домах, прочных, как горы, о серебряном венце короля и о Белом Дереве — чудесные такие истории. Люди строили высокие башни, и вот они выстроили одну серебристо-белую, а

в ней хранился сияющий и круглый, как луна, камень, а вокруг — высокие белые стены. Да, много рассказывали сказок о Лунной Башне…

— Должно быть, это Минас Итиль. Его выстроил Исилдур, сын Элендила, тот Исилдур, который отрубил Врагу палец… — объяснил Фродо.

— Да, у Черной Руки лишь четыре пальца, но и их довольно, — Горлума передернуло. — И Он ненавидел эту Лунную крепость.

— А что он не ненавидит? — вздохнул Фродо. — Ладно, нам-то что толку с этой крепости?

— Она стоит по-прежнему, — пояснил Горлум, — и гордые башни, и белые дома, и стены, но они теперь ужасные. Путники дрожат, когда видят их, они обходят их далеко-далеко. Но хозяин пойдет туда. Тот, второй путь — он как раз проходит мимо крепости. Горы там ниже, дорога все вверх, вверх, а потом вниз, вниз… в Горгорат, — добавил он шепотом и сильно вздрогнул.

— Ну и чем это лучше? — спросил Сэм — Враг-то свои дороги знает, значит, и ту охраняет. Крепость-то не пустая, верно?

— Нет, не пусстая, — прошипел Горлум. — Она только кажется пустой, но там орки, да, орки, и другие, еще страшнее… Дорога идет в тени и входит в Ворота, а там — Безмолвные Стражи, и

от них ничего не скроется.

— Так, так, так, — сказал Сэм, — значит, ты предлагаешь нам прогуляться на юг, чтобы в конце концов снова попасть в такой же тупик?

— Нет! — зашептал Горлум. — Хоббиты должны увидеть, должны понять. Он никого не ждет оттуда. Его Око смотрит повсюду, но не везде одинаково. Он не может видеть все сразу, пока не может. Он захватил всю страну, до самой Реки, Он стережет мосты, Он думает, что никто не подойдет к Лунной Башне, если не прорвется через мосты, а тогда Он будет знать…

— Я смотрю, тебе неплохо известно, что Он думает и что делает, — заметил Сэм. — Может, ты повидался с Ним недавно? Или только поболтал с орками?

— Ззлой Сэм, ззлой, нехороший! — прошипел Горлум, метнув на него злобный взгляд. Потом он обратился к Фродо: — Смеагорл говорил с орками, да, еще до того, как встретил хозяина. И с другими тоже. Он ходил очень далеко. Так все говорят: самая большая опасность для Него здесь, на севере. Он скоро выйдет из Черных Ворот, только оттуда может выйти большое войско. Но на западе Он ничего не боится, потому что там стоят Безмолвные Стражи.

— Вот как? — насмешливо произнес Сэм. — А мы, значит, должны подойти, постучаться и спросить этих самых Стражей, как пройти в Мордор? А они такие безмолвные, что ничего нам не скажут, а проводят туда молча? Ну нет. Это можно и здесь сделать, незачем тащиться так далеко.

— Не ссметь шутить с этим! — прошипел Горлум. — Это не смешно, нет! Никому не надо ходить в Мордор. Но если хозяин говорит: «Я хочу», надо попробовать. А в страшную крепость не ходить, конечно, нет. Смеагорл поможет, славный Смеагорл. Ему никто не говорит, зачем это все, но он поможет. Он нашел. Он знает.

— Что ты нашел? — спросил Фродо. Горлум опять припал к земле и зашептал:

— Тропинку в горах. Все вверх, вверх, а потом — лестница, да, очень длинная, узкая, а потом еще одна, а потом… потом подземный ход, очень темный, очень длинный, и тропа выходит высоко над дорогой. Так Смеагорл уходил из Мрака. Давно, очень давно. Может, тропы уже и нет, а может, и есть.

— Мне это не нравится, — категорически заявил Сэм. — Слишком просто. Если есть тропа, должна же она охраняться. Стерегут ее, Горлум? — ему показалось, что в глазах Горлума

мелькнул зеленый огонек. Горлум не ответил, только пробормотал что-то.

— Так ее не охраняют? — сурово спросил Фродо. — И ты убежал от Мрака, Смеагорл? А может, тебя выпустили? Интересно, зачем? По крайней мере так думал Арагорн, когда словил тебя на Гиблых Болотах, несколько лет назад.

— Это ложжь! — прошипел Горлум, злобно сверкнув глазами при имени Арагорна. — Я убежал, убежал сам! Мне было велено искать Сокровище, да, и я искал, но не для Черного. Оно было наше, мое. Я убежал!

Фродо почувствовал, что сейчас Горлум говорит правду: он действительно нашел какой-то путь, чтобы уйти из Мордора, и верил, что нашел его сам. Фродо заметил, что Горлум говорит «я», а это было признаком тех редких моментов, когда прежняя честная натура брала в нем верх. Но, веря сейчас Горлуму, Фродо помнил и о коварстве Врага. «Бегство» могло быть подстроено, в Черной Крепости не могли не знать о нем. Ясно было, что Горлум чего-то не договаривает.

— Я тебя спрашиваю, — повторил он, — охраняют ее?

Но Горлум обиделся. Не так уж часто он говорил правду, и вот, когда он сказал ее наконец, ему

не поверили! Он упрямо продолжал молчать.

— Стерегут ее? — повысил голос Фродо.

— Да, может быть, — угрюмо отозвался Горлум. — Безопасных мест там нету. Но хозяин должен попробовать или возвращаться домой. Других путей нет.

Горлум не назвал крепость на перевале, а называлась она Кирит Унгол. Это было зловещее имя. Арагорн объяснил бы его смысл, Гэндальф предостерег бы против нее. Но Арагорн был далеко, а Гэндальф погиб на глазах у Фродо, который и представить не мог, что именно в этот миг Гэндальф в Ортханке спорит с Саруманом, а мысли мага сосредоточены на помощи хоббитам.

Может быть, Фродо, сам того не зная, ощутил их… Во всяком случае, он долго сидел, опустив голову, стараясь припомнить все, что Гэндальф говорил ему, но не нашел в памяти никакого совета Гэндальф покинул их слишком рано, когда Страна Мрака была еще далеко, и они никогда не говорили, как войти туда Может, и Гэндальф не знал этого. Он побывал однажды в Дол Гулдуре, твердыне Врага на севере, но бывал ли он в Мордоре с тех пор, как там укрепился Саурон, приближался ли к Ородруину или к Барад Дуру? Фродо чувствовал, что нет. И вот теперь он, про-

стой хоббит, должен попасть туда, куда не сумел или не посмел попасть ни один мудрый и сильный. Что ж, значит, такова его судьба Он ведь сам принял на себя это бремя, сидя в своем домике, у камина, в далекий весенний день… Это было так давно и странно, как будто в давней повести из времен юности мира, когда два благих дерева еще стояли в цвету… И вот он на распутье. Какую дорогу выбрать? А если впереди на всех дорогах только ужас и смерть, то зачем выбирать?

Время шло. Над лощиной лежала почти осязаемая тишина. Бледное небо казалось далеким-далеким, по нему плыли клочья дыма, похожие на чьи-то мрачные мысли.

Даже орел не разглядел бы хоббитов против солнца — неподвижных, согнувшихся под тяжким бременем, закутанных в тонкие серые плащи. Разве что Горлума он мог бы заметить — да и то принял бы за остов ребенка, лежащий среди камней и едва прикрытый истлевшими лохмотьями.

Голова Фродо склонилась почти до колен, Сэм же, напротив, сидел, закинув руки за голову, глядя из-под капюшона в пустое небо. И вдруг в бледной голубизне появилось что-то живое, движущееся, потом еще и еще… Это были крылатые

существа, каких Сэм никогда не видел. Однако он сразу почувствовал, несмотря на расстояние, какие они огромные, с широченными крыльями… Он зажмурился, сжался в комок, охваченный тем вещим ужасом, какой испытал недавно на болотах, услышав голос Черного Всадника На этот раз угроза была очень далекой, но Фродо тоже ощутил ее: он вздрогнул и шевельнулся, но не поднял головы. Горлум сжался под камнем, как испуганный паук. Крылатые тени сделали круг и умчались, снижаясь, обратно в Мордор. Сэм перевел дух.

— Там, вверху, Всадники, — хрипло прошептал он. — Я их видел. Как вы думаете, заметили они нас? Далеко ведь было, а? И потом, если это те же Всадники, что и раньше, то они плохо видят днем, да?

— Кажется, да, — ответил Фродо. — Но их кони видят, а эти, крылатые, на которых они летают теперь, могут быть зорче всех остальных. Они словно разыскивают что-то. Боюсь, Враг настороже.

Ощущение угрозы исчезло, и невидимая завеса, отделявшая их от мира, поднялась. Сразу вернулось сознание опасности. Но Фродо все еще молчал. Он сидел, закрыв глаза, словно в дремоте,

наверное советовался со своим сердцем. Наконец встал. Они думали услышать его решение, но он только прошептал:

— Тсс! Что это?

Снова накатил страх. Они услышали хриплые голоса, крики и пение, сначала издали, потом все ближе. Им вдруг пришло в голову, что Черные Крылья выследили их и теперь наслали полчища воинов, идущих за ними; любая скорость казалась доступной этим исчадиям Врага. Припав к земле, хоббиты прислушивались. Голоса и лязг оружия раздавались совсем близко. Фродо и Сэм привстали и обнажили мечи, готовясь к схватке. О бегстве нечего было и думать.

Горлум медленно приподнялся и пополз к краю лощины. Он полз осторожно, дюйм за дюймом, потом выглянул между камней и сам стал неотличим от них. Голоса начали отдаляться, постепенно затихая. Далеко, у бастионов Мораннона, прозвучала труба. Горлум тихонько соскользнул обратно.

— Люди идут в Мордор, — прошептал он. — Чернолицые. Мы еще не видели таких, нет, Смеагорл не видел. Они страшные. Черные глаза, и черные волосы, и золотые кольца в ушах — да, много золота! И на щеках красная краска, и красные плащи,

и кончики копий тоже красные, и круглые щиты, желтые и черные, с большими шипами. Очень страшные люди, очень свирепые. Такие же, как орки. Смеагорл думает — они с юга, с далекого юга. Все время приходят люди в Мордор. Когда-нибудь там соберутся все племена.

— С юга? — спросил Сэм, от любопытства забывая о своих страхах. — А елефантов с ними нет?

— Кого-кого? — опешил Горлум. Потом потряс головой и решительно заявил: — Нету. А кто это?

Сэм встал прямо, по привычке заложил руки за спину (так он всегда делал перед тем, как «рассказывать стих») и начал:

Я сер, как мышь,
Я выше крыш,
А нос мой как змея.
Мой лоб как стол,
Нога как ствол,
Иду — дрожит земля.
Хожу, брожу,
Кружу, крушу,
Впечатываю шаг.
Могуч мой стан,
И ураган

Живет в моих ушах.
Когда поесть
Желаю всласть —
Беда невелика,
Поскольку есть
Большая пасть,
А в ней торчат рога.
И тот, кто вдруг,
Попав на юг,
Увидится со мной,
Решит, что он
Увидел сон,
Навеянный жарой.

— Вот, — сказал он, кончив декламировать, — такой у нас в Шире стишок есть. Чепуха, может, а может, и нет. К нам ведь тоже вести с юга доходят. В давние дни хоббиты и туда и обратно путешествовали. Не то чтобы все вернулись, и не то чтобы стоило всему верить, что рассказывали... «Вести из Брыля, — как говорится, — не шире, чем слухи в Шире». Но я сам слышал про Большой Народ из Полуденных Стран. Мы их Смугляками звали. Говорят, они воюют на елефантах. И дома,

и башни у елефантов на спинах, и всякое такое, будто они скалы ворочают и деревья ломают. Вот ты сказал: «Люди с юга, в красном и золотом», я сразу и спросил: «А елефанты есть?» Если б были, я хоть бы одним глазком глянул. Эх, да что теперь. Видать, не судьба мне елефантов увидеть. Может, их и вовсе нет, — он тяжко вздохнул.

— Нет, нету таких, — сердито заворчал Горлум. — Смеагорл о таких не слышал. Смеагорл не хочет их видеть. Он не хочет, чтобы они были. Он хочет уйти отсюда. Он хочет, чтобы хозяин ушел. Славный хозяин пойдет со Смеагорлом?

Фродо встал. Его рассмешила старая детская песенка, и смех помог ему решиться.

— Нам бы тысячу твоих елефантов, и чтоб впереди, на самом большом и белом — Гэндальф, — сказал он. — Тогда бы мы, может, и прорвались в эту треклятую страну. Ничего не поделаешь, придется обойтись парой усталых ног. Ну что же, Смеагорл, пусть третий раз будет решающим. Я пойду с тобой.

— Умный хозяин, добрый хозяин, славный хозяин! — восторженно вскричал Горлум, ластясь к коленям Фродо. — Добрый, умный! Теперь отдохните, мои славные, ложитесь в тени, у самых камней. Отдыхайте, пока Желтый Лик не скроет-

ся. А тогда мы пойдем, быстро-быстро, как тени!

Глава IV
О ТРАВАХ И КРОЛИКАХ

Когда лощину заполнили сумерки, они поели и выпили немного воды. Горлум ничего не ел, но воды попил.

— Скоро будет больше, — сказал он, облизываясь. — Много хорошей воды в ручейках, много ручьев там, куда мы идем. Там и Смеагорлу найдется еда. Он очень голодный, да! — он прижал большие плоские ладони к тощему животу, и глаза у него загорелись бледным зеленоватым огнем.

Было уже темно, когда они осторожно двинулись в путь по западному краю лощины, прячась среди камней и рытвин. Луна была на ущербе и всходила не раньше полуночи. Высоко в одной из башен крепости горел красноватый огонек, но других признаков жизни не было. Мораннон казался спящим.

Этот красный глаз словно следил за ними. Они не смели выйти на дорогу, но и боялись потерять ее из виду. Наконец, уже после полуночи, огонек на башне превратился в красную точку и исчез:

они обогнули северный отрог хребта и шли теперь прямо на юг.

Отдыхали недолго. Горлум все время торопил их. По его счету, от Моранноно до Перекрестка над Осгилиатом было лиг тридцать, и он надеялся покрыть это расстояние за четыре перехода. Когда в небе начал разливаться сероватый рассвет, пришлось остановиться. Почти восемь лиг осталось позади. Хоббиты не могли больше сделать ни шагу от усталости.

Светало, и они все яснее видели, что местность вокруг уже не такая пустынная и голая. Слева все так же мрачно вздымались горы, но дорога на юг шла среди зеленых холмов. Выше по склонам росли высокие темные деревья, а ниже расстилались холмистые просторы, заросшие ракитником, вереском, кизилом и каким-то еще незнакомым кустарником. Кое-где островками высились стройные сосны. Несмотря на усталость, на душе у хоббитов полегчало. Воздух здесь был свежий, душистый и напоминал о родном далеком Шире. Так отрадно было получить передышку, идя по стране, лишь несколько лет назад подпавшей под власть Врага и не успевшей погибнуть окончательно. Но они не забывали об опасности. Моранноно миновали совсем недавно.

Надо было искать укрытие до вечера.

День, проведенный в чаще кустарника, прошел беспокойно — по крайней мере для Сэма. Фродо иногда крепко засыпал. То ли он доверял Горлуму, то ли просто слишком уставал. Сэму не спалось, даже когда спал Горлум. Ему не давала покоя не столько подозрительность, сколько голод: давно уже хотелось пожевать «чего-нибудь горяченького».

В сумерках они двинулись снова и шли теперь по дороге. Это было быстрее, хотя и опаснее. Приходилось напрягать слух, чтобы вовремя различить шаги или цоканье копыт, но ночь шла, а им никто не встречался.

Дорога была древняя. Чем дальше на юг, тем она становилась заброшеннее. В том, как прямо и ровно она шла, угадывалось мастерство древних строителей: она то прорезала склоны холмов, то перекидывалась через речки широкой каменной аркой моста, но в конце концов всякие следы каменной кладки исчезли в разливе трав и мхов. Вереск, хвощ, папоротник теснили ее со всех сторон и перехлестывали через края. Дорога сужалась, пока не превратилась в тропинку, но по-прежнему шла все так же прямо.

Путники вступили в северную часть страны, которую люди называли Итилиеном, — в прекрасную страну горных лесов и быстрых светлых речек. Ночь была ясная и звездная, и хоббитам определенно казалось, что воздух становится все ароматнее. По фырканью и бормотанью Горлума видно было, что хотя он тоже замечает это, но вовсе не одобряет. Как только забрезжил рассвет, пришлось остановиться в конце длинной глубокой расщелины, прорезанной дорогой в каменистом гребне. Они поднялись на западный склон и огляделись.

Быстро светлело. Горы здесь отступали далеко на восток, теряясь в легкой дымке. На западе холмы спускались отлогими скатами все ниже, к долине Андуина. Здесь островками росли ели, кедры, кипарисы, а между ними простирался сплошной ковер душистых трав и мелкого кустарника. Долгое путешествие увело хоббитов далеко от родного дома, но только здесь, в этой долине, они ощутили, как давно находятся в пути. Здесь весна уже началась: сквозь мох и прошлогодние листья пробивались молодые побеги папоротника, ветви одевались новой листвой, в кронах деревьев пели птицы. Итилиен, сад Гондора, хотя и заброшенный ныне, еще сохранял небрежную

прелесть беспечной дриады.

На юго-западе его встречали теплые низовья Андуина, с востока защищали Хмурые Горы, с севера — Пепельные, так что сюда свободно попадали только теплые и влажные морские ветра. Здесь рос уже настоящий лес, некогда обихоженый нуменорцами и заброшенный их потомками.

Огромные деревья, отжив свой век, тихо ложились на землю среди буйной беззаботной поросли; в зарослях тамариска и горького ореха, оливы и лавра попадались можжевельник, мирт и то вьющийся по ветвям деревьев, то оплетающий валуны узорным покровом тимьян. Тут и там в траве вспыхивали фиолетовые, малиновые, желтые метелки шалфея. Сэм углядел майоран и петрушку, но сколько же вокруг было всяких чудных пряных трав, о которых в Шире и не слыхивали! В гротах и галечных долинах уже засветились звездочки камнеломки. Анемоны и примулы проснулись в сырых низинах. Асфодели и лилии кивали полуоткрытыми головками по бережкам крохотных озерец, гасивших звонкие струи ручейков, отдыхавших в прохладных лощинах на своем пути к Андуину.

Путники сошли с дороги и стали спускаться

вниз по склону. От потревоженной травы поднимались волны чудного аромата. Горлум кашлял и отплевывался, а хоббиты дышали полной грудью, и вот уже Сэм засмеялся — просто так, от радости.

Вдоль быстрого светлого ручейка они вышли к небольшому прозрачному озеру. Некогда берега его были вымощены камнем, но кладка почти вся рассыпалась и давно пропала под покровом мха и вьющихся диких роз. Вокруг озера, словно охраняя его, стояли высокие ирисы, на темной поверхности лежали круглые листья кувшинок; оно было глубокое и свежее и с неумолчным журчанием переливалось через нижний край.

Хоббиты вдоволь напились из ручейка и всласть выкупались. Потом стали искать место, чтобы отдохнуть и спрятаться: как бы ни была прекрасна эта страна, над ней простиралась рука Врага. Чуть в стороне от дороги виднелись шрамы старых битв и свежие раны, нанесенные орками или другими гнусными слугами Врага: кучи грязи и отбросов, бесцельно срубленные, умирающие деревья со злыми рунами, грубо вырезанными на коре.

Сэм, начисто забыв о Мордоре, спускался по ручейку, ощупывая и обнюхивая незнакомые травы

и деревья, и вдруг наткнулся на выжженный в траве круг — след костра, — посреди которого возвышалась груда обгорелых, разбитых костей и черепов. Вереск, шиповник и ломонос, разрастаясь, уже накинули зеленый покров на следы ужасного пиршества, но видно было, что с тех пор прошло совсем немного времени. Сэм поспешно вернулся к месту стоянки, но ничего не стал говорить: пусть лучше кости покоятся в мире, не потревоженные и не осквернённые Горлумом.

— Надо искать лежку, — только и сказал он. — По-моему, лучше будет подняться повыше.

Над озером они нашли толстый бурый слой прошлогоднего папоротника. За ним круто поднимался склон, густо заросший темнолистыми лаврами и увенчанный группой старых кедров. Здесь они решили укрыться и провести день, обещавший быть ясным и теплым. В такой день приятно было бы идти по холмам и рощам Итилиена, но хотя орки и не любят солнечного света, здесь хватало тени для засады. А ведь Саурону служат не только орки… Горлум решительно не хотел идти под Желтым Ликом. Он не выносил дневной свет и тепло.

Сэма не оставляла мысль о еде. Теперь, когда страх перед неприступными Воротами Мордора

остался позади, он всерьез задумался, чем же они будут питаться, когда выполнят свою миссию. Ему хотелось приберечь эльфийские лепешки на черный день.

После длительного перехода, после питья и купанья, голод давал знать о себе пуще прежнего. Сэм повернулся к Горлуму, который по обыкновению собирался юркнуть на четвереньках в папоротник и исчезнуть по своим делам.

— Эй, Горлум! Ты куда? На охоту? Слушай, тебе наша пища не нравится, да я и сам не прочь бы отведать чего другого. Ты всегда рвешься помогать, так, может, найдешь что-нибудь для нас?

— Да, может быть, — неохотно ответил Горлум. — Смеагорл всегда помогает, если его попросят, если попросят ласково.

— Правильно, — сказал Сэм. — Вот я тебя и прошу. А если тебе кажется, что не очень ласково, то извини уж, я по-другому не умею.

Горлум исчез. Фродо пожевал лепешку, зарылся в папоротники и уснул. Утренний свет только начал пробираться под сень деревьев, но Сэм ясно различал лицо и руки друга. Ему вспомнилось, как спал Фродо в Дольне, когда его принесли туда чуть живого. Тогда, сидя над ним, Сэм замечал, что он временами начинает будто светиться

изнутри. Сейчас это свечение стало явственнее. Лицо у Фродо было спокойное и казалось древним, древним и прекрасным, словно мудрость прожитых лет отразилась в чистых, доселе незаметных линиях, хотя сами черты лица вроде бы и не изменились.

Сэм долго смотрел на него, потом покачал головой и прошептал:

— Я люблю его. Светится он или нет, мне все равно, я его люблю.

Вернулся Горлум. Тихонько подкравшись, он заглянул Сэму через плечо, но тут же зажмурился и бесшумно отполз прочь. Через минуту он уже что-то жевал, бормоча по обыкновению под нос, а рядом с ним на земле лежала пара убитых кроликов.

— Смеагорл всегда поможет, — сказал он. — Смеагорл принес кроликов, славных кроликов. Но хозяин спит. Может, Сэм тоже хочет спать? Так нужны ему кролики? Смеагорл помогает, но кроликов так вдруг не поймаешь…

Сэм ничего не имел против кроликов, особенно против тушеных. Стряпать умеют все хоббиты, но Сэм слыл в этом деле мастером даже по хоббитскому счету. В пути ему не раз случалось демонстрировать свое искусство, все необходи-

мое всегда было под рукой: маленькая трутница, две неглубокие кастрюльки, деревянная ложка и короткая двузубая вилка, пара вертелов, а на самом дне мешка, в плоской деревянной коробочке упрятана величайшая драгоценность — соль. Всего и дел-то было — развести огонь и раздобыть приправу. Он немного подумал, достал нож, поточил его и начал разделывать кроликов. Ему не хотелось даже на минуту оставлять спящего Фродо одного.

— Горлум, — позвал он, — принеси-ка мне воды вот в этих кастрюлях.

— Смеагорл принесет. Но зачем вода? — удивился Горлум. — Все уже умылись и попили.

— Не твоя забота, — отрезал Сэм. — Чем скорее принесешь, тем скорее узнаешь. Смотри, береги кастрюли, а то я тебя самого разделаю, как кролика.

Когда Горлум исчез, Сэм снова взглянул на Фродо и пробормотал:

— Не годится хоббиту так худеть. Сготовлю кроликов, тогда разбужу.

Он набрал сухого валежника, вырезал несколько пластин дерна около ручья, сделал неглубокую ямку и развел в ней костер. Дыма почти не было, только приятный смолистый запах. Когда вер-

нулся Горлум, Сэм хлопотал над огнем. Горлум, увидев костер, поставил кастрюли и зашипел сердито и испуганно:

— Аххх! Сссс! Нет! Глупые хоббиты! Не надо этого, не надо!

— Чего не надо? — удивился Сэм.

— Этих красных яззыков! — прошипел Горлум. — Огонь, огонь, он опасный, да! Жжется, убивает! Он приведет врагов, да, да!

— А, брось, — пренебрежительно отмахнулся Сэм. — Он не будет дымить. Надо же мне как-то приготовить этих кроликов.

— Приготовить? — в отчаянии повторил Горлум. — Испортить такое хорошее мясо! Зачем? Они молодые, они мягкие. Съесть их, съесть! — он протянул жадные пальцы к кролику, уже ободранному и лежащему у огня.

— Но, но! — прикрикнул на него Сэм. — У каждого свой вкус. Тебе не нравятся наши лепешки, а мне — сырое мясо. Раз уж ты подарил мне кроликов, я могу делать с ними все, что хочу, даже сварить их. Поймай себе другого и ешь по-своему, только так, чтобы я не видел. А если тебя беспокоит костер, то я за ним послежу, дыма не будет.

Горлум отполз, ворча, и скрылся в папоротнике. Сэм хлопотал над кастрюлями, приговаривая себе

под нос: «…По-хоббитски к кролику главное что? Приправа и коренья, и картошечки бы, да и хлеба не помешает… А приправа-то вроде есть…»

— Эй, Горлум, — ласково позвал он. — Услужи уж и в третий раз. Поищи травки.

Голова Горлума показалась над папоротниками, но взгляд был явно не дружелюбный.

— Мне бы лаврушечки, тмина и шалфея, пока вода не вскипела, — продолжал Сэм.

— Нет! — отказался Горлум. — Смеагорлу не нравится. Он не любит пахучих листьев. Он не ест травы и корни, нет, наша прелесть, разве что заболеет или оголодает, бедный Смеагорл.

— Смеагорл окажется прямо в настоящей горячей воде, прямо в кипятке, если не сделает, что его просят, — рявкнул Сэм. — Я сам макну тебя туда, сокровище ты наше! Кабы репка да морковка созрели, Смеагорл бы точно сходил за ними. Сдается мне, растут они здесь, сами по себе. Картошечки бы еще. Много бы я отдал за полдюжины картошек.

— Смеагорл не желает идти, нет, моя прелесть, в другой раз, — зашипел Горлум. — Смеагорла напугал нехороший хоббит. Смеагорл не хочет рыть корни и эти… картошки. Что еще за картошки, какие картошки?

— Кар-то-фель, — объяснил Сэм. — Экий ты, братец, непонятливый. Это ж для пустого желудка первое дело! Но рановато для картошки, не созрела еще, и искать незачем. Ну ладно, будь умницей, принеси травки, и я буду думать о тебе лучше. А картошечкой я тебя как-нибудь потом угощу. Уж от жареной рыбы с хрустящей картошечкой по-сэмовски ты не откажешься.

— Нет, откажешься, — сварливо возразил Горлум. — Жаришь сладкую рыбу, портишь ее. Дай лучше рыбу нам, а себе оставь всю остальную гадость!

— Ты неисправим, — сдался Сэм, — иди лучше спать.

В конце концов Сэм нашел, что хотел. Но в поисках он не упускал из виду ни костер, ни спящего Фродо. Солнце поднималось все выше. Воздух теплел, и роса на траве высохла. Мясо и травы потихоньку доходили в кастрюлях. Сэм пробовал то одно, то другое, поддерживал огонь и чувствовал, что вот-вот заснет. Наконец кролик, по мнению Сэма, был готов. Он снял кастрюли с огня и тихонько разбудил Фродо. Тому, видно, опять приснилось что-то приятное, и опять он не помнил, что именно.

— А, Сэм… Ты не спишь? Который час?

— Солнце уже два часа как взошло. По-нашему где-нибудь полдевятого. Все в порядке. Только у меня нет ни луку, ни репы, ни картофеля. Я тут состряпал кое-что, это вам полезно. Можно прямо из кастрюли, когда немного остынет. Мисок-то нет.

Фродо зевнул и потянулся.

— Тебе нужно было отдыхать, Сэм, — сказал он. — А разводить костер здесь опасно. Но я действительно проголодался. Гм! Чем это пахнет? Что ты приготовил?

— Подарочек от Смеагорла, — ответил Сэм. — Пара молодых кроликов, хотя, кажется, Горлум уже жалеет о них. Но заправить было нечем, так только, травки кое-какие…

Ели из кастрюли, пользуясь по очереди одной старой ложкой и одной вилкой на двоих. К кролику Сэм подал по половине эльфийской лепешки. Это был настоящий пир.

— Эй, Горлум! — негромко позвал Сэм. — Иди-ка сюда! Отведай тушеного кролика, тут и для тебя осталось. — Но никто ему не ответил. — Должно быть, опять отправился ловить что-нибудь, — решил Сэм. — Ну что ж, мы и сами все подъедим.

— Ладно, отдохнул бы ты теперь.

— Хорошо. Только не засыпайте, пока я подрем-

лю. Я не очень-то ему доверяю. В нем еще очень много от Вонючки, то есть от Горлума, я хотел сказать, и, по-моему, Вонючка становится все сильнее. Он давно уж задушил бы меня, да что-то мешает. Я вижу, Сэм ему не по нраву.

Сэм встал и спустился к воде помыть посуду. Обернувшись, он увидел, что солнце уже поднялось над мраком и дымом, вечно лежащим на востоке, и пронизывает древесные кущи золотистыми лучами. В этом свете ясно различалась тонкая синевато-серая струйка, вьющаяся над папоротником. Сэм не сразу понял, что это — дымок костра, который он забыл погасить.

Он тихонько ахнул и заспешил назад, но вдруг остановился. Ему послышался не то свист, не то голос какой-то птицы. Если это был свист, то свистел не Фродо, а птиц что-то до сих пор не было слышно. Свист раздался снова, но теперь уже с другой стороны! Сэм со всех ног кинулся вверх по склону.

От случайно сдвинувшейся головешки затлел папоротник у костра. Торопливо сбив огонь, Сэм расшвырял угли и закрыл ямку дерном, потом подполз к Фродо.

— Вы слышали, кто-то пересвистывается? — прошептал он. — Вот только что. Я сначала подумал: не птица ли? Но, скорее, кто-то подражает птице. Боюсь, что костер у меня дымил все-таки. Никогда не прощу себе…

— Тсс! — прошептал Фродо. — Кажется, я слышу голоса.

Они быстро увязали сумки, вскинули на спину и, забравшись глубже в чащу кустарника, притаились там, вслушиваясь.

Сомнений не было. Тихие осторожные голоса приближались. И вдруг один из них раздался совсем близко.

— Вот откуда шел дым! — сказал он. — Оно где-то здесь, поблизости. Наверное, в кустах. Теперь мы поймаем его, как кролика, и тогда узнаем, что оно такое.

— И что ему известно, — добавил другой голос.

На поляну вышли одновременно с четырех сторон четыре человека. Ни бежать, ни прятаться больше было нельзя. Фродо с Сэмом выскочили на свободное место и встали спина к спине, обнажив мечи.

Если ими владело удивление, то люди на поляне удивились еще больше. Их было четверо: высокие, статные; двое вооружены копьями с широкими лезвиями, двое — большими, почти в рост, луками. За спиной висели колчаны, полные оперенных зеленых стрел. У каждого на поясе был меч. Здесь, в рощах Итилиена, зеленая с коричневым одежда делала воинов почти невидимыми. Руки в зеленых перчатках, на лицах зеленые маски и капюшоны, в прорезях блестели

зоркие, внимательные глаза.

Фродо невольно вспомнился Боромир: эти люди были похожи на него и ростом, и осанкой, и манерой говорить.

— Нашли-то нашли, да не то, что искали, — растерянно протянул один из них. — Но что же мы все-таки нашли?

— Это не орки, — сказал другой, отпуская рукоять меча, за который он было схватился, увидев оружие в руках хоббитов.

— Эльфы? — неуверенно предположил третий.

— Нет, не эльфы, — ответил четвертый. Выше всех ростом, он, видно, был у них предводителем. — Эльфы больше не бывают в Итилиене, а потом, говорят, они очень хороши собою.

— А мы, значит, нет? — обиделся Сэм. — Вот спасибо. Когда вы кончите обмениваться впечатлениями, то, может, скажете, кто вы такие и почему мешаете отдыхать усталым путникам?

Высокий зеленый человек угрюмо усмехнулся.

— Я — Фарамир, начальник воинов Гондора, — сказал он. — В этой стране не бывает путников, здесь могут быть только слуги крепости: Черной или Белой.

— Мы не от той и не от другой, — подал голос Фродо. — Мы просто путники, что бы вы ни го-

ворили.

— Тогда вам придется рассказать, и побыстрее, кто вы и куда идете! — приказал Фарамир. — Мы заняты, и сейчас не время для болтовни и загадок. Да! — спохватился он, — а где же третий?

— Третий?

— Да, третий. Мы видели его у озера, вон там. Вид у него подозрительный. Это, должно быть, какая-то порода орков-лазутчиков или их прислужник. Он ускользнул от нас.

— Я не знаю, где он, — произнес Фродо. — Это наш спутник, встреченный нами случайно, и я за него не отвечаю. Если вы его разыщете, то не убивайте, а приведите или пришлите к нам. Это жалкое бродячее существо, и я временно забочусь о нем. А что до нас, то мы — хоббиты из Шира. Это — страна, там, далеко на северо-западе, за многими реками. Я — Фродо, сын Дрого, а со мною Сэмиус, сын Хэмфаста, мой достойный друг. Мы пришли издалека, из Дольна, или Имладриса, как называют его некоторые.

При этих словах Фарамир вздрогнул и стал слушать внимательнее. Это не укрылось от Фродо.

— У нас было семеро спутников, — продолжал он. — Одного мы потеряли в Мории, а с остальными расстались в Порт Галене, повыше Рэроса: двое

были мои земляки, один гном, один эльф и двое людей, — Фродо помолчал, словно раздумывая, говорить дальше или нет, — один из них звался Арагорном, другой — Боромиром. Он говорил, что пришел из Минас Тирита, города на юге…

— Боромир! — воскликнули все четверо.

— Боромир, сын правителя Гондора? — произнес Фарамир, и глаза его сверкнули. — Вы были с ним? Вот это новость так новость, если это правда. Знайте, чужеземцы, что Боромир, сын Денетора, был Стражем Белой Башни и нашим главным военачальником. Нам очень не хватает его! Но кто же вы и что у вас общего с ним? Говорите скорее, солнце уже высоко!

— Вы помните предсказание, из-за которого Боромир отправился в Дольн? — спросил Фродо. — То, где говорилось о сломанном мече и об Имладрисе?

— Конечно, помню, — ответил изумленный Фарамир. — Если вы знаете об этом, значит, говорите правду.

— Так вот, сломанный меч принадлежит Арагорну, нашему спутнику, — сказал Фродо. — А мы — полурослики, о которых сказал тогда голос.

— Да, похоже, что так, — задумчиво произнес Фарамир. — А что это за «проклятье Исилдура»?

— Пока это тайна, — ответил Фродо. — Но думаю, в свое время она откроется.

— Это же очень важно, — настаивал Фарамир. — И то, что привело вас так далеко на восток, в тень этого… — он указал в сторону горного хребта, не называя его. — Ладно, не сейчас. У нас важное дело. Вы в опасности, и сегодня все равно не ушли бы далеко, по дороге или без нее. Впереди у вас битва, а там — либо смерть, либо бегство к Андуину. С вами останутся двое моих людей для охраны, ради вашего же спокойствия, и моего тоже. Разумный не станет доверять случайным встречам на дорогах в этой стране. Если я вернусь, мы еще поговорим.

— Прощайте, — произнес Фродо, низко кланяясь. — Думайте как хотите, но я — друг всех врагов одного Врага. Мы пошли бы с вами, но не хоббитам равняться с такими могучими воинами, как вы. Да сияет солнце на ваших мечах.

— Хоббиты — учтивый народ, кем бы они ни были, — заметил Фарамир. — Всего доброго!

Хоббиты сели, ничего не говоря друг другу о своих тревогах и опасениях. Двое стражей остались поблизости, в тени лавровых деревьев. Было жарко, воины время от времени снимали маски, тогда Фродо видел красивые, гордые и печальные

лица. Они тихо беседовали между собой, сначала на Всеобщем языке, потом на языке своего племени, и Фродо заметил, что их язык очень похож на эльфийский; он в изумлении смотрел на них, догадываясь, что видит потомков легендарного Нуменора.

Он заговорил с ними, они осторожно отвечали. Их звали Маблунг и Дамрот. Их предки жили в этой стране еще до того, как она была завоевана Врагом. Из таких правитель Денетор выбирал людей, которые тайно переправлялись через Андуин и сражались с орками между Рекой и Хмурыми Горами. Так далеко на восток, как сегодня, они редко заходили, но в этот день был получен приказ выследить и уничтожить отряд, идущий с юга.

— Когда-то между Гондором и Харадом, страной на юге, был договор о дружбе, — рассказывал Дамрот, — но настоящей дружбы не было, в те дни границы наши проходили южнее, за устьем Андуина, и Умбар, ближайшее харадское поселение, искал нашего покровительства. Но все это давно минуло. С тех пор сменилось несколько поколений, и никто из Гондора не бывал там. А оттуда и подавно никто не приходил. Поэтому мы слишком поздно узнали, что в Хараде побы-

вали посланцы Врага, и харадримы перешли на сторону Мордора, а может, просто вернулись к нему. Нам ведома мощь Мордора, и мы не строим иллюзий насчет будущего Минас Тирита…

— Но и не сидим сложа руки, — вставил Маблунг. — Проклятые чужаки идут в Темную Крепость по древним дорогам, выстроенным руками Гондора Они совсем обнаглели; видно, думают, что даже тень Его мощи защитит их. Ну, мы их проучим. Большой отряд должен пройти сегодня здесь после полудня. Так они не пройдут! Недаром вождем у нас Фарамир! Он бросается в самую гущу боя, как будто защищен чарами, а может, судьба хранит его для какого-то другого конца…

Они замолчали и стали прислушиваться. Сэм, не выдержав, осторожно выглянул из папоротника и увидел, что повсюду среди деревьев пробираются люди — в одиночку или группами, крадучись или ползком, едва видимые среди стволов и зелени в своих зеленых и коричневых одеждах. На них были такие же перчатки и маски и вооружение, как у Фарамира и его спутников. Они быстро миновали поляну и исчезли. Солнце стояло уже высоко, и тени укоротились.

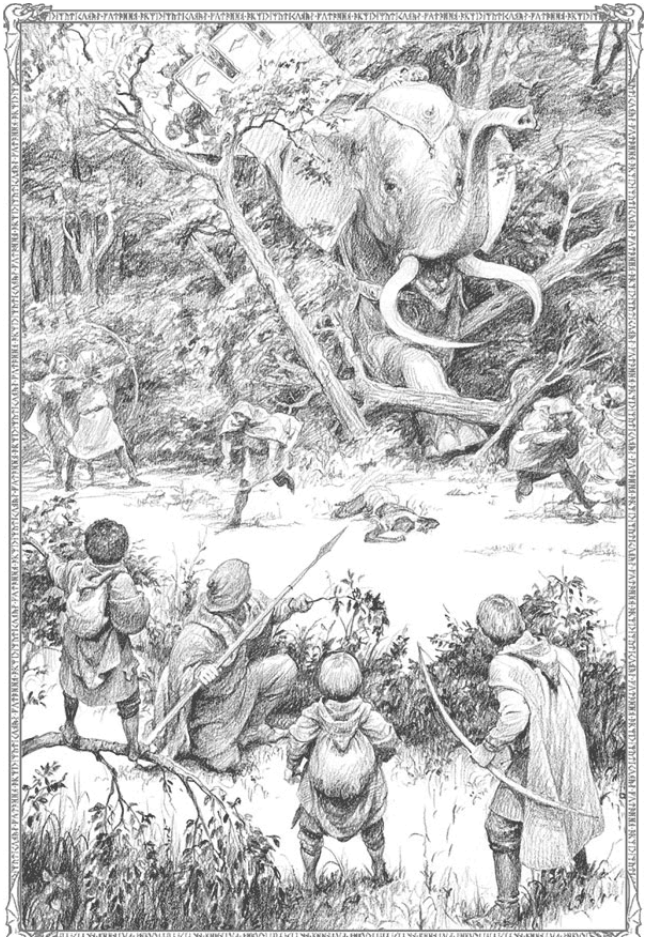
«Интересно, где эта тварь Горлум? — подумал

Сэм, заползая глубже в тень деревьев. — Либо его поймают, приняв за орка, либо он изжарится на солнце. Ну да пусть сам о себе заботится». Он лег рядом с Фродо и задремал.

Разбудили его звуки рога и громкие крики поблизости. Лязгала сталь, слышался глухой стук клинков о щиты; крики и вопли раздавались совсем рядом, и один голос, громче и отчетливее всех, восклицал:

— Гондор!

— Во дела! — сказал Сэм. — Как будто сто кузнецов гремят по наковальням. И, по-моему, они к нам слишком близко.



Шум боя приближался.

— Смотрите! — вскричал Дамрот. — Смотрите, южане бегут сюда. Вон они! А наши — за ними, и Фарамир впереди!

Любопытство одолело Сэма, он присоединился к воинам и даже влез на невысокое дерево. Ему удалось разглядеть, как бегут вниз по склону рослые люди в красном, а за ними гонятся зеленые воины. Сверкали мечи, свистели стрелы. Вдруг, чуть ли не прямо на них, ломая молодую поросль, рухнул человек в красном. Он остался лежать в папоротнике ничком, из шеи у него, пониже золотого ожерелья, торчала стрела с зеленым оперением. Алая одежда была изодрана в клочья, панцирь из бронзовых пластинок изрублен, темные, переплетенные золотыми шнурами волосы напитались кровью, а в смуглой руке был зажат меч с обломанным клинком.

Впервые Сэм видел схватку людей с людьми, и это зрелище ему не понравилось. Хорошо хоть лица убитого не видно. Ему захотелось узнать, как зовут этого человека, откуда он родом, был ли он на самом деле злым и жестоким, и какими угрозами или какой ложью его завлекли умирать так далеко от дома, и не лучше ли было ему придти сюда с миром — все эти мысли взвихрились

у него в мозгу и исчезли. Новые звуки отвлекли его. Крики и вопли перекрыл трубный рев, а потом послышался тяжелый топот и глухие удары, словно неподалеку забивали сваи.

— Берегись! — крикнул Маблунг, шагнувший было из укрытия к убитому южаку. — Пусть Валары повернут его в сторону! Это мумак!

С замиранием сердца Сэм увидел огромную тушу, продирающуюся сквозь деревья вниз по склону. Выше крыши — куда выше крыши — показался ему этот серый живой холм. Харадский мумак был гигантом, а страх и изумление Сэма сделали его еще больше. Таких зверей в Средиземье уже не осталось. За нескольких ярдов от стражей мумак вдруг свернул в сторону, и Сэм смог по-настоящему разглядеть диковину: ноги как стволы деревьев, огромные паруса-уши, хобот изогнулся, как змея для удара, маленькие красные глазки горят яростью, украшенные золотом бивни в крови. Алая с золотом упряжь съехала набок. Остатки боевой башенки на спине цеплялись за деревья и разваливались на глазах. А высоко-высоко, на шее зверя, отчаянно пытался удержаться казавшийся отсюда маленьким могучий южанин.

Ослепленное яростью чудище рвалось вперед,

топча кусты и расплескивая болота. Стрелы, похоже, только злили его, не причиняя заметного вреда. Люди бежали, и мумак давил отставших и раненых. Вскоре он исчез из виду, только топот слышался еще долго.

Сэм так и не узнал, что с ним сталось; он перевел дух, слез с дерева и ошеломленно выговорил:

— Это ж елефант был! Так они по правде есть! И я-таки углядел одного. Ну, дела! Вот только дома мне все равно никто не поверит, — он еще долго крутил головой, потом прислушался. — Похоже, все кончилось. Теперь я бы не прочь соснуть…

— Спите, пока можете, — ответил Маблунг. — Но если Фарамир цел, он скоро вернется, и тогда мы быстро снимемся с места. Как только Враг узнает об этой битве, за нами пошлют погоню.

— Тогда уходите потише, — сказал Сэм. — Не мешайте спать. Мы всю ночь шли без отдыха.

Маблунг рассмеялся.

— Вряд ли наш начальник позволит вам остаться здесь, — заметил он. — Ну, там посмотрим.

Глава V
ОКНО ЗАКАТА

Сэму показалось, что он дремал всего несколько минут, но было уже далеко за полдень. Фарамир вернулся. С ним пришли человек двести воинов. Они расположились широким полукругом, Фарамир сидел посредине, а Фродо стоял перед ним. Это до странности походило на допрос пленного.

Сэм, никем не замеченный, потихоньку выполз из зарослей и уселся в конце одного из рядов, отсюда все было видно и слышно. Он готов был броситься к Фродо на помощь в любой момент. Фарамир сидел без маски, и Сэм видел его лицо — суровое и властное, с пытливым взглядом пристальных серых глаз. В этих глазах, не отрывавшихся от Фродо, явственно читалось сомнение.

Сэм очень быстро понял, что гондорец не удовлетворен ответами Фродо на многие вопросы: об отряде, вышедшем из Дольна, почему и где он покинул Боромира, куда идет теперь, а главное, какая связь между ним и «проклятьем», упомянутым в предсказании. Фарамир видел: Фродо

скрывает что-то важное.

— Но ведь именно полурослики должны знать о «проклятии», — настаивал он, — если вы и есть те самые полурослики, то чем бы оно ни было, вы должны были принести его на Совет, о котором рассказывали мне, и Боромир видел его. Вы не будете этого отрицать?

Фродо молчал.

— Так! — произнес Фарамир. — Я хотел бы узнать о нем больше. То, что касается Боромира, касается и меня. В хрониках сказано, что Исилдур погиб от стрелы орка. Но стрела — дело обычное, вряд ли ее можно назвать проклятьем... Это — вещь, может быть, она у вас? Это тайна, сказали вы, так не потому ли, что вы предпочли скрыть ее?

— Нет, не потому, — ответил Фродо. — Это не принадлежит мне. Это не может принадлежать никому из смертных. Но уж если кто и имеет на нее права, так это Арагорн, сын Арахорна, о котором я говорил вам: он вел наш отряд от Мории до Рэроса.

— Почему он, а не Боромир, сын правителя города, построенного сыновьями Элендила?

— Потому что Арагорн — прямой потомок Исилдура, сына Элендила, и меч, который он носит,

принадлежал его великом предку.

По рядам воинов пронесся шепот: «Меч Элендила! Меч Элендила придет в Минас Тирит!», но лицо Фарамира оставалось бесстрастным.

— Возможно, — произнес он. — Но если этот Арагорн когда-нибудь придет в Минас Тирит, ему придется доказать свои права. Когда я выходил из Гондора неделю назад, там не было ни его, ни кого-нибудь из его отряда.

— Боромир признал его права, — сдержанно сказал Фродо. — Конечно, будь Боромир здесь, он ответил бы на все ваши вопросы. Но мы расстались уже давно. От Порт Галена он намеревался двинуться прямо в Минас Тирит. Думаю, что, вернувшись туда, вы узнаете ответы на свои вопросы. Моя роль в отряде известна Боромиру, как и другим участникам похода, она возложена на меня Элрондом в Имладрисе в присутствии всего Совета. Я пришел в эту страну не по своей прихоти, но о моей задаче не буду говорить ни с кем, кроме назначенных Советом. Все, кто считает себя врагами Врага, хорошо сделают, если не будут мешать мне.

Неизвестно, что Фродо при этом чувствовал, но говорил он гордо, и Сэму это понравилось. Однако Фарамира его ответ не удовлетворил.

— Вот как! — улыбнулся он. — Вы предлагаете мне заняться своими делами и вернуться домой, а вас оставить в покое? Боромир, значит, расскажет все, когда придет, говорите вы. Когда придет... Скажите, вы были другом Боромиру?

У Фродо перед глазами встало искаженное яростью лицо Боромира на полянке, на склоне Зоркого. Он помедлил с ответом. Пристальный взгляд Фарамира, следившего за ним, сделался жестким и неприязненным.

— Боромир был отважным спутником, — сказал наконец Фродо. — Да, если говорить обо мне, я был его другом.

Фарамир мрачно усмехнулся.

— Значит, вы огорчитесь, если узнаете, что Боромир убит?

— Конечно, — ответил Фродо и вздрогнул, увидев, как сверкнули глаза гондорца. — Убит? — повторил он. — Вы хотите сказать, что он действительно мертв и что вы знали об этом с самого начала? Вы хотели поймать меня на слове, играли со мной! Или это сейчас вы пытаетесь расставить мне ловушку?

— Обманом я не стану завлекать даже орка, — сдержанно ответил Фарамир.

— Но как же тогда вы узнали о смерти Бороми-

ра? Вы сказали, что никто из нашего отряда не появлялся в Гондоре до вашего ухода…

— О том, как он умер, я надеялся узнать от его друга и спутника, — значительно сказал Фарамир.

— Но он был жив и здоров, когда мы расстались! — в отчаянии воскликнул Фродо. — И он должен быть в живых… хотя этот мир полон опасностей…

— Конечно, — сурово произнес Фарамир, — и предательство — не последняя из них.

Сэм слушал этот разговор с возрастающим негодованием. Последних слов он уже не мог снести и, вскочив, в два прыжка очутился рядом со своим другом.

— Вы уж меня простите, — сказал он Фродо, — больно далеко это заходит. Не имеет он права так с вами разговаривать после всего, что вы испытали.

— Послушайте, вы, начальник! — вскричал он, остановившись прямо перед Фарамиром и уперев руки в бока. Взгляд его не предвещал ничего хорошего. Любой молодой хоббит, застигнутый во фруктовом саду, понял бы это вмиг. Воины кругом зашептались; на лицах некоторых появились улыбки. — Послушайте, к чему вы гнете? Давайте

договоримся, пока на нас не накинулись все орки Мордора. Если вы думаете, что мой друг убил вашего Боромира и убежал, то так и скажите, хоть это и полная чушь! Что вы намерены делать с нами? Плохо, когда люди много говорят о борьбе с Врагом, а сами мешают другим это делать. Он бы очень порадовался, посмотрев на то, что здесь происходит. Подумал бы, что приобрел нового друга, уж это точно!

— Хватит! — остановил его Фарамир строго, но без гнева. — Ваш друг, думаю, не глупее вас, так что предоставьте ему говорить за себя. И не надо напоминать об опасности. Даже сейчас я медлю, чтобы не поступить опрометчиво. Будь я так же поспешен, как и вы, вас бы давно уже в живых не было, потому что мне приказано убивать всякого, оказавшегося в этой стране без пропуска, выданного правителем Денетором. Но я не убиваю без нужды ни человека, ни зверя и, даже когда приходится, делаю это без удовольствия. А за свои слова я отвечаю, так что успокойтесь, посидите рядом и помолчите.

Сэм покраснел до ушей и повиновался. Фарамир снова обратился к Фродо.

— Вы спросили, как я узнал о том, что сын Денетора умер? Весть о смерти крылата, а ро-

дич о родиче узнает сразу. Боромир был моим братом, — скорбная тень прошла по его лицу. — Помните ли вы какую-нибудь особую примету у Боромира? Что-нибудь из его оружия или снаряжения?

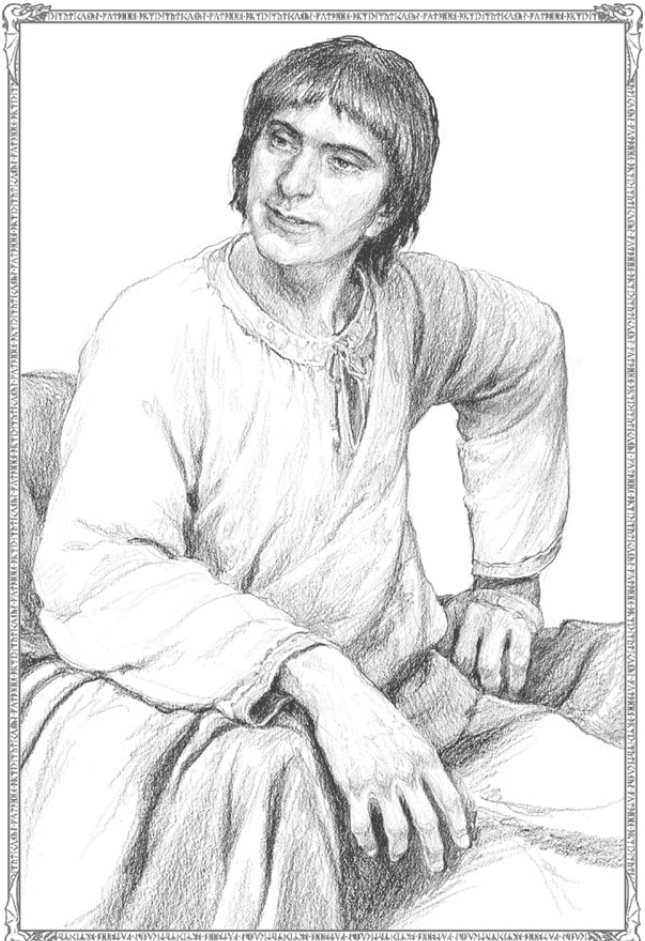
Фродо задумался на минуту, опасаясь ловушки и стараясь догадаться, к чему может привести этот разговор. Он едва успел спасти Кольцо от алчных рук Боромира и не знал, сможет ли уберечь его сейчас, окруженный таким множеством могучих, воинственных людей. Но ему все время казалось, что Фарамир, хотя и очень похожий на своего брата, менее себялюбив, более рассудителен и строг.

— Я помню, у Боромира был рог, — сказал он наконец, — большой рог, оправленный в серебро, с непонятными надписями.

— Правильно, — подтвердил Фарамир. — Значит, вы действительно видели его. Это рог дикого тура с востока, надписи на нем сделаны в глубокой древности. Много поколений он передавался в нашем роду от отца к старшему сыну. Говорят, что если в час нужды затрубить в него в любом месте в древних пределах Гондора, то его звук будет услышан.

За пять дней до того, как мне выйти из Города,

значит, одиннадцать дней назад, я слышал звук этого рога: он очень слабо донесся с севера. Мы сочли это дурным знаком, ибо никто ничего не знал о Боромире с тех пор, как он уехал. Известно, что границ княжества он не пересекал. На третью ночь после того я держал стражу на Реке близ Осгилиата — враги часто появляются там, — и около полуночи увидел плывущую по Реке маленькую серую лодку странного вида с высоким носом. В ней никого не было.



Мне стало страшно, потому что вокруг лодки стояло слабое сияние. Я зашел далеко в воду, меня словно тянуло к ней; лодка меж тем повернулась и медленно прошла мимо. Я мог бы дотронуться до борта. Мне показалось, что она до краев наполнена светящейся водой, а на дне лежал Боромир, мой брат — мертвый! Его меч был сломан и положен, как полагается, поперек колен. Я узнал все его оружие, не было только рога. И еще на нем был незнакомый мне пояс, красивый пояс из кованых золотых листьев. Я окликнул брата по имени, но он был мертв… Лодка снова повернулась и скоро исчезла из виду. Это было как сон, но я не проснулся, потому что не спал. Вот так я узнал, что Боромир умер и уплыл по Великой Реке в Великое Море.

— Увы! — произнес Фродо. — Да, это был Боромир, такой, каким я знал его при жизни. Золотой пояс он получил в Лориене из рук Владычицы, прекрасной Галадриэль. От нее же мы получили вот эти эльфийские плащи и вот эту пряжку, — он прикоснулся к зеленому с серебром листу, скреплявшему его плащ у горла.

Фарамир присмотрелся к пряжке.

— Да, это та же работа, — сказал он. — Так, значит, вы прошли через Лориен? Лаурелиндо-

ринен звался он прежде, но люди давно забыли о нем, — голос воина смягчился, теперь он смотрел на Фродо с изумлением. — Пожалуй, я начинаю кое-что понимать. Не расскажете ли вы о себе побольше? И о других. Мне горько сознавать, что Боромир погиб так далеко от дома.

— Мне почти нечего прибавить, — ответил Фродо, — ваш рассказ внушает мне серьезные опасения. Мне кажется, ваше видение показало то, что случилось или может случиться, если только это не происки Врага На Гиблых Болотах я тоже видел лица под водой. Это были лица давно погибших древних воинов…

— Нет, — вздохнул Фарамир, — дела Врага наполняют душу ненавистью, а у меня в душе была только скорбь.

— Ни одну лодку не удалось бы перетащить по скалам Тол Брандира, — задумался Фродо. — И Боромир хотел возвращаться домой через степи Рохана. А уж о том, чтобы нагруженная лодка сама по себе прошла водопады, и думать нечего.

— Так лодка знакома вам? Откуда она?

— Из Лориена, — ответил Фродо. — На трех таких лодках мы шли по Реке. Это эльфийские лодки.

Фарамир покачал головой.

— Вы были в Скрытой Стране, — тихо сказал он, — но, кажется, плохо знаете ее силы. Те, кто встречался с Великой Волшебницей, живущей в Золотых Лесах, должны быть готовы к странному и удивительному. Опасно смертным переходить грань между мирами. Никто не выходит оттуда таким же, каким вошел. — Он стиснул руки и воскликнул: — О, Боромир, что Бессмертная Владычица сказала тебе? Что прочла в твоем взгляде? Что пробудилось тогда у тебя в сердце? Почему ты пошел через Лаурелиндоринен, а не вернулся дорогами людей? Роханский конь примчал бы тебя поутру к родному порогу! — взяв себя в руки, он снова обратился к Фродо. — Мне кажется, вы многое могли бы рассказать, Фродо, сын Дрого. Но, может быть, не здесь и не сейчас. А если вы думаете, что лодка только привиделась мне, то вот что я скажу еще. Рог Боромира явился наяву. Он вернулся разрубленным надвое ударом топора или меча. Одну его половину нашли в камышах близ устья реки энтов, другую выловил в Андуине человек, переправлявшийся по своим делам. Это странно, но говорят, убийство всегда о себе скажет.

Сейчас этот рог лежит на коленях Денетора. Правитель ждет вестей. А вы ничего не хотите

сказать о том, как он был разрублен.

— Я ничего не знаю об этом, — терпеливо отвечал Фродо. — Но если мои расчеты верны, то вы слышали его в тот самый день, когда мы покинули отряд. Ваши слова внушают мне тревогу. Если Боромир был убит в тот день, то боюсь, что с ним погибли и все мои спутники. А это были мои родичи и друзья. Отпустите меня, Фарамир. Ваши сомнения рассеются. Я устал, меня томят скорбь и страх. Но у меня есть задача, я должен ее выполнить или хотя бы попытаться выполнить. Если из всего отряда уцелели только мы двое, мне тем более нужно спешить. Возвращайтесь в Минас Тирит, доблестный Фарамир, и защищайте его, пока можете, а мне предоставьте идти туда, куда велит мой долг.

— Нельзя сказать, что я удовлетворен нашей беседой, — произнес Фарамир, — но кажется, ваши страхи чрезмерны.

Кто-то ведь обрядил Боромира для погребения? Не орки и никто из рабов Врага, значит, кто-то из вашего отряда остался в живых. Но, как бы то ни было, в вас, Фродо, я не сомневаюсь больше. Тяжелое время научило меня разбираться в людях, думаю, что разберусь и в полурослики. Хотя, — он улыбнулся, — хотя в вас, Фродо, есть

что-то странное, эльфийское, я бы сказал. В ваших словах я услышал намного больше, чем рассчитывал. По долгу мне нужно доставить вас в Минас Тирит, чтобы сам Денетор мог расспросить вас. Но от моего решения, как я вижу, зависит слишком многое и для моего города тоже. Поэтому я не буду торопиться с решением. Но уходить отсюда нужно немедленно.

Он встал и отдал приказания. Тотчас же воины, окружавшие его, разбились на небольшие группы и разошлись в разные стороны, исчезая среди скал и деревьев. Остались только Маблунг и Дамрот.

— Вам придется пойти с нами, — обратился Фарамир к хоббитам. — Дорога на юг для вас теперь закрыта. Она слишком опасна после сегодняшней битвы. Всем нужен отдых, нам тоже. Милях в десяти отсюда у нас есть тайное укрытие. Орки и лазутчики Врага еще не обнаружили его, а если и обнаружат, мы сможем долго держаться там, даже против многих. Там мы и отдохнем с вами вместе. А решение отложим до завтра.

Фродо пришлось подчиниться. Дорога действительно была опасна, и он даже радовался, что они пойдут с воинами Фарамира.

Они двинулись в путь немедленно: оба зеленых

воина немного впереди, а за ними — Фарамир, Фродо и Сэм. Обогнув озеро, в котором хоббиты еще недавно купались, они перешли ручей, поднялись по склону и вступили в чащу деревьев. И люди, и хоббиты шли быстро и бесшумно, тихо разговаривая на ходу.

— Я прервал наш разговор, — обратился Фарамир к Фродо, — не только потому, что надо было спешить, как любезно напомнил мне Сэмиус, но и потому, что кое о чем лучше не говорить при всех. Поэтому я и говорил больше о гибели брата, чем о «проклятье». Вы были со мной не совсем откровенны, а, Фродо?

— Я не лгал вам и сказал все, что мог, — устало ответил Фродо.

— Я и не упрекаю вас. В трудный момент вы говорили искусно и разумно. Но я узнал и понял из ваших слов гораздо больше, чем вы сказали. Вы не очень-то были дружны с Боромиром или расстались не в дружбе с ним. Мне кажется, он чем-то обидел вас… Я любил брата и с радостью отомстил бы за его смерть, но я хорошо знал его. «Проклятье» — это оно стало между вами и было причиной раздоров в отряде. Видно, это великая драгоценность, а такие вещи не способствуют миру между союзниками, если верить старым

преданиям. Метко ли я попал?

— Не совсем, — нехотя ответил Фродо. — В нашем отряде не было раздоров, хотя мы и не могли сразу решить, какой путь избрать после Порт Галена. — Он помолчал, потом добавил: — К тому же старые предания предупреждают, что опрометчивые речи о драгоценностях тоже опасны.

— Ну что ж, я так и думал. Вы не поладили только с Боромиром. Он, должно быть, хотел принести эту вещь в Минас Тирит. Увы! Злой рок заставляет вас молчать. Вы последний, кто видел его, и вот я не могу узнать, что было у него на сердце в последний час. Ошибался он или нет, я не знаю, но умер он доблестно, в этом нет сомнения. Мертвый он был еще прекраснее, чем живой.

Простите меня, Фродо, я не должен был так настойчиво расспрашивать о проклятье Исилдура. В такое время и в таком месте это было неразумно, но на раздумья у меня не было времени. Мы выдержали жаркую битву, и пришлось думать о многом сразу. Уже тогда я знал, что приближаюсь к цели, и намеренно уклонился в сторону. Правители Гондора еще хранят древнее знание. Да, род наш не восходит прямо к Элендилу, но и в наших жилах течет нуменорская кровь. Нашим предком был Мардил, а он принял правление

от короля Эарнура, когда тот ушел на войну. Это был последний король из рода Анариона; детей у него не было и он не вернулся назад. С тех пор Правители сменяют друг друга в Городе, из поколения в поколение. Вместе с Боромиром учили мы в детстве историю нашего рода и нашего Города, и всегда его задевало, что отец наш не мог быть королем. «Сколько же должно пройти веков, — спрашивал он, — чтобы правитель смог называться законным королем? Ведь король-то не вернется...» — а отец отвечал ему: — «Может быть, в других владениях для этого достаточно нескольких лет, а в Гондоре и десяти тысячелетий будет мало». Бедный Боромир! Говорит это вам что-нибудь о нем?

— Говорит, — ответил Фродо. — Но к Арагорну он всегда относился с уважением.

— Не сомневаюсь, — сказал Фарамир. — Ведь, по вашим словам, он признал права Арагорна. Но они еще не сталкивались. Они еще не достигли Минас Тирита и не соперничали за власть. Однако я отвлекся. Мы, сыновья Денетора, знаем много древних преданий, и в наших сокровищницах хранится много древних записей: и на пергаменте, и на камнях, и на листах золота и серебра. Некоторые уже никто не может прочесть, другие

прочтет не всякий. Я читаю немного, потому что меня учили. Именно ради этих записей и приходил к нам Серый Странник. Я был еще ребенком, когда впервые увидел его. С тех пор он бывал у нас еще два или три раза.

— Серый Странник? — переспросил Фродо. — У него было другое имя?

— Мы звали его Митрандиром, как эльфы, — ответил Фарамир. — Его это устраивало. «У меня много имен в разных странах, — говорил он, — я Митрандир для эльфов, Таркун для гномов, а в юности, на забытом ныне Западе, меня звали Олорин… на юге мое имя Инканус, на севере — Гэндальф, ну а на востоке я не бываю».

— Гэндальф! — ахнул Фродо. — Я так и думал. Гэндальф Серый, лучший и мудрейший из всех, кого я знаю. Это он вел нас. И погиб в Мории, — добавил он, поникнув.

— Митрандир погиб! — поразился Фарамир. — Видно, злая судьба преследовала ваш отряд. Но право, трудно поверить, чтобы мог погибнуть мудрец, обладавший такой силой! Много чудесного совершил он среди нас, и чтобы столько мудрости было отнято у мира! Вы уверены в этом, или он просто покинул вас и пошел своими путями?

— Увы! — ответил Фродо. — Я видел, как он упал в огонь.

— За вашими словами какая-то ужасная повесть, — молвил Фарамир. — Быть может, вы поведаете мне вечером о том, что произошло. Митрандир, как я думаю теперь, был не только собирателем знаний, он был вдохновителем многих славных дел нашего времени. Будь он с нами, когда явилось пророчество, он все объяснил бы. А может, и нет. Наверное, Боромиру суждено было отправиться в Имладрис. Митрандир никогда не говорил о своих целях и замыслах. Денетор разрешал ему работать в наших хранилищах — весьма редкий случай! Я немного учился у него, когда у Митрандира было к тому желание (к слову сказать, это случалось редко). Он разыскивал малейшие следы Великой Битвы в Дагорладе, Битвы, в которой был повержен Неназываемый. Он часто расспрашивал об Исилдуре и о его гибели, хотя о ней мы знаем очень мало, и почти ничего — наверняка.

Фарамир понизил голос до шепота.

— Но вот что я узнал и с тех пор храню в тайне: до того, как Исилдур навсегда покинул Гондор, он что-то отнял у Врага. Это, похоже, и нужно было Митрандиру. Я-то в ту пору думал, что Гэндальф

— просто собиратель древностей. Даже когда мы с братом спорили, каков смысл загадочного пророчества, я не задумывался, при чем тут Проклятье Исилдура. Наши легенды говорили, что Исилдур погиб от орочьей стрелы, а из Митрандира слова нельзя было вытянуть. Я и сейчас не могу предложить, что это такое, но то, что Оно могучее и опасное — не сомневаюсь. Может быть — гибельное оружие Темного Владыки… Если оно могло давать перевес в битве, то вполне понятно, что Боромиру, отважному и гордому, часто безрассудному, но всегда жаждавшему только двух вещей: победы Минас Тирита и собственной славы, захотелось завладеть этим сокровищем. Зачем только он поехал к Элронду! Мой отец и его советники хотели послать меня, но он вызвался сам, как старший и более сильный. Удержать его было невозможно.

Оставьте тревогу, Фродо. Я не взял бы этой вещи, даже если бы нашел на дороге. Если бы пробил час Минас Тирита, а я мог бы спасти его, я и тогда не воспользовался бы оружием Врага. Ни ради спасения Гондора, ни ради собственной славы.

— Так говорили и на Совете, — вспомнил Фродо. — Теперь и я так говорю, хотя лучше бы мне

вообще ничего не знать об этих делах.

— Что до меня, — продолжал Фарамир, — мне бы только увидеть, как снова цветет при дворе королей Белое Древо, увидеть Серебряный Венец, дождаться мира и вернуть Минас Тириту древнее имя — Минас Анор — прекрасный и светлый город, гордый, как князь среди равных князей, а не господин среди рабов. Война неизбежна, если мы защищаем свою жизнь от супостата, но я люблю меч не за то, что он острый, и стрелу — не за ее полет, а воина не за силу. Я люблю их за то, что они защищают родину ее красоту, древность и мудрость. Вот это я чту и люблю, и ни страха, ни поклонения нет в моих чувствах.

Я не настаиваю, чтобы вы сказали мне больше. Я даже не спрошу, правильно ли угадываю сейчас. Но теперь мне хотелось бы знать о ваших делах, чтобы помочь хотя бы советом.

Фродо молчал. Его тянуло довериться этому благородному человеку — он так хорошо и разумно говорил, — открыть ему душу и попросить совета и помощи. Но что-то удерживало. Мысль о том, что из всего отряда могли уцелеть только они с Сэмом, наполняла его сердце страхом и горем. Если так, то он — единственный хранитель тайны, и тогда пусть лучше незаслуженное

недоверие, чем опрометчивые слова. Из памяти не шло лицо Боромира, изуродованное желанием обладать Кольцом. Братья были такими разными, но все же они были братьями. Фродо не пережил бы другого лица Фарамира.

Некоторое время они шли молча, серо-зелеными тенями скользя среди деревьев. Беспечно пели птицы. Вечнозеленые кроны лесов Итилиена купались в солнечном свете.

Сэм не участвовал в разговоре, хотя слушал внимательно. В то же время он чутко ловил лесные звуки вокруг. Он заметил, что Горлума в разговоре не упомянули ни разу. Они шли одни, но Сэм видел, что между деревьями мелькают и другие воины отряда; все они спешили к какому-то хорошо известному им месту.

Раз или два он быстро обернулся, чувствуя на себе чей-то взгляд, однажды ему даже показалось что-то маленькое, черное, мелькнувшее за деревьями. Он хотел было окликнуть спутников, но раздумал.

— Не очень-то я уверен, — пробормотал он, — да и зачем напоминать им об этой твари, раз они предпочитают забыть о нем? Я бы тоже с удовольствием забыл, да не могу.

Постепенно деревья становились все реже,

а склон — все круче. За очередным поворотом открылась речка в узком ущелье: это был тот самый ручеек, что вытекал из озера; теперь он стал быстрым потоком, прыгавшим по камням в глубоком русле. Берега его густо заросли остролистом и можжевельником. На западе, в сияющей дымке, раскинулись обширные луга, а еще дальше — отсвечивающие под вечерним солнцем воды широкого Андуина.

Фарамир остановился.

— Здесь мне придется выполнить приказ. Ни один чужеземец, будь он даже союзником Гондора, не должен знать дороги, по которой я сейчас поведу вас. Вам придется завязать глаза.

— Как вам угодно, — ответил Фродо. — При необходимости так поступают даже эльфы. Так мы входили в пределы Лориена. Гимли, помнится, все это не понравилось, но мы не возражали.

— Место, куда я веду вас, не так прекрасно, — вздохнул Фарамир, — но я рад, что вы понимаете меня.

Он позвал Маблунга и Дамрота.

— Завяжите глаза нашим гостям. Плотно, но осторожно. Руки связывать не надо. Они дадут слово не подсматривать. Достаточно было бы и простого обещания зажмуриться, но глаза могут

открыться сами, если споткнешься вдруг. Помогите им идти.

Хоббитам завязали глаза зелеными шарфами, опустили на лица капюшоны плащей, потом, взяв за руки, повели вперед. Фродо и Сэм могли только догадываться о дороге. Тропинка начала круто спускаться, а склоны вокруг сблизились так, что им пришлось идти гуськом. Зеленые воины шли позади, положив руки им на плечи. Иногда их приподнимали в воздух и проносили — вероятно, через наиболее крутые и опасные места. Шум бегущей воды слышался все время справа, с каждым шагом все ближе и громче. Наконец они остановились, и воины несколько раз быстро повернули их кругом так, чтобы они вовсе потеряли направление. Потом тропа поднялась немного вверх. Стало холодно, и шум воды отдалился. Потом их опять подняли и понесли вниз по ступеням. Шум воды раздался вдруг совсем близко и громко; вода плескалась и журчала словно вокруг них, на лицах они ощутили мелкие брызги. Теперь их поставили на землю, и они стояли, не видя ничего, оробев от полной неизвестности.

Вокруг все молчали. Сзади послышались шаги и голос Фарамира распорядился:

— Снимите повязки!

Шарфы сняли, капюшоны откинули, они огляделись и ахнули от изумления.

Под ногами был мокрый каменный пол, позади темнело узкое устье пещеры, уходившей в недра скалы. А впереди висела тонкая водяная завеса — так близко, что Фродо мог бы прикоснуться к ней. Она была с западной стороны. Лучи низкого солнца дробились в воде на множество разноцветных искр. Это было словно окно заколдованного замка, с занавесом из золотых и серебряных нитей, рубинов, сапфиров и аметистов, искрящихся яркими цветными огнями.

— К счастью, мы пришли сюда как раз вовремя, чтобы наградить вас за терпение, — сказал Фарамир. — Это — Окно Заката, прекраснейший из водопадов Итилиена. Никто из чужеземцев не видел его. К сожалению, дворца под стать этой двери нет. Входите.

Пока он говорил, солнце зашло, и струящееся великолепие погасло. Они повернулись и прошли в темную арку. За ней оказалась пещера: большой зал с неровными сводами, освещенный несколькими факелами. Здесь уже собралось много зеленых воинов, и они продолжали входить по двое или по трое. Когда глаза хоббитов

привыкли к тусклому освещению, они увидели, что пещера очень велика. В разных углах были сложены оружие и припасы.

— Вот и наше убежище, — весело сказал Фарамир. — Оно не очень-то роскошно, но здесь вы переночуете в полной безопасности. Сухо, тепло, еда есть, а вот огня нет. Раньше пещера служила руслом для потока, но руки наших мастеров пустили его поверху и теперь здесь нет других путей, кроме тропы, по которой мы пришли, да еще тропы сквозь водопад к глубокому омуту с острыми камнями на дне. Теперь отдыхайте, ужин еще не готов.

Хоббитов отвели в один из закутков пещеры, где было устроено подобие постели. Тем временем воины в пещере хлопотали, сноровисто расставляя разборные столы и посуду. Утварь была простая, без украшений, но изящная и добротная: тарелки, чаши, блюда из обливной глины или из самшитового дерева. Перед скамьей Фарамира стоял на столе серебряный кубок.

Фарамир обходил своих людей, негромко расспрашивая входящих. Некоторые возвращались после преследования южан, другие, осматривавшие дорогу, вернулись позже. Они не видели врагов, не видели даже орков-лазутчиков.

— Что скажешь, Анборн? — обратился Фарамир к тому, кто вошел последним.

— Орков не видел, — ответил тот. — Но кое-что заметил. Было это уже в сумерки, я мог, конечно, и ошибиться, может, это была и белка.

Сэм навострил уши. Анборн продолжал:

— Но белка большая, черная и без хвоста. Я ее заметил издали, а когда подошел, она взлетела на дерево не хуже любой другой белки. Вы не велите убивать зверей без нужды, так что я не стал стрелять. Да и темно было, а оно пряталось в ветвях. Я бы подождал немного, чем-то оно показалось мне странным, но пора было возвращаться. Оно еще зашипело на меня сверху, когда я обернулся. Должно быть, большая белка. Я думаю, под тенью Неназываемого сюда пробрались кое-какие звери из Сумеречья. Говорят, черные белки там есть.

— Может, и есть, — задумчиво произнес Фарамир, — но это дурное предзнаменование. Нам в Итилиене ни к чему гости из Сумеречья, — Сэму показалось, что он бросил быстрый взгляд в сторону хоббитов.

Некоторое время они с Фродо лежали молча, глядя на пламя факелов и на хлопочущих людей. Потом Фродо как-то сразу уснул.

Сэм боролся с собой, на все лады обдумывая

услышанное. «Оно, конечно, можно бы и поспать… Но, с другой стороны, и покараулить не мешает. Хотя что тут поделаешь? Вон они какие здоровенные! А мечи такие, что нам и вдвоем не поднять. Но все-таки, Сэм, лучше бы тебе не дремать…» Некоторое время ему удавалось держать глаза открытыми. Светлое пятно входа потемнело, и водяная завеса слилась со сгущающимися сумерками. Шум воды не умолкал. Водопад шептал, журчал, нагонял сон. Сэм начал тереть глаза кулаками.

Но тут запылали новые факелы. Люди вскрывали бочки с вином, ящики с провизией, носили воду из водопада. Фарамиру принесли большую чашу с водой и полотенце. Он умылся.

— Разбудите наших гостей, — сказал он, — и дайте им умыться. Пора ужинать.

Фродо сел, зевая и потягиваясь. Им принесли воды для умывания. Сэм, не привыкший, чтобы ему прислуживали, недоуменно взглянул на высоких воинов, державших перед ним таз с водой, и посоветовал:

— Поставьте на землю: и вам легче, да и мне удобней, — а потом, к веселому изумлению собравшихся, сунул голову в холодную воду.

— Разве в вашей стране принято мыть голову

перед ужином? — спросил один из воинов.

— Нет, обычно — перед завтраком! — съязвил Сэм. — Но если хочется спать, то лучше средства, чем холодная вода, не придумаешь. Ну вот! Теперь я достаточно проснулся, чтобы поесть.

Фарамир усадил их рядом с собой. Но прежде чем сесть, он сам и все его воины в молчании повернулись на минуту лицом на запад. По его знаку Фродо и Сэм сделали то же.

— Мы делаем так всегда, — тихо сказал Фарамир, садясь. — Там, на западе, когда-то был Нуменор, а за ним — родина Эльфов, вечная и прекрасная страна. А у вас на родине не так?

— Нет, — ответил Фродо, чувствуя себя странно неловким и невоспитанным. — Но когда мы в гостях, то кланяемся хозяину, а после трапезы встаем и благодарим его.

— Мы тоже, — улыбнулся Фарамир.

После долгого утомительного путешествия, после стольких дней среди скал и болот ужин показался хоббитам роскошным: они пили холодное ароматное вино, ели хлеб, масло, солонину, сушеные фрукты и вкусный сыр, — ели чистыми руками, из чистых тарелок. Ни Фродо, ни Сэм не отказывались, что бы им ни предлагали, даже во второй и в третий раз. Вино согрело кровь,

им стало так легко и весело, как бывало только в Лориене. После ужина Фарамир увел их в угол в глубине пещеры, отделенный занавесом. Там стояли кресло и две табуретки, а в нише в стене горел глиняный светильник.

— Наверное, вы хотите спать, — сказал он, — а уж отважный Сэм во всяком случае. Он ведь так и не решился уснуть до ужина. Не знаю, то ли стерег свой доблестный голод, то ли меня боялся. Но не годится засыпать так скоро после еды, да еще после долгого воздержания. Побеседуем немного. На пути от Дольна вы, должно быть, немало повидали. А я мог бы рассказать вам о нашей стране. Расскажите мне еще о моем брате и о старом Митрандире, ну и, если можно, о Лориене.

Фродо и в самом деле больше не хотелось спать. Хотя его и разморило слегка от еды и вина, бдительности он не потерял. Сэм после ужина сиял, как начищенный медный таз, и даже мурлыкал что-то себе под нос.

Фродо рассказывал о многом, но ни о своей миссии, ни о Кольце не упоминал, больше распространяясь о доблестном поведении Боромира в приключении с волками и в снегах Карадраса, а также в подземельях Мории, где погиб Гэндальф. Фарамира больше всего взволновало описание

битвы на мосту через Морийский ров.

— Наверное, Боромиру досадно было отступать перед орками, — сказал он, — да и перед Барлогом тоже. Он не любил отступать.

— Он всегда шел последним, — ответил Фродо. — После Мории отряд возглавил Арагорн, только он, кроме Гэндальфа, знал дорогу. Если бы не мы, ни он, ни Арагорн не отступили бы.

— Кто знает, не лучше ли Боромиру было пасть на мосту, — сказал Фарамир, — чем идти дальше и встретить свою судьбу у Рэроса…

— Может быть, — согласился Фродо. — Но расскажите о себе. Мне хотелось бы узнать побольше о Минас Тирите, об Осгилиате и Минас Итиле. На что вы надеетесь в этой долгой войне?

— Надеемся? — переспросил Фарамир. — Надеяться мы давно перестали. Меч Элендила, даже если он действительно вернулся, в лучшем случае способен отсрочить наш последний день. Разве что от эльфов вдруг придет неожиданная помощь… Враг крепнет, а мы слабеем. Мы — люди осени, которым уже не дождаться весны.

Когда-то нуменорцы широко расселились по Великим Землям — и на материке, и на побережьях, но уже тогда сердца многих из них были устремлены ко Злу. Одних влекло Черное

мастерство, другие предались праздности и лени, третьи сражались друг с другом, пока не ослабели настолько, что стали легкой добычей дикарей. В Гондоре этого не было. Там, в землях сыновей Элендила Светлого, древняя мудрость и красота, принесенные с Запада, хранились веками, да и сейчас еще не совсем забыты. Но все равно — Гондор сам обрек себя на погибель, он слишком гордился собой, он думал, что Враг уснул…

Гондорцам не давала покоя Смерть. Видно, мы переняли жажду вечной жизни от наших предков-нуменорцев. Даже гибель Нуменора не остановила королей Гондора, возводивших, по примеру предков, усыпальницы, величием и роскошью превосходившие дворцы, дороживших делами предков больше, чем славой сыновей. Знатные, но бездетные вельможи занимались в древних замках геральдикой; в тайных мастерских иссохшие ученые мужи составляли чудотворные эликсиры или с вершин высоких башен искали среди звезд начертания судеб… И вот последний король из рода Анариона не оставил наследника.

Правители, принявшие власть, сумели распорядиться ею с пользой. Остывавшую кровь дряхлеющего народа оживили поморы и горцы,

принятые вскоре в состав королевства. Правители заключили мир и с жителями степей; они хоть и были сродни нам — не в пример диким вастакам или злобным харадримам, — но раньше часто тревожили наши границы. А во дни Кириона, Двенадцатого Правителя (отец мой — Двадцать шестой), мы вместе с ними разгромили на полях Келебранта врагов, разорявших наши северные провинции. После этого сражения Всадники — мы зовем их рохирримы — пришли на безлюдные прежде земли Каленардона и стали нашими верными союзниками, взяв на себя охрану северных границ. Они многому научились у нас, но не забыли своих обычаев и заветов предков. Они нам нравятся: рослые воины и легкие девы, одинаково отважные, золотоволосые, ясноглазые, сильные. Они напоминают нам о юности человечества, о Древних Днях. Мудрецы наши говорят даже, что они родом из тех же Трех Домов Людей, что и нуменорцы — если не от самого Хадора Золотоволосого, Друга Эльфов, то от его потомков, оставшихся в Среднеземье, когда другие ушли за Море.

Теперь Всадники почти не уступают нам в мастерстве и культуре, а мы все больше становимся похожи на них. Мы потеряли право зваться Вы-

сокими Нуменорцами, нам больше подходит имя Среднего Народа, Людей Сумерек, правда, не все еще растерявших из былого величия. Мы полюбили войну и воинское искусство ради них самих, но еще помним, что стремление и умение убивать не могут быть целью. Впрочем, не все… Искусные воины все больше в чести, видно, время такое… Ну, а уж самым доблестным воином в Гондоре был Боромир. Никто не мог лучше протрубить в рог предков, и в битве равных ему не было, — Фарамир вздохнул и умолк, глубоко задумавшись.

— Но вы почти ничего не сказали об эльфах, — произнес вдруг Сэм, набравшись храбрости. Он заметил, что Фарамир упоминал о дивном народе с уважением, и это больше расположило к нему Сэма, чем вся его учтивость и даже угощение.

— Я мало знаю об эльфах, Сэмиус, — ответил Фарамир, — не намного больше других жителей Среднеземья. Раз Митрандир был вашим проводником, раз вы знакомы с Элрондом, то наверное знаете, что Аданы, предки нуменорцев, бились вместе с Эльфами в первых войнах и получили в дар Землю среди Моря, недалеко от родины эльфов. А в Среднеземье в Темные Годы пути Людей и Эльфов разошлись — виной тому не

только козни Врага, просто у каждого народа свой путь. Сейчас люди избегают и боятся эльфов, хоть и не знают о них ничего. И в Гондоре то же. Даже те, кто борется против Темного Властелина, остерегаются эльфов и со страхом говорят о Златолиственных Лесах. Но и сейчас попадаются среди нас такие, которые тайно уходят в Лориен, и никто не возвращается. Что до меня, то я не пойду туда я считаю опасным для смертного самовольно искать встречи со Старшим Народом. Но вам завидую: вы видели Великую Волшебницу и говорили с ней.

— Галадриэль! — воскликнул Сэм. — Вам нужно было повидать ее, Фарамир, право! Я простой хоббит, дома был садовником и в поэзии не силен, так что не могу сказать всего, что чувствую. О ней нужно петь. Вот Колоброд или старый Бильбо — те бы сумели. Но и мне хотелось бы сочинить о ней песню. Она прекрасна — это выше слов! Она похожа то на большое дерево, то на легкий одуванчик. То она твердая, как алмаз, то мягкая, как лунный свет. Теплая, как луч солнца, и холодная, как иней под звездами. Гордая и далекая, как снежная вершина, и веселая, как девушка весной, с маргаритками в косах. Но все это — пустые слова, совсем неподходящие для нее. Так

что не знаю, что тут опасного. Это люди приносят опасность с собой в Лориен, а потом удивляются, что нашли ее там. Может, Галадриэль и опасна, потому что могущество ее велико. Вы можете разбиться о нее, как лодка о скалу, или утонуть в ней, как мальчишка в реке. Но ведь ни скала, ни река не виноваты. А Боромир… — Он осекся и покраснел.

— Так что же Боромир? Что вы хотели сказать? Он тоже принес опасность с собой?

— Да, не в обиду вам будь сказано, и вашему брату тоже. — Сэма понесло. — Он доблестный воин, с этим никто не спорит. Я наблюдал за ним с самого Дольна, из-за Фродо, конечно, и, по-моему, он именно в Лориене понял то, о чем я раньше догадывался: понял, чего он хочет. Таков уж Лориен! Да, с первого момента, как он увидел его у Фродо, он хотел завладеть Кольцом Врага!

— Сэм! — вскрикнул Фродо, помертвев. Он слишком глубоко задумался, а когда очнулся, было уже поздно.

— Ох! — горестно воскликнул Сэм; он побледнел, потом опять покраснел. — Вот опять сорвался! Говорил мне мой старик, чтобы я свой язык прикусывал. Какой же я болван!

— Ну вот что, — обратился он к Фарамиру, со-

брав все свое мужество. — Если я оказался таким дураком, то Фродо за это не в ответе. Вы очень хорошо говорили, отвлекли меня своими разговорами об эльфах и обо всем прочем. Но у нас говорят: «Не словом хорош, а делом пригож». Это для вас случай показать, какой вы на самом деле.

— Да, кажется, так, — медленно и очень мягко произнес Фарамир со странной улыбкой. — Вот решение всех загадок! Значит, речь о Кольце… вот что такое «проклятие Исилдура»! А мы считали, что оно исчезло из мира. И Боромир хотел отнять его? А вы убежали? И прибежали прямо сюда, ко мне? Вот вы и попались мне здесь, в глуши: два полурослика с Кольцом Всевластья, и мне стоит только позвать воинов. Вот так удача! Вот случай для Фарамира Гондорского показать себя на деле! Ха! — он встал, высокий и грозный, серые глаза его засверкали.

Хоббиты тоже вскочили, прижались друг к другу, нащупывая рукояти мечей. Наступило молчание. Воины в пещере смолкли и удивленно глядели на них. Но Фарамир снова опустился в кресло с тихим смехом. Впрочем, он быстро посерьезнел.

— Увы, Боромир, испытание было слишком

тяжелым для тебя! — произнес он. — Как же вы увеличили мою скорбь, пришельцы из далеких стран, носители великой опасности! Но вы хуже знаете людей, чем я — хоббитов. Мы, люди Гондора, всегда говорим правду. Мы редко хвастаемся, но тогда либо делаем то, чем хвастались, либо умираем, пытаясь сделать. «Я не взял бы этой вещи, даже если бы нашел на дороге», — сказал я. Пусть я не знал тогда, о чем говорю, все равно слова сказаны, и я их сдержу. Я сдержал бы слово, даже если бы пожелал обладать этой драгоценностью. Но я не хочу ее. Я знаю, что есть опасности, от которых можно только бежать, и это не будет трусостью. Сядьте, Фродо, и успокойтесь. И вы тоже, Сэм. Наверное, нужно было, чтобы вы совершили эту ошибку. Сердце у вас лучше, чем глаза, зорче по крайней мере. Думайте, что хотите, но как раз в этом деле мне можно было открыться. Вашему другу, к которому вы так привязаны, это только на пользу. Я сделаю для него все, что в моих силах. Так что успокойтесь. Не называйте Его больше. Хватит одного раза.

Хоббиты снова сели, чувствуя противную слабость в ногах. Воины в пещере вернулись к трапезе и разговорам, думая, что их начальник пошутил с гостями, но все кончилось благопо-

лучно.

— Ну вот, Фродо, наконец-то нам нечего скрывать друг от друга, — сказал Фарамир. — Если вы взвалили на себя эту ношу не по собственному желанию, а по чьей-то просьбе, то я могу только уважать и жалеть вас. И еще я удивлен: Оно у вас, и вы им не пользуетесь. Вы для меня новый народ и новый мир. Все ли ваши сородичи похожи на вас? Ваша страна должна пребывать в мире и довольстве, и садовники там, верно, в большом почете.

— Может, и не все там хорошо, — ответил Фродо, — но садовников уважают.

— Но даже и в ваших садах они, наверное, устают, как все остальные смертные. А вы далеко от дома и очень устали. На сегодня довольно. Спите оба, спите спокойно. Не бойтесь! Я не хочу ни видеть Его, ни касаться, ни знать о нем больше, чем знаю, а то как бы мне не оказаться слабее Фродо, сына Дрого. Идите и отдыхайте, но сначала скажите мне — куда же вы пойдете дальше и что намерены делать? А я подумаю, как вам помочь. Время уходит. Утром каждый из нас пойдет своей дорогой.

Теперь, когда минута потрясения прошла, Фродо чувствовал, что весь дрожит. Огромная

усталость окутывала его, как облако, и у него не было больше сил спорить и противиться.

— Я должен найти путь в Мордор, — прошептал он. — Мне нужно в Горгорат. Гэндальф велел бросить Его в Огненную Пропасть Ородруина. Только вряд ли мне это удастся…

Фарамир почтительно и с удивлением посмотрел на него. Фродо покачнулся, и воин подхватил хоббита, бережно поднял на руки, отнес в постель и тепло укутал. Фродо тотчас же погрузился в глубокий сон. Рядом была приготовлена постель для его спутника. Сэм поколебался немного, потом сказал, низко кланяясь:

— Доброй ночи, благородный начальник. Вы не упустили свой случай.

— Вот как?

— Да, начальник. Вы показали, какой вы на самом деле. Вы лучше всех.

Фарамир улыбнулся.

— Вы хитрец, Сэм. Хоть похвала из достойных уст — лучшая похвала, но меня хвалить не за что. Мне не пришлось бороться с собой. У меня не было ни соблазна, ни желания поступить иначе.

— Вы говорили, что в моем друге есть что-то от эльфов, — сказал Сэм, — это совершенно верно. Но я могу сказать только — в вас тоже есть что-то,

напоминающее мне… Гэндальфа, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Возможно, — задумался Фарамир. — Может быть, вам видна моя кровь недостойного потомка Нуменора. Доброй ночи.

Глава VI
Заповедное озеро

Фродо открыл глаза и увидел склонившегося над ним Фарамира. На мгновение прежние страхи воскресли в нем, он вскочил и отодвинулся.

— Не надо бояться, — тихо сказал Фарамир.

— Что, уже утро?

— Нет еще, ночь кончается, луна заходит. Мне нужно кое о чем посоветоваться с вами. Лучше выйти наружу.

— Пойдемте, — ответил Фродо, слегка дрожа после теплых мехов и одеял. В темной пещере было прохладно, и шум воды в тишине казался громче. Фродо надел плащ и последовал за Фарамиром.

Уже через несколько секунд проснулся Сэм, нащупал пустую постель и тут же вскочил. Он увидел два темных силуэта — один из них был Фродо — в арке прохода, на светлом фоне, и кинулся к ним мимо воинов, спавших на циновках вдоль стен. Перед восходом водопад превратился в мерцающую завесу из шелка и серебра, жемчуга и льдинок, тающих в лунном свете. Но Сэм, даже не задержавшись перед этим чудом, свернул за

угол вслед за Фродо. Они прошли по темному коридору в скале, поднялись по мокрым ступенькам и очутились на маленькой площадке, похожей на дно глубокого колодца. Отсюда шли две лестницы: одна прямо вверх, другая — влево. Они свернули на нее, вышли наконец из каменного мрака и огляделись.

Они оказались на большой, ничем не огороженной площадке среди утесов. Справа низвергался множеством каскадов водопад. Он наполнял внизу узкое, гладко обточенное русло темной пенистой водой и, крутясь и клокоча почти у их ног, ниспадал с обрыва, зияющего слева. Там, у самого края, молча стоял воин и глядел вниз.

Фродо долго смотрел на бурлящую воду, потом перевел взгляд вдаль. Все кругом казалось спокойным и холодным. Рассвет уже близился. Далеко на западе опускалась за горизонт круглая белая луна. В долине, над широким спящим Андуином, мерцали белые туманы. Еще дальше виднелись холодные острые вершины Белых Гор, одетые вечными снегами.

Фродо подумал о друзьях, рассеянных на этом необозримом пространстве, спящих или бодрствующих, живых или мертвых, и его пробрала дрожь. Зачем только Фарамир оторвал его от сна,

во сне хоть не помнишь ни о чем.

То же, по-видимому, хотелось узнать и Сэму, и он не мог удержаться, чтобы не пробормотать, думая, что его услышит только Фродо:

— Вид отсюда, конечно, красивый, но даже на сердце становится холодно, не говоря уж о костях. Зачем мы сюда пришли? Что такое приключилось?

Фарамир услышал его и ответил:

— Луна заходит над Гондором. Пресветлый Итиль уходит из Среднеземья и гладит, прощаясь, снежные плечи Миндоллуина. Ради этого зрелища стоит и подрожать немного. Но я не для этого привел вас сюда, а уж вас-то, уважаемый Сэм, и вовсе никто не звал. Придется вам поплатиться за своеволие. В наказание вот вам глоток вина. Но взгляните!

Он подошел к часовому у края обрыва, и Фродо последовал за ним. Сэм остался на месте: ему и так уже было страшновато на этой высоте. Фарамир и Фродо заглянули вниз. Там, на большой глубине, водопад обрушивался белой струей в пенящуюся чашу, и его воды, потемнев, кружились в глубоком овальном озерке среди скал, пока не впадали в более ровное и спокойное русло.

Лунный свет играл на волнах озера. Вскоре

Фродо различил на ближнем берегу что-то маленькое и черное, но оно тотчас же нырнуло и исчезло у самого кипения водопада, быстро рассекая темную воду. Фарамир обратился к воину, стоявшему рядом:

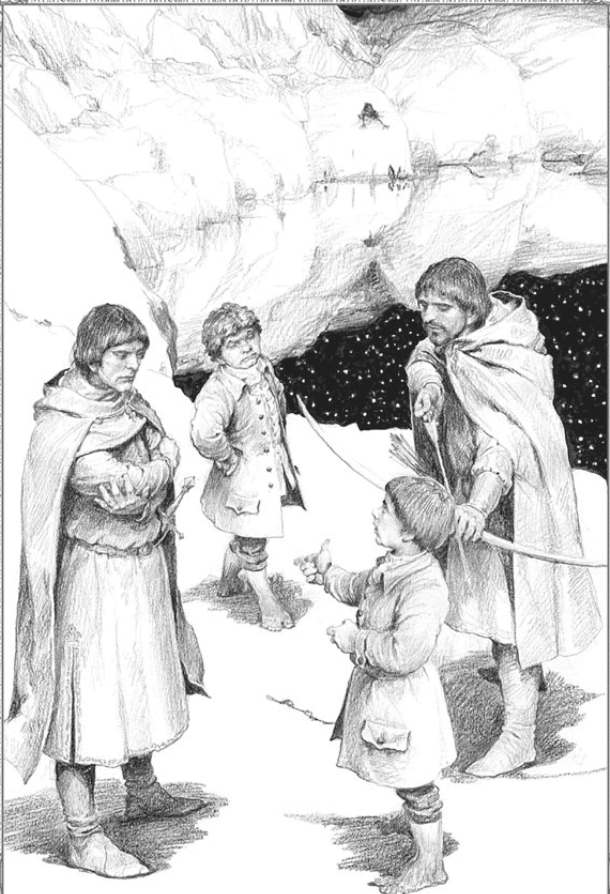
— Ну, что ты скажешь теперь, Анборн? Белка это или зимородок? Водятся ли черные зимородки в Сумеречье?

— Это не птица, — ответил Анборн. — У него четыре лапы, и оно ныряет, как человек, и плавает здорово. Чего ему нужно? Может, он хочет пробраться сюда, наверх? Кажется, нас все-таки обнаружили. Я расставил по берегам самых лучших лучников. Мы ждем только вашей команды, чтобы пристрелить его.

— Дать им команду? — спросил Фарамир, быстро обернувшись к Фродо.

Сэм едва сдержался, так ему хотелось крикнуть: «Да!», но Фродо ответил не сразу:

— Нет, прошу вас, не делайте этого.



— Значит, вы знаете, что это такое? — спросил Фарамир. — Ну, тогда объясните и мне, почему его нужно щадить. В нашей беседе вы ни словом не обмолвились о вашем спутнике, и я на время оставил его в покое. С ним можно подождать, его все равно поймают и приведут ко мне. Я послал за ним своих лучших охотников, но он ускользнул, с тех пор его никто не видел, кроме Анборна, да и то в сумерках. Но сейчас его вина куда серьезнее, чем охота на кроликов у реки, он посмел приблизиться к заповедному озеру, и его жизнь под угрозой. Я изумляюсь этому существу: каким хитрым и дерзким оно должно быть, чтобы купаться в озере под самым нашим окном! Или оно думает, что мои люди спят всю ночь, не выставив постов? Что ему нужно?

— Ответов здесь два, по-моему, — сказал Фродо. — Во-первых, он, скорее всего, и не подозревает о вашем убежище, да и людей знает плохо. Во-вторых, я думаю, он не в силах противиться своему главному желанию, более сильному, чем любая осторожность.

— Ах вот как… — тихо произнес Фарамир. — Значит, он знает… о том, что вы несете?

— Конечно. Он и сам носил это много лет подряд.

— Он? — Фарамир даже задохнулся от удивления. — Сплошные загадки! Так он гонится за этим?

— Возможно. Оно для него драгоценно. Но я не о том сейчас.

— Так чего же он ищет здесь?

— Рыбу, — ответил Фродо. — Смотрите!

Они снова заглянули вниз. В дальнем конце озера, у самого края скал, из воды появилась черная голова. Мелькнуло что-то серебристое, побежали мелкие волны. Голова заскользила в сторону, и маленькая, похожая на лягушку фигурка с поразительной ловкостью выкарабкалась из воды на берег. Она присела на корточки и принялась пожирать трепещущую серебристую добычу.

Фарамир тихонько засмеялся.

— Рыба! — сказал он. — Так он голоден. Однако рыба из Хеннет Аннун может обойтись ему куда дороже, чем он думает.

— Он у меня на прицеле, — сказал Анборн. — Застрелить его? Смерть тому, кто придет сюда непрошеным, таков наш закон.

— Погоди, Анборн, — остановил его Фарамир. — Это дело сложнее, чем кажется. Что вы можете сказать теперь, Фродо? Почему мы должны щадить его?

— Это жалкое голодное существо, — ответил Фродо, — оно не сознает опасности. И Гэндальф, которого вы называете Митрандиром, уже по одной этой причине попросил бы вас не убивать его, да и по другим тоже. Он и эльфам не позволил убить его. Я не знаю в точности почему, а о чем догадываюсь, не хотел бы говорить вслух. Но это существо каким-то образом связано с моей задачей. До того, как вы захватили нас, он был нашим проводником.

— Вашим проводником? — повторил Фарамир. — Еще того непонятнее. Я хотел бы сделать для вас многое, но не могу только одного: не могу позволить этому проныре уйти отсюда свободно. Если он попадется оркам, то под пыткой расскажет все, что знает. Его нужно убить или поймать. Если нельзя поймать быстро, то все-таки убить. А чем его поймаешь, если не стрелой?

— Позвольте мне спуститься к нему, — сказал Фродо. — Вы можете держать луки наготове и застрелить хотя бы меня, если мне не удастся. Я не убегу.

— Так идите, и поскорее. Если ему суждено выйти отсюда, то только вашим верным слугой до конца своей жалкой жизни. Сведи Фродо на берег, Анборн. Только тише, эта тварь очень чут-

кая. Дай-ка мне свой лук.

Анборн проворчал что-то, но повел Фродо вниз по винтовой лестнице, пока они не достигли узкой расселины, скрытой густыми кустами. Пройдя ее, Фродо очутился на южном берегу озера. Оно уже потемнело, и только водопад слабо светился, отражая последние лучи луны, скрывающейся на западе. Горлума не было видно. Фродо сделал еще несколько шагов вперед, за ним бесшумно двигался Анборн. Они остановились.

— Идите! — шепнул ему на ухо Анборн. — Осторожнее справа. Если свалитесь в озеро, кроме вашего приятеля-рыбоеда помочь будет некому. И не забудьте, лучники стоят наготове, хоть их и не видно.

Фродо пополз вперед на четвереньках, как Горлум, чтобы лучше нащупывать дорогу. Камни были ровные и гладкие, но скользкие. Он остановился, прислушиваясь. Сначала слышался только неумолчный плеск и рокот водопада, но потом, неподалеку, он различил знакомое шипение.

— Рыба, ссладкая рыба. Наконец-то Белый Лик скрылся, да. Теперь мы можем поесть рыбы спокойно. Нет, не спокойно, нет, нет! Сокровище пропало, да, пропало. Злые хоббиты, гадкие! Ушли и бросили нас, горлум! И Сокровище ушло.

Бедный Смеагорл совсем один. Сокровища нет. Гадкие люди, они знали, они украли наше Сокровище. Воры. Мы их ненавидим. Рыба, ссладкая рыба, она дает нам ссилу. Задушить их, задушить их всеххх. Сссвежая рыба, вкуссная!

Он продолжал бормотать, почти так же неумолчно, как водопад, прерывая себя только чавканьем и пыхтеньем. Фродо задрожал: в нем боролись жалость и отвращение. Ему хотелось, чтобы этот голос умолк, хотелось никогда больше не слышать его. Анборн недалеко. Можно отползти обратно и попросить, чтобы он приказал лучникам стрелять. Наверное, они близко. Один меткий выстрел — и Фродо навсегда избавится от этого мерзкого спутника… Но нет, у Горлума теперь есть права на него. У слуги всегда есть права на хозяина, даже если он служит только из страха. Без Горлума они погибли бы на Болотах, к тому же Фродо был твердо убежден: Гэндальф не одобрил бы его колебаний.

— Смеагорл! — негромко окликнул он.

— Рыба, вкуссная рыба! — неуверенно повторил голос и смолк.

— Смеагорл! — окликнул он громче. — Смеагорл, хозяин пришел за тобой. Хозяин здесь. Иди сюда, Смеагорл! — ответа не было, только

свистящий вздох сквозь зубы. — Иди сюда, Смеагорл, — повторил Фродо. — Ты в опасности. Люди убьют тебя, если найдут здесь. Иди скорее, если хочешь избежать смерти. Иди к хозяину!

— Нет! — наконец ответил голос. — Хозяин нехороший. Бросил бедного Смеагорла и ушел с новыми друзьями. Хозяин подождет. Смеагорл еще не кончил.

— Некогда ждать! Иди вместе с рыбой. Иди сейчас же!

— Нет. Сначала доесть рыбу, — Горлум капризничал, не чувствуя нависшей над ним опасности.

— Смеагорл! — в отчаянии Фродо решил прибегнуть к последнему аргументу. — Сокровище рассердится. Я возьму Сокровище и скажу: «Пусть он проглотит кость и подавится». Тогда ты никогда больше не попробуешь рыбы. Иди сюда! Сокровище ждет.

Раздалось громкое шипенье, и Горлум на четвереньках выполз из темноты, как пес, которого хозяин подозвал к ноге. Одна рыба была у него во рту, другая зажата в кулаке. Он подполз к Фродо вплотную и обнюхал его; большие бледные глаза заблестели. Потом он вынул изо рта рыбу и встал.

— Сславный хозяин! — прошипел он. — Славный хозяин вернулся к бедному Смеагорлу. Добрый Смеагорл пришел. А теперь пойдем, пойдем быстро, да! Под деревьями, пока ликов нет. Да, да, пойдем!

— Да, пойдем, — отвечал Фродо, — но не сейчас. Я пойду с тобой, как обещал. Я обещаю снова. Но не сейчас. Ты еще в опасности, я спасу тебя, но ты должен мне довериться.

— Довериться хозяину? — с сомнением переспросил Горлум. — Почему? Почему не уйти сейчас? А где другой, злой, нехороший? Где он?

— Вон там, наверху, — сказал Фродо, указывая на водопад. — Я не пойду без него. Мы должны вернуться к нему, — сердце у него сжалось. То, что он делал сейчас, было очень похоже на обман. Он не боялся, что Фарамир прикажет убить Горлума, но он велит схватить и связать его; и конечно, действия Фродо должны показаться верхом коварства этому жалкому, но тоже очень коварному существу. Бесполезно было доказывать, что Фродо спасает его от неизбежной смерти и что есть только один способ спасения. Что еще оставалось ему делать? Только сохранять по возможности верность обеим сторонам.

— Идем! — повторил он. — Иначе Сокровище

рассердится. Мы должны вернуться наверх. Иди первым.

Горлум пополз, держась ближе к краю, подозрительно принюхиваясь. Потом он остановился и поднял голову.

— Кто-то здесь есть! — сказал он. — Не хоббиты! — Потом вдруг обернулся с зеленым блеском в глазах. — Хозяин, хххозззяин! — прошипел он. — Злой! Он лжет! — и зафырчав, потянулся к Фродо длинными руками с белыми шевелящимися пальцами.

Но позади него уже вырос огромной тенью Анборн и схватил за шиворот. Горлум вывернулся, извиваясь, словно угорь, кусаясь и царапаясь, как кошка. Из тени вынырнули еще двое зеленых воинов.

— А ну, тихо! — приказал один из них. — А то мы враз утыкаем тебя стрелами, как ежа. Тихо!

Горлум обмяк и начал скулить и плакать. Они связали его и не очень-то церемонились при этом.

— Осторожнее, — попросил Фродо. — Не ему бороться с вами. Не делайте ему больно, если можете, тогда он будет спокойнее. Смеагорл! Они не обидят тебя. Я пойду с тобой, и тебя никто не обидит, никто, пока я жив. Доверься хозяину.

Горлум повернулся и плюнул в него. Воины подняли пленника, накинули ему на голову мешок и понесли.

Фродо тащился за ними, и на душе у него было тяжело. Они прошли сквозь расселину, вниз по лестнице, по переходам в пещеру. Там горело несколько факелов, спящие уже начали просыпаться. Сэм внимательно посмотрел на тюк, принесенный воинами.

— Поймали? — только и спросил он.

— Да, — смущенно ответил Фродо, — хотя нет, я не ловил. Он сам пришел, потому что доверял мне. Я не хотел, чтобы его связывали. Надеюсь, все кончится хорошо, но, как бы ни кончилось, мне это дело не нравится.

— Мне тоже, — подтвердил Сэм. — Там, где появляется эта Вонючка, ничего хорошего не жди.

Подошел один из воинов, жестом позвал хоббитов за собой и привел их в знакомый угол пещеры. Там сидел в кресле Фарамир, в нише у него над головой горел светильник. Он кивнул на стулья рядом с собой и распорядился:

— Принесите вина для гостей. И приведите пленника.

Принесли вино. А потом Анборн принес Горлума. Он снял с головы пленника мешок и поставил

его на ноги, а сам встал чуть позади. Горлум щурился, прикрывая злобные глаза тяжелыми веками. Он выглядел очень жалким и мокрым, рыбу все еще сжимал в руке, и от него сильно пахло чешуей и сыростью. Жидкие пряди волос прилипли ко лбу, словно мокрые водоросли, а нос настороженно шевелился.

— Ссснять веревку! — сразу захныкал он. — Ссснять! Нам больно, да, очень больно, а мы ничего не сделали.

— Ничего? — повторил Фарамир, пристально разглядывая злополучное существо. В его лице не было ни гнева, ни жалости, ни удивления. — Ничего? Ты никогда не делал ничего такого, за что тебя стоило бы связать? Об этом, к счастью, не мне судить. Но сегодня ты пришел туда, куда приходить нельзя под страхом смерти. Рыба из этого озера стоит дорого.

Горлум выронил свою рыбу.

— Не хочу ее, — быстро сказал он.

— Дело не в рыбе, — значительно произнес Фарамир. — Смерти заслуживает всякий, кто только подойдет к озеру и поглядит в него. Я пощадил тебя по просьбе Фродо, его ты поблагодаришь потом, а сейчас отвечай: кто ты? Откуда? Куда идешь? По какому делу?

— Мы пропали, пропали! — жалобно захныкал Горлум. — Ни имени, ни дела, ни Сокровища, ничего! Только пустота! Только голод. Мы голодны, да. Несколько рыбок, гадких, костлявых рыбок, а они говорят — смерть. Такие они мудрые, такие справедливые, да!

— Не тебе судить о нашей мудрости, — оборвал его Фарамир, — а насчет справедливости — посмотрим. Освободите его, Фродо, — он снял с пояса маленький кинжал и подал хоббиту. Но Горлум, не поняв этого жеста, с визгом повалился на землю.

— Ну, ну, Смеагорл, — успокоил его Фродо, — ты должен мне верить. Я тебя не покину. Отвечай правдиво, если можешь. Тебе это не повредит.

Он перерезал веревки и поднял Горлума на ноги.

— Подойди сюда! — приказал Фарамир. — Смотри мне в глаза! Знаешь ли ты, как называется это место? Был ли ты здесь когда-нибудь?

Горлум медленно поднял голову и нехотя встретился взглядом с Фарамиром. Погасшие, холодные и тусклые глаза несчастного встретились с ясными, твердыми глазами гондорского воина. Наступило короткое молчание. Потом Горлум поник и начал дрожать крупной дрожью.

— Мы не знаем и не хотим знать, — жалобно прошептал он. — Никогда здесь не были, никогда не будем.

— В душе у тебя есть закрытые окна и запертые двери, а за ними — темные комнаты, — задумчиво проговорил Фарамир. — Но сейчас, я думаю, ты сказал правду. Это хорошо. Чем ты можешь поклясться, что никогда не вернешься сюда, что никогда ни словом, ни знаком не укажешь сюда путь никому живому?

— Хозяин знает, — сказал Горлум, быстро искоса взглянув на Фродо. — Да, он знает. Мы поклянемся ему, пусть он спасет нас. Мы поклянемся. Им. Да! — он подполз к ногам Фродо. — Спаси нас, добрый хозяин! — проскулил он. — Смеагорл клянется Сокровищем, клянется по-настоящему! Никогда не придет, никогда не скажет, нет, никогда! Нет, нет!

— Этого довольно? — спросил у Фродо Фарамир.

— Да, — ответил Фродо. — Вам придется либо поверить его клятве, либо соблюсти закон. Больше ничего не остается. Но я обещал, что ему не будет вреда, если он пойдет со мной. Я не хотел бы нарушать свое обещание.

Фарамир с минуту подумал.

— Хорошо, — сказал он. — Я отдаю тебя твоему хозяину, Фродо, сыну Дрого. Пусть он решает, что делать с тобою.

— Но, благородный Фарамир, — возразил Фродо с поклоном, — вы еще не решили, что делать с упомянутым Фродо, а без этого мне трудно что-нибудь решать самому. Ваш суд был отложен до утра, оно уже близко.

— Тогда я вынесу свое решение, — сказал Фарамир. — Что касается вас, Фродо, то, насколько это зависит от моей власти, объявляю вас свободным в Гондоре до самых дальних и древних его пределов; но ни вам, ни вашим спутникам не разрешается без зова приходить туда, где мы сейчас находимся. Мое решение будет действительно один год и один день, а затем отменено, если за это время вы не явитесь в Минас Тирит, чтобы представиться правителю Города. Тогда я буду просить его утвердить мое решение и сделать его пожизненным. Пока же всякий, кого вы возьмете под свое покровительство, будет пользоваться моим покровительством и защитой законов Гондора. Довольны ли вы решением?

Фродо низко поклонился.

— Я доволен, — заявил он, — и прошу вас располагать мною, если я достоин высокой чести

служить вам.

— Вы вполне достойны, — кивнул в ответ Фарамир. — Итак, принимаете ли вы это существо — Смеагорла — под свое покровительство?

— Да, я принимаю Смеагорла под свое покровительство.

Сэм только шумно вздохнул; но причиной тому был отнюдь не обмен учтивостями, которыми он, как всякий хоббит, был вполне доволен. Правда, в Шире для подобного случая понадобилось бы куда больше речей и поклонов.

— Теперь о тебе, — обратился Фарамир к Горлуму. — Ты приговорен к смерти, но, пока ты идешь с Фродо, приговор не вступит в силу. Если же кто-то в Гондоре найдет тебя одного, без Фродо, приговор будет немедленно исполнен. И пусть тебя настигнет быстрая смерть, в Гондоре или за его пределами, если ты не будешь служить своему хозяину хорошо! А теперь отвечай мне: куда вы шли? Ты был его проводником. Куда ты его вел?

Горлум молчал.

— Не запирайся, — настаивал Фарамир. — Отвечай, или я отменю свое решение. — но Горлум продолжал молчать.

— Отвечу за него я, — сказал Фродо. — По моей

просьбе он привел меня к Черным Воротам, но они были закрыты.

— В Неназываемую Страну открытого пути нет, — заметил Фарамир.

— Тогда мы пошли по дороге на юг, — продолжал Фродо, — потому что, по его словам, есть другой путь, около Минас Итиля…

— Это — Минас Моргул! — прервал Фарамир.

— Да, наверное, — кивнул Фродо. — По-моему, путь ведет в горы, по северному склону того ущелья, где стоит древний город, там есть перевал, а потом — вниз и… словом, дальше.

— А вы знаете, как называется этот перевал? — спросил Фарамир.

— Нет, он не говорил мне.

— Имя этого места — Кирит Унгол! — тут Горлум громко зашипел и забормотал что-то. — Разве не так? — обратился к нему Фарамир.

— Нет! — крикнул Горлум и вздрогнул, словно что-то укололо его. — Да, мы слышали разочек. Но что нам до названия! Хозяин сказал: он должен войти. А мы должны попытаться найти вход. Других путей нет.

— Нет? — переспросил Фарамир. — А ты откуда знаешь? Ты что, так хорошо изучил Мрачную Страну? — он долго смотрел на Горлума, раз-

мышляя, потом сказал: — Уведи его, Анборн. Обращаться мягко, но стеречь хорошо. А ты, Смеагорл, не вздумай нырнуть в водопад. У камней на дне зубы такие острые, что как бы тебе не умереть раньше времени. Уходи и забирай свою рыбу.

Анборн вышел, ведя понурого Горлума. За ними задернулся занавес.

— Фродо, я думаю, вы поступаете неразумно, — мягко сказал Фарамир. — По-моему, вы не должны доверять этому существу. Оно злое и испорченное.

— Не совсем же, — пробормотал Фродо.

— Возможно. Но злоба разъедает его, как болезнь, и все, что в нем есть дурного, усиливается. Ни к чему хорошему такой проводник не приведет. Если вы расстанетесь с ним, я дам ему пропуск и провожатого к любому месту на границах Гондора, какое он укажет.

— Он не пойдет. Он пойдет только со мной. Я ведь обещал, что он пойдет со мной, а я — с ним. Не хотите же вы, чтобы я нарушил свое обещание?

— Нет. Умом я не хочу, а сердцем очень хотел бы. Конечно, легче советовать другому нарушить слово, чем нарушать самому. Но тяжело видеть друга, связанного необдуманным словом себе на

беду. Что ж, если этот Смеагорл пойдет с вами, вам придется терпеть его. Но послушайте меня, не ходите в Кирит Унгол. Он говорит о нем гораздо меньше, чем знает. Это ясно видно в его мыслях. Не ходите туда!

— А куда же идти? — растерянно спросил Фродо. — Обратно, к Черным Воротам, чтобы сдаться страже? Что это за место такое, Фарамир, если вы даже называть его не хотите? Что вы о нем знаете?

— Ничего достоверного. Люди Гондора не ходят теперь на восток, а в Хмурых Горах из молодых и подавно никто не бывал. Но известно, что в горах, выше Минас Моргула, обитает какой-то темный ужас. При одном названии Кирит Унгола старики бледнеют и умолкают.

В долинах Минас Моргула давным-давно поселилось зло. Даже когда Враг был изгнан, а Итилиен относился к гондорским владениям, там царили ужас и ненависть. А ведь когда-то гордый и прекрасный Минас Итиль был двойником нашей столицы… Потом его захватили те, кто служил Врагу. После его изгнания они остались и без хозяина, и без пристанища. Говорят, они были из Высоких Нуменорцев, соблазнившихся черным мастерством. Враг дал им кольца власти

и поработил навеки: они превратились в живых призраков, в жуткую и злобную нежить. Они захватили Минас Итиль, и теперь его не узнать. Крепость кажется пустой, но это не так. Безликий страх живет за разрушенными стенами. Девять вождей правят там, теперь они стали Девятью Всадниками, и мы не можем устоять перед ними. Не приближайтесь к этой крепости! Там живет бессонная злоба, у нее тысячи глаз, она выследит вас. Не ходите туда!

— Но какой же другой путь мне выбрать? — беспомощно спросил Фродо. — Вы сами сказали, что не можете вести меня в горы. Но я дал Совету обещание либо найти путь, либо умереть, ища его. А если я вернусь, отказавшись выполнить мою задачу, мне не будет места ни на родине, ни среди людей, ни среди эльфов. Или вы хотите, чтобы я пришел в Гондор с тем самым, из-за чего ваш брат лишился разума? Кто знает, сколько и какого зла Оно может наделать в Минас Тирите? Не увидим ли мы вскоре две крепости, скалящиеся друг на друга через долину, полную смерти?

— Я бы не хотел этого, — произнес Фарамир.

— Чего же тогда вы хотите от меня?

— Не знаю, право. Но мне тяжело отпускать вас навстречу мукам и смерти. И мне кажется, что

и Митрандир не потребовал бы этого от вас.

— Но его нет, и мне придется идти теми путями, которые найдутся. И времени на выбор тоже нет.

— Тяжела ваша судьба, и безнадежна задача. Но по крайней мере запомните мое предостережение: опасайтесь этой твари, Смеагорла. У него на совести уже есть одно убийство, можете мне поверить, — он вздохнул. — Итак, мы встретились и уже расстаемся. Вряд ли мы еще увидимся под этим солнцем. Но вы уйдете с моим благословением вам и вашему народу. Отдохните, пока вам приготовят кое-что в дорогу.

Мне бы очень хотелось узнать, как этот скользкий Смеагорл стал обладателем Сокровища, о котором мы говорили, и как он его потерял, но уж ладно. Если, паче чаяния, вы вернетесь и у нас будет возможность посидеть у стены на солнце, вы расскажете мне об этом. До той поры или до другой — прощайте! — он встал и низко поклонился Фродо, а затем, отдернув занавес, ушел в пещеру.

Глава VII
Перекресток

Фродо и Сэм вернулись в свой угол и снова легли, слушая, как для воинов в пещере начинается новый день. Скоро им принесли умыться, а потом проводили к столу, накрытому на троих. Фарамир завтракал вместе с ними. После вчерашней битвы он еще не ложился, но усталым не выглядел.

— Пусть голод не тревожит вас в пути, — сказал он. — Еды у нас мало, но я приказал собрать для вас кое-что, удобное в дороге. Пока вы идете по Итилиену, воды у вас будет вдоволь, но не пейте из ручьев, вытекающих из Имлад Моргул, Долины Нежити. И вот еще что. Вернулись мои разведчики. Они подходили к самому Мораннону и обнаружили странные вещи: местность опустела, дороги словно вымерли. Страна Неназываемого затаилась и молчит. Не знаю, что предвещает это молчание, но думаю, что близятся какие-то важные события. Надвигается буря. Вам надо торопиться. Если вы готовы, идемте. Солнце скоро поднимется.

Хоббитам принесли их котомки. Они суще-

ственно потяжелели. Вместе с ними принесли два прочных посоха из полированного дерева, окованных железом, с плетеными кожаными ремнями, продетыми сквозь резные головки.

— У меня нет достойных прощальных даров для вас, — сказал Фарамир. — Примите эти посохи. Они пригодятся вам. Это любимое мастерами Гондора дерево *лебетрон.* Их заново оковали для вас. Посохи не потеряются, на них чары. Да сохранят эти чары свою силу под тенью, в которую вы идете.

— Любезнейший из всех хозяев, — сказал Фродо, — Элронд в Дольне говорил мне, что в пути я встречу друга, тайного и неожиданного. Ваша дружба способна обратить великое зло в великое благо.

Медлить было нечего. Из какого-то дальнего угла привели Горлума, теперь он выглядел гораздо спокойнее, хотя жался поближе к Фродо и избегал взгляда Фарамира.

— Вашему проводнику нужно завязать глаза, — сказал Фарамир, — но вас и вашего друга я освобождаю от этого.

Но Горлум заскулил и начал цепляться за Фродо, когда к нему подошли с повязкой. Фродо сказал:

— Завяжите глаза нам всем, и мне первому, тогда, может быть, он увидит, что ему не хотят причинить зла.

Так и было сделано. После долгих переходов и ступенек они ощутили вокруг ароматный свежий воздух. Еще некоторое время они шли вверх, потом вниз, наконец остановились, и голос Фарамира приказал снять с них повязки.

Вокруг снова был лес. Шума водопада не было слышно. Между ними и потоком находился длинный склон. С запада между деревьями светлело, словно мир там обрывался, а за его краем было только небо.

— Здесь нам предстоит проститься в последний раз, — сказал Фарамир. — Примите мой последний совет: не сворачивайте пока на восток. Идите прямо, тогда лес еще на много лиг прикроет вас. Держитесь ближе к склонам. В начале пути можно, я думаю, идти днем. Страна дремлет в обманчивом покое, зло временно отступило от нее. Прощайте, доброго вам пути.

Он простился с ними по обычаю своего народа: кладя руки на плечи и целуя в лоб.

— Да пребудут с вами мысли всех людей доброй воли!

Они поклонились ему очень низко. Фарамир

повернулся и, не оглядываясь больше, отошел к своим стражам, безмолвно ожидавшим неподалеку. Хоббитов опять удивило, как быстро и бесшумно двигаются эти зеленые люди — они исчезли из виду почти мгновенно. Лес, где только что стоял Фарамир, был теперь пуст и безлюден.

Фродо вздохнул и повернул на юг. Пока они прощались с Фарамиром, Горлум демонстративно рылся в земле у подножия дерева. «Опять он голоден, — подумал Сэм, — и опять все начинается сначала».

— Ушли они? — спросил Горлум, поднимая голову. — Ззлые, нехорошие люди! Шея у Смеагорла еще болит от них, да! Пойдемте.

— Идем, — согласился Фродо. — Но если у тебя не нашлось доброго слова для тех, кто подарил тебе жизнь, уж лучше помалкивай.

— Славный хозяин! — поспешно отозвался Горлум. — Смеагорл шутит. Смеагорл все прощает, да, все, даже славные шуточки доброго хозяина. Славный хозяин, славный Смеагорл!

Хоббиты промолчали, взвалили котомки на плечи, взяли посохи и двинулись в путь по лесам Итилиена.

Дважды они останавливались подкрепиться сушеными фруктами, солониной, хлебом — дара-

ми Фарамира. Горлум есть не стал.

Вокруг царил зеленоватый сумрак. Солнце успело пройти свой дневной путь и склониться к закату — лишь тогда, по золотистым переливам в зеленой листве, они поняли, где оно. Было прохладно и тихо. Птицы не то разлетелись, не то враз онемели. Рано стемнело и, не помня себя от усталости, хоббиты остановились. Заповедное Озеро осталось в семи лигах позади. Фродо пристроился в выемке меж корней древнего дерева и крепко уснул. Сэм спал тревожно, то и дело просыпаясь, и высматривал Горлума. Тот улизнул еще вечером, да так и не показывался — может, залез в какую-нибудь нору, может, рыскал вокруг, но с первыми проблесками утра объявился.

— Вссставать пора, давно пора, — разбудил их знакомый голос. — Идти еще долго. На восток, а потом — южнее… Надо поспешить!

И снова Фродо со спутниками шагал по странному молчаливому лесу. Было душно, словно перед грозой. Горлум часто останавливался, принюхиваясь и что-то бормоча, потом начал поторапливать хоббитов.

К концу второго дня лес изменился, деревья стали крупнее и реже: раскидистые вязы, огромные остролисты, гигантские дубы, на которых

уже начали распускаться почки. Меж деревьев попадались лужайки, поросшие белыми и голубыми анемонами и лесным гиацинтом. Не видно было ни птицы, ни зверя, но открытых мест Горлум боялся, и они шли осторожно, крадучись, от одного пятна тени к другому.

Но вот лес кончился. Они сели под старым кряжистым дубом с огромными узловатыми корнями. На юг уходила глубокая туманная долина. Справа, далеко на западе, темнели на фоне заката гордые хребты Гондора. Слева стеной поднимался мрак: то были пределы Мордора, и оттуда к Реке спускалась все расширявшаяся долина. По ней протекал большой ручей. Дорога бледной лентой вилась по его берегу и исчезала вдали в холодном белом тумане, в котором Фродо чудились выступающие вершины каких-то старых, полуразрушенных шпилей и башен.

— Где мы? — повернулся он к Горлуму.

— В опасссных месстах, хозяин. Дорога ведет от Лунной Крепости прямо к разрушенному городу у Реки. Ужасное место, там все плохие, ззлые. И мы не будем слушать людских советов. Не нужны дороги. Шли без дорог и дальше пойдем. На восток, прямиком туда, — он махнул тощей ладонью в сторону мрачного черного хребта. — Нам

нельзя идти по этой дороге. Тут ходят ззлые люди из крепости.

Фродо глянул на пустынную дорогу. Просто давно не хоженая дорога — и все. Но что-то заставило его содрогнуться. В воздухе словно чувствовалось чье-то незримое враждебное присутствие, а ручей в долине был тот самый Моргулдуин — отравленный поток, берущий начало из Долины Нежити; именно о нем предупреждал их Фарамир.

— Что делать будем? — спросил Фродо у остальных. — Мы уж давно идем, может, стоит укрыться в лесу?

— Не нужно прятаться ночью, — заговорил Горлум. — Днем надо прятаться, днем, да!

— Уймись, — буркнул Сэм. — Нам все равно надо отдохнуть, хотя бы до полуночи. Потом мы пойдем, времени хватит, если ты, конечно, знаешь, куда идти.

Горлум долго ворчал, но в конце концов согласился и повернул к опушке, забирая все дальше к востоку. Он не хотел больше ночевать на земле, дорога, по его мнению, была слишком близко, поэтому они взобрались на старый дуб и нашли среди ветвей удобную развилку. Горлум свернулся клубком и уснул. Хоббиты перекусили, попили

воды, но глаз сомкнуть так и не смогли.

После полуночи Горлум проснулся. В кромешной мгле тускло фосфоресцировали бледные немигающие глаза. Он прислушался и принюхался — хоббиты уже знали, что так он определяет время в темноте.

— Отдохнули ли мы? Сславно ли вздремнули? — поинтересовался он скорее у себя. — Вот и ссславно. Пора в путь!

— Не отдохнули и не вздремнули, — проворчал Сэм, — но раз пора, значит, идем.

Горлум мигом соскользнул с дерева. Хоббиты сползли следом.

До самого рассвета он вел их на восток. Тьма стояла такая, что деревья можно было различить, только наткнувшись на них. Идти по неровной, сплошь изрытой корнями земле стало труднее, но Горлума, похоже, это не тревожило. Продираясь через колючки, путаясь во впадинах, заросших густым кустарником, они неуклонно поднимались. Однажды, оглянувшись, Сэм увидел далеко внизу покинутый ими лес. Заходящую луну окружало болезненное желтоватое кольцо.

Горлум все поторапливал, и скоро они выбрались на гребень, густо заросший кизилом и барбарисом. На кустах уже начали распускаться

желтые, сладко пахнущие цветы. В этой колючей чаще они нашли пещеру, вход в нее закрывали зеленевшие ветви. От усталости даже есть не хотелось, хоббиты просто лежали, ожидая наступления дня. На востоке разливалось тускло-красное сияние, но это была не заря… Грозно темнели Хмурые Горы, у их подножья залегла густая тьма, а острые зубчатые вершины чернели на фоне багрового зарева.

— Куда же нам идти теперь? — спросил Фродо. — И что это за долина вон там, не долина ли Моргула?

— А не все ли равно? — устало возразил Сэм. — День ведь, идти-то нельзя…

— Может быть, может быть, — пробормотал Горлум, — но нам нужно скорей идти к Перекрестку. Да, к Перекрестку. Да, хозяин, это и есть дорога к нему, да, да!

Красное зарево над Мордором угасло, спустились сумерки. С востока наползал не то дым, не то пар. Фродо и Сэм перекусили и теперь отдыхали, а Горлум не находил себе места: он ползал вокруг, обнюхивая кусты, бормотал без конца, а потом вдруг исчез.

— Опять промышляет, — зевнул Сэм и провалился в сон. Он снова был дома, в саду, и что-то

разыскивал — вот только тяжелый мешок за спиной мешал. «Позаросло-то все как, — подумал он, заметив терновник и папоротник у ограды, — работенки будь здоров сколько! А я так устал». И тут он вспомнил, что ищет: «Трубка!» — и открыл глаза. «Вот дурень, — выругал он себя, — так она ж в мешке». Вдруг до него дошло, что табака все равно нет, а до дома сотни миль. Тогда он сел, окончательно проснувшись. Уже темно, зачем Фродо позволил ему спать до вечера?

— Который час? — спросил он.

— Около полудня, — ответил Фродо, — ты спал всего часа три. Просто становится все темнее и темнее.

— Гроза, что ли, собирается? — тревожно спросил Сэм. — Вот уж ни к чему сейчас, — он прислушался. — Что это? Гром или барабаны?

— Не знаю, — ответил Фродо, — я давно уже это слышу. Только не мог понять: под землей или в воздухе?

— А где Горлум? Не вернулся еще?

— Нет. Не видать и не слыхать.

— Вот уж от этой потери я бы не заплакал. Толку от него все равно мало, а без него куда спокойнее.

— Ты несправедлив к нему, — укорил Сэма Фро-

до. — Вспомни о Болотах… Я надеюсь, что с ним ничего не случилось.

— А я надеюсь, что он не сыграет с нами какую-нибудь шутку. А если он попадет в лапы… — Сэм прикусил язык, — словом, в другие лапы, попомните мое слово — у нас будут неприятности.

В этот момент снова раздался грохот, теперь громче и ближе прежнего, земля под ногами задрожала.

— Неприятности у нас и так уже есть, — испуганно проговорил Фродо. — Чем дальше, тем больше. Боюсь, наш путь подходит к концу.

— Может быть, — ответил Сэм, — но, пока живешь, надеешься, как говорил мой старик, и хочешь кушать. Может быть, съедите еще кусочек? А потом вздремнете…

Они не знали, сколько времени прошло в этом тусклом бесформенном сумраке. Сэм решил, что полдень уже миновал, но, сколько ни выглядывал из-под ветвей, видел только блеклый, лишенный теней мир, медленно погружавшийся в бесцветный мрак. Фродо дремал неспокойно, ворочался, что-то бормотал во сне. Пару раз Сэму почудилось, что он зовет Гэндальфа. Время словно остановилось. Вдруг позади раздалось громкое шипение, он обернулся и увидел Горлума. Тот

стоял на четвереньках, и глаза его полыхали фосфорическим светом.

— Проснитесь, проснитесь! — шипел он. — Не терять времени! Уходить, уходить сейчас же! — он был очень испуган.

— Что за спешка? — нахмурился Сэм. — Еще рано. Время-то к обеду в тех приличных краях, где бывает обед.

— Чушшшь! — шипел Горлум. — До приличных мест далеко. Время мчится, да, бежит быстро, нельзя его терять. Вставай, хозяин, вставай! — он потянулся к Фродо. Вырванный из сна, хоббит внезапно сел и схватил Горлума за руку. Горлум вырвался и отскочил подальше.

— Не надо хватать, — шипел он, — надо спешить. Время уходит.

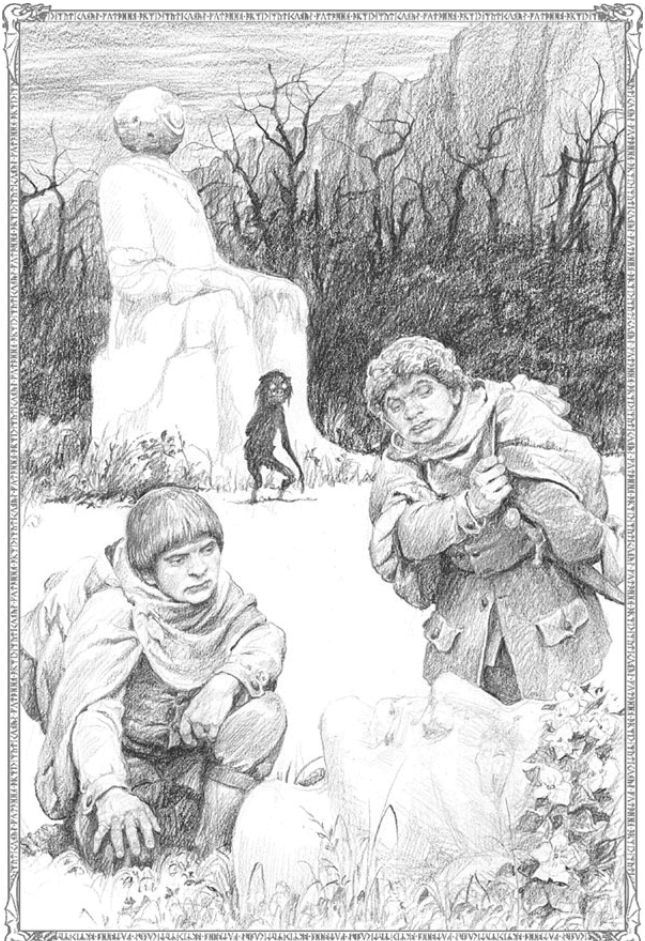
От него ничего нельзя было добиться. Где он был, в чем причина спешки — так и не выяснилось. Сэм был очень недоволен, но Фродо лишь вздохнул, увязывая котомку.

С большими предосторожностями Горлум повел их вниз по склону, стараясь держаться укрытий и перебегая открытые места на четвереньках. Но света было так мало, что вряд ли кто-нибудь мог увидеть хоббитов, закутанных в эльфийские плащи, а ходили они всегда бес-

шумно.

Так они шли почти час гуськом, в густом сумраке и полной тишине, изредка нарушаемой далекими раскатами грома. За спуском последовал очередной подъем по длинному неровному склону, где только Горлум мог находить нужное направление. Наконец впереди они заметили круг огромных, очень старых деревьев. Вблизи обнаружилось, что вершины у них обломаны или срезаны, словно ударом молнии, но мощные стволы и корни по-прежнему живы.

— Перекресток! — прошипел Горлум. Это было его первое слово с той минуты, как они покинули пещеру. — Нам туда.



Они пробежали по склону и внезапно увидели Южную Дорогу, исчезавшую в кольце гигантских деревьев.

— Другого пути нет, — шептал Горлум. — Никаких тропинок нет больше. Идем к развилку. Скорее и тише.

Они пробрались к дороге, осторожно, как лазутчики во вражьем стане, прошмыгнули по ней, затаив дыхание, прокрались между деревьями и очутились словно в зале без крыши. Могучие стволы стояли ровным кругом, как исполинская колоннада, из центра этого круга расходились четыре дороги. Дорога назад вела к Мораннону, та, что впереди, уходила к далеким южным землям, справа поднималась извилистая дорога из Осгилиата и уходила за Перекрестком на восток, исчезая во мгле, — это и была та дорога, по которой им предстояло идти.

Фродо испуганно оглядывался по сторонам и тут понял, что света прибавилось. Мягкий солнечный луч лег на лицо Сэма. Фродо повернулся навстречу лучу и за аркой ветвей различил дорогу на Осгилиат, ровной лентой бегущую на запад. Там, за Гондором, накрытым тенью, закатное солнце нашло последнюю прореху в пелене туч и недобрым огненным колесом опускалось теперь

за неосквернённое пока Море. Солнечный луч зловеще блеснул на огромной каменной статуе. Фигура на троне была величественна и горда, как каменные короли Аргоната. Она была изъедена временем, обезображена чьими-то злобными руками. Вместо отбитой головы лежал круглый булыжник с грубо намалеванным ухмыляющимся лицом с единственным глазом посередине. Пьедестал и ноги каменного великана были покрыты злобными мордорскими рунами. Отбитая голова валялась у обочины. Ее оплели ползучие растения, и их белые цветы серебряной короной венчали благородный лоб изваяния.

— Смотри, Сэм, — произнес Фродо, — вот знак для нас: не могут они совсем победить, — но тут солнце зашло, и тьма, как черный занавес, упала на Перекресток.

Глава VIII
ПО ЛЕСТНИЦАМ В СКАЛАХ

Горлум тянул Фродо за плащ, шипя от страха и нетерпения.

— Уходить отссюда, — повторял он. — Не мешшкать! Сскорее!

Фродо заставил себя повернуться и двинуться дальше, на восток, во мглу.

Сначала дорога шла прямо, затем повернула к югу, огибая зловеще нависший скалистый выступ, и вновь устремилась к востоку, взбираясь круто вверх. Хоббиты с тяжелым сердцем плелись за своим проводником. Фродо опять начал чувствовать гнет Кольца, о котором почти забыл в Итилиене. Он шагал понурившись, глядя себе под ноги. Подъем сделался круче, и хоббит устало взглянул вверх. И тогда, как и предсказывал Горлум, он увидел Крепость Рабов Кольца. В ужасе он припал к каменистому откосу.

В этом месте глубокая, наполненная тьмой долина далеко врезалась в горный массив. Здесь, на скалистом отроге Хмурых Гор, вздымались стены и башни Минас Моргула. Мрак вокруг был

еще плотнее, но сама крепость светилась. Не тем лунным сиянием, которое лилось когда-то сквозь мраморные стены Минас Итиля, теперь свет был тусклым, как от ущербной луны, и этот мертвый свет ничего не освещал. Бесчисленные окна в стенах и башнях казались погасшими глазами, глядящими внутрь, в пустоту, а самый верхний ярус башни поворачивался то в одну, то в другую сторону, словно голова чудовищного призрака, вглядывающегося во тьму. Некоторое время все трое стояли, сжавшись от страха, не в силах отвести глаз от мрачной крепости. Горлум опомнился первым и начал дергать своих спутников за плащи, увлекая вперед. Каждый шаг давался теперь с трудом, само время словно остановилось, и на то, чтобы оторвать ногу от земли и снова поставить ее, уходила, казалось, целая вечность.

От моста дорога, слабо мерцая, множеством извивов поднималась к воротам крепости — к черному провалу, зиявшему в северной стене. По обоим берегам ручья тянулись луга, заросшие предсмертниками — бледными, слабо светящимися цветами, ужасными, как порождение кошмара. Они издавали сладковатый запах тления. По концам моста стояли искусно изваянные статуи, изображавшие людей и животных, все

— уродливые и злобные. Ручей струился в полной тишине, над водой поднимались легкие струйки пара, но пар этот был смертельно холодным. Фродо почувствовал вдруг, как голова у него закружилась и сознание померкло. Чья-то чужая воля заставила его протянуть в сторону моста дрожащие руки. Спотыкаясь, низко наклонив голову, он пошел вперед. Сэм догнал его уже у самого моста.

— Не сюда! Нет, нет, не сюда! — прошипел Горлум, но тут же, испугавшись собственного голоса в этой мертвой тишине, зажал рот руками и припал к земле.

— Держитесь, Фродо, — прошептал Сэм на ухо другу. — Горлум говорит, не надо туда идти, и на этот раз я с ним согласен.

Фродо провел рукой по лбу и с трудом оторвал взгляд от крепости на холме. Светящаяся башня притягивала его, и приходилось бороться с желанием броситься к ней со всех ног. Наконец он с усилием отвернулся, чувствуя, как сопротивляется Кольцо, стараясь повернуть его шею обратно, а перед глазами опускается непроницаемый мрак.

Горлум уже уполз во тьму. Сэм, поддерживая друга, поспешил за ним следом. Невдалеке от берега ручья в каменной стене был пролом. Про-

тиснувшись в него, Сэм увидел узкую тропинку, сначала мерцающую, как и дорога внизу, а потом темную, уходящую петлями по северным склонам.

Хоббиты побрели по этой тропе. Горлума они видели только когда он оборачивался, знаками поторапливая их. Тогда в глазах у него вспыхивало зеленоватое сияние, словно отражение жуткого света башни. Фродо и Сэм невольно часто оглядывались и каждый раз отводили глаза с усилием. Идти было трудно. Правда, когда они поднялись над ядовитыми испарениями ручья, дышать стало легче, но зато навалилось такое изнеможение, словно всю ночь пришлось плыть против сильного течения.

В конце концов Фродо споткнулся и тяжело опустился на камень. Теперь они были у края большого скального выступа. Впереди виднелась излучина долины, тропинка огибала ее по узкому карнизу над пропастью, а потом поднималась по крутому склону, исчезая во тьме наверху.

— Мне нужно отдохнуть, Сэм, — прошептал Фродо. — Мне тяжело, друг мой, очень тяжело. Далеко я с этой ношей не уйду. Я должен отдохнуть…

— Тсс! Тсс! — зашипел Горлум, подбегая к

ним. — Тсс! — он прижал палец к губам, потряс головой, потом потянул Фродо за рукав и указал на тропу. Но Фродо не шевельнулся.

— Не сейчас, — прошептал он. — Не сейчас, — тяжелая усталость придавила его к земле, казалось, злые чары одолели Хранителя вконец. — Нужно отдохнуть, — пробормотал он снова.

Горлум от страха и волнения снова заговорил свистящим шепотом, прикрывая рот ладонью:

— Не здесь, нет! Нельзя здесь отдыхать! Глупые! Они увидят нас с моста. Идемте! Вверх, вверх! Идемте скорее.

— Идемте, Фродо, — присоединился к нему и Сэм. — Он опять прав.

— Хорошо, — ответил Фродо странно далеким голосом, словно в полусне. — Я попытаюсь, — он устало поднялся на ноги.

Но было уже поздно. Скала под ними содрогнулась, под землей прокатился долгий гул, и в горах отозвалось эхо. Потом внезапно вспыхнуло ослепительное красное зарево, оно взметнулось высоко в небо, заливая багрянцем низко нависшие тучи. В этой долине мрака и холодного мертвенного свечения оно казалось нестерпимо ярким. Потом раздался оглушительный грохот.

И Минас Моргул ответил! Из башни к небу рванулись мертвенно-синие молнии. Земля загудела, из крепости донесся стонущий скрип. Потом, покрывая все другие звуки, на них обрушился душераздирающий вопль. Хоббиты рванулись было бежать, но рухнули как подкошенные, зажимая уши руками.

Когда страшный крик смолк, окончившись протяжным стоном, Фродо медленно поднял голову. Стены крепости по ту сторону узкой долины были теперь вровень с его глазами, и ворота, похожие на огромную пасть с блестящими зубами, были широко распахнуты. Из них выходили войска.

Воины были одеты сплошь в черное, мрачные, как ночь. На фоне бледно светящихся стен и мерцающей дороги Фродо ясно видел их: ряд за рядом они шли быстро и беззвучно, бесконечным потоком. Впереди двигался большой конный отряд, вел его Черный Всадник с короной на шлеме, отсвечивающей бледными сполохами. Он уже приближался к мосту снизу, а Фродо никак не мог отвести глаз. Вот и вернулся на землю предводитель Черных Всадников и ведет в битву свое грозное войско. Вот он наяву — Король-Призрак, чей мертвенный кинжал когда-то поразил Хранителя. Рана мгновенно запульсировала болью,

и от нее к сердцу пополз ледяной холод.

Мысль о Короле-Кольценосце пронзила Фродо ужасом, сковала точно заклятьем, и в тот же миг у самого моста Всадник вдруг остановился. Отряд тоже замер. Над дорогой повисло молчание. Возможно, Король-Призрак услышал знакомый зов Кольца и теперь медленно поворачивал увенчанную мраком голову. Фродо притих, как птица, зачарованная змеей, и вдруг ощутил могучее желание надеть Кольцо. Никогда еще это желание не было столь сильным, но сейчас он не спешил подчиниться, потому что ясно понимал: Кольцо может только выдать его, и тогда встреча с предводителем назгулов станет последней. Сам по себе момент был ужасен, но внутри Фродо оставался спокойным. Ничто в нем не отзывалось на настоятельный приказ извне. Тем временем эта внешняя сила понемногу завладела его рукой. Он с отрешенным интересом следил за тем, как его собственная рука дюйм за дюймом ползет к цепочке на шее. Но в этот момент, тоже не сразу, пробудилась его собственная воля, она медленно отвела руку от цепочки и заставила нащупать на груди что-то другое, холодное и твердое. Пальцы хоббита крепко стиснули фиал Галадриэль, о котором он совсем забыл в последние дни. В тот же

миг всякая мысль о Кольце исчезла. Он перевел дух и опустил голову.

Король-Призрак словно только этого и ждал. Он пришпорил коня и поскакал по мосту, а за ним следовало его черное войско. Эльфийские ли плащи укрыли хоббитов от его всевидящих глаз, или мысль Фродо, укрепившись, отразила черную мысль, но только он не останавливался больше. Час настал, и по приказу своего Владыки он вел войска на запад.

Передовой отряд уже промчался по извилистой дороге внизу, а войска все шли и шли по мосту. Никогда еще со времен отважного Исилдура не выходила из долины столь многочисленная армия, никогда еще столь грозные силы не двигались к мостам Андуина, а ведь это была только одна, и не самая могучая, рать Темного Владыки.

Фродо шевельнулся. Ему вспомнился Фарамир. «Буря пришла наконец, — подумал он. — Все эти мечи и копья направляются к Осгилиату. Успеет ли Фарамир переправиться? Он догадывался, что будет так, но разве он знал, что так скоро? Кто может удержать мосты, если придет вождь назгулов? Да ведь ему на подмогу придут и другие. Я опоздал. Все погибло. Слишком долго мы шли. Даже если я выполню свою задачу, не останется

никого, кому я смог бы сказать об этом. Все будет напрасно...» Отчаяние овладело им, и он заплакал. А войска Моргула все шли и шли по мосту.

Потом, откуда-то издали, словно из прежней жизни, он услышал голос Сэма, звавший его: «Фродо, Фродо, проснитесь!» Если бы этот голос добавил: «Завтрак готов» — это не удивило бы его. Но Сэм все звал: «Проснитесь, Фродо, они ушли».

С глухим лязгом ворота Минас Моргула захлопнулись. Прошли последние ряды копейщиков. Башня еще скалилась через долину, но свет в ней угасал. Крепость возвращалась к мраку и молчанию, оставаясь зоркой и выжидающей.

— Очнитесь, Фродо, они ушли, и нам тоже лучше бы уйти. Здесь что-то есть, живое... Оно высматривает... Как бы беды не было, если вы понимаете, про что я толкую. Нельзя оставаться на этом месте, а то оно нас увидит. Идемте!

Фродо поднял голову, потом встал. Отчаяние не ослабело в нем, но немощь отпустила. Он даже мрачно улыбнулся при мысли о том, что все равно должен выполнить свою задачу и ему безразлично, узнают ли об этом Арагорн, Элронд, Галадриэль, Гэндальф или кто-нибудь еще. Он взял посох и тут заметил, что сквозь пальцы другой руки пробивается сияние. Тогда он бережно

спрятал фиал на груди, прижав к сердцу. Отвернувшись от чуть светящегося во тьме Минас Моргула, он приготовился идти дальше.

Когда ворота крепости открылись, Горлум, видно, уполз куда-то в темноту. Теперь он вернулся, стуча зубами и щелкая пальцами.

— Глупые, глупые, — повторял он как заведенный. — Скорее! Опасность не прошла, нет. Скорее!

Они молча двинулись вслед за ним по узкому карнизу. Обоим был не по душе этот путь, но он был недолог. Тропа обогнула еще один скальный выступ и неожиданно нырнула в какую-то щель. Это была первая лестница, о которой говорил Горлум. В полной темноте несколькими футами выше светились только его глаза.

— Осторожно! — прошептал он. — Ступеньки. Много ступенек. Осторожно!

Фродо с Сэмом сначала обрадовались, чувствуя стены справа и слева, но лестница была крутая, почти отвесная, и, карабкаясь по ней все выше и выше, они ощущали позади гибельную глубину. Ступеньки были узкие, разной высоты, стершиеся и скользкие по краям, а то и вовсе полуразрушенные. Хоббитам приходилось хвататься руками за верхние из них и через силу переставлять

болевшие ноги. А лестница уходила все глубже в толщу отвесной скалы.

Наконец сверху сверкнули глаза Горлума.

— Готово! — прошептал он. — Первая лестница вся. Славные хоббиты, поднялись так высоко, очень славные. Еще несколько ступенек — и конец, да!

Хоббиты с трудом взобрались на последнюю ступеньку, чувствуя, как головы кружатся от усталости. Темный коридор впереди продолжал подниматься, хотя и не так круто. Ступенек больше не было.

Однако Горлум не дал им особенно рассиживаться.

— Есть еще одна лестница, — сказал он. — Очень длинная. Отдохнем, когда дойдем до верха. Не здесь.

Сэм ахнул.

— Как ты говоришь? Еще длиннее этой?

— Длиннее, да. Но не такая трудная. Это была Прямая лестница, теперь будет Витая.

— А потом?

— Увидим, — тихо ответил Горлум. — Да, да, посмотрим…

— Кажется, ты что-то говорил о подземном ходе, — продолжал допытываться Сэм. — Нужно

пройти подземный ход или что-то там такое?

— Да, да, подземный ход, — поспешно ответил Горлум, — но вы отдохнете перед тем как войти. А когда выйдете, то будете у вершины. Очень близко, если пройти, да!

Фродо вздрогнул. Пот заливал глаза, а из темного прохода тянуло ледяным ветерком, долетавшим сюда словно с каких-то невидимых снежных вершин.

— Ну, пойдемте, — сказал он, вставая. — Нечего нам сидеть здесь.

Коридор был и вправду очень длинным. Навстречу все время дуло. Горы словно пытались остановить их мертвенным дыханием, сдуть во мрак внизу. Вдруг стена справа кончилась. Они вышли из прохода. В темноте едва угадывались черные бесформенные громады и глубокие серые тени, но под нависшими тучами иногда вспыхивали тускло-красные отблески, и в их неверном свете они различали впереди, справа и слева высокие утесы, упиравшиеся в низкое небо. Они стояли на широком карнизе, очень высоко, слева был утес, справа — пропасть.

Горлум вел их вплотную к утесу. Тропа больше не поднималась, но стала очень неровной. Идти приходилось медленно. Сколько часов прошло

с тех пор, как они вступили в долину Моргула, ни Сэм, ни Фродо не могли сказать. Ночь казалась бесконечной.

Потом впереди встала новая стена и открылась новая лестница, и опять начался мучительный подъем. Теперь лестница вилась снаружи по склону горы. В одном месте она прижималась к самому краю пропасти, и Фродо, взглянув туда, увидел далеко внизу долину Моргула. Там, во мраке, червяком извивалась светящаяся дорога от мертвой крепости к безымянному перевалу. Он поспешно отвернулся.

Бесконечные повороты наконец вывели их на новый уровень. Теперь они находились на седловине, между вершинами Хмурых Гор. Хоббиты смутно различали вздымающиеся вершины, а под ними — проломы и провалы чернее самой ночи. Снега прошлых зим таились меж не знающих солнца камней, точили и грызли их. Красный отсвет в небе усилился; но непонятно было, рассвет ли настает в этой юдоли теней, или становится ярче зарево над Горгоратской равниной. Фродо взглянул вверх. Далеко впереди, словно венчая этот жуткий путь, на багровом небе четко выделялись два черных утеса. На каждом высилось по каменному рогу.

Он остановился, чтобы присмотреться внимательнее. Левый рог был высокий и тонкий, в нем горел красный огонек, а может, дальнее зарево просвечивало сквозь какое-то отверстие. Теперь он различил, что это не просто утес, а черная башня. Он тронул Сэма за рукав:

— Смотри!

— Мне это не нравится, — немедленно отозвался Сэм — Так, значит, твой тайный вход все-таки охраняется? — гневно обратился он к Горлуму. — И ты знал об этом все время?

— Все дороги здесь охраняются, да, — равнодушно ответил Горлум. — Надо попробовать. Может, здесь охраны меньше. Может, они все ушли на войну, все может быть!

— Да, может быть, — проворчал Сэм, — но это же так далеко! И еще подземный ход… Нет, на сегодня хватит, надо отдыхать, Фродо. Не знаю, день сейчас или ночь, но мы идем уже много часов.

— Да, нужно отдохнуть, — тотчас согласился Фродо. — Найдем какой-нибудь закуток потише. Следующий переход будет трудным, — он чувствовал, что самое главное сейчас — преодолеть это последнее препятствие, и тогда он сможет совершить задуманное. По крайней мере, так ему казалось в этот мрачный час усталости у ворот

страшной крепости Кирит Унгол.

Они нашли расщелину, защищенную от ветра, и устроились там. Фродо с Сэмом поглубже, Горлум поближе к выходу. Надо было поесть. Они понимали, что это последняя трапеза перед спуском в Неназываемую Страну, может быть, вообще последняя совместная трапеза. Угощение было очень скудным. Кое-что еще оставалось от припасов Фарамира, ну и, конечно, лепешки. Пить не стали, только смочили пересохший рот.

— С водой-то плохо, — сказал Сэм. — Но ведь кто-то живет там, так, поди, и пьют они, а?

— Пьют, конечно, — ответил Фродо. — Но что бы они ни пили, нам оно не подходит.

— Тогда хорошо бы наполнить фляжку. Но здесь воды нет, а Фарамир, помнится, говорил, что воду из Моргула пить нельзя.

— Он сказал: «Не пить воды, что течет из Долины Нежити», — возразил Фродо, — а мы сейчас не в долине, здесь любая вода будет течь туда, а не оттуда.

— Все равно я ей не доверяю, — пробурчал Сэм, — разве что буду помирать от жажды. Здесь везде что-то не так, — он принюхался. — А запах! Чуете? Странный запах, душный, мне он не нравится.

— Мне здесь ничего не нравится, — отозвался Фродо, — ни ветер, ни камни. И земля, и вода, и воздух — все здесь проклятое. Да только другого-то пути нет.

— Это верно, — согласился Сэм. — Мы бы, коли заранее знали, никогда сюда бы не сунулись. А что? — оживился он, — наверное, так часто бывает в старых сказках о всяких подвигах и приключениях. Я думал — герои в сказках ищут подвигов и совершают их, потому что хотят, что им это интересно, — ну, для развлечения, если вы понимаете, про что я толкую. Но в настоящих сказках, в тех, которые запоминаются, дело вовсе не в этом. Там герои просто попадают куда-нибудь, потому что таков их путь. Они ведь могут вернуться, как и мы, например, да только не возвращаются. Про тех, кто вернулся, сказок не складывают и песен не поют. Которые до конца шли, те — другое дело. А конец-то, знаете, не всегда бывает хорошим, для героев-то. Когда сказку слушаешь, может, по-другому кажется… Хотя можно все-таки и домой вернуться. Пусть даже там все будет по-старому, ан нет, все по-другому, потому что ты уже другой. Вот так было со старым Бильбо: после своих приключений он переменился. Сказки, в которых все благополучно

— не самые интересные, хотя, конечно, попасть в них лучше всего. Интересно бы знать, наша сказка какая?

— Интересно, — согласился Фродо. — Только я не знаю. В настоящих сказках всегда так. Ты можешь знать или догадываться, как она кончится — хорошо или плохо, но те, кто в ней, не знают. И ты даже не хотел бы, чтобы знали.

— Конечно, нет! Вот хотя бы Берен: он и не думал, что добудет Сильмарилл, и все-таки добыл, а ему приходилось гораздо хуже, чем нам сейчас. Это, конечно, длинная сказка, в ней есть и горе, и радость, и многое другое. Сверкающий Камень, помните, попал к Эарендилу, а потом превратился в Вечернюю Звезду. И — ох, как это я до сих пор не подумал! У нас… то есть у вас тоже есть немножко от его света, ну, в той склянке, которую дала Галадриэль. Выходит, наша сказка похожа на ту! Неужели старые-то сказки не кончаются никогда?

— Кончаются не сказки, — задумчиво сказал Фродо, — это герои появляются и уходят, когда их дело сделано. Когда-нибудь и наша роль придет к концу.

— Вот уж тогда выспимся! — невесело рассмеялся Сэм. — Мне этого больше всего хочется.

Просто отдохнуть: спать, а потом проснуться и поработать в саду. Все эти важные замыслы не для меня. Но все-таки интересно, попадем ли мы когда-нибудь в песню или сказку? То есть, конечно, попасть-то мы в нее уже попали, но я хочу сказать, будет ли кто-нибудь через много-много лет рассказывать ее вечером у очага или читать в большой книге с черными и красными буквами? И чтобы дети говорили: «Расскажите нам о Фродо и о Кольце», и чтобы сказали: — «Да, эта сказка — моя самая любимая. Фродо был очень отважный, правда, отец?» «Да, сынок, он был самым отважным из хоббитов, а это немало значит».

— Это даже, пожалуй, слишком много значит, — от души рассмеялся Фродо.

Странно прозвучал этот смех. С тех пор как Саурон захватил эту страну, здесь не слышали такого звука. Сэму показалось, что камни кругом прислушиваются, а высокие утесы нагнули вершины. Но Фродо ничего не замечал, он смеялся.

— Ну, Сэм, — сказал он, — послушать тебя, так сказка уже написана. Ты, правда, забыл еще одного героя — Стойкого Сэма. «Папа, — произнес он детским голосом, — мне хочется послушать про Сэма еще. Почему ты не придумал о нем побольше? Они такие забавные! А Фродо не ушел

бы без Сэма далеко, правда, папа?»

— Да чего уж смеяться-то, — смутился Сэм, — я серьезно говорил.

— Я тоже, — ответил Фродо. — Говорил и говорю. Только рановато об этом разговаривать. Мы с тобою застряли в таком скверном месте, что, похоже, читая эту страницу, кто-нибудь скажет: «Хватит, папа, мы не хотим больше».

— Может быть, — уныло согласился Сэм, — но я-то так не скажу. В сказке оно, конечно, все по-другому. Даже Горлум может оказаться в сказке хорошим, лучше, чем на самом деле. Он ведь говорил, что когда-то тоже любил сказки. Интересно, а кем он себя считает: героем или злодеем? Горлум! — позвал он. — Хотел бы ты быть героем? Ну, куда он опять задевался?

Горлума и след простыл. Когда они ели, он, как всегда, отказался от пищи, но выпил глоток воды, потом свернулся в клубок и вроде бы уснул. Теперь его не было.

— Не нравится мне, что он исчезает, не сказавшись, — ворчал Сэм. — Особенно сейчас: здесь ни воды, ни еды. Что ж он, камни ищет себе по вкусу? Тут даже мох не растет.

— Что толку тревожиться, — сказал Фродо. — Мы не можем уйти без него, приходится

мириться.

— Все равно, лучше бы присматривать за ним, — не унимался Сэм. — А если он *лжет*, то уж тем более. Он, злодей такой, так и не сказал, охраняется перевал или нет. А теперь — башня! Может, там и нет никого, а может, и есть. Не удрал ли он кликнуть орков или кого там еще?

— Нет, не думаю, — успокоил его Фродо. — Даже если он сбежал с какой-то дурной целью — а это вполне возможно, — он не позовет ни орков, ни других слуг Врага. Незачем было ждать так долго, лезть так высоко и подходить так близко к стране, которую он сам боится. Он мог бы давно нас выдать. Нет, мне кажется, у него на уме какой-нибудь фокус, который он считает секретом.

— Ох, надеюсь, что так, — вздохнул Сэм, — но только вы меня не очень-то успокоили. Я ни капельки не сомневаюсь, что меня бы он выдал с огромным удовольствием. Правда, есть еще Сокровище. По-моему, он все время играет в «Сокровище для бедного Смеагорла». Все его выдумки вокруг этого вертятся. Но я никак в толк не возьму, какая ему польза от того, что мы здесь?

— Может, он и сам не понимает, — вслух подумал Фродо. — Вряд ли в его путаной голове есть хоть какой-нибудь четкий план. Мне кажется,

что он просто спасает Сокровище от Врага как может. Ведь если оно достанется Врагу — ему конец. Может, тянет время и ждет удобного случая…

— Вот я и говорю: Липучка и Вонючка. И чем ближе мы к Врагу, тем больше Липучка становится Вонючкой. Вот попомните мои слова, Фродо: если мы минуем крепость, то через перевал свое Сокровище он просто так не отпустит.

— Мы еще не попали туда, — напомнил Фродо.

— Ну так лучше поберечься, пока не попадем. Если мы оба будем клевать носами, то Вонючка живо возьмет верх. Подремали бы вы сейчас, Фродо. Ложитесь поближе ко мне. Я посторожу. Дайте-ка я обниму вас, тогда уж без моего ведома никому до вас не добраться.

— Спать, — вздохнул Фродо. — Мне уже все равно где, лишь бы лечь.

— Ну вот и спите себе. Положите голову ко мне на колени.

Так Горлум и нашел их через несколько часов, когда выполз на четвереньках из тени впереди. Сэм сидел, прислонившись к камню, свесив голову набок. На коленях у него покоилась голова крепко спящего Фродо, одна загорелая рука Сэма лежала на его белом лбу, другая — на груди. Лица обоих были умиротворенными.

Горлум долго глядел на них. По его худому лицу прошла судорога. Глаза погасли и были теперь тусклыми, старыми и усталыми. Он содрогнулся, словно от резкой боли, и повернул было в сторону перевала, покачивая головой, словно прислушиваясь к каким-то внутренним голосам. Но что-то снова заставило его повернуться к спящим. Он медленно протянул дрожащую руку и очень осторожно прикоснулся к колену Фродо; это прикосновение было почти лаской. На одно короткое мгновение он преобразился. Если бы спящие увидели его сейчас, то приняли бы за очень старого и усталого хоббита, иссушенного годами, унесенного далеко от друзей и дома, от полей и ручьев юности, превращенного в жалкую, дряхлую, голодную развалину. Но от его прикосновения Фродо шевельнулся и всхлипнул во сне. Сэм тотчас же проснулся. Первое, что он увидел, был Горлум, трогавший его друга.

— Эй, ты! — сердито прикрикнул он. — Что ты тут делаешь?

— Ничего, — тихо ответил Горлум. — Славный хозяин.

— Ну конечно, — сказал Сэм. — А где ты был? Шнырял туда-сюда, старый негодяй?

Горлум отшатнулся, словно его ударили. Глаза

снова вспыхнули зеленым светом. Сейчас он очень напоминал паука: сидел пригнувшись, высоко подняв тощие коленки, вытаращив глаза. Короткое мгновение исчезло бесследно, безвозвратно.

— Шшшнырял? — прошипел он. — Они всегда такие вежливые, да! Славные хоббиты! Смеагорл ведет их путями, которых никто не знает. Он устал, страдает от жажды, да, от жажды, а он ведет их и ищет дорогу, а они говорят — шнырял! Очень хорошие друзья, да, очень!

Сэм устыдился своих слов, хотя его недоверие не уменьшилось.

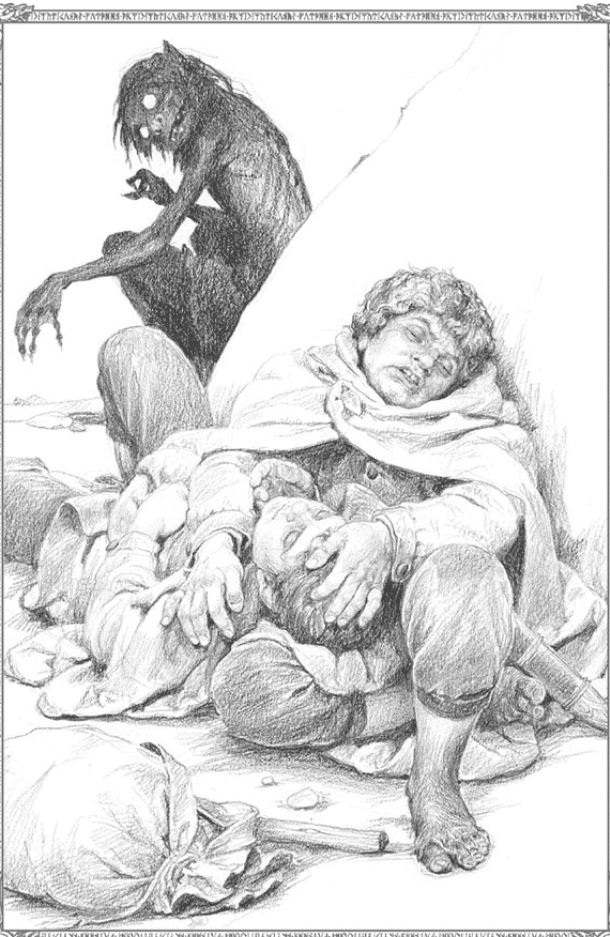
— Ну прости, — сказал он. — Извини. Ты разбудил меня и испугал. Я не должен был спать, вот и нагрубил тебе. Фродо устал, я уговорил его подремать, и… Ну, в общем, я извинился. Но все-таки, где ты был?

— Шнырял, — мстительно ответил Горлум с прежним зеленым блеском в глазах.

— Ну ладно, ладно, — примирительно проговорил Сэм. — Не хочешь говорить, не надо. Только теперь нам лучше шнырять вместе. Который час? И какой день? Сегодня или завтра?

— Завтра, — ответил Горлум, — или завтра было, когда хоббиты уснули. Очень глупо, очень

опасно — если бы бедный Смеагорл не шнырял и не сторожил их.



— Я вижу, скоро это шныряние у меня поперек горла встанет, — проворчал Сэм про себя. — Я разбужу Фродо. — Он осторожно отвел волосы со лба своего друга и, наклонившись, тихонько окликнул его: — Проснитесь, Фродо, проснитесь!

Фродо зашевелился, открыл глаза и улыбнулся при виде склонившегося Сэма.

— Ты не рано меня разбудил, Сэм? Темно же еще…

— А здесь всегда темно, — с досадой ответил Сэм. — Вот Горлум вернулся и говорит, что уже завтра. Так что нужно идти. Немного осталось.

Фродо глубоко вздохнул, сел и тут заметил Горлума.

— А, это ты, Смеагорл! Нашел чего поесть? Отдохнул?

— Ни еды, ни отдыха, ничего для Смеагорла, — сварливо ответил Горлум. — Он негодяй, он шныряет.

Сэм прищелкнул пальцами, но сдержался. Фродо удивленно посмотрел на Горлума.

— Это не так, Смеагорл. Тебя так никто на называл. Не принимай этого близко к сердцу.

— Смеагорл должен принимать все, что дают, — ответил Горлум, — а такое прозвание дал ему добрый Сэм, который все знает.

Фродо с упреком посмотрел на Сэма.

— Да, — досадливо признался тот, — обозвал я его так, когда проснулся, а он был рядом. Я извинился, но скоро, кажется, пожалею об этом.

— Ладно, забудем, — предложил Фродо. — Слушай, Смеагорл, скажи-ка мне, найдем ли мы дальше дорогу сами? Перевал рядом, если дальше дорога простая, то наш договор подошел к концу. Ты сделал, что обещал, и теперь свободен. Можешь идти, куда хочешь, только бы не к Врагу. Ты заслужил награду. Когда-нибудь либо я, либо те, кто будет обо мне помнить, сумеют вознаградить тебя.

— Нет, нет, еще нет! — заскулил Горлум. — Нет! Они не найдут дорогу, нет, нет! Есть еще подземный ход. Смеагорл должен идти впереди. Ему нет отдыха, еды тоже нет, но он все равно пойдет.

Глава IX
В логове Шелоб

Может быть, был и день. Да только он почти не отличался от ночи. Разве что непроглядный ночной мрак сменился серым мутным сумраком. В мертвенной тишине хоббиты поднимались вслед за Горлумом. Сильно выветренные каменные глыбы вокруг были похожи на огромные изваяния. Примерно в лиге впереди смутно угадывалась огромная серая стена: сплошная масса вздыбившегося камня, последний предстоящий им горный склон. Грозно темнел он и рос по мере их приближения и в конце концов заслонил собой все. У его подножия лежал глубокий мрак. Сэм принюхался.

— Фу! Ну и запах! — фыркнул он. — И надо сказать, пахнет все сильнее.

Они вступили в тень и сразу увидели черный проем пещеры.

— Сюда, — тихо произнес Горлум. — Это — вход. — О том, что эта пещера называется логовом Шелоб, он не упомянул. Из пещеры тянуло отвратительным зловонием.

— Это единственный путь, Смеагорл? — спросил Фродо.

— Да, да, единственный, — поспешно ответил Горлум. — Теперь мы должны идти здесь, да, да.

— А ты, значит, уже бывал в этой норе? — спросил Сэм. Ему очень не хотелось лезть в пещеру. — Тебе-то эта вонь, поди, нипочем.

Глаза у Горлума замерцали.

— Нипочем? Да, нипочем. Нам все нипочем. И голод нипочем, и вонь тоже. Смеагорл может вытерпеть. Да, он бывал здесь, прошел насквозь. Это единственный путь.

— А чем же это так воняет, интересно знать? — спросил Сэм. — Похоже… Нет, уж я лучше промолчу. Наверно, это какая-нибудь оркова берлога, и там всякой дряни за сотни лет скопилось не меряно.

— Ладно, — сказал Фродо, — орки там или кто, если другого пути нет, пойдем этим.

Глубоко вздохнув напоследок, они вошли. Уже через несколько шагов тьма вокруг стала непроницаемой. После мрачных подземелий Мории им нигде не было так темно, а здесь тьма была еще плотнее и гуще. В Мории было пространство, сквозняки, эхо, а здесь, в застойном воздухе, всякий звук умирал, едва родившись. Они шли,

словно окутанные черным дымом, ослеплявшим не только глаза, но и душу — мраком, в котором гасло всякое воспоминание о свете, цвете и форме. Это была ночь, кромешная и вечная.

Казалось, из всех чувств осталось только два: осязание и обоняние. Однако последнее не радовало. Лучше бы уж и его не было. К их изумлению, стены были гладкие, а пол — ровный. Лишь время от времени попадались ступеньки. Ход все время поднимался, и притом довольно круто. Хоббиты шли рядом, вытянув руки вперед и в стороны, но пальцы не всегда касались стен, таким широким был этот коридор.

Горлум шел первым и был, им казалось, всего в нескольких шагах. Какое-то время они слышали его шипящее захлебывающееся дыхание. Но вскоре и этот звук исчез, и они шли все вперед и вперед на ощупь. У них осталось только одно желание — выбраться отсюда как можно скорее.

Очень быстро исчезло ощущение времени и расстояния. Вдруг Сэм, шедший справа, ощутил со своей стороны отверстие в стене: оттуда потянуло менее спертым воздухом, но они уже прошли мимо.

— Здесь не один ход, — прошептал он. Дышать было трудно. Слова выговаривались с трудом. —

Если и похоже на что-нибудь, то только на оркову берлогу, вот и все!

Потом ему справа, а Фродо слева попалось еще три-четыре таких отверстия, но главный туннель по-прежнему вел прямо, никуда не сворачивая, сбиться было нельзя. Однако сколько же еще идти, сколько же еще предстоит вынести, сколько они смогут вытерпеть?

Чем выше поднимался ход, тем труднее становилось дышать. И что-то еще мешало, настораживало; казалось, они ощущали чье-то присутствие в кромешной мгле. Что-то легко касалось волос и рук, не то длинные щупальца, не то какие-то свисающие отростки. И все усиливался запах. Из всех чувств осталось лишь обоняние, и ощущения, приносимые им, превращались в пытку. Сколько они уже бредут во мраке? Часы? А может, дни, недели? Сэм не мог больше идти вдоль стены один. Он прижался к Фродо, и так, взявшись за руки, они продолжали путь.

Еще через несколько шагов Фродо, ощупывая стену слева, чуть не провалился в пустоту. Отверстие было большое, и оттуда исходило столь мерзкое зловоние и столь сильное ощущение притаившейся злобы, что голова у Фродо закружилась. Сэм в этот момент тоже пошатнулся и

упал. Фродо нашел его и потянул за руку.

— Вставай, — сказал он хриплым шепотом. — Идем скорее! И запах, и опасность — все отсюда.

Собрав остаток сил, он заставил Сэма подняться. Спотыкаясь, они побрели дальше. Одна ступенька, две, три, наконец шесть. И вдруг им стало легче, словно чья-то враждебная сила отпустила их. Но тут же на пути возникло новое затруднение: туннель раздваивался. Как выбрать нужный коридор? Ни Фродо, ни Сэм не сомневались, что ошибка грозит гибелью.

— Куда же подевался Горлум? — недоумевал Сэм. — Почему он не подождал нас?

— Смеагорл! — попытался окликнуть Фродо. — Смеагорл!

Голос был хриплый, и зов утих, едва сорвавшись с губ.

Ответа не было, ни отголоска, ни малейшей дрожи в воздухе.

— Кажется, он сбежал по-настоящему, этот лиходейщик, — пробормотал Сэм. — Может, он для того и завел нас сюда, чтобы бросить. Ну, Горлум, попадись ты мне, плохо тебе будет!

Медленно, на ощупь, они двинулись в левый коридор и очень скоро уперлись в стену.

— Здесь нет дороги, — прохрипел Фродо. — На-

до возвращаться, пойдем другим коридором.

— И поскорее, — отозвался шепотом Сэм. — Здесь есть что-то похуже Горлума. Я чувствую чей-то взгляд.

Не успели они пройти и двадцати ярдов, как их пригвоздил к полу неожиданный и пугающий в этой душной тишине звук: какое-то захлебывающееся бульканье и ядовитое шипение надвигалось на них.

— Это ловушка! — выдохнул Сэм, нащупывая рукоять меча. Сразу вспомнилось, откуда у него этот меч. Такая же темень древнего кургана… и старый Том. «Был бы он здесь!» — промелькнула мысль. Тьма наваливалась со всех сторон, мрак отчаянья и гнева заливал сердце, но именно в этот момент перед его внутренним взором вспыхнул луч света. Он был нестерпимо ярким, как свет солнца для того, кто долго пробыл под землей. А потом пришло ощущение золотого, зеленого, серебряного, белого. Из этого света соткалось видение прекрасной Владычицы Лориена: она стояла в свежей высокой траве, протягивая вперед руку. Сэму даже показалось, что он слышит ее голос: «Для тебя, Хранитель, у меня приготовлен особый дар….»

Булькающее шипение приближалось. Оно

сопровождалось непонятным скрипом, словно во мраке медленно двигалось что-то большое, суставчатое.

— Фродо, Фродо! — закричал Сэм, и голос у него опять стал живым и звонким. — Подарок! Подарок, чтобы светить во мраке, она так говорила! Скорее, звездную склянку!

— Звездную склянку? — растерянно повторил Фродо. — Ну конечно! Как я мог забыть? «Ему гореть там, где погаснут все другие огни!» — лихорадочно прошептал он.

Медленнее, чем ему хотелось бы, его рука поднялась к груди и достала фиал Галадриэли. В первый момент он едва мерцал, как звезда сквозь густой туман, а потом свет усилился и засиял, как серебряное пламя, словно сам Эарендил с последним Сильмариллом во лбу спустился с небесных троп. Мрак отпрянул, воздух вокруг превратился в светящийся хрусталь, и рука, держащая фиал, засветилась белым огнем.

Пораженный Фродо смотрел на этот чудесный светоч. Он и не подозревал, какая сила скрыта в нем. После отплытия из Лориена он ни разу не доставал подарок Галадриэли, боясь обнаружить себя.

— *Айа Эарендил Эленион Анкалима!* — прозву-

чало в тишине, и Фродо сам удивился непонятным, но, несомненно, им произнесенным словам. Казалось, кто-то другой говорил через него, говорил ясным голосом, совершенно не ощущая зловония этой ямы.

Но здесь, в этом душном мраке, были и другие силы, могучие и древние. Эльфийский призыв не испугал то, что надвигалось из темноты. В глубинах времен ей уже приходилось слышать этот клич. Она и тогда не обратила на него внимания, не смутил он ее и сейчас. Отзвуки голоса Фродо еще раздавались под сводами, а он уже ощутил сгущающуюся вокруг себя злобу и почувствовал гибельный взгляд. Из тьмы позади медленно проступили два огромных фасетчатых глаза. Сияние звездного фиала преломлялось и отражалось в тысячах их граней, но они и сами наливались каким-то мертвенным светом. В них не было ни тени мысли, одно только тупое упрямство и кровожадное вожделение. Они видели добычу и были уверены, что она никуда не денется.

От ужаса волосы у Фродо и Сэма встали дыбом, они попятились. Глаза приближались. Рука Фродо, державшая фиал, дрогнула и опустилась. Не сговариваясь, они кинулись бежать. Фродо обернулся и, холодея, увидел, что глаза скачками

приближаются. Запах смерти окутал его, словно облако.

— Стой, стой! — в отчаянии закричал он. — Бежать бесполезно.

Глаза приближались.

— Галадриэль! — вскричал он, собирая все свое мужество, и снова поднял фиал.

Глаза остановились, в них мелькнуло сомнение. А в сердце Фродо забилось пламя. Не задумываясь больше, он перехватил склянку в левую руку, а правой выхватил меч. Клинок, выкованный эльфами, засверкал серебряным блеском, а по его краям вспыхнули голубые искры. Тогда, держа звездную склянку над головой, изготовив к бою сверкающий меч, Фродо, маленький хоббит из Шира, твердо пошел навстречу страшным глазам.

Они замигали. Чем ближе надвигался на них свет, тем явственнее проступал страх. Наконец они не выдержали, потускнели и медленно отступили. Никогда еще столь губительный свет не ослеплял их. В этих подземельях от века не было ни солнечного, ни звездного света, но эта звезда сама спустилась теперь в недра. Она все приближалась, и глазам стало больно. Они погасли, потом повернули вспять, и что-то большое и

темное уползло во тьму, за пределы света.

— Фродо, Фродо! — в восторге выкрикивал Сэм, следуя за другом с мечом наготове. — Звезды! Блеск! Эльфы сложили бы песню об этом, если бы видели! О, мне бы только дожить и рассказать им об этом! Стойте, стойте, Фродо, хватит! Не надо туда ходить! Дорога свободна, идем отсюда!

Они повернули обратно. Сначала шли, потом бежали, ибо туннель становился все круче, и с каждым шагом они поднимались все выше над зловонной берлогой, и силы возвращались к ним. Позади затаилась злоба, слепая, непобежденная, грозящая смертью. Однако навстречу уже веяло холодным свежим воздухом: они приближались к выходу. Задыхаясь, стремясь вырваться из каменного гнета, они бросились вперед и вдруг зашатались, отброшенные невидимой силой. Преграда оказалась мягкой, податливой, но совершенно непроходимой, хотя ветерок дул сквозь нее свободно. Они снова кинулись вперед, и снова безрезультатно.

Подняв над головой светящийся сосуд, Фродо всмотрелся. Перед ним серело нечто; даже чудный свет не мог выявить его очертаний. Так могла выглядеть тень, рожденная раньше света, чуждая и противостоящая ему. Выход из туннеля

был затянут паутиной, сотканной гигантским пауком: она была огромная и густая, и каждая нить толщиной в палец.

Сэм злорадно рассмеялся.

— Паутина! — воскликнул он, — только и всего! Паутина, хоть и толстая. Долой ее!

Он яростно ударил в самый центр мечом, но нить, по которой он попал, не порвалась. Упруго, как тетива лука, она отбросила меч, едва не выбив его их рук Сэма. Трижды он бил наотмашь, пока одна нить не лопнула, концом хлестнув Сэма по руке. Он вскрикнул от боли и отскочил.

— Эдак мы и за неделю не пробьемся, — озадаченно проговорил он. — Что же делать-то? Эй, а глаз этих не видать?

— Нет, не видно, — успокоил его Фродо. — Но, ты знаешь, я их все-таки чувствую. Если погаснет светильник, они живо вернутся.

— Вот влипли так влипли! — в сердцах воскликнул Сэм. — Ну чисто мухи в паутину! Фарамир как в воду глядел. Пусть его проклятье поразит, этого Горлума, да поскорее!

— Проклятья не помогут, — задумчиво возразил Фродо. — Пропусти-ка меня, посмотрим, что можно сделать Шершнем. Он выкован эльфами, и в нем чары против зла. Ты посторожи, на слу-

чай если глаза появятся. Вот, возьми светильник. Держи повыше и смотри внимательно.

Передав Сэму сосуд, Фродо подступил к паутине, ударил сплеча и тотчас отскочил назад. Сверкающий клинок рассек серые нити, как хорошая коса подсекает траву. Паутина, извиваясь, лопнула, повиснув рваными лохмотьями. Фродо продолжал наносить удар за ударом, пока не расчистил достаточный проход. Путь был открыт.

— Идем! — задыхаясь, вскричал Фродо. — Вперед! — чудесное спасение из самой пасти смерти лишило его обычной осмотрительности. С громким криком он выбежал из туннеля.

После непроглядной черноты подземной ночи Страна Мрака показалась ему светлой. День кончался. Красные отсветы угасали в угрюмом сумраке. Но для Фродо этот сумрак стал утром надежды. Осталось совсем немного. Перевал Кирит Унгол был вот он, прямо перед ним, справа и слева чернели в небе каменные рога. Осталось пробежать еще чуть-чуть, и они окажутся по ту сторону хребта.

— К перевалу, Сэм! — крикнул он, забыв, что голос, не заглушаемый больше душным воздухом подземелья, звучит высоко и звонко. — К перевалу! Бежим!

Сэм со всех ног кинулся вслед за ним, но головы при этом не потерял и часто оглядывался на черное устье туннеля. Однако ни он, ни Фродо не знали всего коварства Шелоб. Из ее логова было много выходов.

Несчетное множество веков она обитала там — чудовище в образе паука, подобное древнему монстру, с которым в незапамятные времена сразился Берен в Дориате, прежде чем повстречал Лучиэнь на зеленой лужайке под лунным светом. О том, как Шелоб попала сюда, молчат предания. Да и не осталось их — преданий о Темных Годах. Но преданий нет, а Шелоб была — она была здесь прежде Саурона и прежде первого камня Барад Дура; и все это время занималась только одним делом: ублажала себя, высасывая кровь Людей и Эльфов, жирея и разбухая, непрестанно вожделея, свивая вокруг паутину мрака; все живое было ей пищей, а тьма — продуктом пищеварения. По горным теснинам множились ее мерзкие отродья — от Хмурых Гор до восточных нагорий, до Дол Гулдура и Сумеречья. Но куда им было равняться с великой Шелоб — последней из тревоживших этот несчастный мир отпрысков древней Унголианты, порождения Довременного Мрака.

Много лет назад ей повстречался Горлум, тоже

любивший тьму, повстречался и поклонился, признав ее владычество. Ее злая воля легко завладела им, отрезав от света, от надежды и раскаянья. Горлум обещал доставлять ей пищу. Ничего она не знала и знать не хотела ни о башнях, ни о кольцах, ни о каких других творениях рук и мысли. Она жаждала только смерти для всего живого, а для себя — удовольствия пожирать чужую жизнь и расти, расти безмерно, чтобы горы не могли вместить ее.

Но желание это было не так-то просто исполнить, и сейчас она давно уже была голодна и сидела, притаившись в своем логове. Сила Саурона росла, все живое бежало из пределов его страны. Город в долине давно опустел, ни эльфы, ни люди больше не попадались, только орки. Скверная добыча, к тому же слишком осторожная. Она все равно добывала их. Но все время хотелось чего-нибудь повкуснее. И Горлум привел вкусную пищу.

— Посмотрим, посмотрим, — часто бормотал он себе под нос, пока вел хоббитов к долине Моргула, — посмотрим… Может быть, да, да, может быть… Она выбросит кости и пустые одежды, а мы найдем их, мы найдем Сокровище, награду для бедного Смеагорла, который привел такую

вкусную еду. И мы спасем Сокровище, как обещали, да! А когда Оно будет у нас, она узнает об этом. О да, мы посчитаемся с ней! Мы со всеми посчитаемся, да, да!

Такие мысли бродили в том дальнем закоулке его черной души, которую он тщательно скрывал. С этими мыслями он и пришел на поклон к Шелоб, пока его спутники спали.

Саурон всегда знал, кто скрывается в недрах горы. Ему нравилась эта кровожадная и бдительная стража, охраняющая древний путь в его страну лучше любого войска. Орков у него было полно. Если время от времени Шелоб отлавливала одного-другого, то — в добрый час, он обойдется. Иногда он сам бросал своей «кошке», как он ее называл, лакомый кусочек, отправляя к ней ненужных пленников. Он приказывал загонять их к ней в логово, а потом с интересом слушал, как она с ними забавлялась. Это было удовольствие для обоих, оба привыкли чувствовать себя совершенно безнаказанно.

До сих пор ни одна добыча не уходила от Шелоб, поэтому теперь она пришла в ярость и от голода готова была сожрать саму себя.

Сэму и невдомек было, какие жуткие силы точили на него зубы. Зато он чувствовал, как растет

вокруг опасность. Не понимая, откуда она исходит, он едва передвигал ноги. Ужас был вокруг него, впереди, на перевале — враги, а Фродо, словно лишившись рассудка, стремглав бежал прямо туда. Сэм взглянул на него и ахнул. Обнаженный меч в руке Фродо пылал голубым огнем. И еще он увидел ровный багровый свет в окне башни, вздымавшейся над перевалом.

— Орки! — пробормотал он. — Да как же мы тут прорвемся? А может, там кто и похуже орков… — Обычная осторожность заставила его заслонить рукой эльфийский сосуд. На мгновение рука его засияла, просвечивая живой кровью, но он поскорее сунул фиал в карман и прикрыл полой плаща. Фродо был уже шагах в двадцати впереди, еще немного — и он потеряется в серых тенях среди камней.

Стоило Сэму спрятать звездную склянку, как появилась Шелоб. У Сэма волосы встали дыбом, когда чуть впереди, слева, из черного провала под скалой, начало выползать такое, что не привидится и в бреду. Больше всего оно походило на гигантского паука. Гроздья глаз, потухшие было, опять светились злобой, свободно вращаясь вместе с головой, украшенной парой рогов, на короткой тонкой шее. Дальше покачивалось на

согнутых лапах огромное, вздутое туловище — чудовищный черный мешок с мертвенно-синими пятнами и слабо светящимся брюхом. Коленчатые паучьи лапы с высоко торчащими над спиной узловатыми суставами были покрыты жесткой щетиной, а каждая лапа заканчивалась острым кривым когтем.

Как только ее мерзкое мягкое тело протиснулось из дыры в скале, она помчалась необыкновенно быстро. Сэма она либо не видела, либо остерегалась, чутьем распознав, где прячется ненавистный свет, и все внимание сосредоточила на Фродо, который бежал, не оглядываясь и не чуя опасности. Как ни быстро он бежал, ясно было, что Шелоб в несколько прыжков нагонит его.

Сэм собрал все силы, чтобы крикнуть, но в этот момент длинная мягкая рука зажала ему рот, другая рука вцепилась в горло и что-то обвилось вокруг ног.

— Поймали! — прошипел Горлум Сэму в самое ухо. — Наконец-то мы поймали его, да, ззлого хоббита! Мы — этого, а она — того. Смеагорл обещал не вредить хозяину, он и не будет. Зато он поймал тебя, ззлой, мерзкий негодяй! — и он плюнул Сэму на шею.

Ярость из-за помехи в такой отчаянный момент, ненависть к предателю вспыхнула в душе Сэма ярче десяти чудесных светильников. Горлум едва ли ожидал такой силы и ловкости от неторопливого обычно хоббита. Сэм вывернулся из-под руки, зажимавшей ему рот, но хватка на горле не ослабла В правой руке у него был меч, на

левой висел на ременной петле посох Фарамира. Сэм хотел ткнуть врага мечом, но Горлум перехватил его кисть, сжал как тисками и медленно выворачивал, пока, вскрикнув от боли, Сэм не выронил оружие. И все это время рука Горлума сжималась у него на горле.

Тогда Сэм пустился на последнюю хитрость. Он изо всех сил оттолкнулся ногами и опрокинулся навзничь.

Не ожидавший от Сэма этой простой уловки, Горлум упал, а Сэм обрушился на него сверху всей тяжестью. Горлум громко зашипел и выпустил Сэмово горло, но все еще продолжал сжимать его правую руку. Сэм напряг руку, стремглав вскочил, повернувшись, и, взмахнув левой рукой, хватил Горлума посохом. Он попал удачно. Горлум взвизгнул и выпустил его. Сэм шагнул вперед и, не меняя руки, нанес еще один сокрушительный удар. Быстро, как змея, Горлум уклонился, и удар, нацеленный ему в голову, пришелся по спине. Посох треснул и сломался. Однако Горлуму было вполне достаточно. Раньше он всегда хватал добычу сзади, и сразу за горло двумя руками, но теперь, от переполнявшей его злобы, сделал ошибку: начал разговаривать и хвастаться, не придушив жертву как следует.

Его замыслы перестали удаваться с тех пор, как во мраке неожиданно появился этот ослепительный свет. А теперь он очутился лицом к лицу с разъяренным врагом, не уступающим ему в силе и ловкости, хотя этого врага он всегда считал тупым и медлительным.

Сэм схватил с земли свой меч и замахнулся. Горлум пронзительно вскрикнул и как был, на четвереньках, сиганул в сторону, а потом с поразительной быстротой помчался к туннелю.

Сэм гнался за ним, размахивая мечом. Он забыл обо всем, кроме клокотавшей в душе ярости, кроме жажды мщения. Но Горлум уже юркнул в дыру. И тогда, при виде черного зловонного провала, Сэма как громом поразила мысль о Фродо и чудовище. Мгновенно он повернулся и бросился назад, в ужасе зовя друга. Но он опоздал и здесь. В этом замысел Горлума удался.

Глава X
СЭМ НА РАСПУТЬЕ

Фродо лежал на земле, и чудовище нависало над ним. Оно так сосредоточилось на своей жертве, что не заметило Сэма, покуда он не очутился совсем близко. Когда он, запыхавшись, подбежал к страшному месту, Фродо был уже весь опутан паутиной, и чудовище приподнимало его передними лапами, намереваясь тащить в нору.

Шершень лежал рядом. Сэм не стал долго раздумывать, отвага, гнев или дружба движет им. Вскрикнув, он прыгнул вперед и, схватив Шершень левой рукой, ринулся в атаку. Никакая волчица не дралась бы яростней за своих детенышей, чем Сэм за тело своего друга. Крик его оторвал Шелоб от кровожадных мыслей, и на Сэма устремился тупой, свирепый взгляд. Несчетные годы ей не встречался такой противник. Не успела она удивиться, как сверкающий меч, ударив по лапе, отсек коготь. Сэм кинулся прямо в арку ее согнутых лап, одновременно вонзив меч в глаз чудовища. Голова вздернулась, а глаз потускнел и залился противной слизью.

Теперь маленький враг был прямо под нею, его не достать было ни челюстями, ни когтями. Огромное брюхо нависало над Сэмом, он видел его мертвенное свечение и чувствовал удушливую вонь. Но у него еще хватило отваги нанести новый удар: прежде, чем Шелоб догадалась, что может раздавить его, он с отчаянной силой полоснул ее эльфийским клинком по брюху.

Однако Шелоб происходила не из породы драконов, и на ее теле не было других уязвимых мест, кроме глаз. Долгие века только закалили ее шкуру, нараставшую изнутри слой за слоем. Клинок сделал на ней длинный надрез, но прорубить ее насквозь не хватило бы человеческих сил, даже если бы эльф или гном закалили сталь, а удар нанесла рука Берена или Турина. Шелоб вздрогнула, почувствовав острую сталь, и огромный мешок ее брюха закачался у Сэма над головой, а рана тут же начала сочиться ядовитой пеной. Растопырив лапы, она стала опускаться, чтобы раздавить врага, но опоздала. Сэм, обеими руками держа рукоять Шершня, опер ее о землю, и Шелоб всей мощью своей злобной воли, всей своей силой, более могучей, чем рука любого воителя, сама напоролась на острый клинок. И чем сильнее старалась она прижать врага к земле,

тем глубже проникал меч в ее мерзкую плоть.

Никогда еще за свою долгую кровавую жизнь Шелоб не испытывала ничего подобного. Ни один самый отважный воин Гондора, ни один самый дикий орк не вонзал оружия в тело, которое она так любила и берегла. Шелоб содрогнулась, привстала, стремясь избавиться от жуткой боли, подогнула свои огромные, вдруг ослабевшие лапы и судорожно отпрянула назад.

Сэм упал на колени рядом с Фродо; голова у него кружилась от зловония, но руки не выпускали меча. Как сквозь туман он видел лицо друга и силился овладеть собою и унять дурноту. Он медленно поднял голову и увидел в нескольких шагах чудовище. Оно смотрело на него, капая ядом с челюстей и зеленой слизью из раненого глаза. Потом оно присело, распластавшись брюхом по земле, и приготовилось к новому прыжку — убить, растерзать непокорную тварь, причинившую ей такую боль!

Сэм тоже пригнулся, глядя прямо в свирепые глаза и даже не помышляя об отступлении. И тут внутри его снова прозвучал отдаленный голос, он понял незнакомые слова и левой рукой нашарил на груди холодный и твердый, истинно настоящий в этом мире страшных призраков звездный фиал Галадриэль.

— Галадриэль! — шепнул он и услышал голоса эльфов, странствующих под звездами в его родном Шире, и музыку эльфов, слышанную в замке Элронда.

— *Гилтониэль! О Элберет!*

А потом язык его словно обрел свободу, и зазвучали слова, о смысле которых он мог только догадываться.

А Элберет Гилтониэль
о менель-палан дириэль,
ле нэллон си ди'нгурутос!
А тиро нин, Фануилос!

Он поднялся на ноги — маленький хоббит из Шира, садовник Сэм, сын Хэмфаста.

— Ну, иди сюда, скотина! — процедил он сквозь зубы. — Иди, иди, я рассчитаюсь с тобой за моего друга! Потом мы пойдем дальше, но сначала я разделаюсь с тобой. Иди сюда, я опять угощу тебя.

И, словно черпая силу в неукротимости его духа, светильник запылал в его руке белым пламенем. Он сиял, как звезда, упавшая с неба, озаряя мрак нестерпимым блеском. Никогда еще Шелоб не видела ничего ужаснее. Свет невыносимой болью обжигал глаза. Она отпрянула, беспорядочно размахивая передними лапами, потом, плохо соображая, с трудом повернулась и поползла в свою темную нору.

Сэм продолжал наступать на нее, хотя его шатало, как пьяного. И Шелоб перепугалась не на шутку: она вся сжалась и вздрагивала, торопясь уйти. Она достигла норы и втиснулась в нее, оставляя за собой след из темно-зеленой слизи. Сэм успел еще ударить по отставшей лапе и упал

ничком.

Шелоб исчезла. Погибла она в своем логове или медленно залечила раны — больше о ней никто никогда не слышал. Сэм остался один. Изнемогая от усталости, в сумерках, спускающихся над Неназываемой Страной, он подполз к своему другу.

— Фродо, Фродо! — позвал он, но тот не отвечал.

Когда, вырвавшись из подземелья и радуясь свободе, Фродо бежал по тропе, Шелоб нагнала его и ужалила в шею. Теперь он лежал бледный, не шевелясь, ничего не видя и не слыша.

— Фродо, милый Фродо, — повторял Сэм и долго прислушивался, но не слышал ни звука в ответ. Тогда он торопливо разрезал паутину, опутывавшую Фродо, и прижался ухом к груди. Там не было ни трепета жизни, ни биения сердца. Долго растирал он руки друга, часто дотрагивался до его лба, но они оставались холодными.

— Фродо, друг мой! — всхлипнул он. — Не оставляйте меня одного здесь! Это я, Сэм. Не уходите от меня! Очнитесь, Фродо, дорогой мой! Очнитесь же!

Потом его охватил гнев, и он заметался вокруг, размахивая мечом и выкрикивая бессвязные

угрозы. Но силы быстро иссякли, и он очнулся. Наклонившись, он снова вгляделся в лицо Фродо, и вдруг понял: он видел эту картину в зеркале Галадриэли, в Лориене — бледного Фродо, лежащего среди скал.

— Умер! — прошептал он. — Не спит, а умер!

Эти слова словно усилили действие яда. Ему показалось, что на бледном лице друга проступил зеленоватый оттенок.

Волна отчаяния захлестнула его. Обхватив голову руками, он вскрикнул и потерял сознание.

Когда он очнулся, было темно. Минуты или часы прошли в беспамятстве — неизвестно. Он был на том же месте, и Фродо все так же лежал рядом с ним — мертвый. И горы не обрушились, и земля не разверзлась под ним.

— Что мне делать, что делать? — простонал он. — Неужели все было напрасно?

Вспомнились вдруг его собственные слова, сказанные очень давно, в самом начале пути, — тогда он не понимал их смысла: «До самого конца мне найдется что делать. Я должен приглядеть за всем этим, ну, вы понимаете, что я хочу сказать».

— Что мне делать теперь? Оставить Фродо вот так и идти домой? Или идти дальше? Идти дальше? — повторил он медленно, весь дрожа от

раздиравших его сомнений и страха. — Выходит, я должен идти? А Фродо? — и тогда, наконец, он заплакал, и плакал долго. Потом уложил Фродо, как должно, сложил ему руки на груди и завернул тело в серый плащ; справа положил свой меч, слева — посох, подарок Фарамира.

— Мне ведь надо идти, Фродо, — словно извиняясь, сказал он, — так я, с вашего разрешения, возьму ваш меч, а вам оставляю свой, и ваша прекрасная кольчуга пусть будет на вас. А светильник вы отдали мне, пусть будет у меня, я ведь иду туда, где всегда темно. Оно конечно, это ваш подарок, он слишком хорош для меня, но, может, Галадриэль простит меня, и вы тоже поймете, правда? Я должен идти.

Но оставалось еще самое главное. Он встал на колени и долго держал Фродо за руку. Время шло, а он никак не мог побороть смятение в сердце. В какую-то минуту ему хотелось только одного — мести. Если он уйдет отсюда, то гнев проведет его по всем дорогам мира и поможет отыскать Горлума. И тогда Горлум умрет. Но не для этого же они когда-то отправились в путь. Это не вернет Фродо. Ничто не вернет. Лучше бы им умереть обоим. Взгляд его остановился на блестящем клинке меча. Он отрешенно подумал о быстрой

смерти. Но и это не было выходом. Это значило бы не сделать ничего.

— Но что же тогда? — в муке вскричал он, и на этот раз ему послышался твердый ответ: «Делай свое дело. У тебя один путь, самый одинокий из всех». — Как я найду эту проклятую огненную пропасть? — снова выкрикнул он. — Как? Я же не могу взять Кольцо! Оно дано ему Советом…

Ответ пришел немедленно: «Совет дал ему спутников, чтобы исполнить миссию. Ты — последний из отряда. Миссия должна быть исполнена».

— Я не хочу быть последним! — простонал он. — Хоть бы Гэндальф со мною был или еще кто-нибудь. Зачем я остался один? Зачем я должен решать? Я же не Мудрый, я ошибусь. И не годится мне брать Кольцо и выставляться перед всеми.

«А ты и так не выставляешься, — ответили ему. — Ты выставлен. Так же, как Фродо, как старик Бильбо. Они не сами выбирали себя».

— Ну хорошо, ладно, я должен решить сам. Я и решу. Только в одном я уверен: все равно ошибусь! Чего еще и ждать от Сэма?

«Что ж, посмотрим. Если они найдут Фродо, и Кольцо будет с ним, то Враг возьмет его. А это будет конец для всех: для Лориена, для Дольна, для Шира, для всего Среднеземья. И медлить

нельзя. Иначе все равно будет конец. Война уже началась».

Сэм вздохнул. «Ну и что? — подумал он. — Я же не могу взять Кольцо без спросу. Буду сидеть здесь и ждать, пусть приходят и убивают меня над телом Фродо, и берут Кольцо. Но ведь так же нельзя, — возразил он сам себе. — Значит, надо его взять».

Он наклонился. Осторожно и нежно отстегнул застежку у ворота Фродо и просунул руку под куртку; потом, приподняв голову друга, он поцеловал его в холодный лоб, осторожно снял цепочку и тихонько уложил его голову обратно. Ничто не дрогнуло в спокойном бледном лице, и это яснее всяких других признаков сказало Сэму, что Фродо мертв и что его путь окончен.

— Прощайте, дорогой друг! — прошептал Сэм. — Простите меня. Я вернусь, когда сделаю свое дело, если смогу. И тогда уже не покину вас. Если бы я мог попросить Галадриэль, я хотел бы вернуться сюда и найти вас. Прощайте!

Он надел цепочку себе на шею, и тотчас же тяжесть Кольца пригнула его голову к земле, словно на шее повис большой камень. Но либо тяжесть уменьшилась, либо в нем родилась новая сила: он медленно поднял голову, потом с усилием встал

и увидел, что может идти со своей ношей. И снова он поднял эльфийский светильник и взглянул на своего друга. Теперь свет был мягкий и спокойно озарял бледное и прекрасное, как у эльфа, лицо Фродо. Сэм отвернулся, спрятал фиал и побрел, спотыкаясь, в сгущающемся мраке.

Идти предстояло недалеко. Туннель был позади, перевал — в сотне ярдов впереди, и тропа хорошо видна в сумерках — глубокая колея, выбитая в камне ногами орков за многие годы. Вдруг она резко сузилась, сменившись длинной лестницей с широкими плоскими ступенями. Башня была прямо над Сэмом, светясь красным глазом окна.

— Я решился, — повторял себе Сэм, но на самом деле решимости в нем не было. Хотя он и старался действовать разумно, но сейчас все шло как-то не так. — Может, я ошибся? — пробормотал он. — Но что же мне еще оставалось делать?

Крутые скалы смыкались вокруг него. Прежде чем перевалить седловину, прежде чем сделать шаг по земле Мордора, он обернулся и взглянул назад. Вдалеке еще виднелось черное пятнышко туннеля, он видел или угадывал место, где оставил тело Фродо. Ему даже показалось, что там различается какое-то мерцание, а может, это

были слезы в глазах…

— Если бы только мне вернуться и найти его, — вздохнул он. Потом, наконец, тряхнул головой и сделал несколько шагов, самых тяжелых в своей жизни.

Только несколько шагов он и сделал. И тут же замер на месте. Спереди, со стороны перевала, донеслись голоса орков. В то же время послышались топот и возгласы сзади. Сэм обернулся и увидел красные огоньки факелов, появившиеся из туннеля. Значит, за ним охотятся. Значит, красный глаз башни был зрячим! Колеблющийся свет факелов и лязг оружия были совсем рядом. Через минуту орки будут на вершине и увидят его. Он слишком долго раздумывал! Еще не отдавая себе отчета, он нащупал цепочку на шее. В тот момент, когда первые враги появились на перевале, прямо перед ним, он надел Кольцо.

Мир изменился, и в один короткий миг вместилось множество мыслей. Сэм сразу же ощутил, что слух у него обострился, а зрение, наоборот, затуманилось. Все вокруг сделалось смутным, а сам он стоял в этом туманном мире, как плотная черная скала, и Кольцо, оттягивавшее руку, было словно жернов из раскаленного золота. Не невидимым он чувствовал себя, а, наоборот,

единственно видимым. И еще он знал: где-то пробудилось Око и ищет его.

Он слышал ропот ручья далеко внизу, в долине Моргула, он слышал жалобное бульканье Шелоб, с трудом пробирающейся в подземных переходах, слышал оглушительный топот и пронзительные крики орков впереди. Он отшатнулся, прижался к утесу. Они прошли мимо, как отряд призраков, как туманные серые фигуры страшного сна, и в руках у них были бледные язычки пламени. Сэм весь обратился в слух. Отряды увидели друг друга и с криками бежали навстречу. Он ясно слышал и тех и других, а благодаря Кольцу понимал их речь. Похоже, сила Кольца возрастала по мере приближения к месту своего рождения. Но Сэм тут же убедился, что смелости оно ему не прибавило. Он стоял, думая только о том, где бы спрятаться, стоял и слушал.

— Эй, Горбаг! Ты что тут делаешь? Надоело воевать, да?

— У меня приказ. А вот ты что тут делаешь, Шаграт? Надоело ждать наверху? Хочешь спуститься и подраться?

— У меня тоже приказ. Я стерегу этот проход. Так что говори со мною повежливее. Ну, что скажешь?

Его собеседник не успел ответить.

— Хай! Хай! Хай! — послышались громкие вопли. Орки внизу увидели что-то. Они побежали туда, остальные за ними. — Хай! Гей! Тут что-то есть! Лежит прямо на дороге! Лазутчик! Лазутчик! — все покрыл гнусавый звук рога и хриплый галдеж.

Сэм резко вздрогнул. Он больше не думал о том, где бы спрятаться. Орки нашли Фродо. Что они с ним сделают? Он слыхал рассказы, от которых кровь стыла в жилах. Все сомнения и страхи разом исчезли. Он знал теперь, где его место, и по лестнице, а потом по тропе поспешил обратно.

— Сколько их там? — спросил он себя. — Из башни — никак не меньше сорока, а снизу, кажется, и того больше. Интересно, скольких я смогу уложить, прежде чем меня убьют? Стоит вытащить меч — его же издали видно! — и рано или поздно они меня прикончат. Интересно, сложат ли когда-нибудь песню о том, как пал Сэм на тропе в Мордор, окружив мертвого друга грудой вражеских трупов? Нет, песен не будет, ведь если они найдут Кольцо, песен вообще больше не будет. Но мое место все равно там. Они должны понять — Элронд, Совет и все мудрецы со своей мудростью. Их замыслам не суждено сбыться. Не могу я нести Кольцо. Не могу, если со мною нет Фродо!

Орки были уже далеко. От изнеможения Сэм едва шагал. Куда они подевались в этом тумане? А-а, вот они, далеко впереди, склонились над чем-то лежащим на земле, а другие шныряют туда-сюда, словно собаки, ищущие след. Он попытался прибавить ходу. «Иди, Сэм, — уговаривал он себя, — иди, а то опять опоздаешь».

Он проверил, легко ли вынимается из ножен Шершень. Сейчас он выхватит его, и тогда…

Но тут раздались громкие вопли, гиканье и хохот.

— Я-хой! Э-хей! Живо! Коротким путем! Обратно, в Нижний Ход! Сегодня ее нечего бояться! — толпа орков зашевелилась. Последние четверо несли на плечах чье-то тело. — Я-хой! Живей! Живей!

Они уносили труп Фродо. Они ушли. Они уже достигли туннеля и вошли в него. Те, что несли тело, вошли первыми, а позади началась суматоха и свалка. Сэм кое-как ковылял вслед. Он обнажил меч, голубовато сиявший в его дрожащей руке, но, пока он добежал, последний орк исчез в черной дыре.

На мгновение Сэм остановился, задыхаясь, хватаясь за грудь. Потом провел рукой по лицу, стирая грязь, пот и слезы.

— У-у, гнусная мразь! — крикнул он и прыгнул в темноту.

Туннель больше не казался ему темным: скорее, было похоже, что из редкого тумана он вступил в густой. Несмотря на огромную усталость, воля его крепла. Сэму казалось, что он видит факелы далеко впереди, но, как он ни спешил, расстояние между ними сокращалось медленно. Орки ходят в темноте быстро, почти бегом, к тому же они прекрасно знали этот туннель. Несмотря на Шелоб,

этим кратчайшим путем между горами и мертвой крепостью часто пользовались. Чьи руки и в какие незапамятные времена проделали столь огромный труд, они не задумывались, но сами прорыли множество обходных путей с обеих сторон, лишь бы обогнуть главное логово. В эту ночь орки не собирались далеко обходить убежище Шелоб. Они спешили к своей сторожевой башне на утесе. На ходу они галдели и перекликались по обычаю своего племени. Сэм слышал их грубые голоса, резкие и хриплые в мертвом воздухе, и мог различить среди них два самых громких и самых близких к нему. Начальники обоих отрядов шли позади всех, ворчливо беседуя.

— Прикажи своим ребятам не орать так, Шаграт, — говорил один. — Нам совсем ни к чему встречаться с Шелоб.

— Заткнись, Горбаг, твои шумят ничуть не меньше, — ответил другой. — Пусть забавляются! А о Шелоб не беспокойся. Похоже, она села на гвоздь, но мы об этом плакать не станем! Разве ты не видел следы? Так что пусть посмеются. Нам повезло. Наконец-то мы раздобыли кое-что нужное там, наверху.

— Так эта дохлятина нужна там? А что оно такое, по-твоему? Похоже на эльфа, но мелковат.

Оно что, опасное?

— Не знаю и знать не хочу! — отрезал его собеседник.

— Ого! Значит, тебе не сказали, в чем дело? Нам ничего не говорят, но они тоже иногда ошибаются. Даже самые Верхние.

— А ну тихо, Горбаг! — Шаграт понизил голос настолько, что даже странно обострившийся слух Сэма едва улавливал его. — У них глаза и уши повсюду, даже среди моих, я уверен. Я знаю только одно: они чем-то встревожены. И назгулы внизу, и те, наверху, тоже. Что-то чуть не сорвалось!

— Чуть не сорвалось, ты говоришь? — переспросил Горбаг.

— Да. Только давай-ка отложим разговор, — сказал Шаграт. — Подожди, вот выйдем на Нижний Путь, там есть где поболтать.

Неожиданно Сэм перестал видеть свет факелов. Раздался рокот и вслед за ним — глухой стук. Похоже было, что орки свернули в тот самый тупик, где были и они с Фродо. Это и сейчас был тупик.

Дорогу перекрывал огромный камень, но орки каким-то образом миновали его, Сэм слышал их голоса по ту сторону. Они продолжали углубляться в толщу горы. Сэма охватило отчаяние. Тело его друга уносили с какими-то черными замыс-

лами, а он не мог этому помешать. Он тянул и толкал камень, бросался на него всем телом, но камень не шелохнулся. Потом, словно совсем рядом, он услышал голоса обоих предводителей. Сэм припал ухом к камню, надеясь узнать хоть что-нибудь полезное для себя.

— Нет, не знаю, — послышался голос Горбага — Приказы доходят быстрее, чем можно было бы долететь. А мне наплевать, как это делается! Лучше не соваться. Грр! От этих назгулов у меня мороз по коже. Они враз сдерут с тебя шкуру и бросят в темноте, как падаль. Но Ему они нравятся. Они сейчас Его любимцы, так что ворчать бесполезно. Говорю тебе, не дело служить внизу.

— Попробовал бы ты наверху, — заметил Шаграт, — вдвоем с Шелоб.

— А по мне, лучше бы ни там, ни там. Война началась. Когда она кончится, будет полегче.

— Говорят, все идет успешно…

— Посмотрим, — проворчал Горбаг, — посмотрим. Если она пойдет хорошо, то места будет больше. Что ты скажешь, если нам с тобой податься куда-нибудь с надежными ребятами, куда-нибудь, где добычи много и нет никаких начальников?

— Ха! — сказал Шаграт. — Как в старые вре-

мена…

— Ага, — ответил Горбаг. — Только вряд ли… Мне почему-то тревожно. Я уже сказал, Верхние… — голос у него понизился до шепота, — да, и даже самый Верхний, они могут ошибаться… Ты говоришь, что-то чуть не сорвалось? А я говорю — сорвалось-таки! И нам велено смотреть в оба. Всегда так: кто-то прохлопал, а исправлять бедным Урукам, и благодарности не дождешься. А враги, между прочим, ненавидят нас ничуть не меньше, чем Его, и, если Он проиграет, нам тоже конец… Да, кстати, когда вам приказали выступать?

— С час назад примерно. Мы получили известие: назгулы встревожены, на Лестницах лазутчики, удвоить охрану. Мы сразу же вышли.

— Плохо дело, — сказал Горбаг. — Наши Безмолвные Стражи тоже забеспокоились, только дня два-три тому назад. Но мне никто ничего не приказывал. Сказали: это оттого, что Верховный назгул отправился на войну. А теперь наверху не обращают на нас внимания.

— Должно быть, Око было занято, — предположил Шаграт. — Говорят, на Западе происходит что-то важное.

— Говорят! — прорычал Горбаг. — А тем време-

нем враги разгуливают по Лестницам! А ты где был? Тебе полагается охранять их, верно? А ты что делал?

— Не учи меня! Мы все время следили и знали: началось что-то забавное.

— Куда уж забавнее!

— Да. Свет, крики и все такое. Но Шелоб была настороже. Мои ребята видели ее. Видели и ее Проныру.

— Ее Проныру? А это еще что такое?

— Ты, должно быть, тоже видел его: черный такой, тощий, похож на лягушку. Он уже бывал здесь. Несколько лет назад он вышел из Лагбура, сверху, и нам было высочайше велено пропустить его. С тех пор он приходил еще один или два раза, но мы его не трогали, кажется, у него есть какое-то соглашение с Ее Милостью. Должно быть, он невкусный, а то бы никакие приказы сверху Ей не помешали. И он побывал здесь за день до того, как начался весь этот шум, а ваша стража в долине его не заметила. Мы видели его прошлой ночью. Ребята сообщили, что Ее Милость забавляется, и я был спокоен, пока не пришло это известие. Я думал — Проныра принес ей игрушку, или ты прислал пленника в подарок, или что-то еще в этом роде. Я никогда не мешаю

ей забавляться. Если Шелоб вышла на охоту, от нее ничто не ускользнет.

— Ничто, ты говоришь? Да разве у тебя глаз нету? Говорят тебе, то, что поднялось по лестнице, ускользнуло-таки. Оно порвало паутину и вышло из норы. Ты об этом подумай!

— Но она же поймала его в конце концов!

— Поймала? Кого? Эту кроху? Но если бы он был один, она давно бы уже утащила его в нору и висел бы он сейчас у нее в кладовой. А если бы он понадобился наверху, принести его пришлось бы тебе. Хорошенькое для тебя было бы дело, а? Но он был не один!

Тут Сэм стал слушать внимательнее.

— Кто разрезал нить, которой она опутала его? Тот же, кто прорезал паутину. Разве ты не видишь этого, Шаграт? А кто воткнул гвоздь в Ее Милость? Он же, конечно. А где он? Где, Шаграт?

Шаграт не ответил.

— Подумай хорошенько, если умеешь. Это не шутки. Никто, слышишь ты, никто и никогда не втыкал ничего в Шелоб, и тебе это хорошо известно. Ее болячки — ее дело. Но подумай: здесь бродит на свободе кто-то опаснее всякого мятежника в недоброе старое время Великой Осады. Что-то проскользнуло-таки!

— Так что же это такое? — прорычал Шаграт.

— Судя по всему, доблестный Шаграт, это какой-то могучий воин, скорее всего — эльф, во всяком случае — с эльфийским мечом, а то и с топором в придачу. И он разгуливает здесь свободно, а ты так и не заметил его. Смешно, право! — Горбаг сплюнул, а Сэм мрачно усмехнулся, услышав, как его расписывают.

— Э, да что там! Ты просто боишься, — беспечно ответил Шаграт. — Ты, конечно, умеешь читать всякие там знаки, но толковать их можно по-разному. Как бы то ни было, я расставил повсюду стражей и намерен заниматься только одним делом зараз. Когда я разберусь, что мы такое поймали, тогда и начну думать о чем-нибудь другом.

— По-моему, тебе с этого пленника мало толку, — сказал Горбаг. — Может, он и вовсе ни при чем во всей этой суматохе. Тому, большому, с мечом, он был вообще без надобности, вот он его и бросил на дороге. Обычное дело для эльфов. А что вы с этим хотите делать? Ты только не забудь: я его первым увидел. Если забава, то в ней должны участвовать и мои ребята.

— Грр! — прорычал Шаграт. — Но, но! У меня приказ! Если он будет нарушен, ни твоей, ни моей шкуры не хватит расплатиться. Всякого,

кто будет пойман стражей, надлежит отправить в башню. Все с пленника снять, ничего не оставлять. Сделать полную опись всех вещей: одежды, оружия, писем, колец, украшений — и отправить в Лагбур, и только в Лагбур. Самого пленника сохранить живым и невредимым — под страхом смерти для любого из стражей, — пока Он не пришлет за ним или не явится сам. Таков приказ, и я намерен его выполнять.

— Ничего не оставить, да? — усмехнулся Горбаг. — Ни зубов, ни ногтей, ни волос?

— Да нет же, говорят тебе! Он нужен в Лагбуре целый и невредимый.

— Трудновато же это будет сделать! — рассмеялся Горбаг. — Он сейчас просто падаль, вот и все. Не знаю, зачем он наверху, а вот для котла он в самый раз.

— Дурак! — взвизгнул Шаграт. — Говоришь ты складно, а ничего не соображаешь. Смотри, как бы тебе самому не угодить в котел или к Шелоб. «Падаль»! Сказал тоже! Разве ты не знаешь привычек Ее Милости? Если она связала добычу, значит, это мясо. Живое мясо! Она не ест падали и не пьет холодной крови. Пленник жив.

Сэм зашатался. Ему показалось, что своды рухнули. Потрясение было так велико, что он чуть

не потерял сознание и грохнулся бы в обморок, если бы не внутренний голос, отчетливо произнесший: «Дурак! Он жив, и твое сердце знало об этом. Не полагайся на голову, Сэм, это в тебе не самое сильное. Просто ты не умеешь надеяться по-настоящему — вот в чем дело. А что теперь?» Но Сэм ничего не мог поделать сейчас, оставалось только припасть к холодному камню и слушать, слушать ненавистные голоса.

— Грр! — продолжал меж тем Шаграт. — У нее много разных ядов. Когда она на охоте, она только куснет их в шею, и они станут мягкими, как рыба без костей, и она может делать с ними все, что угодно. Ты помнишь старого Уфтака? Он пропал, а через несколько дней мы нашли его в углу: он висел вниз головой, был в полном сознании и страшно злился.

Ох, как мы смеялись тогда! Она, наверное, забыла про него. Мы, конечно, не стали его трогать, нельзя ей мешать. Ну, вот и этот пленник скоро очнется. Пожалуй, ему будет немного не по себе, но и только. С ним ничего не случится, во всяком случае пока его не потребуют наверх.

— А что с ним будет дальше — не наша забота! — подхватил Горбаг. — Но уж если забавы не будет, мы хоть расскажем ему кое-что. Он ведь

не бывал наверху, вот и пусть полежит, подумает, что его там ждет. Так будет еще смешнее. Пойдем!

— Никаких забав, говорят тебе! — разозлился Шаграт. — Его нужно беречь, иначе нам всем несдобровать.

— Ладно уж. Но на твоем месте я бы сначала изловил того, большого, что бегает на свободе, а тогда уж посылал сообщение. Вряд ли тебя похвалят, если узнают, что котенка ты поймал, а кота выпустил.

Голоса начали отдаляться, они уходили. Сэм оправился от потрясения. Теперь в нем кипел гнев.

— Я ошибся! — вскрикнул он. — Я так и знал, что ошибусь. А теперь они забрали его, гнусные твари! Никогда не расставаться с Фродо, никогда, никогда — вот мое правильное правило, и сердце мое это знало. Эх, только бы мне поправить эту ошибку! Я должен вернуться к нему. Не знаю как, но должен.

Он снова выхватил меч и заколотил рукояткой по камню. Это было совершенно бесполезно, но меч светился так ярко, что Сэм волей-неволей разглядел преграду. К своему изумлению, он увидел, что камень грубо обтесан в виде двери,

примерно на высоту полутора ростов. Между верхним его краем и сводом оставался широкий промежуток. Наверное, дверь эту поставили, чтобы закрыть туннель от Шелоб. Собрав остаток сил, Сэм подпрыгнул, ухватился за верхний край двери, взобрался на нее и спрыгнул по ту сторону. Он сильно ударился, но тут же вскочил на ноги и с пылающим мечом в руке стремглав кинулся по извилистому, ведущему вверх коридору.

Известие о том, что Фродо жив, вселило в него новую надежду. Он ничего не видел впереди, но, похоже, нагонял обоих орков. Их голоса слышались все ближе.

— Именно так я и сделаю, — сердито говорил Шаграт. — Посажу его в самую верхнюю камеру.

— Почему? — прорычал Горбаг. — Разве мало у тебя подземелий?

— Его нельзя трогать, говорю тебе! — огрызнулся Шаграт. — Это драгоценность. Я и своим-то ребятам не всем доверяю, а уж твоим и подавно. Да и тебе тоже, коль у тебя одни забавы на уме. Будет сидеть там, куда я его посажу и где ты его не достанешь, если не уймешься. На самый верх, понял? Там он целее будет!

«Будет ли? — ухмыльнулся про себя Сэм. — Вы забыли о могучем эльфе, оставшемся на свобо-

де». Он обогнул последний поворот и увидел, что Кольцо, обострив слух, сильно подвело его.

Фигуры обоих орков были далеко впереди. Он видел их на фоне красного отсвета. Коридор поднимался теперь прямо, а в конце его виднелись широко раскрытые двухстворчатые ворота в нижний ярус башни, рог которой они с Фродо видели высоко вверху. Передние орки уже вошли туда со своей ношей. Горбаг и Шаграт тоже подходили.

До Сэма донеслись взрывы хриплого пения, звуки рогов, звон гонга — целая какофония звуков. Горбаг и Шаграт были уже на пороге. Тогда он закричал, размахивая мечом, но в жутком шуме его никто не услышал. Огромные ворота захлопнулись с глухим стуком Лязгнули железные засовы. Ворота были заперты.

Сэм кинулся на них, ударился о тяжелые кованые створы и без чувств упал на землю.

Он был во мраке — снаружи. Фродо был внутри, живой, но в плену.

Здесь кончается вторая часть истории о войне за Кольцо.

Третья часть рассказывает о борьбе Гондора против Тени, о завершении миссии Хранителя и о возвращении Короля.